

КОСМИЧЕСКИЕ ОБОРОТНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОСМИЧЕСКИЕ
ОБОРОТНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОСМИЧЕСКИЕ ОБОРОТНИ

Р.ХАЙНЛАЙН

А.НОРТОН

„АГРА“
„ИНРЕЗЕРВ“
Москва
1992 г

ББК 71.7 США
К71

Космические оборотни: Фантастические романы
/Пер. с англ.— Москва, АГРА-ИНРЕЗЕРВ при участии НПО «Полет», 1992 — 432 с. (фантастический боевик).

Магия, оборотни, борьба с инопланетным разумом... в захватывающих острожюжетных романах знаменитых классиков американской фантастики Роберта Хайнлайна и Эндрю Нортон.

ISBN 5—87994—003—9

- © Художественное оформление, АГРА,
1992 г.
© Обложка, Любешкина Н. В., 1992 г.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПОВЕЛИТЕЛИ

МАРИОНЕТОК

Глава I

Были ли они по-настоящему разумны? Я имею в виду, сами по себе? На это трудно ответить, даже невозможно себе представить, каким образом мы сможем об этом узнать.

Если они не обладали даже ничтожным разумом, то я надеюсь, что не доживу до того времени, когда появится кто-то подобный им, но уже обладающий настоящим разумом. Я знаю, кто тогда останется в проигрыше. Мы! Вы! Так называемое человечество!

Для меня все это началось ранним утром 12 июля 2007 года, когда пронзительно заверещал мой телефон, сверля череп до самых глубин мозга. Подобные телефоны применялись нашим отделом и сильно отличались от стандартных. Звуковой канал хирургическим путем вмонтирован под кожу чуть позади левого уха и прикреплен к кости. Я стал шарить в поисках своего личного знака, затем вспомнил, что оставил его у себя в пиджаке.

— Ладно,— пробурчал я.— Вас слышно. Отключите, наконец, этот чертов грохот.

— Тревога! — закричал голос прямо мне в ухо.— Тревога!

Я ответил то, что положено отвечать в подобных случаях.

— Вас вызывает Старик! — настаивал голос.— Вам необходимо тотчас же явиться к нему.

Это было уже серьезно.

— Трогаюсь! — Я полностью проснулся и встряхнулся так, что глаза чуть не повылезли из орбит. Затем прошел в ванную комнату, впрыснулся в вену немного «Гиро», после чего отдался во власть вибрации, которая, казалось, растряслась все мое тело на отдельные части, однако лекарство тут же собрало их вновь в единое целое. Из ванной я вышел совершенно новым человеком или, во

всяком случае, хорошей его моделью и одел пиджак.

В помещение нашего отдела я прошел через туалет на станции «Мак-Артур». Наших номеров нет в телефонных справочниках. По сути, наша контора вроде вообще не существует. Все это иллюзия. Другой вход ведет через небольшое отверстие в стене чуланчика магазина с вывеской «Редкие марки и монеты». Не вздумайте, однако, воспользоваться этим входом, так же как и первым. Сам не знаю, в какой дыре вы можете мгновенно оказаться.

Так что даже не пытайтесь. Я уже говорил вам, что мы не существуем, не так ли?

Есть одно, чего не может доподлинно знать даже глава государства, а именно: насколько эффективна его разведывательная служба? Это он может узнать лишь после того, как она его подведет. Поэтому-то и существует наш отдел. Как подтяжки и пояс при костюме. Организация Объединенных Наций никогда и ничего о нас не слышала, впрочем, так же как и (это я полагаю) Центральное разведывательное управление. Что я толком знаю о нас самих — это та подготовка, которую я получил, и работа, которую мне поручает Старик. Весьма интересные поручения, если только вам безразлично, где вы спите, что едите и как долго собираетесь прожить. Если бы у меня была хотя бы крупица благородства, я бросил бы все к чертовой матери и нашел бы себе настоящую работу.

Единственное, что смущило бы меня в этом случае, это то, что мне уже не приходилось бы работать на Старика. А это уже совсем другое дело.

Нельзя сказать, что он был приятным боссом, он вполне мог сказать нечто вроде:

— Ребята, вам надо удобрить этот дуб. Прыгайте в дупло у его основания, я вас прикрою.

И мы бы сделали это. Любой из нас.

И Старик похоронил бы нас живьем так же, как если бы считал, что существует не более чем пятидесятипроцентная вероятность того, что нашей плотью будет удобрено Древо Свободы.

Когда я вошел в его кабинет, он встал и, ковыляя, направился ко мне. На лице его играла кривая усмешка. У него был лысый череп и огромный римский нос, благодаря чему он походил на помесь Сатаны и Петрушки.

— А вот и ты, Сэм. Привет,— поздоровался он.— Извини, что пришлось поднять тебя с постели. Мне очень жаль.

«Так уж и жаль, черт лысый!»

— Я был в отпуске,— ответил я кратко.

— Да, да, и продолжаешь в нем быть. Мы отправляемся в отпуск вместе.

У меня не было доверия к его «отпускам», поэтому я не купился на эту приманку.

— Значит, меня зовут теперь «Сэм».— Я нисколько не удивился.— А какова фамилия?

— Каванах. А я твой дядюшка Чарли — Чарльз М. Каванах, пенсионер. А это твоя сестра Мэри.

Только теперь я заметил, что в комнате еще кто-то был. В присутствии Старика все внимание приковывается к нему, причем столько времени, сколько он пожелает. Теперь же я вынужден был рассмотреть свою «сестру». Она вполне заслуживала того, чтобы как следует ее разглядеть.

Я понял, почему он решил нас сделать братом и сестрой — нам, вероятно, предстояло работать вместе. Это во многом развязывало ему руки. Агент, которому сделано внушение, не в состоянии переступить за рамки навязанного ему образа, точно так же, как актер-профессионал не может преднамеренно спутать свою роль в давно играемом спектакле. Значит, я должен относиться к ней, как к своей сестре,— с такой грязной уловкой мне еще не приходилось сталкиваться!

Стройное, подтянутое тело, но тем не менее очень женственное. Красивые ноги, чуть широковатые для женщины плечи. Прямо-таки пылающие волнистые рыжие волосы. Лицо не столько красивое, сколько приятное. Она смотрела на меня так, будто я был куском говядины.

У меня зачесался язык отпустить что-нибудь солененькое. Видно, я себя чем-то выдал, так как Старик успокаивающе произнес:

— Прошу тебя, Сэмми, успокойся. Твоя сестра безумно тебя любит, да и ты ее обожаешь, но, разумеется, как и положено стопроцентному американцу, чисто и платонически, по-рыцарски.

— И никак иначе? — спросил я, все еще разглядывая свою «сестру».

— Никак!

— Вот и хорошо. Как дела, сестренка? Рад тебя видеть.

Она усмехнулась и протянула руку. Рука была твердой и казалась такой же сильной, как и моя.

— Здравствуй, дружок.— У нее было глубокое контральто, и больше мне ничего не было нужно. Чертов Стариk!

— Мог бы добавить,— продолжал босс,— что ты настолько предан своей сестре, что готов с радостью умереть, чтобы защитить ее. Мне неприятно говорить это тебе, Сэмми, но ты должен знать, что твоя сестра чуток ценнее, во всяком случае сейчас, для нашей организации, чем ты.

— Усек,— кивнул я.— Спасибо за столь важную информацию.

— Теперь же, Сэмми...

— Она моя любимая сестра. Я защищаю ее от собак и незнакомцев. О'кей! Когда начинаем?

— Первый привал в секции косметики. Там для тебя приготовлено новое лицо.

— Хорошо, что не новая голова. До скорого! Адью, сестренка!

В секции косметики моим волосам придали тот же цвет, что и у вновь обретенной сестры, отбелили кожу и что-то сделали с моими скулами и подбородком. Теперь из зеркала на меня смотрело такое же рыжее лицо, как и у сестренки Мэри. Я пригляделся к волосам и попытался припомнить, каков же был их естественный цвет, не помню только сколько времени тому назад. Затем мне в голову стукнуло — была ли моя «сестра» на самом деле такой, как сейчас? Было бы неплохо, если бы это было так.

Я бросил через плечо сумку, которую мне дали, и кто-то вручил мне дорожный рюкзак, заранее упакованный. Стариk, очевидно, тоже прошел через секцию косметики. Теперь его череп покрывали жесткие курчавые волосы цвета где-то посередине между каштановым и белым. С его лицом тоже что-то сделали — что именно, точно не могу сказать, но теперь мы все трое явно были близкими родственниками, принадлежа все к странной подрасе рыжих.

— Идем, Сэмми,— сказал Стариk и взял меня под руку.— Я проведу инструктаж в машине.

Мы выбрались наверх через неизвестный мне ход, который привел нас к взлетной площадке «Нортсайд», высоко возвышающейся над Бруклином.

Я сидел за рулем, пока Стариk говорил. Как только мы покинули зону местного управления, он велел мне включить автопилот на Де-Мэйн, штат Айова. Затем я

присоединился к «сестричке Мэри» и «дядюшке Чарли». Старик рассказал нам наши биографии вплоть до сего-дняшнего дня.

— И вот мы здесь,— произнес он в заключение,— веселые члены семейства, проводящие отпуск в качестве туристов. Учтите, что если нам придется столкнуться с чем-то необычным, то и вести себя мы должны надлежащим образом — как шумные и безответственные туристы.

— А в чем все-таки загвоздка? — спросил я.— Или на сей раз мы будем полагаться всецело на импровизацию?

— Гм-м-м... Возможно.

— Ладно. Но если предстоит погибнуть, то неплохо бы все-таки узнать — почему! Не так ли, Мэри?

Мэри ничего не ответила. Ей было присуще свойство, очень редкое для детей и женщин,— ничего не говорить, когда сказать нечего. Старик внимательно посмотрел на меня и, немного выждав, сказал:

— Сэм, ты что-нибудь слышал о летающих блюдцах?

— Что?

— Ты же изучал историю, вспомни.

— Вы имеете в виду то давнишнее помешательство на летающих тарелках? Я подумал было, что речь идет о чем-то недавнем и реальном. Тогда же это было массовой галлюцинацией, не так ли?

— Почему ты так считаешь?

— Конечно, я не слишком усердно занимался статистикой психологических отклонений, но похоже, что вся эта эпоха была эпохой массовой психопатии. Слишком туго были закручены гайки, державшие каждого человека в строго ограниченных рамках.

— В наши дни господствует благоразумие, так?

— Пока что я не в состоянии смело утверждать подобное.— Я пошарил в своей памяти и нашел нужный мне ответ.— По оценке Дигби, вероятность того, что миф о летающих тарелках, после исключения объяснимых случаев, был массовой галлюцинацией, составляет 93,7%. Я запомнил эту цифру, потому что это первый в своем роде случай, когда была произведена полная систематическая проверка и оценка. Проект был правительственным, хотя одному богу известно, почему.

Взгляд Старика стал милостивым.

— Поздравь себя, Сэмми. Мы намерены осмотреть летающее блюдце уже сегодня. Возможно, даже отпилим себе на память сувенир, как истинные туристы.

Г л а в а 2

— Семнадцать часов... — Стариk взглянул на часы на среднем пальце и добавил: — ...и двадцать три минуты тому назад неопознанный космический корабль совершил посадку невдалеке от Гриннела в штате Айова. Корабль неизвестной модели. Форма примерно дисковидная, в диаметре около сорока пяти метров. Неизвестного происхождения, но...

— Разве его траектория не была прослежена? — перебил я его.

— Нет, — ответил он. — Вот фотография, сделанная после посадки космической станцией «Бетта».

Я осмотрел ее и передал Мэри. Что можно требовать от телевизионного снимка, сделанного с высоты 3000 километров? Деревья выглядят словно мох... большую часть исследуемого района прикрывала тень от облака... серый круг мог с одинаковым успехом быть как дисковидным космическим аппаратом, так и баком для нефти или резервуаром для воды.

— Похоже на шатер посреди палаточного городка. Что еще нам известно?

— Ничего.

— Ничего? Через семнадцать часов после посадки? Агенты должны были бы на ушах стоять ради информации!

— Они и стояли. Двое, оказавшихся неподалеку, и четверо, посланных на подкрепление. Ни одному из них не удалось вернуться с докладом. А ты знаешь, Сэмми, что я теперь не могу терять агентов, особенно безрезультатно.

Внезапно меня охватила холодная дрожь. Я понял, что положение должно быть настолько серьезно, что Стариk предпочел рискнуть своей собственной головой, чтобы не потерять всю организацию, ибо он был средоточием нашего отдела. Обычно агент должен сам спасать свою собственную шкуру, чтобы выполнить задание и доложить о полученных результатах. На этот раз сам Стариk — вот кто должен был вернуться. После него — Мэри. Я же был разменной монетой, меня можно было пустить в расход, как скрепку для бумаг. А мне это было не по душе.

— Один из агентов сделал частичный доклад, — продолжал Стариk. — Он оказался там как случайный свидетель и сообщил по телефону, что это, должно быть, космический корабль. Затем он сказал, что корабль открывается

и что он намерен подобраться поближе, проникнув сквозь полицейский кордон. Последними его словами, которые он произнес, были: «Вот они появились. Крохотные существа, размером примерно...» И больше ничего.

— Маленькие люди?

— Он сказал «существа».

— А какие сообщения с периферии?

— Их множество. Стереотрансляторы в Де-Мэйне выслали передвижные установки для репортажа с места событий. Все, что они передали, это кадры, сделанные на большом расстоянии с воздуха. На них ничего не видно, кроме предмета в форме диска. Затем, в течение примерно двух часов, полное отсутствие изображения и звука, после чего последовали крупные планы местности и всякие домыслы.

Старик замолчал.

— Так в чем же дело? — спросил я.

— Все это розыгрыш. «Космический корабль» оказался макетом из листового металла и пластика, сооруженным двумя деревенскими мальчишками в лесу, поблизости от их дома. Поддельные сообщения исходили от диктора, который подбил мальчишку на это. Он был тотчас же уволен с работы, и последнее «нашествие из космоса» оказалось шуткой.

Я прищурился.

— Значит, это мистификация?.. Однако мы все же потеряли на этом несколько человек. Возникает резонный вопрос — почему? Мы что, собираемся разыскивать их?

— Нет. Думаю, что мы их не сможем отыскать. Мы намерены выяснить, почему триангуляция этой фотографии, — он поднял снимок, сделанный с космической станции, — не совсем соответствует тому, о чем сообщалось в «Новостях». И почему стереостанция в Де-Мэйне некоторое время не работала.

Мэри впервые за все время подала голос:

— Мне хотелось бы поговорить с этими деревенскими ребятами.

Я обехал Гриннел на расстоянии пяти миль, и мы начали искать ферму Мак-Лейна — в последних известиях в качестве виновников упоминались Винсент и Джордж Мак-Лейны.

Найти ее было нетрудно. На развилке дороги большой плакат гласил:

К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ ЕХАТЬ СЮДА!

Вскоре мы увидели, что по обеим сторонам здесь стоят наземные машины, вертолеты и даже экипажи, которые способны передвигаться не только по сухе и над нею, но и под водой. У поворота к ферме Мак-Лейнов с нескольких лотков продавались прохладительные напитки и сувениры. Движение регулировал один из сотрудников полиции штата Айова.

— Остановитесь,— распорядился Старик.— Посмотрим, что здесь за веселье.

— Хорошо, дядя Чарли.

Старик вприпрыжку пустился вперед, размахивая тростью. Я протянул руку Мэри. Она прижалась ко мне. Затем подняла на меня глаза, стараясь придать своему лицу томный и глупый вид.

— О, дружок, да ты очень силен.

Мне захотелось отшлепать ее. Такое притворство — слабая и беззащитная — у одного из агентов Старика. Улыбка тигра.

«Дядюшка Чарли» стал суетиться. Он то досаждал полицейским, то хватал за пуговицы прохожих. Он остановился у лотка купить сигареты и стал о чем-то спрашивать продавца, во всем пытаясь изображать состоятельного, но выжившего из ума старишку, отправившегося побездельничать по дорогам Америки. Он обернулся и помахал рукой с сигаретой в сторону сержанта.

— Инспектор говорит, что это подделка, дорогие мои,— мальчишеская выходка. Поедем дальше?

У Мэри на лице возникло разочарование.

— Значит, нет никакого космического корабля?

— Если вам так угодно называть это, то здесь все же есть космический корабль,— усмехнулся полицейский.

Мы отправились дальше, через луг, к небольшой рощице. Чтобы пройти через калитку, нужно было заплатить доллар, и поэтому многие поворачивали назад. Толпа стояла в стороне, и тропа между деревьев была почти безлюдна. Я продвигался осторожно, жалея, что у меня на затылке не глаза, а телефон. Дядя Чарли и сестренка шли впереди. Мэри болтала без умолку как дурочка и каким-то образом умудрялась выглядеть ниже ростом и моложе, чем в начале нашей поездки. Выйдя на поляну, мы увидели «космический корабль».

Он был более чем тридцать метров в поперечнике и изготовлен из низкосортного проката и листового пластика, поверх которого был напылен алюминий. Он имел форму двух десертных тарелок, приставленных друг к другу лицевыми поверхностями. Кроме этого он ничего особенного из себя не представлял. Тем не менее Мэри звонкнула:

— О, как это захватывающе!

Из люка в верхней части этого чудовищного сооружения высунулась голова молодого парня восемнадцати-девятнадцати лет с загорелым прыщеватым лицом.

— Хотите заглянуть вовнутрь? — позвал парень, добавив тут же, что это обойдется каждому из нас еще по пятьдесят центов.

Дядюшка Чарли тут же раскошелился.

Мэри в нерешительности остановилась возле люка. К прыщеватому молодцу присоединилось еще одно лицо, которое оказалось точной копией первого. Вытянув руки, они предложили Мэри помочь взобраться вовнутрь. Она отпрянула, и я быстро подскочил к ней, намереваясь помочь ей сам. Причина такого поведения с моей стороны была на 95% профессиональной — я ощущал опасность, таявшуюся здесь.

— Там темно,— жалобным голосом произнесла Мэри.

— И совершенно безопасно, миссис,— засмеялся второй парнишка.— Мы сегодня целый день принимаем посетителей. Кстати, меня зовут Винс Мак-Лайн. Заходите же, леди!

Дядя Чарльз заглянул в люк, как осторожная кошечка.

— Там могут быть змеи,— решил он.— Мэри, я не думаю, что тебе стоит туда спускаться.

— Вам нечего бояться,— настаивал первый из Мак-Лайнов.— Поверьте, что это абсолютно безопасное место.

— Нет. Береженого бог бережет.— Дядюшка посмотрел на часы.— О, мы уже опаздываем. Идемте же, мои дорогие.

Я последовал за ним по тропе, готовый в любую минуту броситься в бой.

Мы вернулись к машине. Как только она тронулась, Старик отрывисто бросил:

— Ну, что вы заметили?

— Есть какие-либо сомнения в том, первом, сообщении? В том, которое оборвалось? — поинтересовался я.

— Никаких.

— Эта штуковина не могла одурачить нашего агента, даже в темноте. Это не тот корабль, который он видел.

— Конечно же, нет! Что еще?

— Сколько, как вы думаете, может стоить эта фальшивка? Новый листовой металл, свежая краска и, исходя из того, что я увидел, глядя в люк, наверное, добрых два десятка кубометров досок для поддержки.

— Продолжай.

— Что ж, эта ферма Мак-Лейнов давно заложена и перезаложена. Поэтому эти мальчишки не смогли бы получить в долг даже одну дощечку.

— Хорошо. А что ты скажешь, Мэри?

— Дядя Чарли, разве вы не заметили, как они пытались обойтись со мной?

— Кто? — резко спросил я.

— Сержант или эти двое подростков. Когда я пыталась изображать из себя девушку, привыкшую к тому, что за ней ухаживают, то что-то должно было измениться в их поведении. Однако ничего не произошло!

— Но ведь они были как бы «все внимание», — возразил я.

— Ты не понимаешь этого, но я — чувствую! Чувствую всегда! Здесь же что-то было не так. Они были... как бы внутри холодными. Как евнухи. Понимаете, что я имею в виду?

— Гипноз? — спросил я Старика.

— Может быть. Или наркотики, — пожал плечами Старик.

— Сэмми, на следующей развилке поверни налево, — через мгновение приказал он. — Нам нужно обследовать один пункт в двух милях к югу отсюда.

— Местоположение, определенное триангуляцией на фотографии?

— А что же еще?

Но туда мы не попали. Один из мостиков по дороге обвалился, и у меня не было достаточно места, чтобы машина могла совершить прыжок, не говоря уже о том, что в соответствии с дорожными правилами при наземном передвижении таким машинам, как наш аппарат, способным к перелетам, не разрешалось подниматься в воздух. Мы сделали крюк к югу, но затем все же опять вышли на ту же дорогу. Через несколько минут нас остановил дорожный инспектор. Лесной пожар — объяс-

нил он. Если мы поедем дальше, то попадем в зону, где с огнем борются пожарные. А поскольку людей не хватает, то он просто обязан послать меня к ним на помощь.

Мэри вздернула ресницы, и он смягчился. Она тут же плаксивым голосом начала жаловаться ему, что ни дядюшка, ни она не умеют водить такую сложную машину. Солгав дважды, она даже глазом не моргнула.

Как только мы отъехали, я спросил у нее:

— А как этот?

— Что, как этот?

— Тоже будто евнух?

— О, нет, никаких. Очень приятный мужчина.

Этот ответ вызвал у меня досаду.

Старик запретил подъем в воздух и перелет через реку. Он сказал, что это бесполезно. Мы направились в Де-Майн. Вместо того чтобы припарковаться на платной стоянке не заезжая в город, мы уплатили пошлину, въехали в город и завершили свой путь у стереостанции Де-Мэйна. «Дядюшка Чарли» прорвался сквозь все кордоны прямо к директору. Он несколько раз солгал — или, вероятно, «Чарльз М. Кавана» на самом деле был влиятельной особой в системе Федеральной Связи.

Уже находясь в кабинете директора, он продолжал разыгрывать из себя крупного босса.

— Теперь, сэр, что это за чушь о фальшивом космическом корабле? Говорите честно, сэр! Ваша лицензия может зависеть от вашего ответа!

Директор был невысоким мужчиной с круглыми плечами, однако он совсем не казался испуганным. Скорее, он был просто раздосадован.

— Мы, как полагается, все полностью объяснили, — произнес он. — Мы стали жертвой розыгрыша. Виновник получил по заслугам. Еще вчера он уволен с работы.

— Вряд ли такой ответ может оказаться удовлетворительным, сэр! — загремел Чарльз М. Кавана.

Коротышка-директор — фамилия его была Барнес — пожал плечами.

— А что, вы ожидали иного? Мы что, должны были подвесить его за запястья?

Дядя Чарли сделал жест сигарой в его сторону.

— Предупреждаю вас, сэр. Со мной шутки плохи. Я не верю в то, что два деревенских увальня и один младший диктор могли провернуть всю эту нелегкую затею.

Она требовала немало денег, сэр. Да, денег! А теперь скажите мне, сэр, что вы...

Мэри сидела совсем рядом со столом Барнеса. Она сделала что-то со своей одеждой, что-то такое, что живо напомнило мне картину Гойи «Обнаженная маха». Так вот, Мэри подала какой-то знак Старику, опустив для этого большой палец вниз.

Барнес не должен был заметить этого. Все его внимание, казалось, было сосредоточено на Старице. И все же он его заметил. Повернувшись к Мэри, он внимательно посмотрел на нее. Лицо его стало мертвенно-бледным. Рука потянулась к одному из ящиков стола.

— Сэм, убей его! — взорвался Старик.

Я прожег ему ноги, и туловище директора безвольно упало на пол. Это был крайне неудачный выстрел. Я намеревался спалить ему живот.

Я сделал шаг вперед и ногой отшвырнул пистолет из все еще сжимавших его пальцев. Я уже собирался совершить «акт милосердия» — человек, обожженный таким образом, по сути дела уже мертвый, но чтобы умереть, требуется еще немало времени — однако Старик резко произнес:

— Не прикасайся к нему! Мэри, отойди в сторону!

Двигаясь боком, он подошел к телу, как кот, который обследует нечто неизвестное. Барнес испустил длинный вздох и затих. Старик осторожно ткнул его тростью.

— Босс,— сказал я.— Пора сматываться, не так ли?

Даже не удосужившись осмотреться, он ответил:

— Мы здесь в такой же безопасности, как и в любом другом месте. Это здание, возможно, кишит ими.

— Кем оно кишит?

— Откуда я знаю. Кишит тем, чем является он.— Старик показал на тело Барнеса.— И именно это я намерен выяснить.

Мэри издала сдавленный крик, будто поперхнувшись:

— Смотрите, он еще дышит!

Тело лежало лицом вниз. Спина под пиджаком ритмично вздымалась, как грудь при дыхании. Старик ткнул тростью в спину.

— Сэм, подойди-ка сюда.

Я повиновался.

— Сними с него пиджак,— велел он.— Только надень перчатки. И будь осторожен.

— Возможен подвох?

— Заткнись! Я же сказал, остерегайся!

У него, должно быть, было предчувствие, которое оказалось недалеко от истины. Мне кажется, что в мозгу Старика есть встроенный компьютер, который со всей логической необходимостью приходит к правильному заключению таким же образом, как палеонтолог реконструирует вымершее животное, исходя из одной кости.

Одев перчатки, я начал осторожно переворачивать труп, чтобы раздеть его. Спина продолжала подниматься и опускаться. И это мне очень не нравилось — это было противоестественно. Я прижал ладонь к лопаткам.

Спина человека состоит из костей и мышц. Здесь же она была мягкой и волнистой. Я тут же отдернул руку.

Не проронив ни слова, Мэри передала мне ножницы со стола Барнеса. Я взял их и разрезал пиджак директора. Под пиджаком на теле был еще тонкий свитер. Между ним и телом, от затылка до половины спины, было нечто, не бывшее человеческой плотью. Толщиной в несколько дюймов, оно придавало трупу несколько сгорбившийся вид.

И оно пульсировало.

Пока мы смотрели на него, оно медленно соскользнуло со спины в противоположную от нас сторону. Я вытянул руку, чтобы задрать свитер, но Старик резким ударом трости отвел мою руку. Затем он просунул трость под свитер и, закатав его, оголил туловище.

Мы увидели нечто серое, немного прозрачное, испещренное темным узором непонятной нам структуры, бесформенное, но оно вне всякого сомнения было живым. Пока мы наблюдали за ним, оно скатилось в углубление между грудью и плечом, заполнило его и осталось там, будучи не в состоянии двигаться дальше.

— Бедняга,— тихо произнес Старик.

— Что? Вот это?

— Нет... Барнес. Напомни мне, чтобы его посмертно наградили «Пурпурным Сердцем» после всего этого. Если, конечно, мы благополучно выберемся из этой передряги.— Старик выпрямился и заковылял по комнате, будто полностью забыв о штуковине, покоящейся возле плеча Барнеса.

Я встал немного поодаль и продолжал смотреть на нее с пистолетом наготове. Она не могла быстро передвигаться, в этом не было никакого сомнения. По всей вероятности, она не могла и летать. Но я ничего не знал о том, что

она еще может и что не может делать. Подошла Мэри и прижалась своим плечом ко мне, как бы испытывая необходимость в чисто дружеской поддержке. Свободной рукой я обнял ее.

На приставном столике была навалена груда коробок вроде тех, в которых хранят стереофильмы. Старик взял одну из них, вытряс из нее бобины и забрал их с собой.

— Похоже, что это подойдет.

Он поставил коробку на пол поближе к этому мерзкому существу и стал подгонять его палкой, пытаясь настолько раздразнить его, чтобы оно впопыхах ворвалось в коробку.

Вместо этого эта тварь медленно, то сжимаясь, то разбухая, словно комок слизи, попятилась назад, почти целиком забираясь под труп. Тварь пыталась скрыться, но я схватил бывшего директора за руку и оттащил тело в сторону. Тварь попыталась прицепиться к нему, но тут же плюхнулась на пол. Следуя инструкциям любимого дядюшки Чарли, я и Мэри воспользовались своими лучевыми пистолетами в режиме минимальной мощности, чтобы заставить существо забраться в коробку, выжигая пол вокруг него. В конце концов, нам удалось это сделать, и я захлопнул коробку.

Старик сунул ее под мышку.

— По коням, мои дорогие!

Выходя из комнаты, он на мгновение задержался у двери, затем, прикрыв ее тростью, остановился у стола секретарши Барнеса:

— Я загляну к мистеру Барнесу завтра,— сказал он ей.— Нет, записывать не надо. Я еще позвоню.

Мы не спеша вышли на улицу: Старик с банкой под мышкой, я — навострив уши, чтобы ничто не застало нас врасплох, и Мэри, которая изображала милую дурочку, не переставая перебрасываться банальными фразами. Старик задержался в вестибюле, купил сигару и даже начал расспрашивать продавца, как пройти к самому большому универсальному магазину.

Как только мы уселись в машину, он отдал распоряжение, особенно предостерегая меня от быстрой езды.

Приехав в гараж, Старик послал за управляющим и сказал:

— Мистеру Мэлоуну необходима эта машина.— Он немного помолчал, а потом добавил: — Немедленно.

Это была условная фраза, которая служила паролем. Мне уже приходилось слышать ее раньше. Через двадцать

минут машина исчезнет, останутся только запчасти без заводских номеров.

Управляющий внимательно оглядел нас, а потом тихо произнес:

— Вот в эту дверь, пожалуйста.

Он отослал двух работающих возле нас механиков в соседнее помещение, и мы проскользнули в дверь.

Наша вылазка завершилась в квартире пожилой супружеской пары. Здесь мы стали брюнетами, а Старик снова обрел свой лысый череп. У меня появились усы, а Мэри как брюнетка выглядела более эффектно, чем тогда, когда была рыжей. Мы уже не были Каванахами. Мэри получила одежду медсестры, я стал шофером, а Старик — служителем-инвалидом, маленьkim и ворчливым.

Нас ожидала машина. Дорога назад прошла для нас без каких-либо осложнений. Мы вполне могли бы оставаться рыжими Каванахами. Экран телевизора был настроен на Де-Майн, однако, судя по всему, даже если полиция и обнаружила труп Барнеса, то телевизионщики ничего об этом не сообщали.

Мы направились прямо в кабинет Старика и только тогда вскрыли коробку. Старик послал за мистером Грейвсом, заведующим биологической лабораторией нашего отдела, и соответствующими инструментами для вскрытия.

Однако прежде всего нам потребовались не специинструменты, а противогазы. Вонь разлагающейся органики заполнила кабинет, вынудив нас захлопнуть крышку коробки и как можно быстрее включить вентиляцию.

Вошедший Грейвс сморщил нос:

— Что за пакость? — недовольно спросил он.

Старик тихо выругался.

— Вот вы-то и должны это выяснить, — сказал он. — Вам надо работать в спецкостюме и в стерильном помещении, где гарантировано отсутствие микроорганизмов. Но ни в коем случае не считайте, что эта мерзость мертва.

— Если она жива, то я — королева Анна!

— Может быть, так оно и есть, только не подвергайте себя риску. Это паразит, способный прикрепиться к «хозяину», например человеку, и подчинить его своей воле. Он безусловно внеземного происхождения и обладает совершенно чуждым метаболизмом.

Биолог фыркнул:

— Внеземной паразит на земном «хозяине»? Любопытно. А как же химическая несовместимость?

— Черт побери все ваши теории! — закричал Старики. — Когда мы изловили это, оно жило на человеке. Если это означает, что оно должно быть организмом земного происхождения, то покажите мне, куда его приткнуть в существующие классификации и где искать его сородичей? Надо перестать делать скоропалительные выводы! Мне сейчас нужны только факты! Слышите?!

Биолог снова фыркнул:

— Вы их получите.

— Вот и хорошо. И не упорствуйте в глупом допущении, что эта тварь мертва. Этот запах может быть защитным оружием. Эта тварь, если она жива, фантастически опасна. Если она вырвется на свободу и овладеет кем-нибудь из персонала, то я со всей определенностью буду вынужден убить этого человека.

Когда заведующий лабораторией выходил от нас, зносчивости его здорово поубавилось.

Старики занял свое место в кресле, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Минут через пять он их открыл и сказал:

— Сколько горчичников размером с эту тварь могут прибыть на космическом корабле такого размера, как мы осмотрели?!

— А там был космический корабль? — спросил я. — Свидетельства весьма скучные.

— Скудные, но абсолютно неопровергимые. Корабль был. И существует сейчас!

— Нам следовало бы прочесать всю округу.

— Это было бы нашим последним шагом. Другие шесть ребят олухами не были. А сейчас отвечайте на мои вопросы!

— Размеры космического корабля ничего не могут нам сказать о полезной площади и его возможной загрузке, поскольку нам неизвестен его привод, расстояние, которое он пролетел, не говоря уже о том, какое жизнеобеспечение необходимо его пассажирам. Можно предположить, что их там несколько сотен, может быть, даже несколько тысяч.

— Гм-м-м... Пожалуй. Значит, на сегодня мы имеем в Айове несколько тысяч зомби. Или несколько тысяч евнухов, как изложила это Мэри. — Он на мгновение задумался. — Но каким образом мы можем пробиться к их гарему?

Мы ведь не можем перестрелять всех жителей штата? Или всех тех, у кого округлые плечи. Начнутся всякие пересуды.— Тут он криво улыбнулся.

— Я сформулировал другой вопрос,— сказал я.— Если один корабль приземлился вчера в Айове, то сколько их приземлится в Северной Америке завтра? Или в Бразилии?

— Так...— Лицо Старика выражало еще большую озабоченность.— Вы, ребята, наслаждайтесь жизнью, пока еще можно. Другого шанса, пожалуй, у вас больше не будет.

Я вернулся в секцию косметики. Мое коже был возвращен естественный цвет, мне вернули мою обычную внешность, после чего я пошел в комнату отдыха, чтобы выпить и поболтать в компании. Я оглянулся, не зная кого мне искать — блондинку, брюнетку или рыжую, хотя и был уверен, что мог бы опознать ее по фигуре.

Она была рыжеволосой. Мэри сидела в одной из кабинок, смахивая коктейль, и выглядела точно так же, как и при первой нашей встрече.

— Привет, сестричка,— сказал я, присаживаясь рядом.
Она улыбнулась.

— Хэлло, дружочек.— И подвинулась, позволяя мне устроиться поближе.

Я набрал на панели заказа виски с содовой и понтересовался:

— Это твоя натуральная внешность?

Она покачала головой.

— Не совсем. У меня волосы, как у зебры, и две головы. А у тебя?

— Моя матушка примяла мою фотографию подушкой, поэтому у меня нет возможности узнать, что должно было быть на самом деле.

Она еще раз внимательно оглядела меня с ног до головы, будто я был говяжьей тушей, и только после этого сказала:

— Я вполне могу ее понять, но я посурее, чем она. Ты это, дружочек, заслужил.

— Спасибо. Только давай бросим эти братские шуры-муры. Они вяжут меня по рукам и ногам.

— Гм-м-м... Мне кажется, что это как раз то, что тебе сейчас нужно.

— Серьезно? Учи, что я никогда не даю воли рукам. Я по натуре тихоня.— Здесь я мог бы добавить, что если бы я дал волю рукам, а ей бы это не понравилось,

то у меня остались бы только окровавленные обрубки.
Детишкам Старика палец в рот не клади.

Она улыбнулась.

— Вот и хорошо. Вот и будь пай-мальчиком, во всяком случае сегодня.— Она поставила на столик свою рюмку.— Чего не пьешь? Потом закажешь еще.

Вот так мы и сидели, ощущая тепло и уют. При нашей профессии таких часов немного, поэтому мы особенно смакуем, когда удается их выкроить. И пока мы так сидели, я почему-то задумался над тем, насколько неплохо гляделась бы она у домашнего очага. При такой работе, которая мне выпала, я до сих пор никогда всерьез не задумывался над тем, чтобы жениться. И к тому же она была девушка как девушка, не хуже и не лучше других. К чему бы так волноваться? Но Мэри и сама была агентом и, глядя на нее, я понял, насколько одинок я был все это долгое время.

— Мэри?

— Да?

— Ты замужем?

— Что? Почему ты это спрашиваешь? Если говорить правду, то нет. Только какое дело... Я имею в виду, разве это имеет значение?

— Э-э-э... Имеет,— упорствовал я.

Она покачала головой.

— Я серьезно,— продолжал я.— Взгляни-ка на меня. Руки, ноги при мне, я очень молод, чтобы запачкаться, так что грязи ко мне не прилипло. Не всякий может этим похвастаться.

Она засмеялась, но это был дружеский смех.

— Агентам нельзя жениться.

— Агентам нельзя вступать в брак ни с кем иным, кроме других агентов.

Она хотела было что-то еще возразить, но вдруг замерла. Над моим ухом раздался голос Старика, и я понял, что и она слышит то же самое, что и я.

— Зайди-ка ко мне в кабинет.

Мы молча поднялись. Мэри остановила меня у двери и посмотрела прямо в глаза.

— Вот почему глупо говорить о браке. Нам еще нужно закончить это дело. И все время, пока мы разговаривали, ты думал об этой работе, не так? И я о ней думала, к слову.

— Я вовсе не думал...

— Не играй со мной! Сэм, предположим, ты все же женился и вот однажды проснувшись, обнаруживаешь одну из этих пакостей на плечах своей жены.— В глазах ее промелькнул истинный ужас.— Предположим, я обнаруживаю это на твоих плечах...

— И все же я готов рискнуть. Думаю, что мне удалось бы предотвратить подобное.

Она осторожно дотронулась до моей щеки.

— Я не верю, что ты готов рискнуть.

Мы вошли в кабинет Старика.

— Собирайтесь,— сказал он, глядя на нас.— Мы отываем.

— Куда? Или спрашивать запрещается?

— В Белый дом. К президенту. И больше ни слова! Я заткнулся.

Г л а в а 3

При возникновении лесного пожара или эпидемии имеется небольшой промежуток времени, в течение которого даже минимум верных действий приводит к погашению вспышки. Все, что необходимо было сделать президенту, было заранее определено Стариком — провозгласить чрезвычайное положение в масштабе всей страны, изолировать местность вокруг Де-Мэйна и отдать приказ стрелять в каждого, кто попытается выскользнуть из определенного района. После этого надо было разрешить людям по одному покидать эту местность, подвергнув их тщательному обследованию, чтобы не позволить паразиту распространиться на новые территории. Одновременно с этим радиолокационные станции, ракетные установки и космические посты должны засекать и уничтожать любые новые десанты.

Нужно предупредить все остальные государства, запросить у них помощи, но при этом четко разъяснить им, что в данном случае речь идет о жизни и смерти всего рода человеческого от внешнего вторжения. И не имеет особого значения, откуда именно произведено вторжение — с Марса, Венеры, со спутников Юпитера или вообще не из Солнечной системы. В любом случае его нужно отразить!

Старик обладал уникальным даром мыслить логически, исходя из необычных фактов, в которые трудно поверить,

с такой же легкостью, как и опираясь на обычный здравый смысл. Действительно, редчайшим, не так ли? Большинство умов застревает в тупике, когда сталкивается с фактами, противоречащими их основным принципам.

Они просто не допускают даже возможности того, во что не в состоянии поверить.

Старик не таков — и президент всегда прислушивается к его мнению.

Секретной службе пришлось здорово попотеть, имея с нами дело. Прожужжал зуммер в рентгеновской установке, и мне пришлось расстаться со своим лучеметом. Мэри оказалась настоящим ходячим арсеналом. Машина четырежды издавала гневное гудение, пока не поперхнулась. Старик отдал свою трость, не дожидаясь, чтобы его об этом попросили.

Наши аудиокапсулы под ухом были обнаружены как рентгеном, так и металлодетектором, но охрана не имела соответствующего оборудования для хирургических операций. Она провела спешное совещание, и глава ее принял решение: все, что вживлено в плоть, нельзя классифицировать как оружие. С нас он снял отпечатки пальцев, сфотографировал узоры на сетчатке, и нас впихнули в зал ожидания. Старика пропустили к президенту почти сразу же, через некоторое время пришла и наша очередь. Старик представил нас, я, запинаясь, подтвердил свое имя. Мэри просто поклонилась. Президент сказал, что он рад видеть нас, и одарил нас хорошо известной по стереотрансляции улыбкой, которая на самом деле заставила нас почувствовать, что он действительно рад нас видеть. Я ощутил, что внутри у меня потеплело, и перестал испытывать смущение.

Старик велел мне доложить обо всем, что я делал, слышал и видел, выполняя это задание. Я попытался уловить хоть малейшее изменение выражения его глаз, когда дошел до того момента, когда пришлось рассказать об убийстве Барнеса, но он и бровью не повел, так что я опустил приказание Старика начать стрелять и дал понять, что открыл огонь только для того, чтобы защитить другого агента, то есть Мэри, когда увидел, что Барнес схватился за пистолет. В этом месте Старик перебил меня:

— Ваш доклад должен быть более полным.

Мне пришлось его дополнить приказом Старика открыть огонь. Президент посмотрел в сторону Старика — это было

единственным внешним проявлением его чувств за все время моего доклада. Затем я изложил все, что касалось паразита, вплоть до самого последнего момента, и больше никто меня не прерывал.

Затем наступила очередь Мэри. Она сбивчиво пыталась объяснить президенту, какой отклик она ожидала встретить в поведении обычных людей — и не обнаружила его у парней Мак-Лейнов, у сержанта полиции и у Барнеса. Президент помогал ей, дружелюбно улыбаясь и поддакивая: «Да, моя юная леди. Я тоже представляю себе это».

Мэри покраснела. Президент серьезно выслушал ее до конца, затем на несколько минут углубился в раздумья. В конце концов, он сказал Старику вот что:

— Эндрю, ваш отдел оказывает нашей стране совершенно неоценимую помощь в самых критических ситуациях.

Старик нахмурился.

— Значит «нет», не так ли?

— Я этого не сказал.

— Но подразумевали.

Президент пожал плечами.

— Я намерен предложить вам, чтобы вы не занимались больше этим делом, Эндрю. Вы — гений, но даже гении делают ошибки.

— Послушайте, Том, я это предвидел. Вот почему я привел свидетелей. Они не находятся ни под наркозом, ни под внушением. Зовите сюда своих психиатров и психологов. Пусть они попытаются опровергнуть эти слова.

Президент покачал головой.

— Я уверен, что в таких делах вы умнее любого из тех, кого я могу пригласить для проверки ваших свидетелей. Возьмем к примеру юношу — он добровольно подверг себя риску навлечь подозрения и обвинение в убийстве ради того, чтобы защитить вас. Вы внушаете полнейшую преданность нам, Эндрю. Что же касается этой юной леди, то Эндрю, в самом деле, разве можно, начиная войну, полагаться на женскую интуицию?

Мэри шагнула вперед.

— Мистер президент,— произнесла она убежденно,— я на самом деле знаю, о чем говорю. Знаю каждый раз. Не могу объяснить, каким образом я это определяю, но я знаю, что эти не были нормальными мужчинами.

— Вы не приняли в расчет очевидное объяснение,— ответил президент,— заключающееся в том, что они на са-

мом деле были, как вы их называете, «евнухами». Извините меня, мисс, но таких несчастных не так уж мало. И по слепой воле теории вероятности вы столкнулись с четырьмя такими в один и тот же день.

Мэри прикусила губу, но Старик не унимался:

— Черт побери, Том.— Я даже вздрогнул. Разве можно так говорить с президентом? — Я знал, что вы еще будучи сенатором принимали не раз участие в различных комиссиях по расследованию и были ключевой фигурой в них, а я помогал вам как мог. Вы знаете, что я ни в коем случае не представил бы на ваше рассмотрение эту сказку, если бы было хоть какое-либо другое объяснение. На счет космического корабля. В отношении того, что в нем было. Почему я так и не сумел пробиться к нему, к тому месту, где он приземлился.

Президент был непреклонен.

— Ох, уж эти факты, Эндрю. И вы, и я имеем прямо-таки пристрастие к фактам. Но у меня есть и другие источники информации, кроме вашего отдела. Возьмем хотя бы этот снимок. Вы обратили на него мое внимание и вице-президента, когда звонили сюда по телефону. На то, что координаты фермы Мак-Лейна, зарегистрированные в геодезическом бюро штата, не совпадают с полученными методом триангуляции координатами объекта на этой фотографии.— Президент поднял глаза.— Однажды я заблудился в тех местах, где вырос. Точно то же могло произойти и с вами, Эндрю.

— Том...

— Да, Эндрю?

— Уж не думаете ли вы поехать туда и лично проверить работу геодезистов штата?

— Разумеется, нет.

— Слава богу. Не то вы бы носили за плечами три фунта пульсирующей мякины. Вот тогда Соединенным Штатам пришлось бы уповать на Господа Бога! Так вот, можете не сомневаться. Пошлите туда землемера, какого-либо другого специалиста, и у всех у них за плечами окажется в конечном итоге эта мерзость. Да, так же как сейчас у начальника полиции Де-Мэйна, у его фараонов, у редакторов, у различного рода менеджеров — в общем у тех людей, кто занимает ключевые посты. Том, я не знаю, с чем мы здесь столкнулись, зато они знают, что мы собой представляем, и они прищемят нервные клетки нашего общественного механизма до того, как до нас дойдет

истинная информация — либо нам подсунут ложную, как это уже произошло с Барнесом. Мистер президент, вы должны немедленно приказать ввести жесточайший карантин всего этого района! Больше не на что надеяться!

— Барнес... — тихо повторил президент.— Эндрю, я хотел пощадить вас, избавить от этого, однако... — Он нажал кнопку у себя на столе.— Свяжите меня со стереотрансляционной станцией в Де-Мэйне. Кабинет управляющего.

Как только экран у него на столе засветился, он включил двухмерную проекцию на противоположной стене. Перед ним было помещение, в котором мы были несколькими часами раньше.

Человек, сидевший за столом, поднял голову и вопросительно уставился на нас. Это был Барнес.

Или его близнец. Когда я убиваю кого-то, то можно ожидать, что он уже не воскреснет. Но здесь было что-то ошеломляющее. Однако я все же продолжал верить в свой лучемет.

— Вы меня спрашивали, мистер президент? — отозвался человек на экране. Он был явно польщен оказанной ему честью.

— Да, мистер Барнес. Вы узнаете этих людей?

— Боюсь, что нет... Разве я...

Старик перебил его.

— Велите ему позвать весь персонал!

Президент насмешливо взглянул на Старика, но выполнил это. Экран заполнили большей частью девушки, среди них я узнал секретаршу, сидевшую в приемной Барнеса. Одна из девушек пискнула:

— О, да ведь это президент!

Никто из них не опознал нас. Что касается меня и Старика, здесь не было ничего удивительного. Однако у Мэри осталась прежняя внешность, и я могу поспорить, что если кто-нибудь из женщин хотя бы мельком увидит такую, как Мэри, это надолго останется у нее в памяти.

Я заметил, что у них была одна общая черта — у всех были округленные плечи.

Президент стал успокаивать нас. Положив руку на плечо Старика, он произнес:

— Серьезно, Эндрю, ничего плохого не случилось и не случится. Мы позаботимся об этом.

Через десять минут мы стояли на ветру на открытой платформе станции «Рок Крик». Стариk казался сгорбившимся и осунувшимся.

— Что будем делать, босс?

— А? Вы двое — ничего. Вы оба свободны, пока вас не вызовут.

— Мне хотелось бы еще раз заглянуть в контору Barnesa.

— Держитесь подальше от Айовы. Это приказ.

— Э-э... Разрешите спросить, что вы собираетесь делать?

— Я отправлюсь во Флориду, где залягу на солнышке и буду ждать, когда мир провалится в тартарары. Если у вас есть хоть немного здравого смысла, то вы поступите точно так же. Времени осталось чертовски мало.

Он расправил плечи и заковылял прочь. Я обернулся, чтобы сказать что-то Мэри, но ее не было. Я стал смотреть вокруг себя, но нигде не было ни единой девушки, хотя бы отдаленно похожей на нее. Я бросился догонять Старика.

— Извините меня, босс. Куда подевалась Мэри?

— Что? Она, конечно, в отпуске. Не беспокой меня, парень.

Я подумал о том, чтобы связаться с нею, но тут же вспомнил, что даже не знаю, как ее зовут на самом деле, не знаю ни кода ее телефона, ни номера ее удостоверения. Я подумал о том, чтобы попытаться выяснить это, описав ее внешность, но тут же понял, что это было глупой затеей. Только в косметической секции знают истинную внешность агента, но там об этом помалкивают. Все, что мне известно, это то, что она дважды являлась рыжей — и это было тем, в соответствии с моим вкусом, «за что боятся мужчины». Попробуй объясни это по телефону!

Вместо этого я подыскал себе комнату для ночлега.

Глава 4

Пробудился я в сумерках иглянул наружу. Столица ночью ожидала. Река широкой петлей огибала мемориал. В ее воду стали добавлять светящиеся вещества.

ва, и вода сверкала изумрудными, бирюзовыми, янтарными оттенками, закрученными в такт ее поворотам. Там и тут ее пересекали лодки, наполненные парами, у которых, без сомнения, на уме были порочные мысли, но им это доставляло наслаждение.

На берегах реки между более старыми зданиями выросли прозрачные купола, которые, светясь огнями, придавали всему городу какой-то сверкающий, волшебный вид.

Я вижу столицу чаще, чем большинство, но никогда об этом слишком не задумывался. Сегодняшней же ночью у меня было какое-то ощущение, будто я вижу это таким в последний раз. И не красота огромного города сперла мне дыхание, а знание того, что повсюду за этими теплыми огоньками люди, живые и каждый по-своему неповторимые, занимающиеся своими, только им нужными делами, предающиеся любви или бранящиеся между собой — это уж кого что больше устраивало, — делающие в общем то, что взбредет им в голову. И ничего абсолютно не опасающиеся.

Я задумался обо всех этих мирных добрых людях — с серым слизняком у каждого под затылком, который держает за ниточки, управляющие руками и ногами, заставляя своим голосом говорить то, что угодно слизню, заставляя идти туда, куда он пожелает.

Я дал себе зарок. Если паразит одержит верх, я умру прежде, чем позволю одной из этих мерзостей оседлать меня. Для агента это будет очень просто — достаточно укусить свой ноготь на большом пальце, или, если случится так, что руки не будут свободны, то существуют и другие способы. Стариk предусмотрел все, что может понадобиться в нашей профессии.

Однако данную ситуацию он упустил, и его можно было понять. Его делом было — так же, как и моим, — оградить от опасности всех этих людей, а не выходить из игры, когда нам становится туга.

Я отвернулся. Сейчас я ничего особого не мог с этим поделать. Я решил, что то, в чем я нуждаюсь, — это общество. В номере имелся обычный почти для каждого крупного отеля каталог «контор поставки сопровождающих лиц» и «ателье с натурщицами». Я стал листать его, затем со злостью захлопнул. Я не нуждался в девке для кутежа. Мне нужна была одна определенная девушка — та, которая с равным умением могла стрелять и жать руку. А я не знал, куда она запропастилась.

У меня всегда при себе тюбик с таблетками, позволяющими временно отключиться, поскольку никогда не знаешь заранее, в какой момент тебе может стать особенно тяжело. Несмотря на устрашающую пропаганду, эти таблетки, в отличие от ташиша, не вызывали пагубного пристрастия к ним.

Тем не менее какой-нибудь чистоплюй мог бы сказать, что у меня выработалась к ним привычка, так как время от времени я принимал их, чтобы растянуть в своем сознании двадцатичетырехчасовое удовольствие на добрую неделю. Мне нравилось состояние некоторой эйфории, которое вызывают эти таблетки. На самом же деле они просто растягивают субъективное время раз в десять — расщепляют время на отдельные яркие отрезки, так что кажется, что живешь дольше за то же самое календарное время. Разумеется, я знал об ужасных случаях с людьми, умиравшими от старости в течение месяца из-за постоянного употребления этих таблеток, но я принимаю их по одной и достаточно редко.

Может быть, эти люди были правы? Они прожили долгую и счастливую жизнь — можно не сомневаться в том, что она была счастливой — и умерли счастливой смертью. И разве имеет какое-либо значение, что за это время солнце взошло лишь тридцать раз? Кто ведет отсчет и каковы его правила?

Я вынул две таблетки и взял стакан с водой. Затем положил их на место в тюбик, взял лучемет и переговорное устройство. Я не имел никакого морального права оттягивать для себя то, что ждало весь мир уже сейчас. Закрыв за собой дверь гостиничного номера, я решительно направился в библиотеку конгресса.

По дороге я остановился в баре и взглянул на экран последних новостей. Из Айовы ничего не было слышно, но разве было когда-нибудь время, чтобы Айове случилось что-нибудь вообще?

В библиотеке конгресса я зашел в каталог и, одев наглазники, стал сканировать библиографические материалы. «Летающие блюдца» привели к «Летающим дискам», затем к «Проекту «Тарелка», затем к «Огням в небе», «Огненным шарам», «Теории космического засева жизни на Земле» и еще двум десяткам тупиков, или жанров литературы для чокнутых.

Тем не менее через час у меня в руках была пачка перфорированных карточек, которые я вручил жрице-девственнице за столом дежурного оператора и стал ждать,

пока она накормит ими приемное устройство. Через некоторое время она сказала:

— Большинство из затребованных вами микрофильмов заняты. Остальные будут доставлены в комнату 9-А. Воспользуйтесь, пожалуйста, лифтом.

В комнате 9-А был один посетитель, который, подняв голову, произнес:

— Вот это да! Волк собственной персоной! Как это ты умудрился меня высledить? Могу поклясться, что, уходя, я не оставила тебе никаких следов.

— Привет, Мэри,— сказал я.

— Здравствуй,— ответила она,— и прощай, у меня много работы.

Я рассердился.

— Послушай, пусть это покажется странным, но я пришел сюда вовсе не для поисков вашего несомненно прекрасного тела. Иногда мне самому приходится выполнять кое-какую работу. Когда прибудут мои катушки, я обязательно умotaюсь отсюда и найду себе другую комнату — для холостяков!

Вместо того чтобы самой распалиться, она смягчилась:

— Извини, Сэм. Женщине так много тысяч раз приходится слышать одно и то же. Подсаживайся.

— Нет,— покачал я головой.— Благодарю, но я ухожу. Я действительно хочу поработать.

— Оставайся,— настаивала Мэри.— Прочти это. Если ты вынесешь микрофильмы из комнаты, куда они доставлены, то не только вызовешь переполох в электронных цепях считающих устройств, но и станешь причиной нервного припадка у старшей дежурной справочной службы.

— Я принесу их назад, когда они станут мне не нужны.

Она взяла мою руку, и я ощутил, как теплая волна пробежала вверх по ней.

— Пожалуйста, Сэм, извини меня.

Я сел и ухмыльнулся.

— Ничто не заставило бы меня уйти отсюда. Я намерен не выпускать тебя из виду, пока не узнаю номер твоего телефона, твой домашний адрес и истинный цвет твоих волос.

— Волчище! — ласково произнесла она.— Ты никогда не узнаешь ничего этого.

Однако я чувствовал, что ей стоит немалых усилий не высовывать голову из-под колпака считывающего устройства, игнорируя меня.

Раздался щелчок в раздаточном отверстии, и мои катушки вывалились в корзину. Я сложил их на столе возле еще одного аппарата для чтения микрофильмов. Одна из них покатилась к катушкам, которые сложила одну на другую Мэри, и повалила их. Я подхватил ту из катушек, которую считал своей, и глянул на конец ленты — он оказался не тот, так как на нем был только инвентарный номер и набор точек, считываемый селектором. Я перекрутил ее, прочел название и присоединил к своим.

— Эй! — вскрикнула Мэри. — Это мой микрофильм.

— Еще чего, — как можно вежливее произнес я.

— Это моя катушка. Именно ее я хотела просмотреть именно сейчас!

Раньше или позже, но я сумел понять очевидное: Мэри была здесь вовсе не для того, чтобы изучать историю женских чулок. Я взял остальные ее фильмы и прочел наклейки.

— Так вот почему не оказалось почти ничего из того, что мне было нужно, — сказал я. — Но ты проделала работу не очень тщательно. — Я пододвинул к ней те фильмы, которые отобрал.

Мэри просмотрела их, затем сдвинула в общую груду.

— Разделим их между собой или каждый из нас просмотрит все из них?

— Хорошо. Давай поделим поровну, чтобы выудить что-нибудь из этого барахла, а затем вместе просмотрим оставшееся, — предложил я. — А теперь за работу.

Даже после того, как я видел собственными глазами паразита на спине бедняги Барнеса, даже после того, как Стариk доказал мне, что «летающее блюдце» на самом деле приземлилось, я не был готов к тому, чтобы осознать, какие горы свидетельств можно найти погребенными в публичной библиотеке. Все безошибочно говорило о том, что Землю посещали корабли из космоса и притом не один раз, а довольно часто.

Сообщения задолго предшествовали нашим собственным достижениям в области аэронавтики. Некоторые датировались семнадцатым веком и даже ранее, но было невозможно вынести правильное суждение в отношении их, ибо в те времена словом «наука» обозначались ссылки на Аристотеля. Первые систематизированные данные от-

носились к сороковым — шестидесятым годам двадцатого столетия. Следующий всплеск их датировался восьмидесятыми годами того же столетия. Я в этом усмотрел нечто закономерное и начал просматривать предшествующие материалы, исходя из интервала в тридцать или немногого больше лет. Опытный статистик-аналитик мог бы что-нибудь извлечь из этого.

«Летающие блюдца» привязывались к «тайным исчезновениям» не только потому, что относились к той же категории явлений, что и морские змеи, кровавые дожди и другие подобные спорные явления, но так же и потому, что, согласно хорошо проверенным данным, пилоты преследовали «блюдца» и больше уже никогда не возвращались. Из этого правила не было исключений, и поэтому допускалось единственно возможное объяснение — катастрофа при невыясненных обстоятельствах.

Меня осенила еще одна безумная идея, и я стал пробовать определить, существует ли тридцатилетняя цикличность таинственных исчезновений, и если это так, совпадает ли она с появлением неопознанных объектов в небесах? У меня не было абсолютной уверенности в этом — материала было слишком много и закономерности не плавали на поверхности. К тому же очень много людей пропадают без вести ежегодно по разным причинам. Однако наиболее важные события учитываются в течение уже длительного времени. Я сделал пометку, чтобы анализ их был поручен специалистам-профессионалам.

За весь вечер мы с Мэри не перебросились и тремя словами. В конце концов, мы поднялись и устало потянулись.

— Ну, каково же заключение? — поинтересовался я.

— Я чувствую себя воробьем, свившим гнездо в водосточной трубе.

— И мы поступим точно так же — не будем принимать во внимание события в Айове — что будет означать: наше гнездо в сточном желобе!

— Нет, нет, Сэм. Нужно же что-то предпринять! На этот раз их действия носят завершенный характер! Они явились сюда, чтобы теперь уже остаться навсегда.

— Может быть. Наверное, так оно и есть.

— Так что же нам делать?

— Деточка, тебе пора уже знать, что одноглазому в стране слепых чертовски трудно что-то объяснить.

— Не будь циником, Сэм! Не такое сейчас время.

— Да, ты права. Не такое. Давай пойдем отсюда.

Было уже очень поздно, и библиотека была почти пустой.

— Вот что я тебе скажу. Давай возьмем побольше пива и пойдем ко мне в номер, трахнем его и поговорим обо всем этом.

— Только не к тебе,— покачала она головой.

— Черт возьми, но ведь это наша работа.

— Давай двинем ко мне на квартиру. Она в нескольких сотнях миль отсюда. Я там организую ужин.

Жизнь моя снова обрела смысл и полноту звучания.

— Лучшего предложения я давно не слышал. Серьезно. Однако почему бы все же не двинуть ко мне? Мы бы сэкономили почти час!

— Ты не хочешь идти ко мне? Но ведь я тебя не покусаю.

— А я на это надеялся. Нет, я только удивлен, чем вызван такой внезапный поворот?

— Ну что ж, наверное потому, что я хотела показать тебе медвежьи капканы, расставленные вокруг моей кровати. Или, возможно, я хотела доказать тебе, что умею готовить.— На щеках ее появились две очаровательные ямочки.

Я подозвал такси, и мы отправились к ней.

Когда мы вошли в ее квартиру, она тщательно все осмотрела, затем вернулась и сказала:

— Повернися. Я хочу пощупать твою спину.

— Почему ты...

— Повернися!

Я замолчал. Она долго и тщательно прощупывала всю мою спину, затем сказала:

— А теперь проверь мою!

— С удовольствием! — Тем не менее я отнесся к этой работе со всей серьезностью, потому что понял, к чему она клонит. Под ее одеждой не было ничего такого, чего не надлежало бы иметь девушке, если не считать широкого ассортимента различных смертоносных средств.

Она повернулась ко мне и облегченно вздохнула:

— Вот почему я не хотела ехать в твою гостиницу. Теперь я точно знаю, что мы в безопасности — впервые с того момента, когда увидела эту пакость на спипе управляющего стереостанции. Эта квартира герметически за-

крыта. Я перекрываю все вентиляционные каналы и оставляю их в таком виде всякий раз, когда покидаю квартиру.

— А как же кондиционирование?

— Я его не включаю вообще. Вместо этого я пользуюсь баллончиками со сжатым воздухом. Но хватит об этом. Что бы тебе хотелось съесть?

— Что угодно, но только мясное, желательно чуть подогретое. Есть?

Оказалось, что есть. Пережевывая бифштекс с кровью, мы смотрели последние известия. Из Айовы по-прежнему ничего не поступало.

Глава 5

Мне не довелось увидеть капканы на медведей — она заперла дверь своей спальни. Через три часа она меня разбудила, и мы позавтракали. Затем закурили по сигарете, и я включил телевизор. В основном в передаче показывались кандидатки на соискание титула «Мисс Америка». Обычно я с интересом смотрел эту передачу, но поскольку никто из крошек не имел округленных плеч и их конкурсные костюмы не могли, разумеется, скрыть горб на спине, то передача потеряла для меня всякий интерес.

— Так что же? — спросил я.

— Нам нужно рассортировать факты и сунуть их президенту под нос, — усмехнулась Мэри.

— Каким образом?

— Нам нужно добиться еще одного свидания с ним.

— Каким образом? — повторил я.

Она ничего не ответила.

— У нас есть только один путь — через Старика, — сказал я.

Я сделал вызов, воспользовавшись обоими нашими кодами, чтобы Мэри тоже могла все слышать.

— Первый заместитель Олфилд слушает. Говорите.

— Нам нужен шеф.

После некоторой паузы голос ответил:

— Вызов официальный?

— Э-э-э... Я полагаю, что его можно было бы назвать неофициальным.

— Если неофициальный, то я не буду его вызывать. Если же официальный, то я мог бы сам заняться вашими проблемами.

Я успел отключиться раньше, чем начал сквернословить. Затем снова набрал код. У Старика есть еще особый код, который гарантированно поднимет его даже из гроба — но один господь знает, как помочь тому агенту, который воспользуется им без особой на то необходимости.

Он ответил так, будто был сама невинность:

— Вас слушают. Говорите.

— Босс,— сказал я,— это касается штата Айова...

— Ну так что же?

— Мэри и я провели вчера весь вечер, раскапывая факты. Мы хотим поговорить с вами в связи с этим.

Старик продолжал казаться невинным, как овечка. Он велел мне отдать материалы для более глубокого анализа и добавил, что намерен поджарить мои уши себе на бутерброд.

— Босс! — резко произнес я.

— Что?

— Если вы можете себе позволить умыть руки, то это же можем и мы. Мэри и я с этого момента подаем в отставку. Это официальное заявление.

Мэри подняла брови, но ничего не сказала. Наступила продолжительная тишина, затем он устало произнес:

— Палм-Глэйд отель, Норт Майами-бич.

— Сразу же! — кратко ответил я и тут же вызвал такси.

Чтобы не застрять в пробке над Южной Калифорнией, я велел машине дать крюк над океаном.

Старик лежал на пляже. У него был скучный вид, он лениво пересыпал песчинки сквозь растопыренные пальцы, слушая наше сообщение. Я взял с собой коммуникатор, чтобы он прямо отсюда мог выйти на связь.

Он оживился, когда мы начали рассказывать о тридцатилетних циклах, однако, когда я упомянул о примерно такой же цикличности исчезновений, он уже вызвал аналитический отдел.

— Соедините меня с секцией анализа. Привет. Это ты, Питер? Это босс. Мне нужна кривая необъяснимых исчезновений людей начиная с 1800 года. Что? Отбросьте известные факторы и вычтите постоянную величину. Мне

нужны подъемы и спады. Когда? Два часа тому назад. А что же вы еще ожидали?

Он, кряхтя, поднялся на ноги, взял из моих рук трость и сказал:

— Ну что ж, назад на джутовую фабрику.

— В Белый дом? — пытался уточнить я.

— Что? Не дури. Вы еще не наткнулись на такое, что могло бы изменить настроение президента.

— Тогда что же?

— Не знаю. Помалкивайте, если только в голову не придет какая-нибудь блестящая мысль.

Старик нашел такси, и я отвез его назад. По дороге, после того как я переключил машину на автоматику, мне все же пришлось высказаться:

— Босс, у меня есть кое-что, что могло бы убедить президента.

Он промычал что-то нечленораздельное.

— Я имею в виду вот что,— продолжал я.— Пошли-те туда двух агентов, меня и еще одного. Другой агент будет нести портативную телекамеру, которая все время будет меня показывать. Вы же убедите президента посмотреть эту передачу.

— Предположим, ничего не случится.

— Я сделаю так, чтобы случилось. Надо отправиться туда, куда приземлился космический корабль, и как можно ближе пробраться к нему. У нас будет изображение его с близкого расстояния, и оно будет отлично видно в Белом доме. Затем я отправлюсь в контору Барнеса и обследую эти пресловутые округлые плечи. Я сорву одежду у кого-нибудь из них прямо перед телекамерой. Не надо даже будет прибегать к особым ухищрениям. Я просто покажу все, как оно есть на самом деле.

— Ты понимаешь, что у тебя столько же шансов, как и у мыши, которая собирается посмотреть на сбирающе котов?

— А вот в этом я не уверен. Насколько я понимаю, у этих штуковин нет никаких сверхчеловеческих способностей. Могу поспорить, что они ограничены только тем, что может совершить тот человек, которого они оседлали. Я вовсе не собираюсь стать мучеником. В любом случае я добуду для вас доказательства!

— Гм-м-м...

— Это может получиться, сэр,— вмешалась Мэри.— Только этим вторым агентом должна быть я. Я могу...

Мы одновременно сказали: «НЕТ!», после чего я покраснел, так как это не входило в мою прерогативу. Мэри как ни в чем не бывало продолжала:

— Я хочу сказать, что вполне логично, если этим вторым агентом буду я, так как обладаю... если можно так сказать, неким талантом определения мужчины, которым завладел паразит.

— Нет! — повторил Старики. — Там, куда он отправляется, у всех уже есть наездники. Мы будем считать так до тех пор, пока не удастся доказать противное. Кроме того, я приберегаю для тебя кое-что другое.

Ей следовало бы промолчать, но она не сдержалась:

— Что именно? Это очень важно?

Старики усмехнулся.

— Всякая работа в этой области важная, девочка. Но если ты хочешь знать конкретно, что я хочу поручить тебе, то... я намерен сделать тебя телохранителем президента.

— О! — Она подумала немного и ответила: — Босс, я не уверена в том, что смогла бы заприметить женщину, которой командует этот слизняк. Я, как бы это выразиться, не готова к этому.

— Поэтому-то мы и забираем от него весь женский персонал секретариата. И, кроме того, Мэри, ты будешь наблюдать за ним тоже.

Мэри задумалась.

— Положим, что я обнаружу, что на него что-то нашло, несмотря на все принятые меры?

— Ты должна будешь предпринять необходимые действия. Пост президента будет «унаследован» вице-президентом, а тебя расстреляют за государственную измену. А теперь — что касается самой миссии в очаг поражения. Мы пошлем со стереокамерой Джарвиса, а всю черновую работу поручим Дэвидсону. Пока Джарвис будет не сводить с тебя камеру, Дэвидсон будет следить за Джарвисом, а ты сам одним глазом поглядывай на Дэвидсона.

— Значит, вы считаете, что у нас может кое-что получиться?

— Нет, но, на самый худой случай, это лучше, чем отсутствие всякого плана. Может быть, что-нибудь и удастся разведать.

Пока мы двигались в Айову — Джарвис, Дэвидсон и я,— Старики отправился в Вашингтон. Мэри перед самым

нашим отъездом загнала меня в угол, схватила за уши и крепко поцеловав, сказала:

— Возвращайся, Сэмми.

У меня в голове все помутилось, словно мне снова исполнилось пятнадцать лет и это был первый поцелуй женщины.

Дэвидсон довел машину до того места, где я обнаружил исчезновение моста. Я был навигатором, пользуясь картой, на которой был обозначен район приземления настоящего космического корабля. Мост этот давал прекрасную исходную точку отсчета. Мы свернули с дороги метрах в трехстах от предполагаемого места посадки и через кустарник прокрались к нему.

Здесь мне следовало бы сказать — почти пребрались. Мы уткнулись в обожженную землю и дальше решили идти пешком. Место, указанное на фотографии, сделанной космической станцией, было в зоне лесного пожара, но здесь не было «летающего блюдца». Нужен был детектив получше меня, чтобы доказать, что здесь что-то приземлилось. Пожар уничтожил все следы.

Джарвис, тем не менее, передавал все подряд, но я понимал, что слизняки выиграли еще один раунд. Выйдя на дорогу, мы повстречали пожилого фермера. Следуя инструкции, мы держались от него подальше.

— Вот это был пожар,— сказал я и покачал головой.

— Еще бы,— печально произнес фермер.— У меня погибли две лучшие дойные коровы. Бедные бессловесные животные. А вы репортеры?

— Да,— кивнул я.— Только вот зачем нас пригнали сюда.— Жаль, что среди нас не было Мэри. Вероятно, этот человек был от рождения с округлыми плечами. Но, полагая, что Стариk прав в отношении космического корабля — а он, безусловно, прав,— этот невинный на вид обыватель должен знать обязательно кое-что о нем, и он скрывал это от нас. Следовательно, он оседлан слизняком.

Я вынужден был так поступить. Вероятность поимки паразита и передачи его изображения в Белый дом здесь была гораздо выше, чем в толпе. Я обменялся взглядами со своими партнерами. Они всегда были настороже. Джарвис держал камеру включенной.

Как только фермер повернулся, я сделал ему подножку. Он упал на спину и потянул меня за собой. Джарвис бросился к нам. Я успел оголить спину фермера, прежде чем он опомнился.

На спине ничего не было. Никаких следов паразита! Так же, как и нигде на его теле, в чем я тут же удостоверился.

Я помог этому человеку подняться и стал смахивать с его одежды пыль.

— Извините меня, сэр. Пожалуйста, извините,— лепетал я.

Он весь дрожал от гнева.

— Вы... вы... молодой... — Он не мог найти слова, достаточно точно определяющего меня. Он посмотрел на нас, и рот его скривился. — Вы ответите за это по закону. Будь я лет на двадцать моложе, я бы здорово отделал вас всех троих!

— Поверьте мне, это была ошибка!

— Ошибка? — Лицо фермера исказилось, и мне показалось, что оно вот-вот лопнет от гнева. — Я возвращаюсь из Омахи и нахожу, что ферма моя сгорела, а зять куда-то запропастился. Я выхожу на дорогу выяснить, почему это какие-то незнакомые люди шныряют по моей земле, и что же? Они издеваются надо мной, а потом говорят, что это какая-то ошибка. Куда это катится мир, скажите мне?

Я подумал, что на этот последний вопрос я мог бы свободно ответить, но промолчал. Я попытался возместить ему за случившееся, но он швырнул мои деньги на землю. Мы подобрали их — как никак это все-таки деньги — и стали убираться восвояси.

Когда мы отъехали, Дэвидсон спросил:

— Вы уверены в том, что знаете, что искать?

— Конечно, я могу ошибиться, — свирепо произнес я. — Но известен ли вам случай, когда ошибался Старик?

— Гм-м-м... Пожалуй, что нет. Куда же теперь?

— На стереостанцию. Тут уж ошибки быть не может.

На заставе у въезда в Де-Мэн дежурная у шлагбаума заколебалась. Она глянула в свою записную книжку, затем на наш номер.

— Шериф велел послать к нему эту машину, — сказала она. — Поверните вот сюда, направо.

При этом шлагбаум продолжал быть закрытым.

Я отъехал метров на десять и рванул. Машины, которыми пользуется отдел, — самых последних моделей, поэтому шлагбаум не мог представлять для нас особого препятствия. Не замедляя скорость, мы ринулись в город.

— Интересно,— задумчиво протянул Дэвидсон.— Вы все еще отдаете себе отчет в том, что делаете?

— Прекратите болтовню,— огрызнулся я.— И зарубите себе на носу, вы оба,— скорее всего мы живыми отсюда не выберемся. Но мы обязаны добыть доказательства!

— Как прикажете, шеф.

Я гнал так быстро, что догнать нас было невозможно, затем резко остановил машину возле самого входа вздание станции, и мы бросились вовнутрь. Прочь все косвенные методы «дядюшки Чарли» — мы с ходу протолкались в первый же лифт и помчались к этажу, где должен был находиться Барнес. Прибыв на нужный этаж, я заклинил дверь лифта, чтобы она все время оставалась открытой. Секретарша в приемной пыталась нас остановить, но мы решительно оттолкнули ее. Девушка ошеломленно глядела на нас. Я прошел прямо к кабинету Барнесса и дернул за ручку — дверь была закрыта на замок. Я повернулся к секретарше.

— Где шеф?

— Кто его спрашивает? — поинтересовалась она беспристрастно-вежливым тоном, словно была рыбой.

Я посмотрел на ее плечи. Отчетливо был виден горб. Ей-богу, сказал я себе, ошибки здесь быть не может. Она была заражена паразитом.

Наклонившись, я решительно задрал ей свитер. О, боже! Второй раз я смотрел на эту тварь!

Девушка стала выворачиваться, царапаться, кусаться. Приемом дзюдо я ударил ее по шее, при этом моя рука едва не застряла в студнеобразной массе. Секретарша обмякла. Ткнув три пальца в область солнечного сплетения, я развернул ее.

— Джарвис! — завопил я.— Давай крупным планом!

Этот идиот продолжал возиться со своими причиндалами. Наконец, выпрямившись, он произнес:

— Уроков не будет, сэр. Сгорела лампа.

— Замените ее! Быстрее!!!

В противоположном углу комнаты со своего места вскочила стенографистка и выстрелила в камеру. Брызнули осколки стекла, и Дэвидсон тут же сжег нападавшую дотла. Будто по сигналу шестеро девушек, присутствующих в этой комнате, набросились на Дэвидсона. Они просто облепили его. Оружия у них не было.

Не выпуская из рук секретаршу, я открыл огонь. Краем глаза я поймал какое-то движение и, резко обернувшись, увидел, что в дверях стоит Барнес — вернее, Барнес номер два. Я выстрелил ему в грудь, чтобы на вылет поразить слизняка, прикрепившегося к его спине, затем обернулся к образовавшейся в центре приемной свалке.

Дэвидсон снова был на ногах. К нему подкрадывалась одна из девушек. Она, казалось, была ранена. Он выстрелил ей прямо в лицо, и она упала. Следующий его выстрел прошелся рядом с моим ухом.

— Спасибо! — завопил я.— Убираемся отсюда! Джарвис, за мной!

Дверь кабинки лифта была открыта. Мы помчались вниз. Я продолжал сгибаться под бременем секретарши Барнеса. Дэвидсон дрожал, Джарвис был бледен, как мел.

— Успокойтесь,— сказал я.— Вы стреляли не в людей. Посмотрите.— Я приподнял тело девушки и взглянул на ее спину.

Ноги едва не подкосились подо мной. Мой образец, тот, который я должен был доставить живьем, исчез! Соскользнул, скорее всего, на пол и куда-то отполз во время схватки.

Дэвидсон снова был на ногах.

— Джарвис,— спросил я,— вы ничего необычного не ощущаете?

Спина девушки была покрыта мелкой сеткой, будто в кожу были воткнуты миллионы булавок в том месте, где к ней прикреплялся паразит.

Я усадил девушку на пол, прислонив к стенке кабинки. Она все еще была без сознания, поэтому мы оставили ее в лифте. Без всякого шума и крика мы пересекли вестибюль и вышли на улицу.

Здесь возле нашей машины стоял полисмен, держа в руке квитанцию. Он вручил ее мне и сказал:

— Вы оштрафованы, сэр, за то, что поставили свою машину в неподожженном месте.

— Извините, офицер,— рассыпался я в извинениях и, полный раскаяния, тут же подписал протокол, после чего пулей бросил машину вверх и вперед, чтобы сразу же уйти от погони, если она последует. Набрав высоту, я тотчас же сменил номера и код машины. Старик предусмотрел все до мелочей!

Зато он не был высокого мнения обо мне. Я попытался было доложить о случившемся, но он сразу же оборвал меня и велел двигаться прямо в отдел.

Там с ним уже была Мэри. Он выслушал меня, ворчливо перебив лишь в нескольких местах.

— Вы многое увидели из того, что произошло с нами? — спросил я, закончив свой доклад.

— Передача прекратилась, как только вы пересекли шлагбаум, — скривился Старики. — Ты, наверное, понимаешь, парень, что на президента не произвело особого впечатления то, что он увидел?

— Догадываюсь.

— Он велел мне выгнать тебя с работы в шею!

Я оторопел.

— Но ведь я точно выполнял все... — начал было я оправдываться.

— Заткнись! — прорычал Старики. — Я сказал ему, что он может уволить меня, а не моих подчиненных. Ты, разумеется, круглый болван, — продолжал он спокойно, — но в такое время нельзя разбрасываться даже такими.

— Спасибо.

Мэри бесцельно бродила по кабинету. Я пытался встретиться с ней взглядом, но она очень сосредоточенно рассматривала предметы обстановки. Затем она остановилась за столом Джарвиса и подала Старику такой же знак, как и в случае с Барнесом.

Я ударили Джарвиса своим лучеметом по голове, и он сполз на пол.

— Назад, Дэвидсон! — крикнул Старики. Его лучемет был наведен на грудь Дэвидсона. — Мэри, а вот этот?

— Он в полном порядке.

— А тот?

— Сэм чист.

Взгляд Старика ощупал нас всех, и никогда я не чувствовал себя столь близко от смертного порога.

— Закатайте рубахи, — приказал он.

Мы молча повиновались. Мэри оказалась права. Теперь я стал сомневаться в том, узнаю ли я вообще о том, что паразит овладел мной.

— А теперь у него, — приказал Старики. — В перчатках!

Мы разложили тело Джарвиса на полу и осторожно разрезали его одежду. Живой экземпляр слизняка был в наших руках!

Г л а в а 6

Я почувствовал, что вот-вот меня вырвет, Мой желудок не мог перенести мысли о том, что эта мерзость была прямо рядом со мной на всем пути из Айовы. Я не брезглив, но это должен испытать каждый, чтобы иметь право осуждать меня.

Я слегкотнул слюну и предложил:

— Давайте снимем его. Может быть, мы еще сможем спасти Джарвиса.

Я не думал, что такое на самом деле возможно. Во мне укоренилось предубеждение, заключающееся в том, что всякий, кем владела некоторое время эта мерзость, был безвозвратно искалечен.

Старик жестом предложил им отойти.

— Забудьте о нем!

— Но...

— Выбросьте из головы! Если его и можно будет спасти, то некоторая задержка не имеет значения. В любом случае... — Он замолчал, и я понял, почему. Я знал, что он имеет в виду. Нас всегда можно пустить в расход. Народом же Соединенных Штатов рисковать нельзя.

Старик, держа наготове оружие, продолжал наблюдать за существом на спине Джарвиса.

— Связвшись с президентом, — обратился он к Мэри. — Специальный код — 0-0-7.

Мэри подошла к столу Старика, что-то сказала в микрофон. Мое внимание было целиком привлечено к паразиту. Он не делал попыток покинуть своего «хозяина».

— Я не могу к нему прорваться, — сообщила через минуту Мэри. — На экране один из его помощников, мистер Мак-Дональд.

Старик поморщился. Мак-Дональд был интеллигентным, приятным человеком, которого убедить в чем-либо было практически невозможно. Президент использовал его в качестве буфера.

Старик застонал, не обращая внимания на объектив передающей камеры.

Нет, связаться с президентом невозможно. Нет, ему нельзя передать сообщение. Нет, мистер Мак-Дональд не превышает своих полномочий. Старик не включен в список исключений — даже если такой список и существует. Да, мистер Мак-Дональд рад будет устроить встречу. Он это обещает. Например, во вторник на будущей неделе?

Сегодня? Абсолютно исключено! Завтра? Решительно невозможнo!

Старик выключил видеофон. Казалось, его хватил удар. Затем он сделал несколько глубоких вдохов, и лицо его расслабилось.

— Дэйв, попросите зайти мистера Грейвса,— сказал он.— Остальным оставаться на своих местах!

Заведующий биологической лабораторией не заставил себя долго ждать.

— Док,— обратился к нему Старик.— Вот образец, который еще жив.

Грейвс внимательно осмотрел спину Джарвиса.

— Интересно,— протянул он и опустился на одно колено.

— Поднимитесь сейчас же!

Грейвс взглянул на Старика снизу вверх.

— Но я должен иметь возможность...

— Вы больше не будете иметь никакой возможности, если сейчас же не встанете! Вам понятно? Да, я хочу, чтобы вы изучили это, но прежде всего вы должны сохранить образец живым! Второе, вы должны принять меры, чтобы он не сбежал. Третье, вы обязаны защитить самого себя.

Грейвс улыбнулся.

— Я не боюсь этого. Я...

— А вы бойтесь! Это приказ!

— Я хотел сказать, что я должен подготовить инкубатор, куда нужно будет поместить этот образец после того, как мы снимем его со спины Джарвиса. Очевидно, большой собаки вполне будет достаточно, так как, видимо, они нуждаются в кислороде — не в свободном кислороде, а в кислороде из крови своего «хозяина». Так что, я думаю...

— Нет. Оставьте это там, где оно находится сейчас! — резко произнес Старик.

— Что? Он доброволец?

Старик промолчал.

— Люди, над которыми проводятся опыты в лаборатории,— начал нервничать Грейвс,— должны быть добровольцами. Сами понимаете, профессиональная этика.

Эти ученые мужи до смерти боятся всего на свете.

— Доктор Грейвс,— спокойно произнес Старик,— каждый агент, работающий в этом отделе, добровольно выполняет то, что я нахожу нужным. Пожалуйста,

выполняйте мои распоряжения. Велите принести сюда носилки. Делайте все как можно осторожнее.

После того как унесли Джарвиса, Дэвидсон, Мэри и я отправились в комнату отдыха, чтобы пропустить пару-другую рюмок. Мы нуждались в них. Дэвидсон трялся всем телом. Когда первая рюмка не смогла его успокоить, я сказал:

— Послушай, Дэйв, я чувствую себя столь же паршиво, как и ты, как только представлю себе всех этих девушек, но с этим ничего нельзя поделать. Выбрось все это из головы, иначе ничего путного не выйдет.

— Неужели было настолько плохо? — тревожно спросила Мэри.

— Хуже быть не могло. Не знаю, сколько мы убили. У нас не было времени осторожничать. Мы стреляли не в людей, а в паразитов! — Я повернулся к Дэвидсону.— Неужели ты не можешь уяснить себе этого?

— Да, так оно и есть. Они не были людьми,— машинально произнес Дэвидсон, затем продолжил: — Я считаю, что мог бы пристрелить собственного брата, если бы работа требовала этого. Но эти существа не были людьми. Ты стреляешь, а они продолжают надвигаться на тебя. Они не...— Он умолк, сдерживая рыдания.

Я не мог не ощущать жалости к этому человеку. Чуть позже он оставил нас, а я и Мэри еще некоторое время беседовали, пытаясь найти ответы на мучавшие нас вопросы, но каждый раз так и не находили их. Затем она объявила, что ей хочется спать, и направилась в женское общежитие. Старик приказал, чтобы пока никто не отлучался из отдела, поэтому я пошел в мужское крыло и заполз в спальный мешок.

Разбудила меня сирена воздушной тревоги. Спотыкаясь, я натянул на себя одежду и услышал голос Старика по интеркому:

— Приготовить противогазы и противорадиационное оборудование! Все помещения герметически закрыть! Всем собраться в конференц-зале! Немедленно!

Будучи агентом оперативной службы, я не имел обязанностей в штаб-квартире и сразу направился в конференц-зал, где нас уже ждал с угрюмым видом Старик. Я хотел было спросить, что произошло, но там собралось уже больше десятка служащих, агентов, стенографисток и так далее. Чуть погодя Старик послал меня наружу, чтобы я принес список тех, кто в это время нес охрану. Старик

развернул список, и вскоре стало ясно, что здесь, в зале, находятся все, начиная со старой мисс Хейнс, секретарши Старика, до буфетчицы в коридоре, рядом с комнатой отдыха, кроме, разве что, дверной охраны и Джарвиса. С охраной все должно было быть в порядке — мы ведем учет того, кто входит или выходит еще тщательнее, чем хороший банк ведет счет деньгам.

Затем меня снова отослали на выход. Часовой еще раз получил от Старика подтверждение, прежде чем покинул свой пост. Только после этого он включил все запорные механизмы и последовал за мной. Когда мы вернулись в зал, там уже был Джарвис в сопровождении Грейвса и одного из лаборантов. Он был одет в больничный халат, по-видимому, был в сознании, но выглядел каким-то полусонным.

Я начал понемногу разбираться в том, что произошло. Старики отошел на некоторое расстояние от собравшихся сотрудников отдела и вынул свой лучемет.

— Один из паразитов,— начал Старики,— находится сейчас на свободе среди нас. Для некоторых из вас это говорит обо всем. Для остальных я вынужден буду дать объяснения, поскольку безопасность всех нас — всего рода человеческого — зависит от полного сотрудничества и всеобщего повиновения.— Он объяснил коротко и с отталкивающей точностью, что представляет собой паразит и каково нынешнее положение. В заключение он сказал:

— Короче говоря, есть полная уверенность, что паразит находится в этом помещении. Один из нас выглядит, как человек, но является автоматом, повинующимся воле нашего злейшего врага.

Шепот прошел по толпе присутствующих. Люди украдкой смотрели друг на друга, некоторые отпрянули подальше от соседей. Мгновением раньше мы были единым коллективом. Теперь мы стали толпой, в которой каждый подозревал другого. Я обнаружил, что сам непроизвольно отодвинулся от ближайшего ко мне человека — Рональда, официанта из комнаты отдыха. Я был знаком с ним уже много лет.

Грейвс прочистил горло.

— Шеф,— начал было он,— я предусмотрел все разумные...

— Прекратите! Выведите вперед Джарвиса. Снимите с него халат.— Грейвс примолк и вместе с ассистентом выполнил приказ Старика. Джарвис, казалось, только час-

тично понимал, что вокруг происходит. Грейвс, должно быть, накачал его лекарствами.

— Поверните его! — распорядился Старик. Джарвис позволил себя развернуть. Стали видны отметины от слизняка — красная сыпь на плечах и на шее.— Теперь вы видите, где эта тварь прикреплялась к нему?

Когда Джарвис раздевался, по кучке присутствующих прошел шепот, а кто-то даже смущенно хихикнул. Теперь же в зале стояла мертвая тишина.

— А сейчас,— сказал Старик,— мы намерены раздобыть этого слизняка! Более того, мы будем брать его живым! Вы все видели, где паразит седлает человека. Предупреждаю вас, если паразит получит повреждение, я тут же пристрелю того, кто посмеет это сделать! Если придется стрелять для того, чтобы изловить его, стреляйте «хозяину» по ногам. Подойди-ка сюда! — Он указал своим лучеметом в мою сторону.

Старик остановил меня на полпути между собой и толпой.

— Грейвс! Усадите Джарвиса позади меня. Нет, оставьте его без одежды.— Старик повернулся ко мне.— Бросай оружие на пол.

Дуло лучемета Старика было направлено мне в живот. С максимальной осторожностью я вытащил свой лучемет и положил его в двух метрах от себя.

— Снимай с себя всю одежду!

Я стал неуклюже раздеваться. Лучемет Старика снял с меня остатки стыдливости. Кто-то из девушек хихикнул, когда я остался совсем нагишом.

— Недурно,— сказала одна из них.

— На мой вкус, немного толстоват,— заметила другая.

После того как Старик осмотрел меня, он велел мне поднять лучемет.

— Встань чуть позади,— приказал он.— И не спускай глаз с двери. Теперь ты! Дотти, как там тебя — ты следующая!

Дотти была девушкой из канцелярии. У нее, разумеется, не было оружия, и одета она была в длинный до пола халат. Она сделала шаг вперед, остановилась, но больше ничего не предпринимала.

Старик помахал лучеметом.

— Давай-ка раздевайся!

— Вы не шутите, сэр? — спросила она недоверчиво.

— Нет!

Она почти подпрыгнула.

— Ну, что ж,— спокойно произнес Старик.— Ты знаешь, что тебя ждет. Или — или.

Девушка прикусила губу и расстегнула застежку на талии.

— Мне положена премия за это,— произнесла она вызывающе и сбросила с себя халат.

— Отойди к стене! — свирепо выпалил Старик.— Ренфлю, теперь ты.

После того, что произошло со мной, мужчины повиновались деловито, хотя и несколько смущенно. Что же касается женщин, то одни хихикали, другие краснели, однако никто из них особенно не возражал. Через двадцать минут в комнате было столько квадратных метров гусиной кожи, сколько мне сроду не приходилось видеть, а гора оружия напоминала арсенал.

Когда подошла очередь Мэри, она сбросила одежду быстро и без какой-либо суеты. Свою наготу она несла со спокойным достоинством. Столь же спокойно она пополнила арсенал. Я решил, что она такая же прямая, как ствол ее лучемета.

В конце концов, мы все стояли в чем мать родила, за исключением Старика и его старой девы-секретарши. Все мы были свободны от паразита. Как мне кажется, Старик чуть-чуть побаивался мисс Хейнс. У него был обеспокоенный вид. Но он все же заставил себя взглянуть на секретаршу.

— Мисс Хейнс, не угодно ли вам последовать примеру присутствующих?

Я подумал, что, похоже, на этот раз моему дорогому Старичку придется применить оружие.

Она стояла не шевелясь, как воплощение оскорбленной добродетели. Я пододвинулся к нему поближе и чуть слышно сказал:

— Босс, а вы сами? Раздевайтесь и вы тоже.

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Я как раз это и имел в виду. Получается, или вы, или она. Кто-то из вас двоих! Кому-то из вас не повезло.

Старик осознал неизбежность того, что сейчас должно было произойти.

— Разденьте ее,— сказал он и с угрюмым видом сам стал расстегивать пуговицы. Я попросил Мэри взять не-

сколько женщин и раздеть мисс Хейнс. Когда я снова повернулся к Старику, он уже наполовину стянул с себя штаны. И как раз в этот момент мисс Хейнс прорвало.

Между нами был Старик. Я не мог взять ее на прицел, а все остальные агенты в этом помещении были безоружны! Я не думаю, что это было случайностью. Старик не доверял им, он подозревал, что может начаться пальба. Ему нужен был слизняк живым.

Она выскочила в дверь и побежала по коридору. Я мог бы догнать ее еще там, но был скован. От старых привычек очень не просто отвыкать. Для меня она все еще оставалась старой леди Хейнс, секретарем босса, человеком, который журил меня за грамматические ошибки в моих донесениях. Во-вторых, если она и несла на себе паразита, я боялся спалить его.

Она нырнула в одну из дверей. Я снова замер в нерешительности — просто по привычке. Это была дверь в женский туалет.

Но только на мгновение. Я распахнул дверь и заглянул внутрь, держа лучемет наготове.

Что-то ударило меня по голове чуть позади правого уха.

Следующие несколько мгновений я помню очень смутно. Сначала все во мне похолодело, по крайней мере, на некоторое время. Я помню борьбу и крики:

- Остерегайтесь!
- Сволочь!.. Она меня укусила!
- Берегите руки!

Затем кто-то спокойно сказал:

- Возьмите ее за руки и за ноги. Поосторожней!

Еще кто-то спросил:

- А что делать с ним?

И кто-то ответил:

- Им займемся позже. С ним ничего не случилось.

Я все еще практически был без сознания, когда все ушли, но постепенно стал ощущать, как жизнь возвращается ко мне. Я сел, испытывая настоятельную необходимость что-то сделать. Пошатываясь, я встал и подошел к двери. Осторожно выглянул в коридор — никого вокруг не было. Проковылял вдоль коридора в сторону, противоположную конференц-залу.

Возле наружной двери я ошеломленно понял, что совершенно голый, и метнулся дальше по коридору в мужское

крыло. Здесь я подхватил первую попавшуюся под руку одежду и поспешно натянул ее на себя. Башмаки были слишком малы, но мне это показалось тогда несущественным.

Я снова побежал к выходу, нашел выключатель и открыл дверь.

Я считал, что мне удалось бежать незаметно, но кто-то крикнул: «Сэм!» как раз, когда я выходил. Я втянул голову в плечи и нырнул наружу. Сразу же передо мной встал выбор из шести дверей, а затем еще трех, прежде чем я решился, какую попробовать. Берлога, которую мы называли управлением, состояла из переплетенных туннелей и переходов, напоминая перепутавшиеся спагетти. В конце концов, я оказался во внутренней части фруктового магазинчика, поздоровался с владельцем, откинулся деревянную решетку, отгораживающую прилавки, и смешался с толпой.

Я перехватил реактивный экспресс, следовавший на противоположный берег реки, и вышел на первой же остановке. Здесь я затаился возле киоска по продаже билетов. Когда один из пассажиров, вынимая деньги, показал довольно крупные купюры, я сел в тот же поезд, что и он, и вышел вместе с ним. В первом же темном переулке я ободрал его как липку. Теперь у меня были деньги, и я готов был действовать. Я не знал, для чего мне нужно иметь деньги, но я четко знал, что они мне нужны для того, что я должен был сделать.

Глава 7

Все, что происходило вокруг меня, я видел странным двойным зрением, будто смотрел через покрытую рябью воду — и все же не испытывал ни удивления, ни любопытства. Я передвигался как лунатик, не соображая, каким будет мой следующий шаг — но я был полностью в сознании и понимал, кто я, где нахожусь и в чем состоит моя работа в отделе. И хотя я не соображал, что я должен сделать, я всегда сознавал, что нужно сделать в данный момент, и был уверен в том, что каждый мой поступок был необходим в этот данный момент.

Большую часть времени я не испытывал каких-либо эмоций, кроме удовлетворения, которое вызывается выполнением требуемой работы. Это все касается, так сказать,

верхнего этажа сознания. Но где-то в глубине, гораздо глубже, чем я в состоянии был понимать, я был мучительно несчастлив, напуган и наполнен ощущением вины, но все это было глубоко, очень глубоко спрятано, заткнуто и подавлено. Я едва сознавал это и поэтому почти не поддавался влиянию этих чувств.

Я знал, что меня видели, когда я уходил. Этот крик «Сэм!» был обращен ко мне. Всего лишь двое знали меня под этим именем, и только Старик часто его употреблял. Значит, когда я уходил, меня видела Мэри. Очень хорошо, подумал я, что она дала мне возможность узнать, где находится ее квартира. Нужно будет устроить ей там ловушку, когда она в следующий раз воспользуется ею. В остальное время я должен продолжать работу и остерегаться, чтобы меня не поймали.

Я продвигался по району складов, собрав в кулак все свое натренированное умение, чтобы меня не заметили. Вскоре я нашел подходящее место. Надпись на табличке гласила:

«СДАЕТСЯ ВЕРХНИЙ ЭТАЖ. АГЕНТ ПО АРЕНДЕ НАХОДИТСЯ НА ПЕРВОМ ЭТАЖЕ».

Я обошел здание, запомнил адрес, затем вернулся на два квартала и зашел на почту, откуда послал телеграмму: «ВЫСЫЛАЙТЕ ДВА ЧЕМОДАНА ПО ТОМУ ЖЕ СЧЕТУ»

и добавил адрес сдаваемого в аренду помещения. Это послание я отправил Роско и Дилларду, агентам по снабжению промышленными товарами, Де-Мэн, штат Айова.

Выходя из почты, я заметил ресторан с быстрым обслуживанием и вспомнил, что очень голоден. Однако ощущение голода мгновенно исчезло, и я больше уже не думал о еде. Я вернулся в здание склада, нашел темный угол подальше от входа и стал ждать, когда рассветет и начнется рабочий день.

Об этой ночи у меня остались воспоминания, как о непрерывно повторяющихся приступах клаустрофобии.

В девять часов утра я встретился с агентом по найму, когда он открывал свой кабинет, и снял в аренду этаж, расплатившись наличными. Затем поднялся на этаж, открыл дверь, прошел вовнутрь, сел за стол и стал ждать.

В половине одиннадцатого были доставлены мои чемоданы. После того как экспедитор ушел, я открыл один из них,

вынул одну ячейку и подготовил к активации. Затем я снова отыскал агента по найму и сказал ему:

— Мистер Гринберг, не угодно ли вам на минутку подняться ко мне? Я хотел бы переговорить с вами о замечательных светильниках.

Он что-то проворчал недовольным тоном, но все же пошел со мной. Здесь я закрыл дверь и подвел его к открытому чемодану.

— Вот здесь, сэр,— сказал я,— если вы наклонитесь, то увидите светильники, которые я хотел бы установить. Вот только...

Я обхватил его так крепко, что он едва не испустил дух, поднял вверх его пиджак и закатал рубаху свободной рукой. Затем извлек повелителя из ячейки и перенес его на оголенную спину Гринберга. Прижав его к ней, я подождал, пока тело агента не расслабится. Затем помог ему выпрямиться, заправил рубаху в брюки и стал смахивать с него пыль. Когда Гринберг перевел дух, я спросил:

— Какие новости из Де-Мэйна?

— Что вы хотите узнать? — осведомился он.— Сколько времени вы отсутствовали?

Я начал объяснять, но он меня тут же перебил:

— Давайте не будем тратить на это время и проведем прямое совещание.

Я закатал рубаху, он сделал то же самое со своей и мы сели на нераскрытом чемодане спиной к спине так, чтобы наши повелители могли соприкоснуться друг с другом. В моем собственном мозгу была пустота. Не знаю, сколько времени длилось это. Я просто наблюдал, как муха жужжит в запыленной паутине.

Нашим следующим рекрутом был управляющий здания. Это был высокий швед, и мы вдвоем едва управились с ним. После этого мистер Гринберг связался с владельцем дома и стал настаивать на том, чтобы он обязательно прибыл сюда лично посмотреть, какое несчастье постигло здание — какое, я точно не понял. Я был занят тем, что открывал и согревал ячейки с повелителями.

Владелец дома оказался для нас сущей находкой, и мы все испытали удовлетворение, включая, разумеется, и его самого. Он принадлежал к Конституционному клубу, членами которого были практически все, кто числился в справочнике «Кто есть кто в финансах, правительстве и промышленности».

Было уже около полудня. Нам нельзя было терять времени. Управляющий вышел, чтобы купить мне одежду и сумку и послать наверх шофера владельца, чтобы и его рекрутировать. в 12.30 мы, владелец и я, покинули здание в его машине. В сумке у меня было двенадцать повелителей, еще в своих ячейках, но уже подготовленных к имплантации.

У входа в клуб лакей в ливрее попытался было взять у меня сумку, но я сумел-таки настоять на том, что она мне нужна для того, чтобы сменить рубашку перед ленчом. Мы завозились в умывальной комнате, пока не остались один на один со служителем, после чего, уже рекрутированного, отослали его к менеджеру с известием о том, что одному из гостей стало плохо в туалете.

После того как мы управились с менеджером, я стал еще одним служителем при туалете. У меня осталось только десять повелителей, однако вот-вот должны были быть доставлены в клуб еще несколько чемоданов с ячейками из нашего склада. Настоящий служитель и я использовали то, что у нас осталось, еще до того, как закончился обеденный перерыв. Один из посетителей оказал нам такое сопротивление, что я вынужден был убить его. Мы запихнули труп в шкаф для веников и швабр. После этого наступило затишье, так как чемоданы еще не прибыли. Рефлекторное ощущение голода согнуло меня пополам, однако через секунду оно уменьшилось, хотя и не исчезло полностью. Я сказал об этом менеджеру, и он велел принести для меня еду прямо в свой кабинет. Не успел я покончить с едой, как прибыли чемоданы.

В течение дремотного промежутка времени после полудня мы позаботились о безопасности этого места. К четырем часам все находившиеся в здании: члены клуба, персонал, гости — все были нашими людьми. Позже менеджер позвонил в Де-Мэйн, запрашивая еще чемоданы. В этот вечер мы были вознаграждены крупным трофеем — заместителем государственного казначея. Это было огромной победой — казначейство заведовало вопросами охраны и безопасности президента.

Глава 8

Поимка высокопоставленного чиновника была встречена мною с каким-то рассеянным удовлетворением, после чего я больше не думал об этом. Мы — я имею в

виду рекрутированных людей — вообще вряд ли думаем. Мы знаем, что должны сделать, но осознаем это только в момент совершения действия, подобно тому, как лошадь, выдрессированная для высшей школы верховой езды, получает приказы от своего наездника, выполняет их и готова к следующему его сигналу.

Хорошо выдрессированная лошадь и наездник являются неплохим сравнением, но далеко не исчерпывающим суть. Повелители имеют в своем распоряжении не только наш разум, они еще в состоянии подключаться непосредственно к нашей памяти и квалификации. Мы же служим и средством общения между ними. Иногда мы понимаем, о чем они говорят, иногда — нет. Произносимые слова проходят сквозь слуг, но мы, слуги, не принимаем никакого участия в более важных непосредственных переговорах повелителей друг с другом. В это время мы спокойно сидим и ждем, когда наши наездники закончат свою беседу. Затем поправляем свою одежду и делаем то, что в данный момент повелитель сочтет нужным.

Я имею не больше отношения к словам, которые произношу за своего повелителя, чем телефон к беседе между людьми. Я — просто средство общения, не более того. Через несколько дней после того, как я был рекрутирован, я дал управляющему клубом инструкции о том, чтобы была произведена отправка ячеек с повелителями. Делая это, я испытал мимолетное понимание того, что приземлилось еще три корабля, но оно было явно ограничено одним единственным адресом в Нью-Орлеане.

Я не задумывался над этим. Я продолжал делать свое дело. Я был новым «специальным помощником» мистера Поттера, владельца здания, где находился наш склад, и проводил дни в его кабинете — и ночи, впрочем, тоже. В действительности наши отношения носили прямо противоположный характер. Я отдавал устные распоряжения мистеру Поттеру. Я и сейчас разбираюсь в социальной структуре паразитов не более, чем тогда.

Я четко знал — так же, как и мой повелитель, — что мне лучше поменьше быть на виду. Через меня мой повелитель знал столько же, сколько и я. Он знал, что я был единственным сотрудником Старика, которого рекрутировали, и мой повелитель знал, я был в этом уверен, что Старик не прекратил свои поиски, чтобы освободить меня или убить.

Сейчас мне кажется странным, что повелитель не поменял тело и не убил меня. Для нас доступных рекрутов было больше, чем мы имели повелителей. Он не мог ощущать ничего подобного человеческой щепетильности. Только что прибывшие повелители при их пересадке из транспортных ячеек частенько наносили повреждения своим «хозяевам». В этих случаях мы всегда убивали «хозяина» и подыскивали нового. С другой стороны, разве искусный наездник убивает хорошо вымуштрованную рабочую лошадь ради необъезженной незнакомой верховой? Именно поэтому, наверное, меня прятали и спасали.

После того как город стал для нас безопасным, мой повелитель начал выводить меня на улицу. Я не имею в виду, что у каждого жителя появился горб за спиной. Нет. Людей было очень много, а повелителей все еще мало, но ключевые посты в городской администрации занимали наши рекруты, от постового на углу до мэра и начальника полиции, не говоря уже об окружных боссах, старших священниках, членах городской ратуши и всех работниках предприятий связи и средств массовой информации. Большинство жителей продолжало заниматься своими делами, не только не испытывая никаких трудностей от нашего маскарада, но даже и не ведая о нем.

Если только один из них не вставал на пути повелителя при выполнении какой-либо цели. В этом случае его пускали в расход.

Одной из помех, которые испытывали наши повелители, была трудность связи на дальние расстояния. Она была ограничена только тем, что могли выразить люди — «хозяева» своей человеческой речью по обычным каналам связи, и еще более ограничена, если только весь канал не был безопасным, для шифрованных сведений. Такая связь через слуг была абсолютно неадекватна целям повелителей. Похоже было, что они нуждались в частом общении типа «тело-к-телу» для координации своих решений и действий.

Именно для участия в таком совещании я был послан в Нью-Орлеан.

Я вышел на улицу как обычно утром, отправился к одной из пусковых платформ на окраине города и заказал аэротакси. Через несколько минут мою машину подняли на погрузочную рампу, и я отправился, чтобы сесть в нее. Но в это время какой-то пожилой джентльмен нагло влез в мое такси передо мной.

Я получил приказ избавиться от него, однако тут же за этим приказом последовал новый — не спешить и вести себя поосторожнее.

— Извините, сэр, но эта машина занята,— спокойно сказал я.

— Разве? — удивился джентльмен.— Когда я садился в нее, она была свободна.

— Вам придется найти себе другую,— попытался урезонить его я.— Давайте посмотрим вашу очередь по билету.

Вот здесь я и поймал его. На такси был взлетный номер такой же, как и на моем билете, но он даже не пошевелился.

— Куда вы направляетесь? — спросил он.

— В Нью-Орлеан,— ответил я и впервые узнал место своего назначения.

— Значит, вы можете подбросить меня до Мэмфиса.

Я покачал головой.

— Это не по дороге.

— Всего пятнадцать минут крюка,— казалось, он с трудом сдерживает свой темперамент.— Нельзя гонять полупустой общественный транспорт.— Он повернулся к водителю.— Любезный, потрудитесь объяснить этому человеку правила пользования общественным транспортом!

Водитель перестал ковырять в зубах.

— Мне все равно, джентльмены. Мое дело подбирать пассажиров, высаживать пассажиров и больше ничего. Сами улаживайте между собой свой спор. Не то я вызову диспетчера, чтобы ко мне направили других пассажиров.

Я заколебался, не имея свежих инструкций. Затем обнаружил, что сажусь вовнутрь.

— Нью-Орлеан,— сказал я.— С остановкой в Мэмфисе.

Водитель пожал плечами и запросил контрольную башню. Мой попутчик отвернулся и перестал обращать на меня внимание.

Когда мы были уже в воздухе, он открыл свой портфель и разложил на коленях бумаги. Я без особого интереса наблюдал за ним. Затем обнаружил, что сменил позу, чтобы было легче достать оружие. Но тут попутчик вскинул руку и схватил меня за запястье.

— Не так быстро, сынок,— сказал он и сквозь его черты пропустила сатанинская ухмылка Старика собственной персоной.

У меня всегда были быстрые рефлексы, но сейчас моим недостатком было то, что все, что я делал или собирался делать, проходило дополнительный путь по нервным цепям повелителя и нуждалось в его подтверждении. Какова была временная задержка, я не знаю. Но пока я вытаскивал свой лучемет, дуло оружия Старика уже сильно давило мне под ребро.

— Спокойно, спокойно, сынок.

Другой рукой он что-то вогнал мне в бок. Я почувствовал болезненный укол, и по всему телу разлилось ощущение тепла и безразличия. Я попал в объятия Морфея. Я сделал еще одну попытку высвободиться, но все было безрезультатно. Сон стремительно накатывался на меня.

Я смутно улавливал чьи-то голоса. Кто-то грубо повернул мое тело, кто-то другой, находящийся поблизости, сказал:

— Берегись его! Ну, прямо обезьяна!

Еще один голос ответил:

— Все в порядке. Щупальца подрезаны.

Но тут же первый голос возразил:

— Но у него есть еще и зубы, не так ли?

«Да,— подумал я раздраженно.— Попробуй-ка подойди поближе, и я покусаю тебя ими». Замечание относительно срезанных щупалец, казалось, было правдой. Я не мог пошевелить ни одной из своих конечностей, но меня беспокоило не столько это, сколько то, что меня назвали обезьянкой. Стыдно, подумал я, давать человеку обидное прозвище, когда он не может защитить себя.

Я слегка всплакнул и впал в беспамятство.

— Тебе лучше, сынок?

Старик склонился у изголовья моей кровати, задумчиво глядя на меня. Грудь его была обнажена и покрыта седыми волосами.

— Неплохо, как мне кажется,— сказал я и попробовал привстать, но не смог.

Старик зашел сбоку.

— Мы можем снять эти путы,— сказал он, взявшись с застежками.— Ты ведь не захочешь себе повредить? Вот и все.

— Я сел.

— А теперь,— сказал Старик,— что ты из всего случившегося помнишь? Докладывай!

— Помню?

— Они поймали тебя. Ты помнишь что-нибудь после того, как паразит овладел тобой?

Я испытал приступ внезапного необузданного страха и вцепился в койку.

— Босс! Они знают, где находится это место. Я сказал им!

— Нет, не знают! — ответил он.— Потому что это во все не то место, которое ты помнишь. Я эвакуировал нашу прежнюю штаб-квартиру. Они ничего не знают об этом месте, как я полагаю. А теперь давай рассказывай.

— Значит так,— начал я.— Я вышел отсюда, я имел в виду из прежней конторы, и поднялся...

Мысли мои стали забегать вперед. Передо мной предстало картина, будто я держу в голых ладонях живого повелителя, готовый поместить его на плечи агента по найму.

Меня вырвало. Старик тут же вытер мне рот и нежно произнес:

— Продолжай, сынок.

Я сглотнул слюну и сказал:

— Босс! Они повсюду! Весь город в их руках!

— Я знаю. Так же, как и Де-Мэйн. Как Миннеаполис, Сент-Пол, Нью-Орлеан, Канзас-Сити и Сент-Луис. Может быть, еще, не знаю... Я не могу быть повсюду.— Он нахмурился и сказал: — Это похоже на бег с ногами в мешке. Мы горим, и притом быстро. Мы даже не можем и ногой ступить в те города, о которых нам известно.

— Почему же?

— Разве это не понятно? Потому что более «старые и мудрые головы» все еще не убедились. Потому что как только они овладевают городом, все идет, как прежде.

Я поднял глаза.

— Не возражай,— произнес Старик.— Ты первый, кого удалось у них вырвать. Ты — первая жертва, которую удалось отвоевать и которая при этом осталась живой. Теперь ты должен припомнить все, что произошло с тобой. Это очень важно. И твой паразит — первый, кого нам удалось поймать и сохранить живым. Теперь у нас появилась возможность...

Мое лицо было, по-видимому, само воплощение ужаса. Знать о том, что мой повелитель все еще жив и мог бы снова овладеть мной — это было выше моих сил.

Старик тронул меня за плечо.

— Не волнуйся,— произнес он мягко.— Ты еще слишком слаб.

— Где он?

— Кто? Паразит? Пусть тебя это не беспокоит. Он живет на твоем «втором я» — рыжем орангутанге по кличке Наполеон. Он в безопасности.

— Убейте его!

— Зачем? Он нам нужен живой.

Я, должно быть, совсем расклеился, так как Старики стал шлепать меня по щекам.

— Возьми себя в руки, парень. Мне не хотелось тебя беспокоить, пока ты не поправился, но я вынужден это сделать. Мы должны записать на пленку все, что тебе удастся вспомнить. Поэтому успокойся и рассказывай все по порядку.

Я собрался с мыслями и стал подробно излагать случившееся со мной. Я описал аренду склада и рекрутование моей первой жертвы. Затем последовал рассказ, как мы двинулись в Конституционный клуб.

— Логично,— кивнул Старики.— Ты был хорошим агентом даже для них.

— Вы не понимаете,— возразил я.— Как раз я-то ничего и не соображал. Я понимал, что происходит, и это было все. Это было, как будто... как будто...— Я умолк, не находя слов.

— Не волнуйся. Продолжай.

— После того как мы захватили менеджера клуба, остальное было несложным делом. Мы прибирали к рукам всех, кто приезжал...

— Фамилии?

— Да, пожалуйста. Гринберг. Тор Хансен. Хардик Поттер, его шофер Джим Уэйкли, малыш по кличке Джейк, который был служителем в туалете. Хотя, постойте. От него пришлось впоследствии избавиться, так как его повелитель не давал ему ни секунды передышки и просто напросто загнал его. Затем... менеджер клуба. Его фамилию я так и не узнал.— Я замолчал, пытаясь вспомнить всех, кого мы рекрутировали.— О, господи!

— Что такое?

— Еще был заместитель государственного казначея!

— Вы овладели им?

— Да. В первый же день. Как давно это было? Господи, шеф, ведь казначейство занимается охраной президента!

Но Старика возле меня уже не было.

Обессиленный, я откинулся на подушки, а затем рыдания потрясли мое тело. Через некоторое время меня сморил сон.

Г л а в а 9

Когда я проснулся, во рту у меня был противный привкус, голова гудела, я был охвачен чувством нависшей над нами опасности. И все же я чувствовал себя сравнительно неплохо. Внезапно раздался добродушный голос:

— Чувствуете себя лучше?

Надо мной склонилась маленькая брюнетка. На ней было странное одеяние: белые шорты, полоска материи, закрывающая грудь и что-то вроде металлического панциря, прикрывающего спину, плечи и шею.

— Лучше,— признался я, пытаясь улыбнуться.

— Во рту неприятный привкус?

— Как после кошачьей свадьбы.

— Вот.— Она дала мне что-то в стакане. Оно несколько обожгло рот, но смыло привкус.— Нет, только не глотайте. Выплюнте, и я дам вам стакан воды.

Я повиновался.

— Меня зовут Дорис Мардсен. Я — ваша сиделка.

— Рад познакомиться с вами, Дорис,— ответил я и внимательно взглянул на нее.— Скажите, что это у вас за наряд? Не то, чтобы он мне не нравился, но у вас такой вид, будто вы сбежали со страниц комикса.

Она хихикнула:

— У меня такое ощущение, будто я из кордебалета. Но вы привыкнете к этому. Я уже привыкла.

— Мне он уже нравится. Но ответьте, зачем вы его носите?

— Это приказ Старика.

Теперь я понял, почему, и от этого мне снова стало хуже.

— А вот и ужин.— Она вытащила поднос.

— Мне что-то не хочется есть.

— Открывайте рот! — сказала она твердым голосом.— Или я выплесну это вам на голову.

Между глотками, которые пришлось сделать в целях санитарии, мне удалось приподняться.

— Я чувствую себя вполне прилично. Один «гиро», и я опять буду на ногах.

— Никаких стимуляторов! — столь же непреклонно заявила она.— Особая диета и побольше отдыха. Затем таблетка снотворного. Вот все, что вам сейчас необходимо.

— А что у меня не так?

— Истощение, голодание, начальная стадия цинги наряду с чесоткой, вшами и так далее — но это мы уже вывели. А теперь вот что — если вы расскажете об этом врачу, я назову вас лжецом и рассмеюсь прямо в лицо. Повернитесь!

Я повиновался, и она стала менять мою одежду. Оказалось, что все мое тело покрыто язвами. Я задумался над тем, что она мне рассказала, и попытался вспомнить, как мне жилось под властью своего повелителя.

— Перестаньте дрожать! — сердито произнесла она.— Вам что, стало хуже?

— Нет, все в порядке,— спокойно сказал я. Насколько я помню, я питался не чаще, чем каждый второй или третий день. Мылся? А ну, поглядим! Да я не мылся вообще! Брился я каждый день и одевал по утрам чистую рубашку. Это было нужно для маскарада, и повелитель понимал это.

С другой стороны, я ни разу не снимал башмаки с того времени, как украл их, до поимки меня Стариком,— а они с самого начала были мне довольно тесны.

— Как выглядят у меня ноги? — поинтересовался я.

— Не будьте любопытным,— посоветовала Дорис.

Вообще-то мне нравятся медсестры. Они спокойны, пожитейски практичны и терпеливы. Мисс Бриггс, моя ночная сиделка, была не столь обаятельна, как Дорис. У нее было лошадиное лицо. У нее была такая же шутовская одежда, но носила она ее с полной серьезностью и вышагивала, как гренадер. Дорис, благослови, боже, ее сердце, хихикала, когда проходила мимо.

Мисс Бриггс отказалась мне дать вторую таблетку снотворного, когда я проснулся ночью после кошмара, зато она играла со мной в покер и ободрала меня на половину месячной зарплаты. Я пытался выяснить у нее, каковы дела у президента, но она ничего не сказала. Она ни за что не призналась бы, что ей известно хоть что-нибудь о паразитах, о летающих тарелках и тому подобном — при этом сама оделась в костюм, у которого могла быть только одна цель.

Я спросил тогда у нее, что интересного в «Новостях». Она ответила, что была настолько занята, что не смотрела никакие передачи. Поэтому я попросил принести в мою палату стереоприемник. Но она тут же сказала, что на это нужно разрешение врача. Я был в списке тех, кого «нельзя беспокоить». Я спросил, как же мне увидеть этого так называемого врача. В это время раздался звонок, и она вышла.

Через некоторое время я заснул. Разбудила меня мисс Бригтс, шлепая по лицу полотенцем. Она подготовила меня к завтраку, после чего ее сменила Дорис и принесла его мне. Пока я жевал, я несколько раз заговоривал о новостях — результат был таким же, как и с мисс Бригтс. Сиделки вели себя так, будто это был лазарет для слабоумных детей.

После завтрака меня навестил Дэвидсон.

— Просыпал, что ты здесь,— сказал он.

На нем были шорты и больше ничего, если не считать повязки на левой руке.

— Это больше того, о чем слышал я,— пожаловался я.— А что случилось с тобой?

— Пчелка укусила.

Если он не хотел рассказать мне, каким образом он получил ожог, то это его личное дело.

— Старик был вчера здесь,— продолжал я,— и исчез совершенно внезапно. Ты видел его после этого?

— А как же.

— Ну и что?

— Что, «что»? Лучше скажи, каковы твои дела? Ребята из сектора психологии решили уже, что тебе можно заниматься секретными делами, или нет?

— А разве в этом есть какие-нибудь сомнения?

— Похоже, что тебя здесь неплохо подлатали. А вот бедняга Джарвис больше не оправился после этого.

— Что? — Я до сих пор не задумывался о судьбе Джарвиса.— Как он там сейчас?

— Никак. Он впал в коматозное состояние и скончался на следующий день после твоего ухода. Я имею в виду тот день, когда они тебя поймали.— Дэвидсон поглядел на меня.— Ты, должно быть, толстокожий.

Я не ощущал себя толстокожим. Слезы, вызванные слабостью, снова хлынули из моих глаз, и я стал часто-часто моргать, смахивая их. Дэвидсон сделал вид, что ничего не заметил, и продолжал:

— Тебе нужно было видеть ту кутерьму, которая поднялась после того, как ты от нас ускользнул. Старик бросился за тобой, не имея при себе и на себе ничего, кроме лучемета и твердой решимости изловить беглеца. Он бы поймал тебя, но его задержала полиция, и нам пришлось вытаскивать его из каталажки.— Дэвидсон улыбнулся.

Я тоже улыбнулся. Было что-то трогательное и вместе с тем глупое в том, что Старик бросился спасать весь мир в чем мать родила.

Жаль, что я упустил такое зрелище. Что же произошло после этого?

Дэвидсон посмотрел на меня и через минуту сказал:

— Подожди-ка минутку.— С этими словами он вышел из палаты.

Я ничего не понял. Но он уже возвращался.

— Старик говорит о'кей. Что же ты хочешь знать?

— Все! Что произошло вчера?

— Как раз тогда я и заработал это.— Он взмахнул обожженной рукой.— Мне еще повезло,— добавил он.— Три агента были убиты. Скандал, да и только!

— Что с президентом? Он тоже...

В палату вбежала Дорис.

— О, вот вы где? — сказала она Дэвидсону.— Я же велела вам оставаться в постели. Вас скоро должны отправить в госпиталь. Скорая помощь вот-вот должна приехать.

Он встал, ухмыльнулся и ушипнул ее здоровой рукой.

— Не беспокойся, сестричка. Праздник не начнется, пока я туда не попаду.

— А ну, живо!

— Иду, иду.

— Эй! — отозвался я.— А как же все-таки президент?

Дэвидсон бросил через плечо:

— С ним все в порядке. Ни единой царапины.

Дорис вернулась через несколько минут, вспениваясь от негодования.

— Пациентики! — Она произнесла это слово, как ругательство.— Я должна была сделать ему укол двадцать минут назад. Теперь мне пришлось делать его прямо в машине скорой помощи.

— Укол против чего?

— Разве он вам не сказал?

— Нет.

— Что ж, нет смысла утаивать это от вас. Ампутация и пересадка левой руки, чуть пониже локтя.

«Да,— подумал я,— навряд ли я услышу конец этой истории от Дэвидсона. Пересадка новой конечности всегда связана с шоком. Приходится держать пациента под наркозом не менее десяти дней». Я снова взялся за Дорис.

— А как Старики? Он не ранен? Или говорить о нем вам тоже запрещено?

— Вы слишком много разговариваете, больной,— рассердилась сиделка.— Сейчас время вашего утреннего питания и сна.

Она вытащила стакан с чем-то молочным.

Но я был тверд. Я сказал ей, что она сколько угодно может выливать мне еду в лицо.

— Старики? — наконец-то сдалась она.— Вы имеете в виду начальника отдела?

— Кого же еще?

— Он не числится в списках больных.— Она сделала гримаску.— Не хотела бы я иметь его в качестве пациента.

Г л а в а 10

Меня держали в постели еще три дня и обращались со мной, как с ребенком. Мне было это все равно. Это был мой первый отдых за многие годы. Язвы понемногу заживали, и вскоре меня обнадежили тем, что можно начать небольшие упражнения, не выходя из комнаты.

Затем меня навестил Старики.

— Все еще симулируешь?

Я покраснел.

— Ну и черное неблагодарное сердце у вас, босс. Принесите мне штаны, и я покажу вам, кто из нас симулянт.

— А ну, потише.— Он взял мою карточку и просмотрел ее.— Сестра, принесите этому человеку шорты. Пусть приступает к выполнению своих обязанностей.

Дорис встретила эти слова, как бойцовская курица.

— Вы, может быть, и большая шишка, но только здесь вы не имеете права распоряжаться!

— Прекратите! — прикрикнул наш Старики.— И немедленно тащите сюда эти кальсоны!

— Но...

Он схватил ее, развернул, похлопал по заду и грозно произнес:

— Действуйте!

Она выскоила, клокоча от гнева, и вернулась с врачом.

— Док, я посыпал за штанами, а не за вами! — коротко сказал Старики.

Врач в недоумении застыл.

— Я буду вам премного благодарен, если вы не будете вмешиваться в дела моих пациентов, — наконец, смог вымолвить он.

— Он не является вашим пациентом. Я отзываю его для исполнения служебных обязанностей.

— Вот как? Сэр, если вам не нравится то, как я управляюсь со своей секцией, то вот вам мое заявление об отставке.

— Я прошу прощения, сэр, — пожал плечами Старики. — Иногда я настолько бываю занят, что забываю следовать правильной процедуре. Сделайте мне одолжение, осмотрите этого пациента. Если его можно допустить к работе, это будет мне большим подспорьем, ведь сейчас каждый работник на счету.

У врача едва не отвалилась челюсть, но он вовремя овладел собой и сказал:

— С радостью готов помочь вам, сэр.

Он несколько раз пробежал взглядом по моей карточке, затем проверил рефлексы.

— Ему необходимо еще некоторое время на восстановление, но вы можете забирать его. Сестра, принесите одежду этого человека.

Одежда состояла из шортов и обуви. Но все остальные были одеты точно так же, и вид всех этих голых плеч без прилепившихся к ним повелителей вызывал спокойствие. Я сказал об этом Старику.

— Лучшей защиты у нас пока нет. Если до зимы эта схватка не будет нами выиграна, то думаю, что на человечестве можно будет поставить крест...

Он остановился у двери с надписью «Биологическая лаборатория. Посторонним вход воспрещен».

Я попятился назад.

— Куда это вы меня тащите?

— Взглянуть на твоего близнеца — обезьяну с твоим паразитом.

— Я так и подумал. Но это сейчас не для меня. Покорно благодарю! — Я почувствовал, что дрожу.

— Послушай-ка, сынок, — терпеливо произнес Старики. — Не поддавайся панике. Самое лучшее — смело взгля-

нуть на ЭТО! Я понимаю, насколько это трудно — я провел немало часов, глядя на эту тварь, чтобы привыкнуть к этому.

— Вы не понимаете, шеф. Вы просто не можете такого понять! — Меня так трясло, что пришлось опереться о дверной косяк.

— Я понимаю, что это совсем другое дело, когда сам испытываешь то, что произошло с тобой. Джарвис...

— Вот здесь вы правы! Да, это совсем другое дело! Вы не смеете заставлять меня пойти туда!

— Пожалуй, ты прав, сынок. Да, врач был прав. Ступай назад, сынок, и ложись в лазарет. — Он похлопал меня по плечу и протянул руку, намереваясь открыть дверь лаборатории.

Я еле смог выдавить из себя:

— Босс!

Он повернулся ко мне. Лицо его было непроницаемым.

— Погодите, шеф, я иду с вами.

— Зачем? — Старик удивленно поднял брови.

— Я должен это сделать! Но учтите, в этом поступке очень многое только для того, чтобы успокоить вас.

Он усмехнулся, взял меня под локоть, сердечно и трогательно. Вот таким образом мы и прошли вовнутрь, затем еще через одну запертую дверь попали в помещение с регулируемой температурой и влажностью. Здесь находилась обезьяна, разумеется, в клетке.

Туловище ее поддерживалось вертикально с помощью специальной металлической сбруи. Ноги и руки безвольно свисали вниз, будто она ими совершенно не владела. Орангутанг смотрел на нас взглядом, в котором светились разум и злоба. Затем огонь угас и глаза его стали просто глазами безучастного животного, животного, испытывающего мучения.

— Давай обойдем,— тихо произнес Старик.

Я с удовольствием отвернулся бы, но он продолжал держать меня за руку. Орангутанг следил за нами взглядом, но тело его сдерживалось уздой. С нового места я мог видеть ЕГО!

Своего повелителя! Тварь, которая оседлала меня, управляла мною в течение такого длительного промежутка времени, что я потерял счет дням, которая говорила моим ртом, использовала мой разум... Я видел своего хозяина!

— Успокойся,— ласково произнес Стариик.— Ты еще привыкнешь к этому. Присмотрись хорошенько. Это помогает.

Я так и сделал, и это действительно помогло. Я сделал несколько глубоких вдохов и сердце мое стало биться не так часто. Я заставил себя смотреть на него. На моего ХОЗЯИНА!

Не внешность паразита порождала ужас. Да и ужас не совсем вызывался тем, что знаешь, что может делать повелитель, ибо я испытал ужас в тот самый первый раз, когда я только увидел его, еще до того, как узнал, что он собой представляет. Я попытался объяснить это Старику. Он кивнул, продолжая внимательно смотреть на паразита.

— То же самое и у всех остальных,— сказал он наконец.— Беспричинный страх, как у птицы перед змеей. Возможно, это главное их оружие.

Он отвел свой взгляд, как будто долго смотреть на паразита даже для его очерствевшего взгляда было невыносимо.

Я пытался не отставать от него, желая привыкнуть к зрелищу присосавшейся твари, однако это было очень трудно. Мне с трудом удавалось удерживать в себе свой завтрак.

Я непрестанно повторял себе, что сейчас он не может причинить вреда мне. Когда я снова отвернулся, то перехватил взгляд Старика.

— Ну, как? — спросил он.— Становишься тверже?
Я снова посмотрел на повелителя.

— Немного,— ответил я резко.— Все, что я сейчас хотел бы, так это убить его! Я хочу уничтожить их всех — я мог бы провести всю свою жизнь, не переставая убивать их! — Меня опять стало трясти.

Стариик изучающе смотрел на меня.

— Ha! — сказал он и отдал мне свой лучемет.

— Что? Зачем?

— Ты хотел убить его. Если тебе это нужно — то давай. Убей его! Прямо сейчас!

— Но, шеф... ведь вы сказали мне, что эта тварь очень важна для исследования!

— И сейчас это говорю. Но если ты испытываешь потребность убить его — убей! Именно этот экземпляр всецело принадлежит тебе. Если тебе нужно убить его, чтобы снова стать цельным человеком, то не мешкай!

— Чтобы я снова стал цельным человеком... — Мысль эта застряла у меня в голове. Старик знал, какое лекарство нужно для моего выздоровления. Я уже больше не дрожал. Лучемет покоился твердо в моих руках, готовый изрыгнуть пламя и сеять смерть. Смерть моего повелителя!

Если я убью этого отдельного наездника, то снова стану свободным человеком, но я никогда не стану по-настоящему свободным, пока есть другие повелители! Я хотел убить их всех, каждого из них, отыскивать их, сжигать их — но этого повелителя прежде всего!

Он был моим хозяином... и останется им, пока я не прикончу его! В голове моей мелькнула мрачная и почти странная мысль, что будь я один на один с ним, я не был бы в состоянии что-нибудь сделать. Я безвольно ждал бы, пока он не впопыхах на меня и не устроился между моими лопатками, вступая во владение моим мозгом и всем мною целиком.

Но в данный момент я мог убить его!

Отбросив страх, яростно ликуя, я поднял лучемет.

Старик внимательно смотрел на меня.

Я немножко опустил дуло и нерешительно произнес:

— Босс, предположим, я это сделаю. У вас есть еще экземпляр?

— Нет.

— Поэтому-то он вам так и важен?

— Да.

— Тогда, ради всего святого, почему вы дали мне оружие?

— Ты сам знаешь почему. Если тебе это нужно, то действуй. Если же ты можешь без этого обойтись, то Отделу он еще пригодится.

Ну что же, даже если мы уничтожим всех остальных, то пока этот будет жив, я буду избегать темноты и дрожать, когда окажусь в ней. Что касается других, то можно наловить десяток в Конституционном клубе. Когда этот будет мертв, я сам возглавлю налет на это место! Тяжело дыша, я снова поднял лучемет.

Затем повернулся и швырнул оружие Старику. Он ловко поймал его на лету.

— Что случилось? — невинно спросил он.

— Что? — почти выкрикнул я. — Не знаю. Я думаю, что мне достаточно мысли, что я могу сделать это! Что я могу прикончить эту тварь!

— Я так и думал.

Мне стало легко и спокойно на душе. Будто я на самом деле убил ее. Теперь я мог повернуться к этой твари спиной. Я даже не сердился на Старика за то, что он со мной проделал.

— Я догадывался об этом, черт побери! Ну, каково чувство быть повелителем марионетки?

Он не воспринял эту игру слов как шутку и ответил серьезно:

— Это не ко мне. Самое большое, что я делаю, это направляю человека по тому пути, которым он сам хочет следовать. Разве это — повелитель марионетки?

— Нет,— спокойно согласился я,— не «повелитель марионетки». Вы думаете, что понимаете это... Но дай вам бог, босс, никогда не понять это, как понял его я!

— Я тоже на это надеюсь,— спокойно и серьезно ответил он.

Теперь я без дрожи мог смотреть на то, что находилось в клетке.

— Босс, когда мы с этим разделяемся, тогда я убью Его.

— Это я тебе могу обещать.

Наш разговор перебил неожиданно ворвавшийся в комнату человек. На нем были шорты и лабораторный халат, не застегнутый ни на одну пуговицу и от этого разевающийся во все стороны. Это не был Грейвс. Нашего заведующего биологической лаборатории я больше никогда не встречал. Похоже, что Старик съел его со всеми потрохами.

— Шеф! — запыхавшись, прохрипел вошедший.— Я не знал, что вы здесь. Я...

Дуло лучемета Старика твердо смотрело в живот этого прикурка.

— Да, я здесь! — перебил его Старик.— Почему на вас халат, сэр? — И он выразительно покрутил лучеметом.

Человек посмотрел на оружие так, будто это была глупая шутка.

— Почему? Но ведь я работал. Всегда есть риск что-то расплескать. Должен заметить, что некоторые из наших реактивов весьма...

— Разденьтесь!

— Что?

Старик покачал лучеметом.

— Приготовься взять его! — сказал он и качнул головой в мою сторону.

Человек тут же сбросил халат. Плечи его были обнажены, предательской сыпи видно не было.

— Заберите этот чертов халат и сожгите его,— приказал ему Старики.— После этого возвращайтесь к работе.

Человек, покраснев, поспешил было прочь, но тут же остановился и спросил:

— Шеф, вы готовы к этой... процедуре?

— Скоро буду. Я дам вам знать об этом.

Человек вышел. Старики устало положил лучемет в наплечную кобуру.

— Расклеиваешь приказ,— стал ворчать он,— даешь его читать всему персоналу, лично доводишь до каждого, заставляешь всех расписываться под ним. Ну хоть вытащишь его на их узких хилых грудях — все равно какой-нибудь умник будет считать, что это к нему не относится. Ученые!

Я снова вернулся к своему прежнему повелителю. Он и сейчас вызывал у меня отвращение, но при этом появился еще какой-то привкус опасности, который, черт побери, не был абсолютно неприятным.

— Шеф,— подал я голос.— Что вы собираетесь делать с этой дрянью?

— Намерен взять интервью.

— У кого? У него? Каким же образом, позвольте полюбопытствовать? Неужели вы собираетесь расспросить эту милую обезьянку?

— Нет. Ты отлично знаешь, что обезьяны не умеют говорить. Нам нужен доброволец. Человек-доброволец!

Стоило мне только зритально представить себе это, как ужас с новой силой обрушился на меня.

— Нет, вы не можете этого сделать! Вы не посмеете сделать такое! Этого нельзя разрешить никому!

— Могу и сделаю, мой мальчик. То, что необходимо совершить, должно быть сделано.

— Вы не раздобрите добровольцев! Ни единого! Дураков нет!

— У меня уже есть один.

— Есть? Кто же это?

— Мне бы не хотелось воспользоваться им. Я все еще подыскиваю подходящего человека.

Я испытывал негодование и не скрывал этого.

— Вы не должны никого искать, будь то доброволец или нет. Если же у вас все же есть кто-то, кто хочет попробовать острых ощущений, то вам не надо искать еще одного. Не может быть двух человек, настолько обезумевших.

— Возможно,— согласился он.— Но я все еще не хочу того, который уже есть. Интервью должно состояться непременно, сынок. Мы сражаемся при полном отсутствии военной разведки. Мы не знаем своего врага, мы не в состоянии общаться с ним, мы не знаем, какими побуждениями он руководствуется. Мы должны это выяснить. От этого зависит наше существование. Единственным способом говорить с этими тварями является общение через посредника-человека. Поэтому это будет сделано. Но я все еще подыскиваю добровольца.

— Не смотрите на меня!

— А почему бы мне не смотреть на тебя?

Мой ответ был наполовину ироническим, его же слова настолько ошеломили меня, что я потерял дар речи. Придя в себя, я стал бессвязно кричать, брызжа слюной:

— Вы с ума сошли? Мне следовало бы убить эту мразь, раз у меня в руках оказалось ваше оружие. Я бы обязательно это сделал, зная я, для чего она вам нужна. Стать добровольцем и позволить вам снова посадить мне на плечи эту мерзость... Нет, с меня довольно!

Старик продолжал гнуть свое, будто вовсе не слышал меня.

— Это не может быть просто кто-нибудь. Это должен быть человек, который способен вынести это. Джарвис не был ни в должной мере стабилен, ни достаточно стоек. Мы знаем, что ты как раз такой!

— Я? Все, что вы знаете, это то, что я уже однажды пережил это! Я... Я не выдержу такое еще раз!

— Это будет первоначальный доброволец.

— Сошка помельче? — спросил голос с ноткой сомнения.

— Верно. Ведите его сюда.

Я направился к двери.

— Куда это ты? — сердито бросил Старик.

— На выход! — огрызнулся я.— Не хочу принимать в этом никакого участия.

Он сгреб меня и развернул.

— Нет, ты останешься! — с яростью в голосе сказал Старики. — Хватит молоть чепуху. Не то я запру тебя в больнице!

Я слишком устал, чтобы ему перечить.

— Вы здесь — босс.

Лаборанты вкатили нечто вроде кресла, более похожего на электрический стул в тюрьме Синг-Синг, чем на что-либо иное. На нем были пристяжные ремни для колен и лодыжек, а также для запястий и локтей, корсет для пояса и груди. Однако спинка кресла была вырезана таким образом, чтобы плечи жертвы оставались голыми.

Они поставили кресло рядом с клеткой орангутанга, затем убрали решетку клетки, которая соседствовала с креслом. Обезьяна наблюдала за этим пытливым внимательным взглядом, однако конечности ее все еще безвольно свисали. Тем не менее, от самой мысли о том, что клетка открыта, мне становилось не по себе. Только угроза Старика подвергнуть меня аресту удерживала меня здесь. Лаборанты стояли рядом, по-видимому, наготове. Открылась наружная дверь и вошло несколько человек, в том числе и Мэри.

Ноги у меня подкосились. Я давно хотел повидаться с ней и пытался несколько раз передать ей словечко через сиделок, но они либо не знали, о ком именно идет речь, либо получили соответствующие инструкции. Теперь я вот встретился с ней при таких обстоятельствах. Я выругал в душе Старика — это не такого рода зрелище, на которое водят женщин, пусть даже женщин-агентов. Должны же все-таки быть какие-то рамки приличия.

Мэри, казалось, удивилась, увидев меня, и кивнула. Я тоже кивнул, но для болтовни не было настроения. Она выглядела довольно-таки неплохо, хотя и была очень сосредоточенной. На ней была такая же одежда, что и на сиделке, но у нее не было нелепого шлема и пластины на спине. Все остальные были мужчинами, занятymi наладкой различной аппаратуры, в том числе и для записи звука и стереоизображения.

— Готово? — спросил завлабораторией.

— Начинай! — кивнул Старики.

Мэри подошла прямо к креслу и села в него. Двое лаборантов, встав на колени, стали прилаживать застежки. Я следил за ними, затаив дыхание. Затем схватил Старики.

рика за руку и буквально отшвырнул его в сторону, бросившись к креслу и сметая на пути подвернувшихся под ноги лаборантов.

— Мэри! — закричал я.— Поднимайся отсюда!

— Дуло лучемета Старики было направлено на меня.

— Прочь от нее! — скомандовал он.— А вы, трое, хватайте его и вяжите!

Я взглянул на лучемет, затем перевел взгляд на Мэри. Она не шевелилась. Ноги ее уже были связаны. Она просто глядела на меня взглядом, полным сострадания.

— Поднимись, Мэри,— сказал я понуро.— В это кресло сяду я.

Кресло забрали и принесли новое, побольше — в старом мне было тесно, так как оно было подогнано по размеру Мэри.

Когда меня закончили пристегивать, тело мое стало застывшим, как бетон. Спина невыносимо зудела, хотя к ней пока что ничто не прикасалось.

Мэри больше не было в комнате. Я не видел, как она вышла, да и это как-то потеряло для меня какое-либо значение. Когда меня подготовили, Старики положил руку на мое плечо и тихо сказал:

— Спасибо, сынок.

Я промолчал.

Я не видел того, что они делают с паразитом, пока он не занял свое место у меня на спине. У меня не было никакого желания смотреть на это, даже если бы я был в состоянии повернуть голову. Обезьяна зарычала и взвизгнула, кто-то закричал:

— Осторожно!

Затем наступила тишина, как будто все затаили дыхание. Внезапно что-то влажное коснулось моей шеи... И я потерял сознание.

Я пришел в себя, ощущая такой прилив энергии, какой я уже один раз испытал. Я понимал, что нахожусь в тяжелом положении, однако мною овладела хладнокровная решимость что-то предпринять, чтобы освободиться. Страха я не испытывал. Я относился к присутствующим с презрением и был уверен в том, что сумею перехитрить их.

Раздался голос Старика:

— Ты меня слышишь?

- Перестаньте кричать,— ответил я.
- Ты помнишь, для чего мы здесь собрались?
- Вы хотите задавать вопросы,— сказал я.— Чего же вы мешкаете?
- Кто ты?
- Что за глупый вопрос! Разве вы меня не знаете?

Я...

- Нет, не ты! Ты понимаешь, к кому я теперь обращаюсь, понимаешь?

— Что за игра в загадки?

Старик не торопился отвечать.

— Не стоит притворяться, что я не знаю, кто ты.

— А? Вы все-таки не знаете.

— Ты знаешь, что я изучал тебя все это время, пока ты жил на теле обезьяны. Я знаю многое такое, что дает мне преимущество над тобой. Первое — я могу тебя убить. Второе — я могу причинить тебе боль. Я знаю, что тебе не нравится электрический ток и ты не можешь выдержать нагрев, какой может выдержать человек. Третье — без своего «хозяина» ты беспомощен. Я могу тебя запросто снять и ты должен будешь скоро погибнуть. Четвертое — у тебя нет никаких других способностей, кроме тех, которые ты заимствуешь у своего «хозяина» — но он сейчас беспомощен. Попробуй-ка путы. Тебе ничего не остается, кроме сотрудничества. Или — смерть. Выбирай.

Я уже попробовал путы и обнаружил, как и ожидал, что избавиться от них невозможно. Это меня, однако, не сильно беспокоило. Наоборот, появилось какое-то облегчение, я был рад снова слиться со своим повелителем, ощущая легкость свободы от забот и тревог. Мое дело — служить, будущее само о себе позаботится, все утрясется само собой. Одна из застежек на лодыжке, казалось, была послабее других. Возможно, я мог вытащить из нее ногу. Но ремни на руках? Возможно, если бы я полностью расслабился...

Тотчас же пришло распоряжение — или я принял самостоятельное решение? Хотя, если вдуматься, сейчас эти слова означали одно и то же. Я не испытывал конфликта между своим «я» и повелителем. Мы были единым целым. И как бы это не называть — получением распоряжения или принятием решения, но я знал, что сейчас не время рисковать, чтобы спастись бегством. Я пробежал взглядом по комнате, пытаясь выяснить, кто из этих людышек вооружен. Как мне показалось, луче-

мет был только у Старика. Это повышало мои шансы.

Где-то очень глубоко я испытывал некоторую вину и отчаяние, которые знакомы только слугам повелителей, но я был слишком занят, чтобы испытывать по этому поводу особенно большое беспокойство.

— Ну! — настаивал Старик.— Ты будешь отвечать на вопросы или мне придется наказать тебя?

— Какие вопросы? — спросил я.— До сих пор вы пока что несете какой-то бред.

Старик обратился к одному из лаборантов.

— Дайте мне электрод.

Я не понимал, о чем идет речь, весь занятый своими путями. Если бы мне удалось заставить его поместить свой лучемет в пределах досягаемости при условии, что я мог бы высвободить хотя бы одну руку, то тогда бы я пожалуй...

Он провел прутком где-то у меня за спиной. Я тут же ощутил пронизывающую боль. Все потемнело передо мной, как будто в комнате выключили свет. Мне показалось, что я рассыпаюсь на мелкие-мелкие части. На какое-то мгновение я остался без своего повелителя.

Затем боль улеглась, оставив о себе смутную память. Прежде чем я смог собраться с мыслями, ощущение расколотости исчезло и я вновь почувствовал себя в безопасности, находясь во власти повелителя. Но в первый и единственный раз за всю мою ему службу, я не испытал себя свободным от тревог. Какая-то часть его дикого страха и боли передалась мне.

— Ну? — спросил Старик.— Как тебе это понравилось?

Паника улеглась. Я снова был абсолютно хладнокровен и внимателен. Боль, которую я начал испытывать в кистях и лодыжках, перестала мне досаждать.

— Зачем вы это сделали? — спросил я.— Конечно, вы можете мучить меня, но только зачем?

— Отвечайте на мои вопросы.

— Задавайте.

— Кто ты?

Ответ пришел не сразу. Старик потянулся было к электроду, но тут я услышал свой голос:

— Мы — люди.

— Какие люди?

— Единственные. Мы давно изучаем вас и хорошо вас знаем. Мы... — неожиданно я замолчал.

— Говори, говори,— угрюмо произнес Старик и сделал жест в сторону электрода.

— Мы пришли,— продолжал я,— чтобы дать вам...
— Что дать нам?

Я хотел сказать, но испытывал затруднения в выборе слов. Электрод был в ужасающей близости.

— Чтобы дать вам... покой! — наконец выпалил я.

Старик фыркнул.

— Да, покой,— продолжал я, и удовлетворение радости подчинения.— Я снова замолчал в нерешительности. Подчинение было неверным словом. Я испытывал такие же мучения, как если бы говорил на иностранном языке.

— Радость,— повторил я,— радость нирваны!

Это было как раз нужное слово. Я испытывал то ощущение, какое испытывает собака, когда ее гладят за то, что она принесла палку. Я прямо-таки корчился от удовольствия.

— Значит, вот как,— скривился Старик.— Вы обещаете человечеству, что если мы подчинимся, вы возьмете на себя все заботы о нас и сделаете нас самыми счастливыми на свете. Верно?

— Точно!

Старик задумчиво поглядел на мои плечи, затем сплюнул на пол.

— Вы знаете меня,— медленно произнес он,— и нашу породу. Нам часто такое предлагали. И из этого ничего не выходило.

— Попробуйте сами,— предложил я.— Это может быть сделано быстро и тогда вы узнаете, что такая истинная радость жизни.

На этот раз он взглянул мне в лицо.

— Может быть, так и следовало бы поступить. Может быть, я когда-нибудь попробую. Но пока что,— продолжал он отрывисто,— ты должен отвечать на вопросы. Отвечать быстро и честно. Тогда ничего тебе не будет. Начнешь мешкать и я тут же подниму силу тока.— Он помахал электродом перед моим носом.

Я съежился, чувствуя свое поражение и отвращение к этому предмету. На какое-то мгновение у меня мелькнула надежда, что он согласится, и я стал лихорадочно перебирать варианты бегства.

— А теперь,— продолжал он,— откуда вы пришли?

Я молчал, у меня не было никаких побуждений говорить.

Электрод почти касался меня.

— Издалека! — непроизвольно вырвалось из моего горла.

— Это не новость для нас. Где находится ваша главная база, ваша родная планета? — Старик немного подождал. — Придется расшевелить твою память, — сказал он через несколько мгновений.

Я тупо уставился на него, ни о чем не думая. Один из лаборантов обратился к Старику:

— Тут возможны некоторые семантические трудности, сэр, связанные с различием астрономических понятий.

— Почему? — удивился Старик. — Этот слизень знает все, что известно его «хозяину». Мы уже доказали это. — Однако, это все же заставило его зайти с другой стороны.

— Послушай-ка. Возьмем Солнечную систему. Ваша планета находится в ней или за ее пределами?

Я поколебался всего секунду:

— Нам принадлежат все планеты!

— Интересно! — Старик иронически скривил губы. — Что ты хочешь этим сказать? — Он задумался. — Нет, не верю, чтобы вся Вселенная принадлежала этаким тварям. Где ваше логово? Откуда прилетели ваши корабли?

Я не мог бы сказать это ему. Поэтому я просто сидел молча.

Он неожиданно взмахнул рукой у меня за спиной, и тут же последовал сокрушительный удар.

— Говори же, черт побери! На какой планете? На Марсе? На Венере? На Юпитере? Сатурне? Уране? Нептуне? Плутоне?

Когда он называл их, все они медленно проплывали перед моим мысленным взором — а ведь я не покидал Землю, не забирался дальше околоземных станций. Когда я дошел до правильного ответа, я осознал это, но мысль тут же убежала от меня.

— Говори! — гремел Старик. — Или я причиню тебе боль.

И я услышал свои слова:

— Ни на одной из них. Наш дом гораздо дальше.

Он посмотрел мне на спину, затем нагнулся и долго смотрел в глаза.

— Ты лжешь, — наконец произнес он. — Тебе нужен какой-то стимул, чтобы быть честным?

— Нет, нет!

Он выпрямился и медленно поднес электрод к моей спине. Я снова увидел правильный ответ и был готов уже выдать его, когда что-то сдавило мне горло. Затем пришла мучительная боль.

Она не прекращалась. Казалось, меня рвало на куски. Я пытался заговорить, я был готов на что угодно, лишь бы боль прекратилась, но невидимая рука продолжала сжимать мое горло. Затем снова пришла мучительная боль.

Сквозь боль я увидел, как лицо Старика стало медленно расплываться и исчезать.

— Ну, как? — услышал я где-то вдалеке его голос.— Еще?

Я собрался было ответить, но поперхнулся. На мгновение зрение вернулось ко мне и я увидел его руку с электродом.

Взорвавшись на куски, я умер.

Кто-то из склонившихся надо мной сказал:

— Он приходит в себя.

Прямо передо мной было лицо Старика.

— Чувствуешь себя хорошо, сынок? — встревоженно спросил он.— Хорошо?

Я отвернулся.

— Чуть в сторону, пожалуйста,— произнес другой голос.— Дайте мне сделать ему укол.

Сказавший это присел рядом со мной на койку и сделал что-то с моей рукой. Боли я не почувствовал. Затем он встал, взглянул на свои руки и быстро вытер их о шорты.

«Гиро»,— подумал я, или что-то в этом роде. Что бы это ни было, оно позволило мне снова стать единственным. Вскоре я уже мог сидеть без посторонней помощи. Я все еще находился в одной комнате с клеткой непосредственно перед этим проклятым креслом. Я лежал на походной койке. Старик протянул мне руку, и я начал медленно подниматься. Потом что-то в моей голове щелкнуло, и я тут же отбросил эту руку «помощи».

— Не прикасайтесь ко мне! — яростно выпалил я.

— Извини,— сказал он. И тут же отвернувшись, приказал кому-то: — Джонс! Вы и Ито немедленно отведите его в лазарет. Доктор, вы вместе с ними!

— Обязательно.— Тот, кто сделал мне угол, хотел было взять меня за руку, но я затравленно отпрянул.

— Руки прочь от меня!

Врач взглянул на Старика, тот пожал плечами, затем дал всем знак оставить меня в покое. Я прошел к двери и вышел в коридор. Здесь я остановился, посмотрел на свои запястья и лодыжки и решил, что мне, пожалуй, действительно лучше все-таки отправиться в лазарет. Дорис обо мне позаботится, после чего я смогу спокойно заснуть. У меня было такое ощущение, будто я провел на ринге пятнадцать раундов и все их проиграл.

— Сэм, Сэм!

Я узнал этот голос. Мэри догнала меня и теперь стояла передо мной, глядя на меня с жалкой улыбкой.

— О, Сэм, что они с тобой сделали!

Голос ее был настолько сдавленным, что я едва разбирал слова.

— Ты отлично знаешь, что,— сказал я. У меня осталось достаточно сил, чтобы влепить ей пощечину.— Сука!

Моя палата была пустой, да и Дорис была рядом. Я прикрыл дверь и бросился на кровать лицом вниз. Я попытался забыться, ни о чем не думая и ничего не чувствуя. Через некоторое время я услышал чье-то частое дыхание и приоткрыл один глаз — Дорис.

— О, боже! — воскликнула она. Я почувствовал прикосновение ее нежных рук.— За что это они вас? Бедный, бедный малыш! Оставайся здесь и постарайся не двигаться. Я сейчас приведу доктора.

— Нет!

— Но тебе же нужен врач!

— Не хочу его видеть! Ты мне сама окажешь помощь.

Она ничего не ответила. Затем я услышал, что она вышла. Вскоре она вернулась и начала промывать мои раны. Мне хотелось кричать, когда она прикасалась к моей спине. Но она быстро забинтовала ее и сказала:

— А теперь повернись.

— Я останусь лицом вниз.

— Нет,— мягко возразила она.— Я хочу, чтобы ты что-нибудь выпил, ты ведь послушный мальчик, не так ли?

Я перевернулся, в основном с ее помощью, и выпил то, что она мне дала. Через несколько мгновений я уснул.

Помнится мне, будто что-то меня разбудило. Я увидел склонившегося надо мной Старика и грязно обругал его. Врач тоже был здесь — а может быть, это был только он.

Разбудила меня мисс Бриггс. Дорис принесла завтрак. Болезни будто и не было вовсе. Я был не в такой уж плохой форме. У меня было такое чувство, будто я спустился по Ниагарскому водопаду в бочке. На обеих ногах и обеих руках у меня были перевязки в тех местах, где в мое тело впивались застежки, но кости все же были целы. Что у меня еще болело, так это душа.

Поймите меня правильно. Старик мог послать меня в какое угодно место, самое опасное. Такая у меня работа. Но я вовсе не нанимался на то, чему он меня подвергнул. Он знал, чем меня подстегнуть, и воспользовался этим, чтобы принудить меня к тому, что я ни за что бы не сделал добровольно. Затем, после того, как он добился от меня того, что хотел, он немилосердно использовал меня. О, я сам был жестоким, когда это было необходимо, и бил людей, чтобы заставить их говорить. Иногда приходилось это делать. Но в данном случае все было по-другому. Поверьте мне.

Кто на самом деле принес мне страдания, так это Старик. Мэри? Ведь, в конце концов, кто она? Просто еще одно дитя. Правда, я испытывал к ней отвращение за то, что она позволила, чтобы ее употребили в качестве приманки. Ничего худого не было в том, что она пользовалась своим женским обаянием, будучи агентом. Отделу нужны оперативные работники-женщины. Всегда существовали женщины-шпионы, и те из них, которые были молоды и красивы, всегда пускали в ход одно и то же оружие.

Но она не должна была соглашаться, чтобы эти ее качества были направлены против своего же коллеги или хотя бы, по меньшей мере, ей не следовало употреблять их против меня.

Не очень-то логично, не так ли? Но для меня это было вполне логично. Я имел на это право. Они вполне могут и дальше осуществлять операцию «Паразит», но без моего участия. Что же касается меня, то в Адирондакских горах есть небольшая хижина, где в холодильнике столько припасов, что можно продержаться чуть ли не целый год, а то и больше. У меня полно «временных» таблеток и я могу затаиться там и пользоваться ими, а мир пусть сам занимается своим спасением или отправляется в ад без моего участия.

Если же кто-нибудь подойдет ко мне ближе, чем на сто — сто пятьдесят метров, то он либо покажет голую спину, либо будет тут же сожжен!

Г л а в а 11.

Мне нужно было кому-нибудь сказать об этом, и таким козлом отпущения стала Дорис. У нее это вызвало негодование. Боже, вид у нее был как у ошпаренной совы. Я рассказал ей все, что чувствовал в отношении участия Мэри в этом спектакле.

— Насколько я понимаю, вы хотели жениться на этой девушке?

— Верно. Довольно глупо с моей стороны, не так ли?

— Значит, она понимала, что она может делать с вами. Да, это нечестно.— Дорис перестала массировать меня и прищурила глаза.— Я никогда не встречалась с вашей рыжей, но если встречусь, то исцарапаю ей все лицо!

Я улыбнулся.

— Вы чудесное дитя, Дорис. Я уверен, что мужчина, которому вы подарите свою благосклонность, будет счастливым человеком. Вы будете честны по отношению к нему.

— О, я нравлюсь сразу нескольким. Но если бы я сотворила хотя бы наполовину подобное этому, я бы разбила свое зеркало. Повернитесь, и я займусь другой ногой.

В палату вошла Мэри. Первое, что до меня дошло, это сердитые слова Дорис:

— Вам нельзя сюда!

— Но мне надо,— отвечал голос Мэри.

— Убирайтесь отсюда,— пронзительно закричала Дорис,— или я с корнем повырываю ваши крашеные волосы!

Послышались характерные для драки звуки, а затем звонкая пощечина.

— Эй! Что там происходит? — пришлось мне вмешаться.

В двери они показались вместе. Дорис тяжело дышала, волосы ее были растрепаны. Мэри удалось придать себе величавый вид, но на ее щеке ярко краснело пятно величиной с ладонь Дорис.

Дорис перевела дух и сказала:

— Вон отсюда! Или я сейчас же позову врача. Пациент не желает видеть вас!

— Я хотела бы это услышать от него самого,— сказала Мэри.

Я посмотрел на них обеих и усмехнулся:

— Ну, что за чертовщина. Раз уж она здесь, то мне нужно кое-что ей сказать. Спасибо за все, что вы сделали, Дорис.

— Вы дурак! — бросила медсестра и вышла прочь. Мэри подошла к моей койке.

— Сэм,— сказала она.— Сэм...

— Меня зовут не Сэм.

— Я никогда не слышала твоего настоящего имени...

У меня не было ни времени, ни желания объяснять, что родители наградили меня именем «Илахью», поэтому я просто усмехнулся:

— Что из этого. Сойдет и Сэм.

— Сэм,— повторила она.— О, Сэм, дорогой мой...

Она склонила голову. Я деланно фыркнул.

— Да, я понимаю. Не знаю почему, Сэм. Я пришла выяснить, почему ты ненавидишь меня. Вероятно, я ничего не смогу изменить, но я должна знать. Понимаешь, должна!

— После всего того, что ты совершила, ты не знаешь, почему? Мэри, может быть, ты и холодная, как рыба, но ты отнюдь не глупа.

Она покачала головой.

— Просто отсталая, Сэмми. Я не равнодушная, но я часто совершаю глупые поступки. Взгляни на меня, пожалуйста. Я не знаю, что они с тобой сделали. Я знаю, что ты позволил им это сделать, чтобы спасти меня от этого. Я знаю это и глубоко тебе благодарна. Но я не понимаю, почему ты ненавидишь меня. Я не просила тебя совершать этот поступок и, видит бог, я не хотела, чтобы ты это делал!

Я ничего не ответил. Тогда она сказала:

— Ты мне не веришь?

Я прислонился к стенке, приподнявшись на локте.

— Я верю, что ты сама себя убедила в том, как все это было. А теперь я расскажу, как все это было на самом деле.

— Расскажи, пожалуйста.

— Ты сидела в том гнусном кресле, прекрасно зная, что я никогда не допущу, чтобы ты прошла через все это! Ты отлично понимала ситуацию, независимо от того, признавал это или нет твой хитрый женский ум. Стажник не мог бы принудить меня ни оружием, ни пыткой, ни даже наркотиками. А ты могла! И сделала это! Ты вынудила меня сделать такое, что я лучше бы умер, но не

сделал. Даже мысль о прикосновении этой мерзости делает меня грязным, заставляет ощущать себя «порченным». И ты это сделала!

Лицо ее стало постепенно белеть, пока не стало зеленым на фоне волос. У нее перехватило дыхание.

— Ты веришь этому, Сэмми? — едва слышно произнесла она.

— Разумеется.

— Сэм, но ведь было все иначе! Я не знала, что ты окажешься там. Я была совершенно поражена, когда увидала тебя, поверь мне. Но я должна была пройти через это. Я обещала!

— Обещала, — повторил я. — Да, это все покрывает обещание школьницы.

— Вряд ли это было обещание школьницы.

— Может быть. Но сейчас это уже не имеет значения. Так же, как и не имеет значения, говоришь ли ты правду о том, что не знала, что я буду в той комнате. Суть вот в чем: ты была там и я был там — и ты могла, обязана была предвидеть, что может произойти, если ты сделаешь то, на что пошла!

— О, это только тебе так кажется, и я не в состоянии оспаривать факты.

— Еще бы!

Довольно долго она стояла молча. Я не мешал ей. В конце концов она сказала:

— Сэм, когда-то ты говорил, что хочешь жениться на мне...

— Тогда были совсем другие дни.

— Я не жду, что повторишь это предложение.

Но как естественное следствие того, что произошло, Сэм, неважно, что ты об этом думаешь, я хочу сказать тебе, я от всей души благодарна за все, что ты сделал для меня. И теперь я совершенно иначе отношусь к твоим словам, Сэм. Ты меня понимаешь?

Я улыбнулся ей.

— Боже праведный, изворотливость женского ума меня восхищает и поражает. Ты всегда считаешь, что можно уравнять счет и начать все сначала. — Я продолжал ухмыляться, пока она вся не зарделась. — Со мной это не пройдет. Я не причиню тебе беспокойства, приняв такое великодушное предложение.

— Я позволила себе решиться сказать об этом, — произнесла она ровным тоном. — И я согласна на это

и на любое другое, что я могла бы для тебя сделать.

Я откинулся на подушку.

— Конечно, ты можешь для меня кое-что сделать.

— Что же? — в ее глазах вспыхнул огонь.

— Перестань меня беспокоить. Я устал.

Я отвернулся.

Старик просунул голову в дверь. Моим немедленным впечатлением было удовольствие — от влияния личности Старика тяжело избавиться. Затем я все вспомнил и похолодел. Я стряхнул с себя обаяние личности Старика.

— Я хочу поговорить с тобой, парень,— начал он.

— Я не желаю с вами разговаривать. Уходите!

Он не обратил внимания на эти слова и прошел вовнутрь.

— Можно присесть.

— Вы, кажется, это уже сделали.

Он и на это не обратил внимания.

— Понимаешь, сынок, ты один из лучших моих людей, но иногда все же ты слишком спешишь с выводом.

— Пусть это вас не беспокоит,— сказал я.— Как только врач меня выпишет, я увольняюсь.

Наш босс всегда слышал только то, что хотел слышать.

— Ты очень спешишь с заключениями, сынок. Возьми хотя бы для примера, эту девушку — Мэри...

— Какую Мэри?

— Ты отлично знаешь, кого я имею в виду. Тебе она известна под именем «Мэри Кавана».

— Вот и забирайте ее себе!

— Опять ты прыгаешь! Ты не представляешь себе, как своим поведением расстраиваешь Мэри. Из-за тебя я могу лишиться прекрасного агента.

— Ха-ха. Я весь в слезах!

— Послушай-ка ты, сопляк зеленый, у тебя нет ни малейших причин быть с ней грубым! Тебе неведомы факты!

Я ничего не ответил — объяснения не самая лучшая защита.

— О, я догадываюсь, что ты думаешь,— продолжал он.— Ты считаешь, что она позволила, чтобы ее употребили в качестве приманки. Так вот, это не совсем так. Ею воспользовались, и сделал это я. Я именно так и задумал с самого начала.

— Вы знаете, что делаете!

— Так почему ты обвиняешь ее?

— Потому, что вы не могли бы это совершить, если бы она не помогала вам. О, какой это благородный жест с вашей стороны, со стороны бессердечного негодяя, взять всю вину на себя — но вы не можете этого сделать.

Он и ухом не повел и продолжал:

— Ты понимаешь все, кроме самого главного, а оно в том, что девчонка действительно ничего не знала.

— Но ведь, черт побери, она была там!

— Да, была. Сынок, я когда-нибудь тебе лгал?

— Нет,— должен был признать я.— Но не думаю, что вы станете колебаться, когда на карту поставлена судьба человечества.

— Возможно, я заслуживаю твоего презрения,— кивнул он.— Да, я мог бы солгать даже самому президенту, если бы от этого зависела безопасность страны. Я не считал это нужным, потому что был очень разборчив в выборе тех, кто работает со мной. Но в данном случае благополучие страны от этого не зависит и я не лгу, а тебе очень просто это проверить и удостовериться, лгу ли я или нет. Поверь, что эта девчонка ничего не знала. Она не знала о том, что ты окажешься в этой комнате, но знала, почему ты там оказался. Она ничего не знала о том, кто еще может сидеть в этом кресле. У нее не было ни малейших сомнений в том, что именно ей предначертано пройти весь этот ад. Она не имела ни малейшего понятия о том, что я уже решил, что именно ты будешь тем единственным добровольцем, кто всецело устроит меня, даже если для этого я вынужден буду тебя связать и подвергнуть этому насилию. Она даже не знала того, что ты уже выписан из лазарета.

Мне хотелось верить этому, поэтому я упирался до последнего.

— Погляди на меня! — добавил он.— Есть кое-что, во что я хочу ткнуть тебя носом. Прежде всего, это то, что все, включая меня, высоко ценят, что ты совершил независимо от побуждения. Я составляю сейчас докладную записку и ты, несомненно, получишь медаль. И это независимо от того, останешься ты в отделе или нет. Но нестрой из себя героя...— продолжал он.

— И не собираюсь!

— ...потому что эта медаль попадет не к тому человеку,— она заработана Мэри. Сиди тихо! Я еще не кончил. Тебя пришлось принудить совершить это. Нет, я не критиковала тебя. Ты уже и так многое претерпел. Но Мэри была настоящим, подлинным добровольцем. Когда она села в кресло, она не ожидала, что в последнюю минуту может что-нибудь измениться. К тому же, у нее были все основания полагать, что даже если она и останется живой, то сойдет с ума — а это хуже смерти. Но она пошла на это и поэтому она — героиня и тебе в этом отношении, ой, как далеко до нее! Послушай, сынок,— продолжал он, не давая мне возможности ответить,— большинство женщин — по сути глупышки и дети. Но если им что-то дано от бога, то нам, мужчинам, далеко до них. Храбрые — храбрее, хорошие — лучше, порочные — порочнее нас! Что я тебе пытаюсь сказать, так это вот что: она больше мужчина, чем ты сам. И знай — ты сделал ей большое зло.

Я был настолько сбит с толку, что не мог судить, говорит ли он мне правду или снова манипулирует мной.

— Может быть, я набросился не на того, на кого надо бы,— сказал я.— Но если то, что вы говорите, правда...

— Так оно и есть.

— ...то от этого не стало ничуть приятнее, а наоборот, еще хуже.

Он не стал оправдываться.

— Сынок, прости, если я потерял твое уважение. Но у меня выбора не больше, чем у командира в бою. Даже меньше, потому что я сражаюсь другим оружием. Я всегда мог бы пристрелить свою собаку, свою собственную собаку. Может быть, это плохо — но такая уж у меня работа. Будь ты на моем месте, ты был бы вынужден делать то же самое.

— Вряд ли.

— Почему бы тебе не отдохнуть и не поразмышлять об этом?

— Я беру отпуск — бессрочный!

— Ну и прекрасно.

Он поднялся, чтобы уйти.

— Подождите...

— Я слушаю тебя, сынок.

— Вы дали мне одно обещание и я хочу, чтобы вы его выполнили. Это касается паразита — вы сказали, что я мог

бы убить его, убить лично. Вы уже закончили с ним опыты?

— Да, но...

— Никаких но! — Я стал приподниматься.— Дайте мне свой лучемет, сэр. Я сделаю это сейчас же!

— Ты не сможешь. Он уже мертв.

— Что? Вы же обещали мне!

— Я знаю. Но он погиб, пока мы пытались вынудить тебя — вынудить его — заговорить.

Я затрясся от смеха. Начал и не мог остановиться. Старик начал трясти меня за плечо.

— Перестань! Не то ты серьезно заболеешь. Очень жаль, но сейчас не до смеха.

— Что? Как раз и смешно,— давился я от смеха.— Это самое смешное из того, что я когда-либо слышал. Столько всего — и все без толку. Вы вымарали себя, испоганили меня и Мэри — и все это без всякой пользы.

— Серьезно? — Откуда у тебя такие мысли?

— Я знаю. Вы даже не получили самой малости от этого, то есть, от нас. Вы ничего не узнали из того, чего не знали бы раньше.

— Вовсе нет! Успех оказался гораздо больше, чем ты мог бы предполагать, сынок. Правда, мы ничего не выкачали из него непосредственно, прежде чем он умер, но мы извлекли кое-что из тебя.

— Из меня?

— Да, вчера вечером. Мы хорошоенько поработали над тобой вчера вечером. Тебя напичкали лекарствами, твоя психика была подвергнута анализу, изучены ритмы мозга — в общем, все было выкручено досуха, как белье в стиральной машине. Паразит многое выболтал тебе и оно все еще у тебя в голове, доступное гипноанализу, его можно извлечь после того, как ты освободился...

— Что же? — перебил я его.

— Мы знаем, откуда они к нам явились. Мы можем нанести ответный удар. Это Титан — шестой спутник Сатурна.

Когда он сказал это, я вспомнил то мерзкое ощущение сдавленности в горле и понял, что он был прав.

— Ты, конечно, упирался изо всех сил, прежде чем нам удалось заполучить все данные,— продолжал он, как бы вспоминая.— Нам пришлось держать тебя, чтобы ты не причинил себе вреда. Еще большего.

Он закурил сигарету. Казалось, он изо всех сил хотел быть как можно более дружелюбным со мной. Что ка-

сается меня, то мне не хотелось с ним воевать. Голова моя кружилась, и мне еще нужно было многое прояснить для себя. Титан — он был очень далеко отсюда. Марс был самой дальней точкой, куда добрались люди, если только экспедиция Сигрейвса, которая так и не вернулась, не добралась до спутников Юпитера.

И все же мы могли бы туда добраться, если бы для этого была веская причина. Мы бы сожгли их гнездо!

Он в конце концов поднялся, чтобы уйти. Когда он доковылял до двери, я остановил его:

— Пап...

Много лет я не называл его так. Он обернулся, лицо его стало каким-то беззащитным.

— Что, сынок?

— Почему ты и мама назвали меня Илахью?

— Почему? Это было имя деда матери.

— Да? Не сказал бы, что это могло быть серьезной причиной.

— Но это так, поверь.— Он повернулся, но я еще раз остановил его:

— Отец, каким человеком была моя мать?

— Твоя мать? Не знаю, как это точно сказать тебе. Ну... Она была вроде Мэри. Да, сэр, очень и очень похожа на нее.

И он вышел, так и не дав мне возможности сказать что-либо еще.

Я повернулся лицом к стене. Через некоторое время я успокоился.

Глава 12

Когда врач меня выписал, я пошел искать Мэри. У меня не было ничего другого, кроме слова Старики, но у меня было более чем подозрение, что я сделал из себя круглого идиота. Я не ожидал, что она обрадуется встрече со мной, но не переговорить с нею я не мог.

Вы думаете, что высокую рыжеволосую красавицу можно было найти так же легко, как ровное поле в Канзасе? Однако оперативники приходят и уходят, а постоянный персонал занимается своими собственными делами. Меня отослали в оперативное бюро, то есть к Старику. Но меня это не устраивало.

Пока я ходил от одной двери к другой, мои подозрения еще более укрепились. Я начал ощущать себя шпионом в своем собственном отделе.

Я зашел в биологическую лабораторию и, не застававшего, обратился к его заместителю. Ему ничего не было известно о девушке, имеющей отношение к «Проекту Интервью». Он снова стал почесываться и перебирать бумаги. Я вышел и направился к кабинету Старика. Иного выбора, казалось, не было.

За столом мисс Хейнс я увидел новое лицо. Я больше уже никогда не видел мисс Хейнс, да и не спрашивал, что с ней стало. Не хотел даже знать об этом. Новая секретарша заглянула в мое удостоверение и — чудо — Старик был на месте и мог меня принять!

— Что ты хочешь? — спросил он раздраженно.

— Я подумал, что у вас есть какая-нибудь работа для меня, — сказал я, хотя это было совсем не то, что я намеревался сказать.

— По сути дела, я как раз хотел послать за тобой. Хватит тебе лодырничать. — Он что-то рявкнул в настольный интерком, поднялся и сказал: — Пошли!

Неожиданное спокойствие овладело мной.

— В секцию косметики? — спросил я.

— Твое собственное безобразное лицо вполне сойдет. Мы направляемся в Вашингтон.

Тем не менее мы все же заглянули в косметический отдел, но только для того, чтобы переодеться. Я попросил, чтобы проверили мой лучемет и личный телефон.

Часовой у выхода заставил нас оголить спины, прежде чем позволил приблизиться, и проверил их. Мы поднялись, выйдя на нижние этажи уровня Нью-Филадельфии.

— Я полагаю, что этот город чист? — спросил я у Старика.

— Если ты так думаешь, то у тебя в голове солома! — ответил он. — Смотри в оба!

Больше не было возможности задавать вопросы. Меня тревожило такое количество полностью одетых людей. Я обнаружил, что стараюсь держаться от всех подальше и выискиваю округлые плечи. Настоящим испытанием оказался подъем в переполненном лифте на взлетную площадку. Когда мы заняли места в своем аппарате и задали автомата курс, я откровенно высказался об этом.

— Куда это смотрят власти? Могу поклясться, что у одного из фараонов, мимо которого мы только что прошли, на спине было вздутие.

— Возможно. Даже весьма вероятно.

— Так чего же мы безмолвствуем? А я-то думал, что вы уже ведете борьбу на всех фронтах!

— А что бы ты предложил?

— Но это же очевидно! Даже если бы стояли морозы, мы должны были бы видеть голые, ничем не прикрытые спины до тех пор, пока доподлинно не знали бы, что все они мертвые.

— Верно.

— Тогда... Послушайте, ведь президент знает положение, не так ли?

— Знает.

— Так что же он ждет? Он должен был бы ввести военное положение и немедленно начать действовать.

Старик посмотрел вниз, на проплывавшую под нами местность.

— Сынок, ты, верно, еще считаешь, что президент управляет страной?

— Разумеется, нет. Но он — единственный, кто способен действовать.

— Гм-м... По правде говоря, президент является узником конгресса.

— Вы имеете в виду, что конгресс бездействует?

— Я провел последние несколько дней — после того, как мы сорвали попытку овладеть президентом — пытаясь помочь президенту убедить конгресс. Тебе приходилось когда-нибудь давать показания какой-либо из комиссий конгресса.

Я попытался представить себе будущее. Вот мы сидим, бездействуя, глупые, как дети, да и вид «хомо сапиэнс» исчезнет, если мы и дальше будем сидеть сложа руки.

— Пора тебе узнать политические новости современной жизни. Конгресс отказался признать наши доводы. Он отказывается действовать перед лицом более очевидных опасностей, чем эта. А эта совсем очевидна. Свидетельства очень скучные и им трудно поверить.

— Ну, а как же заместитель государственного казначея? Они ведь не могли игнорировать этот факт?

— Не могли? Повелитель казначея отцепился от его спины прямо в Восточном крыле здания и мы убили двоих из его агентов секретной службы. А теперь этот

достопочтенный сэр находится в психиатрической больнице «Уолтер Рид» с нервным потрясением и не может вспомнить, что произошло. Казначейство же выставило это, как сорванную попытку покушения на жизнь президента. Попытка действительно была сорвана, но вовсе не на жизнь.

— И президент ничего не предпринял после этого?

— Его советники предложили ему подождать. У него — незначительное большинство и имеется немало людей в обеих палатах, которые хотели бы видеть его голову на плахе. Партийная политика — жестокая игра.

— Боже праведный, разве сейчас место мелкому интриганству?

Старик поднял бровь.

— Ты думаешь, что не место?

В конце концов мне удалось задать ему вопрос, ради которого я пришел к нему в кабинет:

— Где Мэри?

— Странный вопрос,— хмыкнул он.

Я пропустил это замечание мимо ушей.

— Там, где ей и следует быть,— продолжал Старик.— Охраняет президента.

Сначала мы зашли на закрытую сессию специального объединенного комитета. В это время они как раз просматривали стереофильм о моем человекообразном приятеле, Наполеоне. Кадры с паразитом на его спине, затем титан крупным планом. Один паразит ничем не отличался от другого, однако я знал, какой из них был на мне. Я был от всей души рад тому, что он сейчас мертв.

Обезьяна уступила место мне самому. Я увидел себя, пристегнутого к креслу. Мне жутко признаться в том, как я выглядел — разве может хорошо смотреться настоящий трус! Я видел, как титана снимали с обезьяны и помещали на мою голую спину. Затем я потерял сознание на экране — и едва не потерял его здесь еще раз. Я не в состоянии описать все это. Я начинаю трястись, стоит мне заговорить об этом. Но я видел, как подохла эта мразь. Ради этого стоило видеть и все остальное.

Фильм кончился и председатель произнес:

— Так что же, господа?

— Мистер председатель!

— Пожалуйста, джентльмен из Индианы.

— Говоря о только что виденном без преувеличения и предубеждения, я должен заявить, что существуют более удачные фальшивки, сфабрикованные в Голливуде.

Все захихикали, а кто-то даже крикнул:

— Расскажите о них! Расскажите!

Затем дал показания заведующий нашей биолаборатории, после чего к барьеру позвали меня. Я сообщил свою фамилию и род занятий. Затем меня небрежно спросили о моем опыте общения с титанами. Вопрос был прочитан с бумаги. Из-за этого у меня сложилось впечатление, что они не хотят слушать мои ответы. Двое из них читали газету.

Было только два вопроса. Один сенатор спросил:

— Мистер Нивенс, ваша фамилия в самом деле Нивенс?

Я утвердительно кивнул.

— Мистер Нивенс,— продолжал он,— вы говорите, что являетесь следователем?

— Да.

— Из ФБР, несомненно?

— Нет, мой начальник докладывает непосредственно президенту.

Сенатор улыбнулся.

— Я так и думал. Теперь, мистер Нивенс, признайтесь, что фактически вы являетесь актером, не так ли? — Он, казалось, консультировался со своими бумагами.

Я пытался рассказать о многом. Я хотел сказать, что когда-то я проработал актером один сезон, но тем не менее являюсь подлинным следователем. Но мне так и не дали этого сделать.

— Так оно и есть, мистер Нивенс. Благодарю вас.

Другой вопрос был поставлен пожилым сенатором, который пытался узнать мое мнение об использовании налоговых поступлений для вооружения других государств. Это он использовал меня для того, чтобы высказать свою точку зрения. Мое мнение об этом было весьма туманным. Но я не успел даже его выразить.

После всего этого председатель сказал:

— Садитесь на место, мистер Нивенс.

Я стоял, не шевелясь.

— Послушайте,— начал я.— Вы, очевидно, считаете все это подтасовкой.— Тогда, ради бога, принесите сюда детектор лжи. Либо возьмите показания под гипнозом. Такое, как сейчас здесь, слушание — просто детские игрушки!

Председатель стукнул своим молотком:

— Ступайте на место, мистер Нивенс!

Мне не оставалось ничего другого.

Старик объяснил мне, что целью встречи является вынесение объединенной резолюции, объявляющей чрезвычайное положение и возлагающей на президента военную власть. Мы были разбиты еще до голосования.

— Плохи дела,— сказал я Старику.

— Забудь об этом,— сказал он.— Президент понял, что этот первый ход обречен на неудачу, как только узнал фамилии членов комитета.

— Что же теперь нам остается делать? Дожидаться, пока слизняки подчинят себе Конгресс?

— Президент хочет предупредить это посланием, в котором потребует всю полноту власти.

— И это ему удастся?

Старик только нахмурился.

Объединенная сессия была секретной, но мы присутствовали — по прямому распоряжению президента. Старик и я находились на том балкончике, который как раз нависает над трибуной спикера — прямо позади нее. Сессия как всегда началась пустопорожней болтовней, сопровождавшей церемонию уведомления президента. Он пришел сразу же,escortируемый целой делегацией. Его телохранители были рядом с ним, и все они были нашими людьми.

Вместе с ними была и Мэри. Кто-то подставил ей складной стульчик прямо рядом с президентом. Она с серьезным видом перелистывала записную книжку и передавала ему какие-то бумаги, делая вид, что является его секретаршей. Но на этом и заканчивалось все ее притворство. У нее был вид Клеопатры жаркой ночью, и она была здесь столь же неуместной, как кровать в церкви. Она приковывала к себе внимание не меньшее, чем сам президент.

Я перехватил ее взгляд — и она одарила меня продолжительной сердечной улыбкой. Я скалил зубы, как щенок колли до тех пор, пока Старик не ткнул меня под ребро. После этого я сел ровно и попытался собраться с мыслями.

Президент сделал обоснованное заявление и подробно обрисовал создавшееся положение. Оно было прямым и рациональным как инженерный отчет. Он просто констатировал факты. В конце он отложил в сторону свои записи.

— Ситуация сложилась настолько необычная и чудовищная, настолько выходящая за пределы всего нашего прежнего опыта, джентльмены, что я должен просить вас

о предоставлении мне самых широких полномочий, чтобы справиться с ней. В некоторых регионах должно быть объявлено военное положение. На некоторое время будут необходимы серьезные нарушения гражданских прав. Должно быть ограничено право свободного передвижения по стране. Право неприкосновенности личности в части обыска по первому же приказанию и задержания должно уступить праву безопасности всего народа. Потому что любой гражданин, независимо от того, насколько он уважаем и лоялен, может быть непроизвольным слугой этих тайных наших врагов. Все граждане должны смириться с некоторым ущемлением своих прав и личного достоинства до тех пор, пока не будет искоренена эта напасть. С самой чрезвычайной неохотой я прошу, чтобы вы утвердили эти необходимые меры.

С этими словами он сел.

Настроение толпы нетрудно было предугадать. Председатель сената смотрел на лидера большинства в сенате. Было заранее условлено, что он предложит резолюцию.

Не знаю почему, но он не вышел на трибуну. Наступившее молчание тяжело повисло над залом. Последующее замешательство только усугубило обстановку. Раздались крики:

- Господин президент!
- К порядку!
- Это черт знает, что такое!

Председатель сената пропустил настоятельные требования некоторых членов сената предоставить им слово и дал его члену своей партии — сенатору Готлибу, ломовику, который проголосовал бы за собственное линчевание, лишь бы оно входило в программу его партии. Он начал вопить, ни к кому не обращаясь, об уважении к Конституции, о Билле о правах и, даже, о Гранд-Каньоне. Он скромно упомянул о своей длительной службе и красиво говорил о месте Америки в истории. Я было подумал, что он тянет время, чтобы технический персонал успел выработать новый текст резолюции, но вдруг понял, что все его слова направлены на одно — предложение президента отклонить и как ни в чем не бывало продолжить деловую жизнь, а президента Соединенных Штатов необходимо привлечь к судебной ответственности!!!

До меня это дошло не быстрее, чем до остальных. Сенатор настолько обставил свое предложение словесной

чепухой, что было очень трудно уловить, о чем он говорит. Я посмотрел на Старика.

Старик внимательно смотрел на Мэри.

Она тоже глядела на него, на ее лице было выражение крайней напряженности.

Старик выхватил из кармана блокнот, что-то нацарапал на листке, смял его и бросил Мэри. Она поймала комочек, развернула — и передала листок президенту.

Он сидел со спокойным, даже безмятежным видом, как будто не слыша того, что один из его старейших друзей склоняет и как только может позорит его имя, а вместе с ним — и безопасность республики. Он прочел записку, затем, не торопясь, взглянул на Старика. Тот медленно кивнул.

Президент слегка подтолкнул председателя Сената. Тот, повинуясь движению президента, наклонился к нему. Они шепотом обменялись несколькими словами.

Готлиб еще гремел, не унимаясь. Председатель Сената постучал своим молотком.

— Если сенатору угодно...

Готлиб пораженно взглянул на него и удивленно произнес:

— Но я еще не кончил!

— Сенатора не просят кончать речь. Вследствие важности того, о чем он говорит, сенатора просят подойти к столу президиума для некоторых переговоров.

У Готлиба был смущенный вид, но он неторопливо пошел к кафедре председателя. На пути к ступенькам на трибуну стоял стул Мэри. Вместо того чтобы уйти с дороги, она стала неуклюже возиться со своим стулом, пытаясь поднять его и поставить в сторону. В результате всей этой деятельности она еще больше загородила сенатору дорогу. Готлиб остановился, и она почти прижалась к нему. Он поймал ее за руку, чтобы ни она, ни он сам не потеряли равновесия. Она что-то сказала ему, он ей что-то ответил, но слов слышно не было. В конце концов он подошел к трибуне.

Старик дрожал, как пес, делающий стойку. Мэри подняла глаза и кивнула. Старик тут же крикнул:

— Возьмите его!

Я перемахнул через перила и довольно ловко приземлился на плечи Готлиба. И только тогда я услышал за своей спиной голос Старика:

— Перчатки, сынок! Перчатки!

Я не стал их дожидаться. Я разорвал пиджак секретаря по шву на спине голыми руками и увидел, что под рубахой у него пульсирует слизень. Я сорвал рубашку и его смогли увидеть все присутствующие.

Шесть стереокамер могли бы и не записывать то, что произошло в течение следующих нескольких секунд. Я несколькими ударами утихомирил Готлиба. Мэри сидела на его ногах. Президент стоял надо мной и кричал:

— Вот! Вот! Теперь вы все можете видеть это!

Председатель Сената продолжал стоять ошарашенный, вертя в руках свой молоток. Конгресс превратился в вопящую толпу: женщины визжали, откуда-то сверху Старик выкрикивал распоряжения телохранителям президента.

После нескольких выстрелов порядок был восстановлен. Президент начал речь. Он сказал, что случай дал всем возможность увидеть природу противника. Он предложил членам Конгресса по очереди самим взглянуть на одного из титанов, прилетевших с самого крупного спутника Сатурна. Не дожидаясь согласия с их стороны, он указал на передний ряд и приказал занимавшим его подняться.

Они поднялись на помост.

Мэри осталась на помосте. Около двадцати человек выстроились в очередь и с одной из женщин — членом Конгресса — произошла истерика, когда я увидел сигнал Старика. На этот раз я его опередил. Возможно, началась бы настоящая драка, если бы рядом не оказались двое наших ребят. Этот второй был молодым и крепким, он еще недавно служил в морской пехоте. Мы положили его рядом с Готлибом.

После этого последовала повальная «проверка и розыск» независимо от того, нравилось им это или нет. Я глядел женщин по спине, когда они проходили мимо меня и изловил еще одного. Я думал, что поймал еще одного, но это оказалось ошибкой. Меня сбило с толку, что она была слишком жирной и студнеобразной.

Мэри заприметила еще двоих, затем пошла долгая полоса — человек триста без паразитов. Было очевидно, что некоторые из них прячутся в задних рядах присутствующих.

Восьмерых телохранителей с лучеметами оказалось бы недостаточно, вернее одиннадцати — считая Старика, Мэри и меня. Большинство титанов ускользнуло бы, если бы не

помощь служителей Конгресса. С их помощью мы поймали тринадцать, из них десять были еще живыми. Только один из людей-«носителей» был тяжело ранен.

Г л а в а 13

Итак, президент получил верховную власть. Старик стал, фактически, главой его команды. Наконец-то мы стали во главе этой гонки и получили возможность наносить ответные удары. На уме у Старика была весьма простая кампания. Каантин, предложенный им, когда инфекция была ограничена районом Де-Мэйна, теперь был бесполезен. Прежде чем начать борьбу, нужно было найти противника. Но правительственные агенты не могли следить за 200 миллионами людей. Население должно было делать это само.

«Режим голой спины» был первой фазой «Операции Паразит». В основе его была мысль, что все — все без исключения — должны были раздеться до пояса и оставаться раздетыми до тех пор, пока не будут выявлены и уничтожены все титаны. Женщины могли иметь бюстгальтеры на тонких шлейках — паразиты под бюстгальтеры, конечно же, не могли спрятаться.

Мы отредактировали сделанные в зале Конгресса записи, чтобы пустить их вместе с обращением президента к народу. Имевшиеся у нас семь живых паразитов были подсажены к «хозяевам»-животным. Мы могли показывать их по стереовидению, кроме того, планировали показать наименее страшные части фильма с моим участникем. Президент сам должен был появиться в шортах, а натурщики должны были продемонстрировать, что будут носить в этом сезоне Правильно-Раздетые граждане, включая панцирь, прикрывавший голову и спину, предназначенный для того, чтобы защитить владельца во время сна.

Мы подготовили все эти материалы за одну ночь, проведенную за черным кофе. В конце передачи должно было быть показано заседание Конгресса, на котором обсуждалось чрезвычайное положение и на котором у всех мужчин и женщин были голые спины.

До начала стереопередачи оставалось двадцать минут, когда президенту позвонили из города. Я присутствовал при этом. Старик весь вечер был вместе с президентом и держал меня под рукой для мелких поручений.

Все мы были в шортах — «режим голой спины» был уже введен в Белом Доме. Президента не волновало то, что мы слышали его разговор.

— Говорите,— произнес он в трубку. Через некоторое время он добавил: — А вы уверены в этом? Очень хорошо, Джон, что вы посоветуете?... Понимаю. Нет, я не думаю, что из этого может что-то получиться... Мне лучше самому выйти на улицу. Скажите им, чтоб были готовы.— Он положил телефонную трубку и повернулся к одному из своих помощников.— Велите им задержать стереопередачу.— Затем он повернулся к Старику.— Идемте, Эндрю, мы должны отправиться в Капитолий.

Он послал за камердинером и удалился в гардеробную комнату, смежную с его кабинетом. Когда он вернулся, он был в официальном костюме президента при выполнении государственных обязанностей. Он ничего не объяснил нам. Остальные из нас остались в одежде, от которой кожа быстро становилась гусиной, и так мы отправились в Капитолий.

Заседание Конгресса было совместным, и меня сразу же обуял ужас, поскольку члены палаты представителей и сенаторы были одеты как обычно. Затем я заметил, что журналисты были в шортах и без рубашек. Я почувствовал хоть какое-то облегчение.

По-видимому, некоторые были согласны скорее умереть, чем уронить свое достоинство, причем первыми в этом списке были сенаторы. Члены палаты представителей не отставали от них. Они дали президенту полномочия, которых он добивался. «Режим голой спины» был обсужден и одобрен — но они не поняли, что он применим и к ним тоже. Ведь в конце концов, их уже обыскали. Может быть, некоторые и увидели слабость подобных рассуждений, но никто не хотел быть первым в публичном стриптизе. Они сидели напыщенные, в полном облачении.

Когда президент взошел на трибуну, воцарилась мертвая тишина. И тут случилось невероятное. Медленно и спокойно глава правительства начал снимать с себя одежду. Он остановился, когда был гол до пояса. Затем он повернулся к Конгрессу спиной, подняв руки. Только после этого он заговорил:

— Я сделал это,— сказал он,— чтобы вы могли убедиться в том, что ваш глава исполнительной власти не является марионеткой противника.— Он сделал паузу.— А можно ли это сказать о вас, господа? — Послед-

нее слово было буквально брошено в лицо конгрессменам.

Президент поднял указующий перст.

— Марк Каммингз, вы лояльный гражданин, или шпион зомби? Снимите рубаху!

— Мистер президент... — Это была Чарита Эванс из штата Мэн, похожая на хорошенькую учительницу. Она поднялась, и я увидел, что хотя она была полностью одета, на ней было вечернее платье. Оно достигало пола, но было как можно больше вырезано сверху. Она повернулась как манекенщица. Сзади этот вырез оканчивался у основания позвоночника.

— Этого достаточно, господин президент?

— Вполне, мадам.

Каммингз ерзнул в своем пиджаке. Лицо его было красивым. Кто-то поднялся в середине зала — это был сенатор Готлиб. У него был такой вид, что ему следовало быть в постели. Щеки были землистыми и впалыми, губы отливали синевой. Но он заставил себя выпрямиться и с невероятным достоинством последовал примеру президента. Затем он несколько раз повернулся — на его спине была только алая отметина паразита.

— Вчера вечером, — заговорил он, — я стоял здесь и говорил такое, что лучше бы с меня живьем сорвали кожу, чем позволили сказать такое. Вчера вечером я не был хозяином самого себя. Сегодня таковым являюсь. Неужели вы не замечаете пожара Рима? — неожиданно в его руках оказался пистолет. — А ну, поднимайтесь, окружные прихлебатели, лодыри на государственных харках. Две минуты на то, чтобы показать свою голую спину — после чего я стреляю!

Те, кто был к нему поближе, попытались схватить его за руку, но он, взмахнув пистолетом, искровавил одному из них лицо. Я выхватил свой лучемет, готовый сыграть свою роль, но в этом не было необходимости. Они поняли, что он столь же опасен, как старый бык, и отступили.

Затем весы качнулись, и конгрессмены стали сбрасывать с себя одежду, как искусные мастера стриптиза. Один метнулся было к двери, но ему тут же сделали подножку. Нет, паразита на нем не было. Но мы все-таки изловили четырех. После этого началось запоздавшее на десять минут представление по всем каналам стереовидения, и Конгресс провел первое из своих «голос спинных» заседаний.

Глава 14

«Заприте двери!»

«Закройте заслонки своих каминов!»

«Никогда не заходите в темные места!»

«Остерегайтесь скопления людей!»

«Человек в пальто — враг! Убей его!»

Вдбавок к пропагандистскому непрерывному обстрелу страны, она была поделена на квадраты и подвергалась наблюдению из космоса в поисках летающих блюдец на Земле. Наши радарные установки день и ночь прочесывали небо, стремясь выявить неопознанные летающие объекты. Военные подразделения, начиная с воздушных десантников и кончая дивизионами управляемых ракет, были готовы уничтожить любой из них, совершивший посадку.

В районах, еще свободных от нашествия, люди поснимали рубахи, добровольно или нехотя, оглядели друг друга и не нашли паразитов. Они слушали последние известия, передаваемые местными станциями, и не без удивления ожидали, когда правительство скажет им, что опасность миновала. Но так как ничего не случилось, то как обычители, так и местные власти стали сомневаться в необходимости разгуливать по улицам в пляжном костюме.

А что же в пораженных местах? Сообщения оттуда по существу ничем не отличались от сообщений из других мест страны.

В былые дни господства радио, такого не могло случиться. Радиостанция в Вашингтоне, откуда велась передача, могла покрыть всю страну. Частоты же, используемые стереовидением, были таковы, что требовалась огромная сеть релейных станций, обеспечивающих трансляцию в пределах прямой видимости. Такой была цена за высокое качество изображения и изобилие каналов связи. При этом все передачи контролировались местными станциями.

В пораженных местах слизняки контролировали местные станции и люди не могли услышать предупреждение. Но в Вашингтоне у нас были все основания к тому, чтобы верить, что они предупреждение услышали. Сообщения, поступавшие к нам, например, из Айовы, ничем не отличались от сообщений из Калифорнии. Губернатор Айовы одним из первых направил президенту послание, в котором обещал полное сотрудничество. Мы даже видели переда-

чу, в которой губернатор держал речь перед своими избирателями голый до пояса. Он стоял лицом к камере, и я хотел приказать ему повернуться. Затем трансляция переключилась на другую камеру, которая показала крупным планом голую спину, в то время как речь губернатора продолжалась. Мы слушали ее в совещательной комнате президента. Сам президент старался не отпускать от себя Старика. Я не отставал от него, а Мэри была на страже. Вместе с нами присутствовал министр безопасности Мартинец и начальник объединенного штаба маршал авиации Рекстон.

Президент прослушал передачу и обратился к Старику:

— Так что же, Эндрю? Я считаю Айову тем местом, которое необходимо изолировать.

Старик недовольно хмыкнул.

— По всем имеющимся у меня данным, простите, но время для их анализа было явно недостаточно, вернее сказать, у меня его почти не было — они ушли в подполье. Возможно, нам придется прочесывать каждый дюйм подозреваемой местности.

Старик хмыкнул снова.

— У меня не очень-то лежит душа к тому, чтобы прочесывать всю Айову, одну скирду сена за другой.

— А как же еще повытаскивать их, сэр?

— Попробуйте понять противника. Он не может уйти в подполье. Он не может жить без «хозяина»!

— Хорошо. Допустим, это так. Так сколько же паразитов по вашей оценке в Айове?

— Черт возьми, откуда мне знать! Я не пользуюсь их особым доверием.

— Давайте возьмем предельные цифры. Если...

— У нас нет надежной базы для оценки, — перебил его Старик. — Неужели вы все так и не в состоянии понять, что титаны выиграли еще один раунд?

— Неужели?

— Вы только что слышали губернатора. Они позволили нам увидеть его спину — или чью-то другую спину. Неужели, вы не обратили внимания на то, что он не поворачивался перед камерой?

— Он повернулся! — отозвался кто-то. — Я сам видел это!

— И у меня сложилось впечатление, что я видел, как он повернулся, — сказал президент. — Вы считаете, что губернатор Пэккер и сам уже под контролем слизня?

— Именно так. Вы увидели то, что вам хотели внушиТЬ. Было произведено переключение одной камеры на другую, как раз в тот момент, когда он оборачивался. Большинство даже не заметили этого. Будьте уверены, господин президент, что каждая трансляция из Айовы — подделка!

Президент задумался.

— Невозможно! — вмешался Мартинец.— Предположим, что выступление губернатора было подделкой — хорошему актеру нетрудно это сделать. Но мы просмотрели десятки передач из Айовы. Что вы можете сказать о трансляции с улиц Де-Мэйна? Не говорите мне о том, что можно подделать сотни людей, раздетых до пояса. Может быть ваши паразиты практикуют массовый гипнотический контроль?

— Насколько мне известно, такой способностью они не обладают,— признал Старик.— Если бы они обладали этой способностью, то мы могли бы уже признать себя побежденными. Но что заставляет нас полагать, что эта передача велась из Айовы?

— Что? Но ведь она, сэр, шла по каналу Айовы!

— А чем это доказать? Вы могли прочесть таблички на улицах? Нам показали типичный центр маленького городка. Название города сообщил диктор. А так ли оно было на самом деле?

У министра отвисла челюсть. У меня почти идеальная зрительная память, столь важное для детектива качество. Я стал прокручивать передачу в уме — и не мог определить не то что город, но даже область страны. Это мог быть Мэмфис, Сиэтл, Бостон — вообще любой другой город. Большинство центров американских городов столь же стандартизованы, как парикмахерские.

— Я не увидел ни одного ориентира,— продолжал Старик,— который бы указывал на то, что это на самом деле Де-Мэйн. Объяснение этому простое — станция в Де-Мэйне записывала сцены уличной жизни других, еще не пораженных городов, и пропускает их под свой собственный комментарий. Они вырезают все, что может выдать их, а мы глотаем это и довольны. Господа, этот противник хорошо нас знает. Вся кампания продумана до мелочей и они готовы перехитрить нас при почти любом ходе, который мы сделаем.

— Вы, кажется, становитесь паникером, Эндрю,— усмехнулся президент.— Существует и другая возможность

доказать с помощью других способов. Титаны могли переместиться в какое-нибудь другое место.

— Они все еще в Айове! — твердо сказал Старики. — Но это невозможно доказать с помощью этого ящика. — Он показал на стереовизор.

— Забавно! — прищурился министр Мартинец. — Вы утверждаете, что мы не можем получить правдивые сообщения из Айовы, как будто это оккупированная территория!

— Так оно и есть!

— Но два дня назад я сделал остановку в Де-Мэйне. Там все выглядит, как обычно. Даже допускаю существование ваших паразитов, я что-то ни одного не заметил. Но давайте разыщем их и уничтожим всех до единого, вместо того, чтобы предаваться фантазированию.

У Старика был усталый вид.

— Возьмите в свои руки связь в стране, — сказал он наконец. — И вы будете контролировать всю страну! Вам нужно шевелиться быстрее, господин министр, не то у вас вообще не останется никаких средств связи.

— Но я...

— Вы должны уничтожить их всех до единого! — резко произнес Старики. — Я сообщил вам, что они в Айове, так же, как в Нью-Орлеане и еще в десятке других городов США. На этом моя работа заканчивается, сэр! — Он поднялся и добавил: — Господин президент, слишком большое бремя волоку я на себе для человека моего возраста. Когда я теряю сон, я выхожу из себя. Извините меня.

— Пожалуйста, пожалуйста, Эндрю.

Старики не вышел из себя, и я уверен, что президент догадался об этом. Он никогда не выходит из себя — он заставляет это делать других.

— Подождите! — перебил его Мартинец. — Вы сделали весьма уверенное заявление. Давайте проверим. — Он обратился к маршалу Рекстону. — Сэр!

— Да?

— Этот новый пост вблизи Де-Мэйна. Форт, как там вы его назвали, по имени какого-то...

— Форт Паттон.

— Вот именно. Вот именно. Что ж, не будем мешать. Вызовите его по линии военной связи.

— По видео, — вставил Старики.

— Разумеется, по видео. Я уверен, что сейчас мы получим данные об истинном положении дел в Айове.

Маршал вопросительно посмотрел на президента, получил его одобрительный кивок, подошел к пульту стереосвязи и связался со штабом. Он попросил дежурного подключить его к форту Паттон штата Айова.

Вскоре возникло изображение центра связи. На переднем плане был офицер, звание которого и принадлежность к части можно было определить по фуражке, но грудь его была голой.

Мартинец торжествующе повернулся к Старику.

— Видите!

— Вижу.

— Теперь, чтобы удостовериться... Лейтенант!

— Да, сэр.— Парень был объят ужасом и смотрел удивленно то на одно знаменитое лицо, то на другое.

— Встаньте и повернитесь кругом! — скомандовал Мартинец.

— Что? Да, пожалуйста, сэр.— У него был смущенный вид, но он повиновался и почти исчез из кадра. Мы могли видеть только нижнюю часть спины, до нижних ребер. Не выше.

— Черт побери! — воскликнул Мартинец.— Лейтенант! Сядьте и повернитесь к нам спиной!

— Да... сэр! — Парень засуетился.— Одну минуту, сэр, я подрегулирую раскадровку.

Изображение размазалось. Поплыли радужные круги. По аудиоканалу, однако, голос офицера шел без иска-
жения.

— Так лучше, сэр?

— Проклятие! Ни черта не видно!

— Да? Одну минутку, сэр.

Неожиданно изображение ожило, и я подумал на мгновение, что мы снова в Форте Паттон. Но на этот раз экран занял майор, да и помещение было попросторнее.

— Объединенный штаб,— объявило изображение очень серьезно.— Дежурный офицер связи майор Донован.

— Майор,— сдержанно начал Мартинец.— Я был подключен к Форту Паттон. Что случилось? Почему оборвалась связь?

— Да, сэр, я контролировал передачу. Но, видите ли, возникли технические трудности. Но мы сейчас уже устра-
няем их, сэр.

- Нельзя ли побыстрее?
— Да, сэр! — Изображение потухло.
Старик поднялся.
— Позовите меня, когда устраните эти небольшие
технические трудности. Отправлюсь-ка я спать.

Г л а в а 15

Если я дал вам возможность посчитать министра Мартинеца человеком глупым, то прошу прощения. Любому сначала очень трудно поверить в то, на что способны слизняки. Это надо почувствовать самому — и тогда поверите раз и навсегда.

Маршал Рекстон тоже был не промах. Они оба работали всю ночь после того, как лично удостоверились посредством еще нескольких вызовов в известные опасные пункты, что «технические затруднения» не возникают сами собой. Около четырех часов ночи они вызвали Старика, а он соответственно меня.

Все находились в той же комнате, Мартинец, Рекстон, несколько их ближайших помощников и Старик. Сразу же, как я прибыл, в комнату вошел президент в сопровождении Мэри. На нем был халат. Мартинец начал было говорить, но Старик перебил его:

— Давайте посмотрим на вашу спину, Том.

Мэри подала знак, что все о'кей, но Старик предположил не заметить этого.

— Я серьезно,— настаивал он.

— Совершенно верно, Эндрю,— спокойно произнес президент и сбросил халат с плеч. На его спине ничего не было.

— Если я не буду образцом, то что же я могу требовать от других?

Мартинец и Рекстон подготовили испещренную воткнутыми булавками карту. Красные головки обозначали плохое состояние, зеленые — хорошее. Несколько было янтарного цвета. Штат Айова будто заболел скарлатиной. Не отставали Нью-Орлеан, Техас и Канзас. Все верховые системы Миссисипи — Миссури, от Миннеаполиса до Сент-Луиса были сплошным массивом, занимаемым противником. Ниже по течению вплоть до Нью-Орлеана красных булавок было меньше, но зеленых не было вообще. Очень

опасной была местность вокруг Эль-Пасо и два района на восточном побережье.

Президент ознакомился с обстановкой.

— Нам понадобится помочь со стороны Канады и Мексики,— сказал он.— Имеются ли трудности со связью с тихоокеанскими побережьями?

— По-видимому, нет, сэр,— ответил Рекстон.— Но на всякий случай я распорядился осуществлять связь через космические станции.— Он взглянул на часы.— В данный момент, действует станция Гамма.

— Гм-м...— Президент задумался.— Эндрю, эти твари могут захватить космическую станцию?

— Откуда мне знать? — раздраженно ответил Старик.— Я не знаю, способны ли на это их космические корабли или нет. Более вероятно, что они это смогут осуществлять с помощью инфильтрации в ракетах, которые снабжают станцию.

Возникла дискуссия о том, возможно ли, чтобы космические станции были уже захвачены. «Режим голой спины» на них не распространился. Хотя США соорудили их и оплачивали их функционирование, юридически они были территорией Объединенных Наций.

— Пусть это вас не тревожит,— неожиданно сказал Рекстон.

— Почему? — удивился президент.

— Я являюсь, вероятно, единственным из присутствующих здесь, кому довелось служить на космической станции. Господа, наше теперешнее одеяние на станции является привычным. Полностью одетый человек выглядит там столь же нелепо, как в пальто на пляже. Вот сейчас мы увидим сами.— Он отдал распоряжение одному из помощников.

— Насколько нам известно,— сказал президент, указывая на Гринелл в штате Айова,— все это пошло от единственной высадки, отсюда.

— Именно так, насколько нам известно,— ответил Старик.

— О, нет! — вмешался я.

Все повернулись в мою сторону.

— Говорите! — приказал президент.

— Было произведено еще, по меньшей мере, три посадки кораблей, я это точно знаю, ведь это было еще до того, как меня спасли.

Старик был ошаращен.

— Ты уверен в этом, сынок? — воскликнул он.— Мы считали, что все выжали из тебя.

— Конечно же.

— Почему же ты никогда не говорил об этом?

— Как-то не думал об этом раньше.— Я попытался объяснить, какие ощущения испытываешь будучи захваченным, каким образом понимаешь, что происходит, но все при этом кажется происходящим как будто во сне, в равной степени важным и несущественным. Я не слабонервный, но то, что тобой владел повелитель, оставляет глубокий след в душе.

— Успокойся, сынок,— произнес Стариk, а президент одобряюще улыбнулся.

— Главное вот в чем: где они приземлились? — сказал Рекстон.— Мы все еще могли бы захватить один.

— Сомневаюсь,— ответил Стариk.— Они замаскировали первый в считанные часы. Если только это был первый,— добавил он задумчиво.

Я подошел к карте и попытался сосредоточиться. Покрывшись испариной, я показал на Нью-Орлеан.

— Я почти уверен, что один сел где-то здесь.— Я еще раз взглянул на карту.— Но не знаю, где приземлились остальные.

— А что можно сказать об этом районе? — спросил Рекстон, указывая на восточное побережье.

— Не знаю.

— Можете ли вы вспомнить что-нибудь еще? — раздраженно спросил Мартинец.— Подумайте хорошенько, дружище.

— Просто не знаю. Мы никогда не понимали их намерений.— Я стал напряженно думать, отчего стала раскалываться голова, затем указал на Канзас.— Я послал туда несколько писем, но не знаю, были ли это просто заказы на пересылку или что-либо иное.

Рекстон взглянул на карту.

— Будем надеяться на то, что посадка произведена вблизи Канзас-Сити. Технари разрабатывают это допущение. Оно может быть предметом логического анализа. Мы можем вычислить и другое приземление.

— Или приземления,— поправил Стариk.

— Что? Или приземления, конечно же.— Он снова повернулся к карте и стал всматриваться в нее.

Г л а в а 16

Задним числом все умны. В тот момент, когда село первое блюдце, угрозу можно было ликвидировать с помощью одной бомбы. В то время, когда Мэри, Старики и я рыскали вокруг Гриннела, мы втроем, без посторонней помощи, могли уничтожить всех слизней, если бы знали, что они там находятся.

Будь «Режим голой спины» введен в течение первой недели, одной этой меры было бы достаточно, чтобы предотвратить нашествие. Но очень скоро стало ясно, что в качестве наступательной меры «Режим голой спины» завершился полным провалом. Для защиты он был полезен. Районы, не подвергшиеся инфильтрации, могли таковыми и остаться. Он даже имел некоторый успех в качестве наступательной меры — местности пораженные, но оставшиеся под нашим контролем, были очищены. Все восточное побережье из красного стало зеленым.

Но вся центральная часть страны была во власти красного цвета. Только теперь вместо булавочных головок на огромной электронной карте, покрывшей целую стену в конференц-зале, были соответствующего цвета электронные индикаторы. Это была вторичная карта, главная же находилась в одном из подземелий Нью-Пентагона.

Страна была расколота на две части, как будто какой-то великан брызнул красную краску на долину рек Миссури и Миссисипи. Область, удерживаемую слизняками, окаймляли янтарные полосы. Именно в этих районах поддерживалась по-настоящему активность и видеосвязь была возможна как с помощью станций, захваченных противником, так и с помощью станций, удерживаемых свободными людьми. Одна из них начиналась вблизи Миннеаполиса, сворачивала сначала на восток к Чикаго, затем на запад к Сент-Луису, после чего пролегала через штаты Теннеси и Алабама к Мексиканскому заливу. Вторая прорезала с севера на юг плато великих прерий, не связанных с основным массивом.

Я задумался над тем, что происходит в этих пограничных полосах. Я был один — правительство заседало, и президент забрал Старика с собой. Рекстон со своими высшими чинами удалился еще раньше. Я остался, потому что не решался шататься по Белому Дому. Поэтому я мучался и наблюдал за тем, как янтарные огоньки загораются красным цветом, и, что было гораздо реже,

как красные точки становились янтарными и зелеными.

Я размышлял над тем, каким образом посетители без статуса могли бы поживиться завтраком. Я здесь находился с четырех часов ночи и за все это время выпил одну чашку кофе, поданного дворецким президентом. Еще более неотложным было желание попасть в туалет. Наконец, я настолько отчаялся, что стал пробовать все двери. Первые две из них были заперты. За третьей было то, что я искал. На ней было написано: «Только для шефа», потому я воспользовался ею.

Когда я вышел, в комнате была Мэри. Глупо глядя на нее, я спросил:

— Я думал, что ты должна быть с президентом.

— Меня прогнали. На вахте Стариц.

Она улыбнулась.

— Послушай, Мэри, я уже давно хочу поговорить с тобой... Но до сих пор не было возможности. Мне кажется, что... Так вот. Мне не следовало — я имею в виду, по мнению Старица... — я запнулся. Моя тщательно приготовленная речь захлебнулась.— Так вот, мне не следовало говорить то, что я сказал,— закончил я с жалким видом.

Она положила ладонь мне на руку.

— Сэм, дорогой мой, пусть тебя это не беспокоит. То, что ты сказал, и то, что сделал, было вполне обоснованным, исходя из того, что ты знал. Для меня важным является то, что ты сделал ради меня. Все остальное не имеет значения — за исключением того, что я рада снова узнать, что ты не презираешь меня.

— Ну, ну... черт возьми, да не будь такой благородной. Я не могу выдержать этого!

Она одарила меня радостной улыбкой, совсем не похожей на ту вежливую улыбку, когда она со мной здоровалась.

— Сэм, как мне кажется, тебе нравится, когда твои женщины умеют показывать зубы. Предупреждаю тебя, я могу быть именно такой. Тебя все еще тревожит та пощечина. Ладно, я возвращаю тебе ее назад.— Она вытянула руку и слегка шлепнула меня по щеке.— Вот мы и квиты, и ты можешь забыть об этом.

Выражение ее лица внезапно изменилось. Она взмахнула рукой — и мне показалось, что моя голова слетела с шеи.

— А это,— сказала она шепотом сквозь зубы,— я возвращаю тебе ту, которую получила от твоей подружки.

В ушах у меня звенело, перед глазами стоял туман. Я мог поклясться, что не всякий боксер мог бы нанести такой удар. Она смотрела на меня вызывающе и сердито, ноздри ее были раздуты, она вся насторожилась. Я поднял руку, и она еще больше напряглась, но я просто хотел до-тронуться до своей пылающей щеки.

— Она вовсе не моя подружка,— заикаясь, произнес я.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно захохотали. Она положила руку мне на плечо и склонила голову, все еще смеясь.

— Сэм,— еле говорила она.— Мне очень жаль, я не должна была этого делать, особенно тебе, Сэмми. По меньшей мере не следовало бить тебя так сильно.

— Пожалел волк кобылу...

— Бедняжка Сэм.— Она притронулась к щеке, мне стало больно.— Она на самом деле не твоя подружка?

— Нет, и это очень плохо. Но не из-за недостатка в моих попытках.

— Я в этом не сомневаюсь. А кто твоя девушка, Сэм?

— Ты, мегера.

— Да,— сказала она довольным тоном.— Я — если ты меня захочешь. Я тебе об этом говорила раньше, и не отказываюсь от своих слов. Куплено и заплачено.

Она замерла в ожидании поцелуя. Я оттолкнула ее от себя.

— Черт тебя побери, женщина. Я не желаю тебя из принципа «куплено и заплачено».

Это не смущило ее.

— Я наверное не так выразилась. Я здесь потому, что хотела быть. А теперь все-таки поцелуй меня, пожалуйста.

Она уже один раз целовала меня. Но какой был поцелуй на этот раз!!! Я почувствовал, что погружаюсь в теплое золотое марево и даже не пытаюсь всплыть. В конце концов, я вынужден был вырваться и, задыхаясь, произнес:

— Кажется, мне нужно глотнуть кислорода!

— Спасибо, Сэм,— сказала она и отпустила меня.

— Мэри,— сказал я через некоторое время.— Мэри, дорогая моя, ты могла бы сделать для меня кое-что?

— Что? — взволнованно спросила она.

— Скажи мне, как здесь все-таки можно раздобыть завтрак? — Я улыбнулся.— Дело в том, что я умираю от голода.

— Серьезно? — озадаченно спросила она.

Не знаю, как ей это удалось. Может быть, для этого ей пришлось взломать кладовую, но через несколько минут она вернулась с бутербродами и двумя бутылками пива. Дойдя до третьего, я спросил:

— Мэри, сколько по-твоему будет длиться это заседание?

— Не менее двух часов. А что?

— В таком случае,— сказал я, проглатывая последний кусок,— у нас есть время рвануть, найти бюро регистрации, пожениться и вернуться до того, как спохватится Старик.

Она ничего не ответила и стала рассматривать пузырьки пива.

— Так как же? — не унимался я.

Она подняла глаза.

— Я сделаю так, как ты скажешь. Упираться не буду. Но все-таки мне не хотелось бы.

— Ты не хочешь выйти за меня замуж?

— Сэм, по-моему, ты еще не созрел для женитьбы.

— Смотри за собой!

— Не сердись, дорогой. Я твоя, независимо от того, расписались мы или нет — где угодно, когда угодно, как угодно. Но ты ведь еще не знаешь меня. Привыкни ко мне — может быть, ты еще передумаешь?

— Я не имею такой дурной привычки.

Она критически посмотрела на меня. Я почувствовал, что лицо мое запылало.

— Это было при очень специфических обстоятельствах,— стал оправдываться я.— Такое может быть не случится с нами за сотню лет. Это не я говорил, это...

Она остановила мое словоизлияние.

— Я не знаю, Сэм. Не нужно ничего доказывать. Я тебе верю. Забери меня отсюда на уик-энд. А еще лучше — давай отправимся ко мне.

У меня был глупый вид. Она взяла меня под руку и сказала:

— Взгляни на карту, Сэмми.

Я повернул голову. Красная зона вокруг Эль-Пасо расширилась.

— Давай, дорогой, сначала расчистим все это. Затем, если у тебя не пропадет желание, попроси моей руки еще раз. А пока, не лучше ли воспользоваться полными привилегиями без всякой ответственности?

Что может быть честнее? Дело было только в том, что я хотел, чтобы все это было совсем не так. Почему мужчина, который всю жизнь бегал от брака, как от чумы, вдруг решает, что меньшее его не устраивает?

Когда заседание кончилось, Стариk схватил меня за шиворот и выволок прогуляться.

Да, это было прогулкой, хотя мы дошли всего до мемориала Баруха. Здесь он сел на скамью, стал возиться с трубкой и нахмурился. Погода была, как и всегда в Вашингтоне, премерзкая. В парке почти никого не было.

— Сегодня в полночь начинается «Режим ответного удара». Мы осуществляем налет на каждую релейную станцию в стране, на каждую стереостудию, газетную редакцию, телеграфное агентство в стране — в «Красной зоне».

— Звучит неплохо,— засмеялся я.— Сколько же у нас людей?

Он не ответил. Через мгновение он сказал:

— Мне это не очень-то нравится. Так вот,— он протянул мне ключ зажигания от «комби»,— смотайся в Канзас-Сити и погляди сам. Держись подальше от станций связи, полицейских и эти... Ты знаешь их поведение. Держись от них подальше. Присматривайся ко всему остальному. Смотри, чтобы тебя не поймали.— Он взглянул на часы и добавил: — Будь здесь за полчаса до полуночи. Отправляйся.

— Вы даете мне уйму времени, сэр. Этого хватит, чтобы перетряхнуть весь город,— начал я.— Но вы не учитываете время, которое понадобится мне для того, чтобы добраться до этого чертового Канзас-Сити. Почти три часа...

— Более трех часов, мой мальчик,— перебил меня Стариk.— Старайся не привлекать внимания, чтобы не нарваться на штраф.

— Вы же хорошо знаете, что я осторожный водитель!

— Отправляйся!

Ключ был от той машины, в которой мы сюда прибыли. Я взял ее на стоянке платформы «Рок-крик Парк». Движение было незначительное, и я сказал об этом диспетчеру.

— Садятся только грузовые и коммерческие аппараты,— ответил он.— Чрезвычайное положение, сэр. У вас есть разрешение?

Я мог бы получить его, позвонив Старику, но ему не доставляет особого удовольствия, когда его беспокоят по пустякам. Я сказал:

— Проверьте мой ключ.

Он пожал плечами, сунул его в свой компьютер. Мое предчувствие меня не обмануло. Он взметнул брови:

— Вы, должно быть, порученец президента?

Поднявшись, я установил курс на Канзас-Сити и на максимально дозволенной скорости ринулся искать приключения. Интересно, что произойдет, когда я попаду в «Красную зону»?

Многие склонны считать, что термин «средства сообщения» относится только к каналам прямой видеосвязи и ни к чему больше. Но термин «средства сообщения» включает в себя все движение, в том числе и груженую сплетнями тетушку Эмми, направляющуюся в Калифорнию. Слизни захватили каналы видеосвязи, но передачу известий нельзя остановить столь же легко. Она при этом становится лишь более замедленной. Отсюда следует, что если слизни намерены удержать те местности, где они сейчас находятся, то захват каналов видеосвязи будет только первым их шагом.

Каков же будет следующий их шаг? Они что-то предпримут, и я, будучи по своему определению одним из «средств сообщения», должен быть хорошо подготовлен к тому, чтобы уклониться от встречи с ними, если хочу сохранить свою драгоценную розовую кожу.

С каждой минутой река Миссисипи и «Красная зона» становились все ближе. Так что же все-таки случится, как только мой опознавательный знак будет перехвачен одной из радарных станций, обеспечивающих воздушное сообщение, которая контролируется повелителями?

Я решил, что находясь в воздухе, я скорее всего нахожусь в безопасности. Главное, чтобы не заприметили место моей посадки. На первый взгляд, в этом нет ничего сложного.

Но ведь сеть, обеспечивающая движение в воздухе, описывают как таковую, мимо которой не проскользнуть даже воробью. Сотрудники ее похвалялись, что даже бабочка не смогла бы сесть нигде на территорию США, не подняв на ноги поисковую и спасательную партии. Пусть это не совсем правда, но ведь и я — не бабочка.

Пешком я мог бы пробраться через любую систему охраны: механическую, электронную, обслуживаемую спец-

персоналом, смешанную. Но как это сделать в аппарате «комби», летящем на запад со скоростью около 1000 километров в час? Если бы я шел пешком, то Старику получил бы мое донесение только к концу осени. Но оно нужно ему еще до наступления полуночи.

Когда-то, разоткровенничавшись, Старику поведал мне, что он не обременяет агентов подробными инструкциями.

Человеку дается задание. Он либо тонет, либо выплывает. Я заметил, что при работе по его методу требуется использование большого количества людей.

— Некоторого,— признался он.— Но не такого уж большого. Я верю в индивидуальные способности и стараюсь подобрать себе людей с четко выраженной способностью к выживанию.

— А каким образом вы определяете эту способность? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— Люди со способностью к выживанию — это те, кто возвращается.

Илахью, сказал я себе, теперь вот и тебе предстоит определить, к какому типу людей ты можешь себя причислить. Черт побери, ледяное сердце моего старика!

Мой маршрут должен был меня привести к Сент-Луису, сделать петлю над городом и дальше к Канзас-Сити. Но Сент-Луис был в «Красной зоне». Чикаго на карте был обозначен зеленым цветом. Желтая линия проходила зигзагом где-то над Ганнибалом, штат Миссури, а мне очень сильно хотелось пересечь Миссисипи, не выходя из «Зеленой зоны». Аппарат, пересекающий реку почти двухкилометровой ширины, на экране радара будет сверкать, как звезда в пустыне.

Я дал запрос на разрешение спуститься в коридор местного движения, затем, не дожидаясь его, я так и сделал, продолжая лететь на ручном управлении и снижая скорость. Я следовал на север.

Невдалеке от Спрингфилдской петли я повернул на запад, продолжая лететь низко над землей. Достигнув реки, я пересек ее на небольшой скорости почти над поверхностью воды, отключив свой радар. Разумеется, это сделать невозможно, но аппараты, используемые Отделом, не являются стандартными и не имеют радарного автоответчика. Я надеялся на то, что даже в том случае, если местное движение записывалось, когда я пересекал реку, то на радарах

станции слежения меня ошибочно примут за корабль на реке.

Я не знал, находится ли следующая контрольная станция в «Зеленой» или «Красной зоне». Я уже собрался было вновь включить свой автоответчик, исходя из допущения, что было бы безопаснее вновь влиться в транспортную сеть, когда заметил, что впереди передо мной открылась береговая линия. Я решил, что это пропускной шлюз или новый канал, еще не обозначенный на карте. Я опустился почти к самой воде и двинулся вдоль канала. Поток был узким, извилистым и почти закрыт нависшими над ним деревьями. Полет вдоль него в летательном аппарате вызвал у меня такие же ощущения, какие, вероятно, испытывала бы пчела в тромбоне, но у нее великолепно развита эхолокация. Я же мог в нем запросто потеряться.

И действительно, через несколько минут я заблудился, хотя и не спускал глаз с карты. Канал так часто то поворачивал, то почти шел назад, что я был всецело поглощен ручным управлением и полностью потерял ориентировку. Я чертыхнулся, сожалея, что у меня всего лишь «диокомби», а не трио, на котором я смог бы сесть на воду. Неожиданно деревья исчезли. Я увидел полосу земли, перемахнул через нее и посадил «комби», столь стремительно затормозив, что привязной ремень чуть было не разрезал меня надвое. Но я уже был на земле и больше не собирался играть в кошки-мышки с грязным потоком.

Я задумался над тем, что делать дальше. Безусловно, поблизости было какое-нибудь шоссе. Для меня было бы лучше отыскать его и оставаться на земле.

Но это было глупой затеей. У меня не было времени для поездки по сухе. Я должен был снова подняться в воздух. Но я не решался на это, не зная со всей определенностью, как управляется здесь движение — свободными людьми или слизняками.

Я не включал стерео от самого Вашингтона. Теперь я включил его и стал искать передачу последних известий. Но все было тщетно. Эфир был полон: лекция Мирт Думити, доктора философии, «Почему наскучивают мужья», оплаченная компанией по производству гормонов и гормональных препаратов; трио девушек-подростков, исполнявших «Если ты имеешь в виду как раз то, что я считаю, что ты имеешь в виду, то чего же мы ждем?»; эпизод из спектакля «Лукреция познает жизнь».

Дорогая доктор Мирт была полностью одета. Трио было одето так, как и следовало от них ожидать, но девочки не поворачивались спинами к камере. Лукреция то добровольно раздевалась, то с нее срывали одежду, но камера каждый раз гасла до того, как я мог удостовериться, есть ли на ее — обязательно голой спине — наездник или нет.

Но все это ровным счетом ничего не означало. Эти программы могли быть записаны за много месяцев до того, как президент объявил «Режим голой спины». Я все еще переключал каналы, пытаясь отыскать последние известия, когда обнаружил, что гляжу на елейную улыбку диктора. Он был полностью одет.

Вскоре я понял, что это было одно из глупых рекламных шоу в целях дешевой распродажи. Ведущий говорил:

— Какой-то счастливец, который в эту минуту сидит у своего стереоэкрана, совершенно бесплатно может получить автоматического слугу «Дженерал Атомикс». Кто станет им? Вы? Вы? Или вы, сэр? — Он отвернулся от камеры. Мне были видны его плечи. На них был пиджак и они были отчетливо округленными. Он был по сути горбуном. Я был в «Красной зоне»!

Когда я выключил стерео, то увидел, что за мной ведется наблюдение. Это был мальчишка лет девяти. На нем были только короткие штанишки — в его возрасте это было как раз о'кей. Я опустил ветровое стекло.

— Эй, пацан, до шоссе далеко?

— Дорога в Мэкон вон там. Скажите, мистер, это кадиллак-люкс, да?

— Точно. А где это вон там?

— Покатайте, дядя, а?

— Нет времени.

— Возьмите меня, я покажу вам дорогу.

Я впустил мальчика. Когда он взобрался в кабину, я открыл свой саквояж, вынул рубашку, брюки и пиджак.

— Может быть, мне следует это одеть. Люди здесь ходят в рубашках?

— Конечно же, а в чем же еще? Где, как вы думаете, вы находитесь? В Арканзасе?

— Я, по-моему, спросил у тебя о дороге, — напомнил я.

— Можно мне нажать кнопку, сэр, когда мы тронемся, а?

Я пояснил, что мы останемся на земле. Он не скрывал досады, но снизошел до того, чтобы указать направление. Я осторожно двинулся, так как аппарат был слишком тяжел для плохой дороги. Через некоторое время я остановился.

— Ты все-таки покажешь мне дорогу или я отошлю тебя?

Он открыл дверь и выскользнул.

— Эй! — закричал я.

Он оглянулся.

— Вот туда, — показал он.

Я развернул «комби», не ожидая найти шоссе, но тем не менее нашел его, всего лишь в пятидесяти метрах. Этот негодник заставил меня обехать три стороны квадрата.

Шоссе — это было только название — в нем не было ни капли бетона. И все-таки это была дорога. По ней я двинулся на запад. Пока потерял я зря только один час.

Мэкон, штат Миссури, на вид был город, как город, что насторожило меня. В нем ничего не слышали о «Режиме голой спины». Мне действовало на нервы проникновение в глубь территории, контролируемой повелителями. Мне хотелось развернуться и бежать отсюда без оглядки.

Но Старик сказал: «Канзас-Сити»!

Я объехал Мэкон и вышел к платформе к западу от него. Здесь я сделал запрос у местной службы движения и влился в напряженный воздушный поток вертолетов фермеров, направляющихся в Канзас-Сити. Я мог бы подвинуться на более высокий уровень, контролируемый общегосударственной системой, но в этом случае меня опознали бы на каждой из станций слежения. Здесь же местное движение обслуживалось автоматически и, скорее всего, мне удалось бы добраться до Канзас-Сити, не возбудив подозрений.

Глава 17

Честно говоря, мне вовсе не хотелось выезжать в город, особенно по воздуху. Поэтому я опустил «комби» на шоссе № 40 и подъехал к контрольно-пропускному пункту на бульваре Мейера. Очередь перед ним была довольно длинная. Когда в промежуток между мной и

машиной впереди втиснулась еще одна машина, мне стало немного не по себе. Но дежурный взял с меня плату, даже не удостоив взглядом. Я посмотрел на него, но так и не сумел определить, оседлан он или нет.

Вздохнув с облегчением, я проехал ворота, но меня сразу же за ними остановили. Я едва успел затормозить, а в кабину уже просовывалась голова полицейского.

— Проверка! — сказал он требовательно. — Вылезайте! Я запротестовал.

— В городе повышенные требования к безопасности движения, — объяснил он. — Вот талон проверки вашего «комби». Возьмите его за шлагбаумом. Вылезайте и пройдите в ту дверь.

Он указал на здание у обочины.

— Для чего?

— Проверка зрения и рефлексов. Проходите, вы задерживаете очередь.

Перед моими глазами возникла карта, на которой Канзас-Сити горел красным цветом. То, что в городе были приняты повышенные меры безопасности, не вызывало у меня никакого сомнения. Следовательно, было почти сто процентов вероятности того, что вежливый полицейский оседлан повелителем. Но, если отбросить мысль начать пальбу и кинуться наутек, не оставалось ничего другого, как жаловаться. Ворча, я вылез из кабины и не спеша пошел к зданию. Оно оказалось временным сооружением с допотопной неавтоматической дверью. Я открыл ее толчком ноги и посмотрел по сторонам, прежде чем войти туда. В прихожей никого не было. Из-за следующей двери раздался голос:

— Входите!

Я осторожно вошел. Внутри было двое мужчин в белых халатах, на голове одного из них было смотровое зеркальце. Доктор мельком посмотрел на меня и небрежно бросил:

— Это займет меньше минуты. Станьте вот здесь.

Он закрыл дверь, в которую я вошел. Послышался щелчок замка.

Здесь все было устроено гораздо умнее, чем в Конституционном клубе. На столе были разложены транзитные ячейки с повелителями, уже открытые и подогретые. У второго человека, через секунду я понял это, была готова для меня ячейка, которую он держал так, чтобы я не мог видеть слизня. Транзитные ячейки не вызывали особой тревоги у

жертв. Под рукой у медиков всегда находятся довольно необычные вещи.

Что касается остального, то меня пригласили расположиться перед обычным аппаратом для проверки остроты зрения. «Врач» будет держать меня здесь ничего не подозревающего и читающего испытательную таблицу, пока его «ассистент» приладит мне на спину повелителя. Никакого насилия, никакого возражения. Быстро и безошибочно.

Оголять спину жертвы, как я узнал во время своей собственной «службы», не было никакой необходимости. Достаточно было дать возможность повелителю прикоснуться к шее, после чего рекрут сам поправлял одежду, чтобы спрятать под ней повелителя.

— Вот сюда,— повторил «врач».— Прижмите глаза к этим окулярам.

Я быстро подошел к столу, на который был установлен прибор проверки зрения. Затем внезапно повернулся.

Навстречу шел ассистент, держа в руках готовую ячейку. Когда я повернулся, он прикрыл ее от меня.

— Доктор,— сказал я.— У меня контактные линзы. Я должен их снять?

— Нет, нет,— торопливо произнес он.— Не будем тратить времени.

— Но, доктор,— возразил я,— я хочу, чтобы вы посмотрели, хорошо ли они подогнаны. Меня немного беспокоит левая...— Я поднял обе руки и закатил веко левого глаза.— Видите?

— Здесь не клиника,— сердито произнес «врач».— А теперь, пожалуйста...

Они оба были уже рядом со мной. Я одним махом свалил обоих и сразу же обеими руками схватился за их лопатки. Каждая из моих рук уткнулась во что-то мягкое под халатами и волна отвращения потрясла меня.

Однажды я видел, как автомобиль наехал на кошку. Несчастное животное, раскинув лапы и выгнув спину дугой, летело неизвестно куда. То же произошло и с этими двумя невезучими людьми — грандиозная судорога свела их мышцы, после чего их тела стали безвольными. Возможно, они оба умерли.

Кто-то постучал в дверь.

— Одну минутку,— отозвался я.— Врач занят.

Я удостоверился в том, что дверь заперта, затем склонился над «врачом» и закатал его халат, чтобы посмотреть, что я сделал повелителю.

Слизняк превратился в рваное месиво. То же произошло и с повелителем второго мужчины. Этот факт доставил мне крайнее удовольствие, ибо я был решительно настроен спалить слизняков, если они еще живы, но не был уверен в том, что смогу это сделать, не убив людей. Я бросил их, не зная, что ждет этих людей — выживут ли они, или умрут, а может быть ими снова овладеют титаны. Я не мог сейчас ничем им помочь.

Другое дело повелители, ожидавшие в своих ячейках. Развернув луч веером и установив максимальную амплитуду, я скег их всех до единого. У стены стояли два больших ящика. Я обдавал их смертоносными лучами до тех пор, пока не обуглились доски.

Стук в дверь возобновился. Я быстро осмотрел помещение в поисках, куда бы упрятать два тела, но не найдя ничего подходящего, решил бежать. Когда я уже оказался у выхода, я почувствовал, что чего-то недостает. Я еще раз осмотрел помещение.

Казалось, в нем не было ничего, что соответствовало моей цели. Я мог бы воспользоваться халатом «врача» или его помощника, но мне не хотелось этого делать. Затем я заметил чехол от прибора для проверки зрения. Я расстегнул пиджак, свернул чехол в комок и засунул себе под рубаху между лопатками. Застегнув пиджак, я получил горб нужной величины.

После этого я вышел в неведомый и страшный для меня мир.

Еще один полицейский заставил меня выйти из машины. Он оценивающе посмотрел на меня, затем жестом разрешил сесть на место.

— Поезжайте в полицейское управление в городской ратуше.

— Ладно,— кивнул я и рванул с места.

Заехав на пустынную улицу, я нашел кнопку смены номерных знаков. Возможно, уже поднята тревога и мои номера сообщены всем постовым полицейским. Жаль, что я не могу столь же легко изменить цвет и контуры моей машины.

После этого я обогнул центральную рампу и поехал по боковым улицам. Было 18 часов по местному времени. В Вашингтоне я должен был быть ровно через четыре с половиной часа.

Глава 18

В городе было что-то неладно. Все было так, как в плохо поставленном спектакле. Я пытался определить, что же именно было не так, но это пока еще ускользало от меня.

Время было нерабочее, как раз в это время мужчины пьют, соседи дружески болтают, хозяева домов поливают свои цветники. Я заметил одну женщину, вешавшую белье. На ней был купальный костюм и спина была голой. Было ясно, что на ней, так же как и на двух ее малышах, повелителей не было. Что же было не так?

День был очень жарким. Я начал искать глазами женщин в купальных костюмах и мужчин в шортах. Канзас-Сити населен жителями, еще чтувшими библию. Они не оголяются в хорошую погоду столь же дружно, все до единого, как жители юга Калифорнии или Флориды. Мужчина в костюме и в галстуке не вызывает здесь подозрений в такую погоду. Я видел людей, одетых по-разному, но пропорция была явно не та. Здесь было множество детей, одетых по погоде, но за несколько километров езды я увидел голые спины всего лишь пятерых женщин и двух мужчин.

А должен был увидеть, пожалуй, у человек пятьсот.

А теперь посчитаем. Хотя под некоторыми пиджаками несомненно и не скрываются повелители, все равно, решая простую пропорцию, получаем, что ими захвачено более 90% населения.

Город был не просто «захвачен» повелителями, он был насыщен ими. Повелители не только удерживали нужные ключевые посты, по сути они были городом в целом. Я испытал прямое побуждение взлететь и ринуться прочь из «Красной зоны» на самой максимальной скорости. Им было известно, что я выскочил из ловушки на КП. Теперь они должны меня искать. Возможно, я единственный человек за рулем машины во всем городе — вокруг меня только они!

Я подавил в себе этот порыв. Агент, который впадает в панику, бесполезен и не в состоянии выбраться из затруднительной ситуации. Но я еще не оправился после всего того, что они делали надо мной, владея мною. Мне было невероятно трудно сохранять спокойствие.

Я сосчитал до десяти и попытался разобраться во всем происходящем еще раз. Похоже, что я, должно быть, за-

блуждался. Возможно, что просто не было достаточно-го количества повелителей, чтобы насытить город с миллионным населением. Я вспомнил собственный опыт, то, как мы вербовали своих рекрутов и присоединяли их к своей деятельности по приумножению числа покорных. Разумеется, это было вторичной волной нашествия, зависящей от поставок ячеек, в то время как со всей определенностью можно сделать вывод, что вблизи Канзас-Сити приземлилось блюдце. Но даже при этом допущении концы с концами не сходились. Нужно было десятка полтора блюдец, чтобы доставить такое количество повелителей, которое могло бы насытить этот огромный город. Но если бы их было так много, то космические станции несомненно засекли бы своими радарами их спусковые траектории.

А может быть, они не оставляли траектории? Траектории, которые можно было бы засечь? Уровень техники повелителей был нам неведом и было небезопасно судить о нем, исходя из нашего собственного.

Данные, которыми я располагал, приводили к заключению, противоречащему общепринятой логике. Значит, я должен еще раз проверить, прежде чем докладывать. Одно не вызывало сомнений: если даже мастера и насытили на самом деле город, они тем не менее продолжали маскарад, придавая городу внешний вид обычного города, в котором живут свободные люди. Возможно, я не столь уж подозрителен, как опасался.

Я быстро проехал еще, что-то около полутора километров без особой цели и обнаружил, что нахожусь поблизости от центральной площади. Пришлось развернуться — где толпы народа, там и полицейских больше. Тут я обнаружил бассейн для плавания и в моей памяти запечатлелись слова:

«ЗАКРЫТ ДО ЗИМЫ».

Бассейн для плавания, закрытый в самую жаркую пору лета? Само по себе это ничего не значило. Плавательные бассейны и прежде закрывались, закрываться будут и в будущем. Но это противоречило законам экономики. Закрытие предприятия именно тогда, когда оно будет приносить самый большой доход, могло быть продиктовано только крайней необходимостью. Все было против этого. Однако плавательный бассейн был единственным местом, где нельзя было поддерживать маскарад. Закрытый бас-

сейн возбуждал меньше подозрений, чем пустой в жаркую погоду. Повелители всегда замечали и следовали человеческой точки зрения во всех мелочах. Черт! Я испытал это на собственной шкуре!

Итак, чем я располагал:

- Ловушка на въезде в город.
- Очень мало людей в купальных костюмах.
- Закрытый плавательный бассейн.

Вывод: слизняки невероятно многочисленны, более чем кто-либо мог предположить!

Естественное заключение: операция «Ответный удар» основывалась на ошибочной оценке. Успех в ее осуществлении такой же, как на охоте на носорога с помощью рогатки!

Контраргумент: то, что я видел, просто невозможно. Я уже слышал сдержанный сарказм Мартинеца, разрывающего на клочья мое донесение. Мне нужны доказательства настолько убедительные, чтобы президент мог отнести обоснованные возражения своих подчиненных, своих официальных советников — и я должен раздобыть их здесь, сейчас! Нарушая все правила воздушного движения, я мог бы сократить время на обратный путь до двух с половиной часов.

Так что же мне делать? Отправиться в центр города, смещаться с толпой, а затем сообщить Мартинецу о своей глубокой убежденности в том, что почти каждый прохожий подвластен повелителям? Но как мне это доказать? И как я сам могу быть в этом убежден?

Пока титаны продолжают разыгрывать фарс: «дела как обычно», единственное, на чем я надеялся обосновать свои выводы, так это на чрезмерном количестве округленных плеч, малочисленности обнаженных и других столь же слабых аргументах.

У меня были кое-какие мысли на тот счет, каким образом город стал насыщен титанами при условии достаточно большого количества слизняков. Я был уверен в том, что меня ждет аналогичная ловушка при выезде из города и, что такие же КП расположены возле всех взлетных платформ и всех остальных выездов и въездов в город. Каждый отезжающий становится новым агентом, каждый прибывающий — новым рабом.

На одном из углов я заприметил печатный автомат канзасской газеты «Стар». Я бросил монету и, нервничая, подождал, пока будет отпечатана газета.

На газете как всегда лежала печать скучной респектабельности — ни кричащих заголовков, ни упоминаний о чрезвычайном положении, ни комментариев в отношении «Режима голой спины». Передовица была озаглавлена: «Телефонная связь нарушена вследствие бури на солнце» и снабжена подзаголовком: «Народ наполовину изолирован из-за помех».

Затем следовал цветной крупноформатный снимок испещренного космической осью Солнца и давалось скучное и убедительное объяснение того, почему мисс Шульц не может дозвониться к своей бабушке в Питтсбург.

Я сунул газету под мышку, чтобы изучить ее позже, и повернулся к своей машине. В этот самый момент из-за угла тихо выскользнула полицейская машина и загородила мне путь. Полицейская машина, казалось, создала своими выхлопами центры конденсации для толпы. Мгновением раньше перекресток был пустынным. Сейчас же вокруг было полно народу. Полицейский неторопливо шагал ко мне. Рука моя поползла к лучемету. Я бы уложил его, не будь я уверен в том, что большая часть собравшихся вокруг меня людей в такой же мере опасна.

Он стал прямо передо мной.

— Разрешите взглянуть на ваши права, сэр,— вежливо произнес полицейский.

— Пожалуйста, лейтенант,— произнес я.— Они прикреплены к крышке инструментального ящика.

Я сделал шаг в сторону, считая, что он последует за мной. Я почувствовал, что он на какое-то мгновение заколебался, но все же клюнул на приманку. Я повел его вокруг машины, со стороны его лимузина, чтобы убедиться, что там не сидит его напарник — наиболее приятное отклонение от принятой среди людей практики. Еще более важным было то, что моя машина оказалась между мной и слишком невинными на вид прохожими.

— Вот,— сказал я, показывая вовнутрь.— Прикреплены внизу.

Он снова заколебался, затем заглянул. Этого было достаточно, чтобы я смог употребить прием, который был разработан именно на такой случай. Я ударил левой рукой по его плечам и вцепился в них изо всех сил.

Его тело, казалось, взорвалось, такой сильной была судорога. Я метнулся в кабину и привязал его к катушке полицейской машины еще до того, как он рухнул на мостовую.

Но все это произошло не так быстро. Маскарад закончился так же, как и в приемной Барнеса в Де-Мэйне. Меня окружила толпа. Одна женщина так вцепилась в кузов моей машины ногтями, что я протащил ее тело около пятнадцати метров, прежде чем удалось отцепиться от нее. К этому времени я уже набрал приличную скорость и продолжал ее увеличивать. Я плюнул на все правила движения, готовясь подняться в воздух, но мне не хватило пространства.

Слева показалась пустынная улица. Я прошмыгнулся в нее, но это оказалось ошибкой. Кроны деревьев смыкались над мостовой и я не мог взлететь. После очередного перекрестка, мое положение еще больше ухудшилось. Мне пришлось притормозить. Теперь я ехал с умеренной скоростью, напряженно выискивая какой-нибудь проспект, с которого можно было бы совершить запрещенный правилами взлет. Мои мысли перестали путаться и я понял, что признаков погони пока нет...

Мне на помощь пришло мое знание повелителей. За исключением «непосредственного контакта», титан ведет ту же жизнь, что и его «хозяин». Он видит только то, что видят покоренный им человек, принимает и передает информацию с помощью тех же органов или средств, доступных «хозяину». Я решил, что мне нужно обращаться с ними ничуть не с большим уважением, чем то, которое я испытываю к случайной толпе зевак, то есть не обращать на них никакого внимания, поскорее смыться и забыть об этом.

Так как у меня оставалось ровно тридцать минут, я наконец решил, что в качестве доказательства мне нужен «язык», человек, которым пользовался повелитель-слизняк и который смог бы рассказать о том, что же произошло в городе. Мне нужно было спасти «хозяина».

Для этого я должен был поймать его, не причинив вреда, убить или снять его наездника и перевести его в Вашингтон. На обдумывание плана времени у меня не было. Необходимо было действовать сейчас же!

Впереди, на расстоянии квартала от меня, шел какой-то человек. Я догнал его и окликнул:

— Эй!

Он остановился.

— Я прямо из ратуши. Нет времени на объяснения. Садитесь ко мне и скорей начнем непосредственное общение.

— Из ратуши? — удивился он.— О чём это вы говорите?

— Планы изменились. Не тратьте попусту времени, приятель. Садитесь в машину!

Он попятился.

Я выпрыгнул и схватил его за округлые плечи.

Ничего не произошло, кроме того, что моя рука ударила твердую человеческую плоть и человек начал кричать.

Я прыгнул в кабину и ринулся прочь от этого места. Когда я был от него в нескольких кварталах, я сбросил скорость и еще раз задумался. Неужели мои нервы настолько сдали, что мне стали чудиться следы титанов там, где их не было?

Нет! На мгновение меня обуяла необузданная воля Старика — смотреть фактам в глаза. Контрольный пункт, купальные костюмы, плавательный бассейн, полицейский у печатного автомата — это были факты, которые нельзя было отрицать, а этот последний факт просто означал, что мне попался один человек из десяти, который еще не был рекрутирован. Я дал газ, выискивая глазом новую жертву.

Это был человек средних лет, поливавший цветник возле своего дома. У него был настолько обычный вид, что я почти не обратил на него внимания. Но у меня не было времени — а на нем был свитер, который подозрительно вздувался сзади. Если бы я заметил на веранде его жену, на которой были только юбка и бюстгальтер, то вне сомнения я оставил бы его в покое.

Он поднял голову и посмотрел на меня, когда я затормозил возле него.

— Я прямо из ратуши,— проговорил я опять.— Нам нужно вступить в прямое общение не мешкая. Залезайте вовнутрь!

— Пройдите в дом,— сказал он тихо.— Эта машина слишком на виду.

Я хотел отказаться, но он уже повернулся и направился к дому. Когда я поравнялся с ним, шепнул мне:

— Осторожно! Женщина не с нами!

— Ваша жена?

— Да.

Мы остановились на крыльце, и он сказал:

— Дорогая, это мистер О'Киф. Нам нужно поговорить с ним о наших делах. Мы пройдем в кабинет.

Она улыбнулась.

— Пожалуйста, радость моя. Добрый вечер, мистер О'Киф. Душно, не так ли?

Я согласился, и она возобновила вязание. Мы прошли в глубь здания, и его хозяин провел меня в кабинет. Поскольку мы поддерживали маскарад, я вошел первым, как и положено гостю. Мне очень не хотелось поворачиваться к нему спиной. По этой причине я был настороже, когда он ударил меня по затылку. Я быстро пригнулся и покатился вперед, практически не получив повреждения, пока не оказался на спине.

В школе на тренировках нас били мешком с песком, когда мы пытались мгновенно вскочить, очутившись внизу. Поэтому я остался внизу и встретил его каблуками, как только коснулся спиной пола. Он отлетел в сторону. По-видимому, оружия у него не было, а я не мог вытащить свое. Но в комнате был настоящий камин с кочергой, лопatkой и щипцами. Он направился вдоль стены к нему. В пределах досягаемости я увидел небольшой столик. Изогнувшись, я схватил его и метнул в мужчину. Он попал ему в лицо в тот момент, когда он схватился за кочергу. Мгновением позже я уже был на нем.

Его повелитель умирал в моих пальцах, а он сам конвульсивно вздрогнул в последний раз, повинуясь последней, ужасной команде своего наездника, когда до меня дошло, что его жена кричит в дверях. Я подскочил к ней и быстро утихомирил, после чего вернулся к ее мужу.

Обмякшее человеческое тело удивительно тяжело поднимать, а человек этот и сам по себе был нелегким. Вприпрыжку я добрался до машины. Вряд ли наше столкновение могло беспокоить кого-либо, кроме его жены, но ее возобновившиеся вопли могли поднять на ноги весь этот район. Из дверей домов по обе стороны улицы и так уже стали высовываться любопытные. Но никого из них не оказалось рядом, и я обрадовался тому, что оставил открытой дверцу кабинки.

Однако внутри меня ждал сюрприз: паршивец, вроде того, который задал мне столько хлопот немногого раньше, возился с органами управления. Чертыхаясь, я швырнулся своего пленника на заднее сиденье и сгреб мальчишку. Он упирался изо всех сил, но я оторвал его от руля и вышвырнул прямо на руки первого из своих преследователей. Он все еще никак не мог отцепиться от мальчишки, когда я бухнулся на сиденье и рванулся с места, не заботясь об открытой двери и привязном ремне. После первого же поворота дверь захлопнулась сама собой, а я едва не выпустил из рук руль. Затем я помчался по прямой

и не поворачивал столько времени, сколько мне понадобилось для того, чтобы пристегнуться. Срезая очередной угол, я едва не опрокинул наземную машину.

Как только я очутился на широком проспекте — кажется, это был проспект Пасео — я повернул рукоятку взлета. Похоже, что при взлете я расшвырял несколько обычных машин. Не дожидаясь, пока наберу высоту, я крутанул руль на восток и заложил крутой вираж. Перефразируя Миссури, я продолжал вести аппарат вручную и не заботился о безопасности, выжимая газ до предела и время от времени отстреливая ускоряющие патроны. Этот безрас- судный противозаконный поступок, возможно, спас меня. Где-то над Колумбусом, как раз через мгновение после того, как я отстрелил последний, я почувствовал сотрясение. Кто-то выпустил ракету-перехватчик, которая взорвалась в том месте, где я был несколькими секундами ранее.

Других выстрелов не последовало, и в этом мне повезло, ибо я стал великолепной мишенью из-за потери скорости. Мой левый двигатель раскалился докрасна, и я молился, чтобы он не отвалился хотя бы в течение ближайших десяти минут.

Когда позади осталась Миссисипи, я отключил его, и машина, ковыляя, пошла на восток на одном двигателе. Больше, чем четыреста километров в час, я уже не мог выжать — но я был уже вне «Красной зоны».

У меня не было времени особенно присматриваться к своему пассажиру. Он лежал на сиденье, то ли мертвый, то ли без сознания. Теперь, когда я снова был среди людей и больше не имел возможности превышать допустимую скорость, у меня не было причин переходить на автоматический режим. Я включил радар, запросил ближайшую станцию слежения и, не дожидаясь разрешения, активизировал автопилот. После этого я развернулся в сиденье и стал смотреть на свою добычу. Человек еще дышал. На лице у него был шрам, но кости как будто были целы. Я похлопал его по щекам и придавил за ушами, но он не очнулся. Мертвый слизняк начал издавать зловоние, но у меня не было способа избавиться от него. Я повернулся и занялся приборной доской.

Хронометр показывал 21.27 по столичному времени. Мне еще нужно было преодолеть около тысячи километров. Даже если отбросить время, необходимое на посадку и на то,

чтобы добраться до Белого Дома, то все равно я мог там быть только через несколько минут после полуночи. Так что я уже опаздывал, и Старик будет ругаться, как дьявол. Я попытался запустить левый двигатель — никакого успеха, он полностью вышел из строя. Тогда я попытался добраться до Старика по телефону.

Из этого тоже ничего не вышло. Я набрал телефон военной станции стереосвязи. Экран засветился и на нем появилось изображение человека. Увидев, что он голый по пояс, я облегченно вздохнул.

— Немедленно соедините меня с Белым Домом! Дело первостепенной важности!

— Предъявите ваше удостоверение.

— Оно все равно вам ничего не скажет. Быстрее!

Я может быть и уговорил его, но тут в поле зрения появился какой-то майор, очевидно начальник пункта связи.

— Сейчас же садитесь! — вот и все, что он сказал.

— Послушайте, майор, — чуть не закричал я, — чрезвычайный случай! Дело касается безопасности страны! Вы должны подсоединить меня к Белому Дому. Я...

— Крайняя военная необходимость, — прервал он меня. — Все гражданские аппараты посажены более чем за три часа до этого. Сейчас же приземляйтесь!

— Но мне нужно...

— Садитесь или вас сбьют! Мы засекли вашу траекторию. В любой момент я могу запустить перехватчика. Попробуйте только совершить какой-нибудь маневр. Сейчас же идите на посадку!

— Вы можете меня послушать, майор? — закричал я. — Пожалуйста! Я приземлюсь все равно, но мне нужно было бы...

Экран погас. Впереди, за километр от меня, взорвалась ракета. Я начал притормаживать...

Посадка оказалась корявой, но не причинила вреда моему пассажиру. Мне пришлось долго ждать. Меня подобрали, и я вскоре встретился лицом к лицу с командиром поста связи. Он тут же сделал все, чтобы облегчить мне связь с Белым Домом, но было уже час тридцать ночи. Операция «Ответный удар» осуществлялась уже в течение девяноста минут.

Старик выслушал мой краткий отчет, промычал что-то сердитое, затем велел мне встретиться с ним утром.

Операция «Ответный удар» закончилась самым тяжелым провалом за всю военную историю. Удары были произ-

ведены ровно в полночь пятого временного пояса по 9600 пунктам связи — дирекциям газет, блок-постам слежения, релейным станциям и тому подобным объектам. Команды десантников были сливками наших военно-воздушных сил плюс техники, которые должны были возобновить нормальную работу пунктов связи.

После этого каждая местная станция должна была передать речь президента. «Режим голой спины» вводился по всей пораженной территории и война должна была закончиться, исключая разве что операции по очистке городов от неприятеля.

К двадцати пяти минутам после полуночи стали поступать донесения о том, что такие-то и такие-то пункты взяты под контроль. Чуть позже стали поступать просьбы о помощи с других пунктов. К часу ночи была введена большая часть резервов, но складывалось впечатление, что операция происходит успешно — во всяком случае судя по донесениям командиров высадившихся коммандос.

И больше о них никто ничего не слышал. «Красная зона» поглотила десантные силы так, будто их вовсе не было, никогда не существовало. Более одиннадцати тысяч боевых воздушных машин, более ста шестидесяти тысяч бойцов и техников, семьдесят один бригадный командир. К чему продолжать этот список? США потерпели жесточайшее военное поражение со времен Пирл-Харбора. Я не критикую Мартинеца, Рекстона, генеральный штаб, ни тех бедняг, которые участвовали в рейде. Программа действий исходила из того, что, казалось, было правдвой картины положения, а положение это требовало быстрых действий, с привлечением всего лучшего, чем мы располагаем.

И только перед самым рассветом, насколько я понимаю, до Мартинеца дошло, что полученные ими донесения об успехах на самом деле оказались поддельными, причем подделку совершили их собственные люди — но уже взнужденные повелителями и приобщенные к их маскараду. После моего ответа, запоздавшего более чем на час, когда рейды уже нельзя было остановить, Старик попытался отговорить руководство от дополнительной посылки людей, но оно было на гребне успеха и рвалось к тому, чтобы полностью очистить территорию страны от врага.

Старик попросил президента настоять на визуальных проверках, но ход операции контролировался посредством

космической станции Альфа, а она не располагала достаточным количеством каналов, чтобы обеспечить одновременный звук и изображение.

— Не беспокойтесь,— заверил его Рекстон.— Как только местные станции окажутся в наших руках, наши ребята смогут предоставить все визуальные свидетельства, которые вы хотели получить.

Старик указал на то, что к тому времени будет уже слишком поздно.

— Черт вас побери! — взорвался Рекстон.— Неужели вы хотите уложить тысячу человек только для того, чтобы успокоить мои нервы?

На сей раз президент его поддержал.

К утру были получены все необходимые визуальные свидетельства. Станции центральной части страны передавали привычную чепуху, вроде «Поднимайся и загорай с Мэри Санштайн», «Завтрак в семье Браунов» и тому подобное. Ни одна из этих станций не вела стереопередачу речи президента, ни одна не обмолвилась о том, что что-то случилось. На запросы Рекстона по сети военной связи никто не ответил. Силы возмездия перестали существовать.

Мне не удалось встретиться со Стариком почти до одиннадцати часов утра. Он выслушал мой отчет без каких-либо комментариев и, что было хуже всего, не кричал на меня. Он уже хотел было отпустить меня, но тут я заметил:

— А что с моим пленником, сэр? Он подтверждает мои выводы?

— Что? Он? Он все еще без сознания. Мне сказали, что он вряд ли будет жить.

— Мне хотелось бы взглянуть на него.

— Лучше займись тем, что тебе понятно.

— Да? У вас что-то припасено для меня?

— Я полагаю, что тебе... Нет, сделай вот что. Ступай в зоопарк. Ты увидишь многое такое, что представит тебе в другом свете увиденное в Канзас-Сити.

— Что?

— Поищи доктора Харейса, заместителя директора. Скажи ему, что тебя послал я.

Харейс был симпатичным невысоким человеком, очень похожим на своих бабуинов. Он перепоручил меня доктору Варгасу, который был специалистом по экзотической биологии — тому самому Варгасу, который был назначен

в состав второй экспедиции на Венеру. Он показал мне, что все-таки произошло. Если бы мы со Стариком вместо того, чтобы болтаться возле мемориала, заглянули в национальный зоопарк, то было бы очевидно, что мне не следовало отправляться в Канзас-Сити. Десять титанов, которых мы поймали в Конгрессе, плюс двое, выловленных на следующий день, были отправлены в зоопарк, где их поместили на плечи человекаобразных обезьян — в основном, шимпанзе и орангутангов.

Директор велел запереть обезьян в лазарете зоопарка. Двоих шимпанзе, Абеляра и Элизу поместили в одну клетку. Они стали супружеской парой и не было, казалось, причин их разлучать. Это показывают те психологические трудности, которые возникают, когда приходится иметь дело с титанами. Даже люди, которые занимаются их пересадкой, все еще думают о том, что хозяева — обезьяны, хотя, на самом деле, это уже титаны.

В следующей клетке содержалась семья гиббонов, больных туберкулезом. Их не использовали в качестве «хозяев», поскольку они были больны, и клетки между собой связанны не были. Они были изолированы друг от друга передвигающимися панелями, и каждая из них была оборудована автономным кондиционером. На следующее утро панель была отодвинута, а гиббоны и шимпанзе оказались вместе. Абеляр или Элиза сумели каким-то образом открыть щеколду, которую открыть раньше у них не хватало ума. Но комбинация обезьяна-слизняк легко справилась с той задачей.

Итак, вечером было пять гиббонов плюс два шимпанзе с двумя титанами. Однако на следующее утро там уже было семь обезьян, оседланных семью титанами.

Это открытие было сделано за два часа до того, как я отправился в Канзас-Сити, но Старику об этом не уведомили. Знай он об этом, он догадался бы, что Канзас-Сити кишит титанами. Я мог бы и сам догадаться об этом. Если бы Старику было известно, что случилось с гиббонами, операция «Ответный удар» не состоялась бы.

— Я смотрел стереовыступление президента,— сказал мне доктор Варгас.— Не вы ли тот самый человек, то есть, я имею в виду, не были ли вы...

— Да, я тот «самый человек»,— согласился я коротко.

— Тогда вы можете нам многое рассказать об этом феномене.

— Возможно, я мог бы,— признался я,— но не могу.

— Вы имеете в виду то, что не видели случая размножения делением, пока вы были, так сказать, их «подопечным»?

— Верно.— Я несколько раз задумывался над этим.— По крайней мере, мне кажется, что так.

— Мне дали понять, что... э... жертвы полностью все помнят, что с ними происходило?

— Что ж, это так и не так,— начал объяснять я то отрешенное состояние слуги, которым командаёт повелитель.

— Я полагал, что это могло произойти, пока вы спали.

— Может быть. Кроме сна, существует еще период, вернее, периоды времени, которые почти выпадают из памяти. Например, во время общения титанов между собой.

— Общения?

Я объяснил, что имел в виду.

Глаза его засверкали.

— О, вы имеете в виду совокупления?

— Нет, я имею в виду «общения»!

— Мы говорим об одном и том же. Ведь это ясно, как день. Совокупление и деление — они размножаются по собственному желанию, когда им позволяет это наличие доступных «хозяев». Возможно, для каждого деления нужен один контакт. Затем, когда появляется возможность, происходит деление — получается два взрослых дочерних паразита буквально за несколько часов... вероятно, даже за меньшее время.

Если это было правдой,— а глядя на гиббонов, я мог и не сомневаться в этом, тогда почему мы зависели от посылок в Конституционном клубе? И зависели ли на самом деле? Не знаю. Я видел то, что хотел мой повелитель, и видел только то, что происходило перед моими глазами. Однако было ясно, каким образом был насыщен Канзас-Сити. Имея под рукой уйму «живого материала» и космический корабль, груженный транзитными ячейками, титаны стали размножаться, пока их количество не сравнялось с численностью людского населения. Допустим, что на том космическом корабле, который, по нашему мнению, приземлился неподалеку от Канзас-Сити, имелась тысяча слизняков. Предположим, что они могут размножаться каждые двадцать четыре часа.

Первый день — тысяча слизняков.

Второй день — две тысячи.

Третий день — четыре тысячи.

В конце первой недели, то есть на восьмой день — 128 тысяч слизняков. Через две недели — более 16 миллионов этой пакости в день.

Но мы не знали, ограничена ли скорость их размножения одним разом в сутки. Так же, как и не знали того, какова истинная сущность летающей тарелки. Она могла нести гораздо больше тысячи ячеек, например, десять тысяч, а может быть, еще больше или меньше.

Возьмем за основу десять тысяч, которые способны к делению каждые двенадцать часов. Тогда через две недели получим ответ: более чем два с половиной триллиона!

Цифра эта уже непостижима — это поистине космическая величина. Такого количества людей нет на всем земном шаре, не говоря уже об обезьянах.

Мы шли к тому, чтобы увязнуть по колено в слизняках — и притом очень скоро.

Я почувствовал себя еще хуже, чем там, в Канзас-Сити.

Глава 19.

Доктор Варгас представил меня доктору Маккилвейну из Смитсонианского института. Доктор Маккилвейн был авторитетом в области сравнительной психологии, автором, как сказал мне Маккилвейн, монографии «Марс, Венера и Земля: изучение движущихся целий». Варгас, казалось, ожидал, что это произведет на меня огромное впечатление, но, к своему счастью, я не знал этой книги. Так или иначе, но как можно изучить побуждения марсиан, если они все были мертвы к тому времени, когда мы еще не помышляли слезать с деревьев?

Они завели профессиональный разговор, я же продолжал наблюдать за гиббонами. Через некоторое время Маккилвейн спросил у меня:

- Мистер Нивенс, сколько времени длится общение?
- Совокупление,— поправил его Варгас.
- Общение,— повторил Маккилвейн.— Это процесс более важный.
- Однако, профессор,— настаивал Варгас,— совокупление является средством обмена генов, а мутация распространяется с помощью...

— Антропоцентризм, профессор! Откуда вам знать, что у этой формы жизни есть гены?

Варгас покраснел.

— Во всяком случае, генные эквиваленты,— сказал он сдавленно.

— Почему они должны быть? Я повторяю, сэр, наши рассуждения основываются на аналогии, что совершенно неправомерно. Есть только одна характерная черта, общая для всех жизненных форм, и это — стимул выжить.

— И размножаться,— настаивал Варгас.

— А если организм бессмертен и ему нет надобности в размножении?

— Однако...— Варгас пожал плечами.— Нам известно, что они размножаются.— Он сделал жест в сторону обезьян.

— А я делаю предположение,— не унимался Маккилвейн,— что это не размножение, а единый организм, осуществляющий пространственную экспансию. Нет, профессор, нельзя быть настолько приверженным идеи гаметно-зиготного цикла, чтобы забыть о возможности существования других образцов.

— Но повсюду в Солнечной системе...— начал Варгас.

— Антропоцентризм, террацентризм,— тут же оборвал его Маккилвейн.— Это провинциальный подход к решению проблемы. Эти существа могут происходить из любой другой системы, совершенно отличной от Солнечной.

— О, нет! — вмешался я. В мозгу моем мелькнула картина планеты Титан и вместе с ней ощущение удушья.

На меня, однако, не обратили никакого внимания.

— Возьмите амебу,— продолжал Маккилвейн,— эту более простую и намного более удачную форму жизни, чем наша. Побудительная психология амебы...

Я отключился от их беседы. Свобода слова дает человеку право говорить о «психологии» амебы, но я имею право не слушать.

Затем они произвели несколько прямых опытов и мое мнение о них несколько повысилось. Варгас велел поместить бабуина с повелителем на спине в клетку с гиббонами и шимпанзе. Все обезьяны собрались в круг, спина к спине, мордами наружу, а слизняки вошли друг с другом в прямой контакт. Маккилвейн ткнул пальцем в их сторону.

— Видите? Обмен имеет целью не размножение, а обмен информацией. Организм, на время разделенный, теперь сам воссоединяется.

Я мог бы рассказать ему то же самое без всяких опытов: повелитель, который некоторое время не соприкасается с другими, всегда стремится как можно быстрее к прямому контакту.

— Все это умствование! — сердито огрызнулся Варгас.— У них просто нет сейчас возможности размножиться. Джордж! — Он велел старшему обслуживающего персонала привести еще одну обезьяну.

— Малыша Эйба? — спросил старший.

— Нет, мне нужна обезьяна без паразита. А ну, давай глянем. Пусть это будет старина Рэд.

— Жалко,— скривился старший.— Может быть не надо его?

— Ничего с ним не станет.

— А может быть Дьявола? Он причиняет нам сейчас массу хлопот.

— Ладно. Только давай побыстрее!

Принесли Дьявола, черного, как сажа, самца шимпанзе. Возможно, он и был агрессивен где угодно, но только не здесь. Его втолкнули в клетку — и он сразу же, съежившись, прижался к дверце, беспрестанно скуля. Это начало походить на экзекуцию. У меня крепкие нервы — к чему только не привыкает человек,— но истерика обезьяны была заразной. Мне страшно захотелось убежать отсюда!

Сначала обезьяны с паразитом за плечами просто смотрели на него, как бы прицениваясь. Это продолжалось довольно долго. Скулеж Дьявола превратился в стон, и он прикрыл морду лапами. Через некоторое время Варгас крикнул:

— Профессор! Смотрите!

— Что?

— Люси! Там! — Он показал рукой.

Люси была старейшиной чахоточных гиббонов и стояла спиной к нам. Находившийся на ней слизняк сгорбился. Через его середину пролегла радужная линия.

Он начал расщепляться, как раскалывается яйцо. Всего лишь через несколько минут разделение стало полным. Один новый слизняк разместился по центру ее спины на позвоночнике. Другой стал скатываться вниз. Самка присела на корточки, почти касаясь спиной пола. Слизняк скользнул с нее и мягко плюхнулся на бетон. Затем медленно пополз к Дьяволу. Обезьяна хрюплю вскрикнула и вскрабкалась на крышу клетки.

Тогда они послали целое отделение, чтобы поймать ее — двух гиббонов, шимпанзе и бабуина. Они оторвали беднягу от прутьев, спустили вниз и прижали мордой к полу.

Слизняк подполз ближе.

Он был не более, чем в полуметре от Дьявола, когда стал отращивать псевдоконечность — сначала медленно — стебель, который извивался, как кобра. Затем этот стебель взметнулся и ударил шимпанзе по ноге. Остальные обезьяны быстро отскочили прочь, но Дьявол уже не шевелился.

Титан, казалось, подтягивался с помощью удлинения, которое сам же образовал, и прикрепился к ноге Дьявола. Затем он пополз вверх. Когда он достиг основания позвоночника, Дьявол поднялся, отряхнулся и присоединился к остальным.

Варгас и Маккилвейн стали возбужденно беседовать, по-видимому, каждый хотел убедить своего коллегу, что тот неправ, но каждый при этом оставался при своем мнении, считая его единственno верным. Мне же хотелось сокрушить что-нибудь — за себя, за Дьявола, за всех приматов!

Маккилвейн настаивал на том, что мы сейчас были свидетелями явления, которое не укладывалось в наши привычные представления. Он доказывал, что перед нами разумное существо, организация которого позволяет быть ему бессмертным и непрерывным в своей индивидуальности, однако, аргументы его становились все более путанными. Он даже дотеоретизировался до того, что начал утверждать, что у этого существа непрерывная память, вплоть до истоков его расы. Он описывал слизняков, как некоего четырехмерного червя в континууме пространство — время, сплоченного, как единый организм, и речь его стала настолько насыщена терминами, понятными лишь посвященным, что скорее всего прикрывала его собственное скудумие.

Что касается меня, то я ничего в ней не понял и мне было как-то все равно. Единственное, что меня волновало в отношении слизняков, это неистребимое желание убить их всех до единого!

Глава 20.

Меня удивило, что когда я вернулся, то смог пробиться к Старику — президент уехал на секретную сессию Объединенных Наций. Я рассказал Старику о том,

что видел, и добавил свое мнение о Варгасе и Маккильвейне.

— Будто бойскауты,— пожаловался я,— сравнивающие свои коллекции почтовых марок. Они не понимают, насколько это серьезно.

Старик покачал головой.

— Не суди о них так поспешно,— посоветовал он.— Похоже, что они докопаются до ответа скорее, чем ты или я.

Я крепко выругался и добавил:

— Похоже, они скорее позволят сбежать этим слизнякам!

— Они тебе рассказывали о слоне?

— Каком слоне? Они мне вообще ни о чем не рассказывали. Их интересовали только собственные гипотезы, а на меня они не обращали вообще никакого внимания.

— Тебе не понять отрешенности ученых, парень. Кстати, о слоне. Каким-то образом на волю выбралась одна из обезьян с повелителем. Ее тело было найдено раздавленным насмерть возле слоновника. А один из слонов исчез.

— Вы имеете в виду, что на волю вырвался слон со слизняком на спине? Могу представить себе это жуткое зрелище — нечто вроде танка с кибернетическим мозгом.

— Это была слониха,— поправил меня Старик.— Ее разыскивали в штате Мэриленд, она мирно жевала капусту. Паразита на ней не было.

— Куда же подевался слизняк? — Я непроизвольно огляделся.

— В соседней деревне был украден «комби». Я бы сказал, что слизняк сейчас находится к западу от Миссисипи.

— При этом кто-то исчез?

Он снова пожал плечами.

— Откуда нам знать, пока в стране свобода передвижения. Во всяком случае, титану невозможно скрыться на человеке-«хозяине» за пределами «Красной зоны».

Его замечание заставило меня задуматься кое о чем, что я видел в зоопарке, но не придал этому должного значения. Теперь же это, чем бы оно ни было, ускользало от меня.

— Хотя приходится прибегать к суровым мерам для поддержания «Режима голой спины»,— продолжал Старик.

рик.— У президента полно протестов по мотивам морали, не говоря уже о национальной ассоциации торговцев верхним платьем.

— Серьезно? И президенту приходится тратить свое время на такие пустяки?

— С ними имеет дело Мак Донью. Но он притянул меня тоже к этому делу.— Старик болезненно поморщился.— Мы сказали им, что они не повидаются с президентом, пока не разденутся донага. Только это их и остановило.

— Скажите, босс, вы бы пошли на это?

— На что именно?

— Заставить людей раздеться догола?

Он закусил губу.

— К чему ты клонишь, сынок?

— Вам известно на все сто процентов, что слизняк может прикрепляться только у основания мозга?

— Это и тебе известно. Может быть, даже лучше.

— Мне казалось, что так оно и есть, но теперь я в этом не уверен. Мы обычно поступали так, когда я был... э... с ними.— Я подробно рассказал о том, что видел, как только тварь добралась до основания позвоночника.— Я уверен, что они предпочитают взбираться поближе к мозгу. Но, возможно, они могут прикрепляться на всем протяжении позвоночника и просто выдвигать черенок к концу позвоночного столба у шеи.

— Гм... А ты помнишь, сынок, что в тот первый раз, когда я велел обыскать толпу, я велел каждому раздеться догола? Это было не случайно.

— Я думаю, что вас можно оправдать. Они, возможно, могут прятаться где угодно на теле. Возьмем эти просторные штаны, которые на вас. В них вполне можно было бы спрятаться.

— Ты хочешь, чтобы я их снял?

— Я могу предложить кое-что получше. Я продемонстрирую вам захват а-ля Канзас-Сити.

Слова мои выглядели смешными, но я не шутил.

— Но ведь мы не можем,— пожаловался он после того как сел,— ходить повсюду, шлепая женщин по заднице. Это не дело. Нас могут не так понять.

— Возможно, к этому придется привыкнуть, или же всем надо будет раздеваться догола.

— Мы проведем опыты.

— Каким образом?

— Ты знаешь, какова эффективность этих доспехов на голове и спине? Они не много стоят, но дают носящему их ощущение безопасности. Я велел доктору Хареису взять обезьяну, приладить ей эти доспехи так, чтобы слизняк был не в состоянии ни до чего добраться, кроме, скажем, ног — и посмотрим, что будет. Затем посмотрим, как обстоят дела с другими местами на теле.

— Неплохо. Только не используйте обезьян, шеф.

— Почему?

— Они... они очень похожи на людей!

— Черт побери, парень! Но ведь нельзя сделать яичницу...

— ...не разбив яйца! О'кей, шеф, но лично мне это не по нраву.

Г л а в а 21.

Следующие несколько дней я провел, читая лекции перед высшим начальством, отвечая на глупые вопросы, вроде, что едят титаны за завтраком, объясняя, как управляться с теми, кем владеют слизняки. Меня рекламировали, как эксперта, но в половине случаев мои ученики, казалось, были уверены в том, что знают побольше меня о титанах.

Слизняки продолжали удерживать «Красную зону», но, как мы надеялись, не могли вырваться из нее, не боясь обнаружения. Мы не делали попыток проникнуть туда снова, потому что каждый слизняк держал одного из наших собственных людей в качестве заложника. От Объединенных Наций помочь не было. Президент предлагал ввести «Режим голой спины» во всемирном масштабе, однако это предложение было спущено на тормозах и переправлено в одну из подкомиссий для изучения. Правдой было то, что нам не поверили. Это было огромным преимуществом нашего противника.

В огонь верят только те, кто хоть раз обжегся!

Некоторые народы были в безопасности, благодаря своим обычаям. Финн, который не залезет ежедневно в парную в компании со своими приятелями, сразу же вызовет подозрение. Японцы относились к раздеванию совершенно равнодушно. В относительной безопасности были жители Южных морей, французы, увлеченно предававшиеся нудизму — в особенности в выходные дни — могли

не бояться, так как слизнякам просто некуда было бы спрятаться. Однако в странах, где одежда олицетворяла пристойность, слизняки могли оставаться спрятанными до тех пор, пока от его «хозяина» не начинало исходить зловоние. Такими странами были США, Англия, Россия. Надо сказать, что Англия должна была бояться вторжения в особенности.

Дело в том, что вместе с обезьянами трое слизняков было переправлено по воздуху. Насколько я понимаю, король хотел показать такой же пример, как и президент, но архиепископ кентерберийский не позволил этого сделать. Архиепископ даже не удосужился взглянуть на титана — для него внешние приличия оказались важнее земных опасностей. Об этом ничего не говорилось в прессе и, возможно, вся эта история не соответствует истине, но англичане и дальше не намеревались показывать свою кожу соседям.

В течение этого периода времени я не встречался со Стариком. Поручения мне давал Олдфилд, его заместитель. В результате этого я не знал, когда Мэри освобождается от своих особых дежурств у президента. Однажды я натолкнулся на нее в одной из комнат для отдыха.

— Мэри! — возопил я и полетел с ног.

Она одарила меня своей тягучей и сладкой улыбкой и спокойно переступила через меня. Она не спросила, чем я в это время занимался, не стала распекать меня за то, что я не был с нею. Она даже сделала вид, что совсем не соскучилась. Мэри будто считала, что все образуется само собой.

Но я был не таков!

— Как замечательно! — лепетал я.— А я думал, что ты все еще укладывашь нашего президента в постельку. Сколько времени ты уже там провела? Когда ты должна возвращаться? Послушай, Мэри, можно заказать тебе? А, у тебя уже есть.— Я стал набирать на пульте выпивку для себя, но только тут заметил, что рюмка уже стоит на столе. Вот-те на! Как она сюда попала!

— Я заказала, как только ты вошел сюда.

— Мэри, разве я тебе не сказал, что ты просто замечательная девушка?

— Нет.

— Ну что ж, значит скажу. Ты замечательная!

— Спасибо.

— Ты давно освободилась? — не унимался я от радости.— Послушай, не могла бы ты взять отпуск? Ведь нельзя от тебя ожидать, что ты будешь дежурить 24 часа в сутки, неделю за неделей, без всякого перерыва. Я пойду прямо к Старику и скажу ему...

— Я в отпуске, Сэм.

— Что?

— Я сейчас в отпуске.

— Ты? И на сколько?

— Пока не позовут. Сейчас все в отпуске только так.

— Но... Давно ты в отпуске?

— Со вчерашнего дня. Сижу вот здесь и поджидаю тебя.

— Со вчерашнего дня?! — взорвался я. Весь вчерашний день я провел, читая идиотские лекции всяким высшим чинам, которым они были до лампочки.

Я встал.

— Не двигайся, дорогая, я сейчас вернусь!

Я поспешил в оперативный отдел.

— Что вы хотите? — поинтересовался Олфилд.

— Шеф, помните о тех сказочках на ночь, которые я должен рассказывать? Неплохо было бы их отменить.

— Почему?

— Я болен. Мне уже давно положен отпуск по болезни.

Теперь мне нужно его взять.

— Что у тебя за болезнь?

— Я болен головой. Слышу голоса. Меня всюду кто-то преследует. Мне все время снится, что я снова с титанами.— Последнее было правдой.

— Но с каких это пор сумасшествие было помехой в работе в нашем отделе?

Он поднял глаза, ожидая, что я стану оспаривать это его замечание.

— Послушайте, сэр, меня пустят в отпуск или нет?

Он стал рыться в бумагах, нашел какую-то и тут же разорвал.

— О'кей. Телефон пусть всегда будет у вас включен. По первому же вызову возвращайтесь. А сейчас — вон!

Что я и сделал незамедлительно. Когда я вошел в буфет, Мэри снова одарила меня ласковой теплой улыбкой.

— Собирай свои вещи, дорогая, мы отправляемся.

Она не спросила куда — она просто встала. Я схватил рюмку, отпил немного, остальное расплескал. Заговорили мы только тогда, когда были уже на верхнем пешеходном уровне города.

— А теперь... — начал я. — Где ты хочешь, чтобы мы поженились?

— Сэм, мы ведь уже обсуждали этот вопрос!

— Разумеется, обсуждали, а теперь намерены выполнить. Так, где?

— Сэм, дорогой мой, я сделаю все, что ты скажешь, но я все же против этого.

— Почему?

— Сэм, давай поедем ко мне. Мне хочется приготовить тебе обед.

— О'кей, ты можешь приготовить обед — но не там. И сначала мы поженимся.

— Ну, пожалуйста, Сэм.

Я схватил Мэри за руку и буквально втолкнул ее в такси.

— Ладно, — пробурчал я. — Почему бы и нет? Давай разберемся.

— Зачем жениться, Сэм? Я и так твоя, тебе не нужны формальности.

— Зачем? Да затем, что я люблю тебя, черт возьми!

Она надолго замолчала. Я подумал, что обидел ее. Когда она заговорила, я едва услышал ее голос.

— Ты не говорил этого раньше, Сэмми.

— Да? Не может быть!

— Да. Я абсолютно уверена, что не упоминал. Потому?

— Не знаю. По недосмотру, что ли. Я не вполне уверен в том, что обозначает слово «любовь».

— И я тоже, — ласково произнесла она. — Но мне нравится слушать, когда ты его произносишь. Скажи еще раз, пожалуйста.

— О'кей. Я люблю тебя. Я страшно люблю тебя, Мэри.

— О, Сэм!

Она, дрожа, прильнула ко мне. Я слегка встряхнул ее.

— А ты?

— Я? О, как я тебя люблю, Сэм. Я полюбила тебя с тех пор, когда...

— Когда?

Я ожидал услышать от нее, что она полюбила меня с того дня, когда я занял ее место в «Операции Интервью», но вот что она сказала:

— Я полюбила тебя в тот самый момент, когда ты дал мне пощечину.

— Вот она — женская логика!

Водитель медленно вез нас вдоль берега Коннектикута. Мне пришлось разбудить его, чтобы он высадил нас в Вестпорте. Мы отправились в ратушу. Войдя в бюро лицензий, я спросил у клерка:

— Здесь можно пожениться?

— Это зависит от вас, сэр,— усмехнулся он.— Охотничи лицензии — налево, разрешение на содержание собак — направо. Здесь — золотая середина.

— Прекрасно,— твердо произнес я.— Не откажите нам, сэр, в выписке лицензии...

— Пожалуйста. Каждый должен хотя бы раз жениться. Вот что я всегда твержу своей старухе.— Он вынул бланк.— Ваши личные номера?

Мы сказали.

— Теперь, вот что. Кто-либо из вас состоит в браке в любом другом штате?

Мы сказали, что нет.

— Вы уверены? — не унимался чиновник.— Если вы не скажете, а на самом деле это так, то этот брак будет недействительным.

Мы еще раз сказали ему, что никто из нас никогда не состоял в браке.

— На определенный срок, возобновляемый или на всю жизнь? Если на срок более десяти лет, то плата такая же, как и на пожизненно. Если до шести месяцев — то бесплатно. В этом случае возьмите вон тот бланк из автомата.

— На всю жизнь,— тихо произнесла Мэри.

Клерк удивленно взглянул на нее.

— Леди, вы уверены в том, что соображаете, что делаете? Если вы вступаете в возобновляемый брак, то он такой же постоянный, но вам не нужно будет обращаться в суд, если вы вдруг передумаете.

— Вы слышали, что сказала леди,— вмешался я.

— О'кей, о'кей! С каждой из сторон обоюдное согласие или обязательства?

— Обязательство,— ответил я.— Обязательство.

Мэри кивнула.

— Значит, обязательство,— повторил клерк, отстукивая на клавиатуре.— А теперь, самое главное — кто платит и сколько? Жалованное или пожертвованное?

— Жалованное.

У меня не было достаточно денег, чтобы учредить капитал.

— Ни то, ни другое,— внезапно вмешалась в наш разговор Мэри.

— Что? — удивился клерк.

— Вы что, плохо слышите? Я сказала: ни то, ни другое,— твердо произнесла Мэри.— Это не финансовая сделка.

— Леди, не делайте глупостей,— сказал чиновник.— Вы слышали, что говорит этот джентльмен. Он желает сделать все по правилам.

— Нет!

— Не лучше ли вам переговорить с адвокатом прежде, чем мы двинемся дальше? В зале есть кабина для связи.

— Нет!

— Черт побери, совершенно не понимаю! Для чего вам все-таки понадобилась регистрация?

— И я не понимаю,— пожала плечами Мэри.

— Вы имеете в виду, что не хотите этого?

— Нет! Запишите так, как я вам сказала. Бесплатно.

Клерк сделал беспомощное лицо и сгорбился над машинкой.

— Думаю, что это все,— сказал он в конце концов.— А теперь прослушайте. Клянетесь ли вы торжественно в том, что вышеуперечисленные факты соответствуют, насколько это вам известно, истине и что вы подписываете это соглашение, не находясь под воздействием наркотиков или других противозаконных стимулов и что не существует утаенных договоренностей или других юридических препятствий к осуществлению и регистрации вышеуказанного соглашения?

Мы оба подтвердили, что клянемся во всем, что нам предложили. Он вытянул лист из машинки.

— Ваши отпечатки пальцев, господа. О'кей, с вас десять долларов, включая федеральный налог.

Я уплатил. Он засунул бланк в копировальный аппарат и щелкнул тумблером.

— Копии будут пересланы вам по почте,— объявил клерк,— по адресам, соответствующим номерам ваших

удостоверений. А теперь какую церемонию вы хотите устроить? Может быть, я смогу вам быть полезен в выборе?

— Нам не нужна религиозная церемония,— сказала Мэри.

-- Тогда я знаю, что вам нужно. Это — выдержанное шампанское. Лучший в городе стереоаккомпанемент, на всех четырех стенах, и полный симфонический оркестр. Все будет самым пристойным образом, в том числе и инструктаж, как добраться до того, чтобы добиться деторождения. Все будет сделано с чисто отеческой ненавязчивостью. Вы на самом деле почувствуете, что поженились.

— Нет! — на этот раз сказал я.

— Не торопитесь,— сказал клерк и поднял руки.— Подумайте о леди. Если она будет придерживаться всего того, в чем поклялась, то у нее никогда не будет возможности испытать это. Каждой девушке хочется пережить официальный обряд. Честное слово, я беру совсем немного...

— Вы можете нас поженить? — прервал я его.— Если да, то валяйте. И кончайте эту бодягу.

Он удивленно уставился на меня.

— Вы что, не знаете? В этом штате вы можете пожениться сами, без посторонней помощи. Вы уже женаты с того момента, когда поставили свои отпечатки пальцев.

— Вот как,— сказал я. Мэри промолчала, и мы вышли.

Мы взяли такси на посадочной площадке к северу от города. Драндулету было лет десять, но он был полностью автоматическим, а это было главным. Я сделал петлю над городом, пересек Манхэттен и включил автоматику. Я был счастлив, но ужасно нервничал. Видя это, Мэри обняла меня за плечи. Через некоторое время я услышал «биг-биг-бин» радиобуя своей лачуги и совершил посадку. Мэри спросила сонно:

— Где это мы?

— Возле своей лачуги в горах.

— А я и не знала, что у тебя есть хижина в горах. Я счастлива, если бы мы направились в мою квартиру.

— Да? Подвергать себя риску попасть в твои медвежьи капканы? Да и хижина эта теперь не моя, а наша.

Она еще раз поцеловала меня и выскоцзнула из машины первая.

— Милый, какая прелесть!

— Ничего нет лучше Адирондакских гор,— согласился я.

Солнце на западе бросало свои последние лучи, придавая всему вокруг загадочный, стереоскопический вид.

Она тоже взглянула на запад и сказала:

— Да, да. Но я имела в виду не это. Я имела в виду — твою хижину. Давай войдем внутрь прямо сейчас.

— Согласен,— кивнул я.— Но это на самом деле самая обычная лачуга.— Я ничуть не прибеднялся, в ней не было даже внутреннего бассейна. Я сделал это умышленно. Когда я обзавелся ею, я не хотел испытывать чувства, будто я притащил за собой сюда весь город. Стены ее были из обычной стали и фибергласса, но я облепил их листами пластика под дерево. Внутри все было таким же простым — большая комната с настоящим камином, пушистые ковры, множество глубоких кресел. Удобства были в компактном исполнении и смонтированы в подвале — кондиционер, энергоблок, система очистки, аппаратура звуковоспроизведения, канализация, радиационная защита, сервомеханизмы — все, кроме холодильника и другого кухонного оборудования, совершенно незаметного и не мешающего. Даже стереоэкранны невозможно было заметить, пока они не были включены. Это было, насколько можно позволить, приближением к настоящей бревенчатой хижине, но с туалетом внутри.

— Я считаю ее прекрасной,— сказала Мэри серьезно.— Мне не хотелось бы, чтобы это место было шикарным.

— И мне тоже.— Я отпер дверь, и Мэри тотчас же вошла внутрь.

— Эй! Вернись! — завопил я.

Она появилась в двери.

— В чем дело, Сэм? Я сделала что-то не так?

— Конечно же.— Я вытащил ее из хижины, развернул, не выпуская из рук, поднял и перенес через порог, затем поцеловал и поставил на ноги.— Вот так! Теперь ты в своем собственном доме, дорогая!

Как только мы вошли, включилось освещение. Она осмотрелась, затем повернулась и обняла меня за шею.

— О, дорогой, дорогой мой!

Время остановилось для нас.

Затем она стала ходить по домику, трогая все руками.

— Сэм, если бы я сама задумала это, то все было бы точно таким.

— Здесь всего одна ванная,— извинился я.— С этим придется мириться, дорогая.

— Мне все равно. Я очень рада. Теперь я знаю, что ты никогда не водил сюда ни одну из этих женщин.

— Каких женщин?

— Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь, дорогой. Если бы ты задумал это место ради этого, то ты обязательно устроил бы здесь женскую ванную.

— Ты слишком много знаешь!

Она ничего не ответила и прошла на кухню. Я слышал, как она взвизгнула.

— В чем дело? — спросил я, торопясь за ней следом.

— Я никак не ожидала найти настоящую кухню в холостяцкой берлоге.

— Я неплохой повар. Мне нужна была кухня, поэтому я и купил ее.

— Я так рада, дорогой. Теперь я сварю тебе обед.

— Это твоя кухня. Располагайся. Может быть, ты хочешь сначала помыться? В ванную твоя очередь первая. А завтра мы возьмем каталог и подберем тебе ванную по твоему вкусу. Ее сюда мигом доставят на вертолете.

— Иди принимай душ первым,— сказала она.— Я хочу немедленно начать готовить тебе обед.

Мы с Мэри настолько быстро вошли в домашний быт, будто были женаты уже много лет. О, наш медовый месяц не был банальным и, разумеется, были тысячи всяких мелочей, которые нам придется еще узнать друг о друге — главное было в том, что, казалось, мы уже знали все самое необходимое друг о друге, что заставило нас вступить в брак. Особенно Мэри.

Я не очень четко помню эти дни. Я был счастлив. До этого я не ведал, что это такое. Да, я развлекался, забавлялся. Мне часто было интересно — но все это не было счастьем.

Мы не включали стерео, не прочли ни одной книги. Мы не виделись ни с кем и ни с кем другим не разговаривали — за исключением того, что мы на следующий день прогулялись пешком до поселка. Я хотел, чтобы там увидели Мэри. По дороге обратно мы прошли мимо лачуги Джона-Козла, нашего местного отшельника. Джон делал тот небольшой присмотр за моей лачугой, который ей требовался. Увидев его, я помахал рукой.

Он помахал мне в ответ. Он был, как обычно, ввязанной спортивной шапочке, старой армейской гимнастерке, шортах и сандалиях. Я подумал о том, чтобы предупредить его о приказе ходить голым до пояса, но передумал. Вместо этого я сложил руки рупором и крикнул:

— Пришлите мне Пирата!

— Кто этот Пират, дорогой? — спросила Мэри.

— Увидишь.

Как только мы вернулись домой, пришел Пират. Это был крупный кот-гуляка. Он важно подошел ко мне, поведал о том, что думает о тех, кто так долго не бывает дома, затем уткнулся головой мне в колено в знак того, что прощает меня. Я потрепал его по холке, затем он осмотрел Мэри. Она опустилась на корточки и стала издавать звуки, применяемые людьми, которые знают, как обращаться с кошками. Однако, Пират отнесся к этому весьма подозрительно. Но через минуту он прыгнул ей на руки и стал довольно урчать, одновременно потираясь спиной о ее подбородок.

— Какое облегчение,— объявил я.— Какое-то мгновение мне казалось, что мне не позволят держать тебя, дружище Пират,— засмеялся я.

— Тебе не нужно было беспокоиться,— улыбнулась Мэри.— Я сама на две трети кошка.

— А кто же на оставшуюся часть?

— Это ты сам узнаешь.

С этого времени кот был с нами — вернее, с Мэри — почти неразлучно, за исключением тех случаев, когда мы закрывались в спальне. Допускать его дальше я уже не мог, хотя и Мэри и Пират были в данном случае обо мне невысокого мнения.

Мэри никогда не обременяла меня своими неприятностями. Она не любила копаться в прошлом. Да, она разрешала мне говорить о моем, но не о своем собственном. Один раз, когда я завел об этом разговор, она сменила тему, сказав:

— Давай выйдем полюбоваться закатом!

— Закатом? — удивился я.— Не может быть, мы только что кончили завтракать.— Эта путаница со временем вернула меня к реальности.— Мэри, сколько времени мы уже здесь?

— Разве это имеет значение?

— Конечно, имеет. Я уверен, что прошло больше недели. В любой из дней может раздаться крик в наших телефонах и опять начнется волынка.

— Не все равно, сколько длятся промежутки между работой?

Мне все же хотелось узнать, какой сегодня день. Я мог бы это сделать, включив стерео, но, скорее всего, я бы натолкнулся на последние известия, а этого мне чертовски не хотелось. Я все еще делал вид, что мы с Мэри находимся в каком-то другом мире, где нет титанов.

— Мэри,— сказал я раздраженно,— сколько у тебя есть таблеток задержки времени?

— Ни одной.

— Ну что ж, у меня достаточно их для нас двоих. Давай продлим наше счастье. Предположим, что у нас осталось всего лишь двадцать четыре часа. Мы бы могли их растянуть на добрый месяц субъективного времени.

— Нет!

— Но почему?

Она положила руку мне на плечо и заглянула в глаза.

— Нет, дорогой, это не для меня. Я должна прожить каждое мгновение, не портя его беспокойством о том, что нас ждет впереди.

У меня был упрямый вид, и она продолжала:

— Если ты хочешь их принять, то я не буду возражать, но, пожалуйста, Сэмми, не уговаривай меня.

— Черт побери, я не собираюсь отправляться в этот радостный путь в одиночку.

Она ничего не ответила, что было самым наилучшим способом выиграть спор из всех, что я знаю.

Не то, чтобы мы часто спорили. Если я и затевал спор, то Мэри обычно уступала, но затем каким-то образом получалось, что я ошибался. Я несколько раз делал попытку побольше разузнать о ней. Мне казалось, что я обязан знать что-то о женщине, на которой женился. После одного из вопросов, она глубоко задумалась и ответила:

— Иногда я сама удивляюсь, было ли у меня на самом деле детство, или оно было только сном, приснившимся мне вчера.

Я спросил без всякой задней мысли, какое у нее имя.

— Мэри,— сказала она спокойно.

— Это твое настоящее имя? — Я давно уже упомянул ей о своем настоящем имени, но мы продолжали употреблять «Сэм».

— Разумеется, это мое имя, дорогой. Я — Мэри с той самой минуты, когда ты первый раз назвал меня так.

— Ладно, моя возлюбленная Мэри. А какое у тебя было имя до этого?

Взгляд ее стал каким-то странным, в нем ощущалась боль, но она спокойно ответила:

— Когда-то меня называли Эллюкьюр.

— Эллюкьюр, — повторил я, смакуя это имя. — Какое необычное и красивое имя. Эллюкьюр... В нем есть что-то величественное. Моя дорогая Эллюкьюр!

— Теперь мое имя Мэри.

Где-то в глубине души я был уверен, что Мэри больно, мучительно больно вспоминать о прошлом. Было похоже, что я никогда ничего не узнаю о том, что ей пришлось испытать. Вскоре я перестал об этом беспокоиться. Она была тем, чем являлась сейчас и будет всегда, и я был счастлив и от того согласен и дальше купаться в теплых лучах ее близости.

Я продолжал называть ее Мэри, но имя, которое когда-то было у нее, от чего-то застяжало в моей памяти. Эллюкьюр... Эллюкьюр... интересно, как оно пишется?

И вдруг я все понял. Моя спрессованная память выплеснула на поверхность кое-что из того, что я всегда считал бесполезным хламом и мучился от того, что не в состоянии от него избавиться. Когда-то существовала община, колония, пользовавшаяся искусственным языком. Даже имена были придуманы новые...

Уитмэниты, вот кто это были — анархически пацифистский культ, изгнанный из Канады, а затем не удержавшийся в «Малой Америке». Пророк его написал книгу «Энтропия радости». Я когда-то пролистал ее. Она была полностью заполнена псевдоматематическими формулами достижения счастья.

К «счастью» стремится каждый. Точно также они боролись против «греха». Однако практикование культа доставило им крупные неприятности. У них было любопытное и очень древнее решение своих сексуальных проблем, решение, которое привело их к гибельным результатам, когда культура уитмэнитов соприкоснулась с другими типами поведения. «Малая Америка» не смогла существовать изолированно. Потом я где-то услышал, что остатки их

эмигрировали на Венеру — и в таком случае они должны быть сейчас все мертвы.

Я выбросил это из головы. Если Мэри и была приверженкой этого культа или была воспитана в этом духе, то это ее личное дело. Я определенно не собирался допускать, чтобы воззрения этого культа стали причиной кризиса нашего счастья, сейчас или когда-либо. Брак — не владение собственностью, а жена — не собственность.

Глава 22.

Когда я в следующий раз заикнулся о таблетках задержки времени, Мэри спорить не стала, но предложила, чтобы мы придерживались минимальной дозы. Это было явным компромиссом — мы всегда могли принять еще.

Я приготовил их в виде инъекции, чтобы БЫСТРЕЕ подействовали. Обычно я гляжу на часы после того, как принял таблетки. Когда минутная стрелка останавливается, я знаю, что действие началось. Но в моей хижине часов не было, также не было их у нас. Был восход солнца и мы бодрствовали всю ночь, прижавшись друг к другу на большой низкой тахте у самого камина.

Мы так и продолжали лежать, в прекрасном сонном состоянии, я стал думать о том, что средство не подействовало. Затем я понял, что солнце перестало подниматься. Я смотрел на то, как мимо окна пролетает птица. Если я глядел на окно достаточно долго, то мог увидеть движение ее крыльев.

Я перевел взгляд на свою жену. Пират свернулся клубком у нее на животе. Казалось, они оба спали.

— Как насчет завтрака? — спросил я.— Умираю от голода.

— Если я шевельнусь, то потревожу Пирата.

— Ты обещала любить, чтить меня и готовить мне завтраки,— ответил я и пощекотал ей ногу. Она дернулась, кот взвизгнул и соскочил на пол.

— О, дорогой! — пожаловалась она.— Ты заставил меня сделать слишком резкое движение. Он обиделся.

— Какое тебе дело до кота — ведь ты мне жена.— Но я понял, что совершил ошибку. В присутствии тех, кто не находится под воздействием наркотика, необходимо двигаться с предельной осторожностью. Я просто не подумал

животном. Кот несомненно подумал о нас, как о пьяных трясущихся болванах. Я намеренно стал двигаться плавно и попытался его утешить.

Бесполезно — он уже мчался к двери. Я мог бы остановить его, потому что для меня его движения были тягуче медленными, но я воздержался, просто чтобы не напугать его еще больше.

Я позволил ему уйти.

Вы знаете, Мэри оказалась права. Таблетки задержки времени совершенно не годятся для медового месяца. Ощущение счастья, которое испытывал я раньше, было замаскировано эйфорией, вызванной наркотиком. Эта эйфория непреодолима, но потеря реальна. Я заметил, что заменил истинное очарование химической подделкой. Тем не менее это был неплохой день — или месяц. Но я хотел лучше не отрываться от действительности.

Позже, в этот вечер, мы вышли из этого состояния. Я ощущал некоторую раздражительность, характерную для ослабления действия наркотика, разыскал часы и проверил свои рефлексы. Когда они по времени стали нормальными, я проверил рефлексы Мэри, после чего она сообщила мне, что провал составил что-то около двадцати минут. Это очень точно соответствовало дозе.

— Хочешь еще? — спросила она.

Я поцеловал ее.

— Нет, честно говоря, я рад вернуться.

— И я рада.

У меня был характерный посленаркотический аппетит, я упомянул об этом.

— Сию минуту, дорогой, — засмеялась Мэри. — Позови только Пирата.

В этот день — или месяц — меня совершенно не интересовало, есть он или нет его. Таково воздействие эйфории.

— Не беспокойся. — Я успокаивающе положил руку ей на плечо. — Он частенько пропадает где-нибудь целый день.

— Раньше я за ним этого не наблюдала.

— Сколько угодно раз, — настаивал я.

— Мне кажется, что я его обидела. Да, точно, обидела.

— Он наверное уже у старины Джона. Это его обычный способ мстить мне. Ничего с ним не случится, дорогая, не беспокойся.

— Но сейчас уже поздно и я боюсь, как бы его не сцепала лиса. Милый, не возражаешь, если я выйду и позову его.

Она направилась к двери.

— Набрось на плечи что-нибудь,— сказал я.— На дворе свежо.

Она вернулась в ванную, надела халат, который я купил ей в тот день, когда мы ходили в поселок, и вышла наружу. Я подложил в камин дров и пошел на кухню. Пока я в уме составлял меню я услышал ее слова:

— Бедный, бедный котик! Мама о тебе беспокоилась.

Я позвал Мэри:

— Позови его и закрывай двери, мы же не пингвины.

Она ничего не ответила. Когда я вернулся в комнату, она только что вошла в нее, но кота с ней не было. Я хотел что-то сказать, но поймал ее взгляд. Глаза Мэри были наполнены невыразимым ужасом.

— Мэри! — закричал я и бросился к ней.

Она, казалось, заметила меня и повернулась к двери. Движения ее были резкими, конвульсивными. Когда она повернулась, я увидел ее плечи.

Под халатом виднелся горб.

Не знаю, сколько времени я стоял пораженный. Наверное, не более доли секунды, но в моей памяти эта доля секунды запечатлелась как равная бесконечности. Я прыгнул и схватил ее за руку. Она посмотрела на меня и глаза ее более уже не были холодными от ужаса, они были остекленевшими и мертвыми.

Она ударила меня коленом.

Я согнулся и мне удалось избежать самого худшего. Конечно, никто не хватает опасного противника за руки, но ведь это была моя жена. Я не мог применить к своей Мэри приемы каратэ!

Но у слизняка не было ни малейшего сожаления по отношению ко мне. Мэри, вернее, он обрушился на меня со всей силой, которой она располагала, и мне пришлось делать все, что я мог, чтобы не убить ее. Я должен был также не позволить убить себя и в то же время должен был убить слизняка, не давая возможности титану овладеть мною. Иначе я не смог бы спасти ее.

Я освободил одну руку и ткнул ее в подбородок. Удар ничуть на нее не подействовал. Я снова схватил ее обеими руками, пытаясь медвежьей хваткой лишить возможности двигаться, одновременно не нанося ей повреж-

дений. Мы оба упали, причем наверху оказалась Мэри. Я нанес ей удар головой в лицо, чтобы прекратить ее кусанье.

Но одной мужской физической силой невозможно было удержать ее. Тогда я попытался парализовать ее, нажимая на нервные окончания, но она не хуже меня знала их расположение на своем теле, и мне, пожалуй, повезло, что я сам не оказался парализованным.

Оставалось одно, что я мог еще сделать — это схватить самого слизняка, но я уже испытывал то уничтожающее воздействие, которое он оказывает на своего «хозяина». Это могло убить ее. Несомненно, это нанесло бы ей ужасный вред. Я хотел лишить ее сознания, затем осторожно снять его, прежде чем убить...

Но как его можно было снять?

А что если температурой...

У меня не было времени на дозревание этой мысли, ее зубы уже были на моем ухе. Я освободил правую руку и схватил слизняка.

Ничего не произошло. Вместо того, чтобы мои пальцы погрузились в него как в студень, я обнаружил, что на этом слизняке кожистая оболочка. У меня было такое ощущение, будто я уцепился за футбольный мяч. Мэри резко дернулась, когда я прикоснулся к нему, и схватила кусочек моего уха, однако ломающиеся кости слизняка поддались, но конвульсия еще не охватила ее тело. Слизняк все еще был жив и владел ею.

Я попытался просунуть пальцы под него — он держался на теле, будто на присоске. Я не мог продвинуть пальцы под него хотя бы на несколько сантиметров.

В это время я почувствовал боль еще во многих местах своего тела. Я перевернулся и встал на колени, не ослабляя своей хватки. Затем отпустил ее ноги, и это было плохо, но я тут же согнул ее снова на своем колене и попытался подняться на ноги. Я поволок ее к камину.

Она почти высвободилась, но мне все-таки удалось довершить начатое. Я схватил ее за волосы и, с силой оттягивая их назад, поместил ее плечи над огнем.

Я имел в виду только опалить слизняка, чтобы пресечь высвобождение. Но она сопротивлялась так упорно, что я поскользнулся и, сам ударившись о карниз камина, опустил ее плечи на угли.

Она закричала и отпрянула от пламени, увлекая меня за собой. Я снова поднялся на ноги, голова моя гудела от удара,

но я увидел, что она рухнула на пол. Ее волосы, ее прекрасные волосы горели как солома.

Вместе с ними горел ее халат. Я стал сбивать огонь руками. Слизняка на ней больше не было. Не переставая тушить огонь голыми руками, я огляделся и увидел, что он лежит на полу возле камина — и что его обнюхивает Пират.

— Пошел вон! — завопил я.— Пират! Прекрати это!

Кот вопросительно посмотрел на меня. Я продолжал делать то, что должен был делать, чтобы наверняка потушить огонь. Когда я стал уверен в этом, только тогда я оставил ее в покое, у меня не было времени даже на то, чтобы проверить, жива ли она. Мне нужна была лопатка для угля. Я не отваживался схватить руками эту мразь. Я повернулся за лопаткой.

Но слизняка больше уже не было на полу. Он владел Пиратом. Кот выпрямил спину, широко расставив лапы, и слизняк взгромоздился на него. Я набросился на Пирата и схватил его за задние лапы как раз в тот момент, когда он совершил свое первое конвульсивное контролируемое паразитом движение.

Попробуйте-ка управиться голыми руками со взбесившимся котом. Это по меньшей мере опрометчиво. Справиться с котом, который управляется титаном, совершенно невозможно. Он исполосовал когтями и зубами мои руки и плечи, но я все же отнес его к камину. Несмотря на отчаянное сопротивление и кошачьи вопли, я поместил слизняка прямо на угли и держал так кота, обжигая ему мех, а себе руки, до тех пор, пока титан не свалился в пламя.

Только тогда я поднял Пирата и положил его на пол. Он больше не сопротивлялся. Я убедился в том, что шерсть его нигде не тлеет, и вернулся к Мэри.

Она все еще была без сознания. Я присел на корточки рядом с ней и заплакал. Через час я сделал все, что мог, для Мэри. Волосы исчезли с левой части ее головы, плечи и шея были в ожогах. Но пульс был сильным, дыхание ровным, хотя и учащенным, и судя по всему потеря телесной жидкости была у нее невелика. Я перевязал ожоги — в этой глупши у меня всегда был полный набор средств оказания первой помощи — и сделал укол снотворного. После этого настала очередь заняться Пиратом.

Он был все еще на том же месте, где я его оставил,

вид у него был некудышний. Он пострадал гораздо сильнее, чем Мэри. Пламя, по-видимому, опалило ему легкие. Я ненароком подумал, что он мертв, но он поднял голову, когда я прикоснулся к нему.

— Прости меня, дружище,— сказал я. И тут мне показалось, что он мяукнул.

Я сделал для него все, что сделал для Мэри, кроме укола снотворного, опасаясь, что он больше не проснется. Затем я прошел в ванную и осмотрел себя.

Кровотечение из уха прекратилось. Я решил не обращать внимание на это. Что меня беспокоило, так это руки. Я сунул их под горячую воду и завизжал от боли, затем высушил их в потоке горячего воздуха. Боль при этом была не меньше. У меня не было ни малейшего представления о том, как перевязывать руки. Кроме того, они были мне просто сейчас очень нужны.

В конце концов, я натолкал по унции противоожоговой мази в каждую из пластиковых перчаток и надел их. В состав мази входило обезболивающее средство, поэтому я мог пользоваться руками. Затем я прошел к стереофону и позвонил поселковому фельдшеру. Я объяснил ему, что случилось, рассказал, что сделал, и попросил его сразу же прийти ко мне.

— Ночью? — удивился он.— Вы, должно быть, шутите, сэр?

Я прикрикнул на него.

— Не требуйте невозможного, сэр. Это уже четвертый вызов за ночь. По ночам никто не выходит из дома. Я загляну к вам утром и осмотрю вашу жену.

Я велел ему утром отправляться ко всем чертям и выключил связь.

Пират сдох вскоре после полуночи. Я похоронил его сразу же, чтобы Мэри его не видела. Моим пальцам было трудно копать, но моему любимцу уже не требовалось много места. Я попрощался с ним и вернулся в дом. Мэри тихо спала. Я пододвинул кресло поближе к кровати и стал присматривать за ней. Вероятно, я вздрогнул несколько раз.

Г л а в а 23.

Под утро Мэри начала дергаться и стонать. Я прикоснулся к ней.

— Я здесь, детка, здесь. Все хорошо. Сэм с тобой.

Глаза ее открылись, на мгновение в них сверкнул ужас.
Затем она увидела меня и успокоилась.

— Сэм, дорогой, у меня был такой ужасный сон.

— Все хорошо, милая,— повторил я.

— Почему ты в перчатках? — Она увидела на себе повязки и произнесла: — Значит, это не сон...

— Да, дорогая, это был не сон. Но уже все в порядке. Я убил его.

— Убил? Ты уверен в этом? Он мертв?

— Абсолютно.

— Сэм, обними меня крепко.

— Твоим плечам будет больно.

— Обними меня!

Я повиновался, стараясь не задеть ее ожоги. Через некоторое время дрожь ее прекратилась.

— Прости меня, дорогой, я такая слабая, такая пугливая.

— Тебе нужно было бы видеть, в какой форме был я, когда меня вызволили.

— Я помню. Расскажи, что произошло. Последнее, что я помню, это как ты силком волок меня к камину.

— Послушай, Мэри, мне не оставалось ничего другого. Я был вынужден. Иначе я не мог. Я бы не снял эту тварь!

— Понимаю, дорогой. Понимаю. Спасибо тебе за то, что ты сделал. Самое сердечное спасибо. Я опять обязана тебе.

Мы оба зарыдали, я прочистил горло и продолжил:

— Ты не ответила, когда я позвал, поэтому я вернулся в комнату, а ты уже была там.

— Я помню. Дорогой, я так старалась.

Я взглянул на нее.

— Я знал, что ты делала — ты пыталась вывернуться. Но как? Стоит только слизняку завладеть, тут уж ничего не поделаешь.

— Ну что ж, у меня не получилось, но я пыталась.

Каким-то образом Мэри мобилизовала свою волю против воли паразита, но борьба была неравной. У меня было предчувствие, что будь Мэри неспособна оказать пусть самое малое сопротивление паразиту, я проиграл бы борьбу за нее.

— Мне нужно было зажечь свет, Сэм,— продолжала она,— но мне и в голову не приходило бояться здесь.— Я кивнул. Место это действительно было безопасным.—

Пират прибежал сразу же, я не увидела этой твари, пока не прикоснулась к нему. А тогда было уже слишком поздно.— Она села.— Сэм, где он? Что с ним? Позови его.

Мне пришлось рассказать о том, что произошло с Пиратом. Она выслушала меня, не меняя выражение лица, кивнула и больше уже о нем не говорила. Я сменил тему, сказав:

— Теперь, когда ты проснулась, я хочу приготовить тебе завтрак.

— Не ходи! — Я замер.— Не выходи вообще из поля моего зрения! — продолжала она.— Ни по какой причине! Я сама приготовлю завтрак.

— Бог с тобой, Мэри, ты должна оставаться в постели, как послушная девочка.

— Подойди сюда и сними эти перчатки. Я хочу посмотреть на твои руки.

Я не снимал их — мысль об этом была невыносимой, так как обезболивающее действие мази уже прошло.

— Я так и думала,— прошептала она печально.— Ты обжегся гораздо сильнее, чем я.

Поэтому именно она приготовила завтрак. Более того, она даже ела — мне же ничего не хотелось, кроме кофе. Я настаивал на том, чтобы она пила как можно больше — большая площадь ожога дело нешуточное. Через некоторое время она отодвинула тарелку и сказала:

— Дорогой, я не жалею о том, что произошло. Теперь я знаю, что это такое. Теперь мы оба побывали в этой шкуре.

Я тупо кивнул. Оказывается, недостаточно делить радости. Она поднялась и произнесла:

— Сейчас мы должны уходить.

— Да,— согласился я.— Я должен как можно скорее показать тебя врачу.

— Я вовсе не это имела в виду.

— Я знаю, что не это.— Не было необходимости пускаться в объяснения и рассуждения. Мы оба знали, что музыка замолкла и что настало время снова браться за работу. Металлолом, на котором мы сюда прибыли, все еще находился на взлетной площадке, накапливая плату за прокат. Три минуты ушло на уборку посуды и выключение аппаратуры. После этого мы были готовы.

На этот раз вела Мэри, из-за моих рук. Когда мы поднялись в воздухе, она сказала:

— Летим прямо в управление. Там нас подлечат, а мы узнаем о том, что происходит. А также о том, насколько сильно ты покалечил себе руки.

— Устраивает,— согласился я.

Мне хотелось разузнать ситуацию, мне хотелось вернуться к моей работе. Я попросил Мэри включить экран, чтобы поймать новости. Но аппаратура связи этого драндулета была такой же древней, как и все остальное. Мы даже не могли принимать звук. К счастью, все цепи автоматического управления были исправными. Так что Мэри не пришлось переходить на ручное.

Из моей головы не выходила одна мысль. Я поделился ею с Мэри:

— Просто так слизняку совершенно незачем садиться на кота, не так ли?

— Да, в этом что-то есть.

— Тогда зачем? Ведь это должно иметь какой-нибудь смысл. Все, что они делают, имеет смысл, пусть он и страшен для нас, но с их точки зрения вполне определенный.

— Оно и имеет смысл. Таким образом можно овладеть человеком.

— Да, понимаю. Но каким образом они могли замыслить это? Безусловно их не так уж много, чтобы они могли позволить себе размещаться на котах, исходя из возможности, что с помощью кошек можно изловить человека. А может быть, действительно много...

Я вспомнил Канзас-Сити, кишевший титанами, и содрогнулся.

— Зачем ты спрашиваешь меня, дорогой? У меня вовсе не аналитический ум.

— Брось разыгрывать из себя скромную девушку и задумайся вот над чем. Откуда взялся этот слизняк? Он должен был взобраться на Пирата со спины другого «хозяина». Кого именно? Я бы сказал, что это был старина Джон, Джон-Козел. Пират не подпускал к себе близко никого другого из людей.

— Старина Джон? — Мэри закрыла глаза, затем открыла их.— Не знаю. Я никогда не была знакома с ним.

— Методом исключения я прихожу к мысли, что так оно и было. На старине Джоне была гимнастерка в то время, как все остальные подчинились приказу голить спину. Следовательно, он был оседлан слизняком еще до введения «Режима голой спины». Но для чего слизняку забираться

так далеко в горы ради того, чтобы овладеть каким-то отшельником?

— Чтобы завладеть тобой.

— Мною?

Да, это имело некоторый смысл. По-видимому, каждый, кому удавалось от них вырваться, оставался меченым. В этом случае более десятка конгрессменов, которых мы спасли, находились в особой опасности. Я отметил это в своей памяти, чтобы доложить об этом и подвергнуть анализу.

С другой стороны, они возможно хотели овладеть мною особенно. Что во мне было такого особенного? Я был тайным агентом. Более важным было то, что слизняк, оседлавший меня, должно быть, выведал у меня все, что мне было известно о Старике, и знал, что я имею к нему доступ. Я со всей определенностью чувствовал, что Старик стал их главным противником. Слизняк должен был узнать, что я знаю о его планах. Ведь весь мой разум был в его распоряжении.

Этот слизняк даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Только вот... погодите минутку. Тот слизняк ведь был мертв! Вся моя теория летела вверх тормашками. И сразу же снова приняла стройный вид.

— Мэри,— спросил я,— ты пользовалась своей квартирой после того утра, когда мы с тобой завтракали в ней?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Не возвращайся туда, какой бы ни была цель. Я припоминаю, что когда я был с ними, я хотел устроить в ней ловушку.

— Но ведь ты не сделал этого, не так ли?

— Нет. Но после этого там могли ее устроить. Там может быть эквивалент старины Джона, который как паук дожидается, когда ты или я вернемся назад.— Я объяснил ей теорию «групповой памяти» Маккилвейна.— Тогда я думал, что это обычные бредни, которые так обожают учёные. Но теперь это единственная гипотеза, которая, по моему, все объясняет. Если только мы предполагаем, что титаны настолько глупы, чтобы позволить себе беспечность. Но они как раз и не глупы!

— Погоди, дорогой. В соответствии с этой теорией доктора Маккилвейна, каждый слизняк, по сути, является любым другим слизняком, не так ли? Другими словами, та тварь, которая прихватила меня прошлым вечером, была такою же дрянью, которая сидела на тебе,

когда ты был с ними, а та, что оседлала тебя... О, дорогой, я все перепутала. Я имею в виду...

— Вот это-то и главное. Порознь, каждый из них является отдельной особью. При прямом общении друг с другом у них происходит слияние памяти и каждый из них становится точно таким же, как и его «собеседник». Если это правда, то этот последний помнит все, что они узнали от меня, при условии, что был в непосредственном контакте с тем слизняком, который владел мною, или с каким-нибудь другим титаном, который был связан по цепи непосредственного общения, состоящей из любого количества слизняков, с тем слизняком, который владел мною после того, как это произошло. Так вот, если Маккилвейн прав, то существуют сотни тысяч, может быть, даже миллион слизняков, которые точно знают нас, наши имена, наш внешний вид, все, что с нами связано. Знают, где твоя квартира, где моя, и где находится наша хижина. Мы занесены в их список.

— Но... — Мэри нахмурилась. — Ведь это ужасная мысль. Каким образом они узнали, когда нужно поджидать нас в этой хижине? Мы никому не говорили, что отправляемся сюда. Неужели они просто затаиваются и ждут?

— Наверное, мы не знаем, что означает ожидание для слизняка. Возможно, время воспринимается им не так, как нами. Но в любом случае я должен сообщить обо всем этом, включая наши предположения, чтобы ребята из аналитической группы могли поиграть с этим материалом.

Я хотел сказать, что Старику следует быть особенно осторожным, поскольку именно на него они охотятся. Но в этот момент, впервые за все время нашего отпуска прозвучал телефон. Я ответил и услышал голос Старика, перебившего оператора:

— Доложите лично! Оба!

— Мы собираемся, — отозвался я. — Минут через тридцать будем на месте.

— Постарайтесь добраться побыстрее.

Он отключился до того, как я мог спросить, откуда ему известно, что Мэри со мной.

— Ты все слышала? — спросил я у Мэри.

— Разумеется.

— Значит, сезон открывается.

Только тогда, когда мы приземлились, я начал сознавать, насколько резко изменилось положение. Мы соблю-

дали «Режим голой спины» и ничего не слышали о «Режиме солнечного загара». Двое полицейских остановили нас, едва мы ступили на землю.

— Стоять смиро! — скомандовал один из них.— Не делать никаких резких движений!

Мы не признали бы в них служителей закона, если бы не манера поведения и вытащенные лучеметы. На них были портупеи, ботинки и узкие плавки, чуть побольше набедренных повязок.

Присмотревшись, мы увидели прикрепленные к портупеям полицейские значки.

— Теперь,— продолжал все тот же полицейский,— скидывайте штаны, ребята.

Я повиновался недостаточно быстро.

— А ну, поживее! — рявкнул он.— Сегодня мы уже застрелили двоих, пытавшихся бежать. Ты вполне можешь быть третьим, парень. Ха-ха!

— Делай как велено,— спокойно произнесла Мэри.

Через секунду я остался в одних туфлях и перчатках, чувствуя себя, как дурак — но при этом ухитрился припрятать под брошенными штанами лучемет.

Полицейский заставил меня повернуться кругом.

— Чистый,— произнес его напарник.— А теперь вы.

Я нагнулся, чтобы взять свои штаны и надеть их, но тут же был остановлен первым полицейским.

— Эй! Ты что нарываешься на неприятности, парень? Они тебе уже не понадобятся.

— Я не хочу, чтобы меня оштрафовали за непристойный вид,— пожал я плечами,

Он удивился, затем загоготал и повернулся к своему товарищу.

— Скажи, тебе доводилось такое слышать? Вот псих!

Второй пожал плечами:

— Ты, парень, делай как тебе приказано. Закон есть закон. Носи на здоровье хоть меховую парку, но никто не оштрафует тебя за появление в непристойном виде. Но знай, что этим ты подписываешься под своим смертным приговором. Бдящие стреляют гораздо быстрее, чем мы.— Он повернулся к Мэри.— Мадам, вам что, нужно напоминание?

Мэри, не протестуя, начала снимать трусики. Второй полицейский добродушно заметил:

— В этом нет необходимости, леди. Они у вас такие, что и так все видно. Если вам не трудно, мадам, повернитесь кругом.

— Благодарю вас,— сказала Мэри, поворачиваясь.

Полицейский был совершенно прав. Ее трусики и бюстгальтер представляли собой столь узкие полоски, что под ними слизняку просто негде было спрятаться.

— А как насчет этих повязок? — заметил первый.

— Она сильно обожглась,— ответил я.— Вы что, не видите этого?

Он поглядел сомнительным взглядом на мою топорную работу.

— Гм...— произнес он.— Если она действительно обожглась.

— Разумеется обожглась, офицер! — Я почувствовал, сколь неуклюжи были мои доводы. Я был прекрасным, но тупым мужем, теряющим благородство, когда речь идет о его жене.— Черт возьми! Взгляните на ее волосы! Она что, испортила бы свои волосы, испоганила полголовы только для того, чтобы провести вас?

— Один из них вполне мог бы,— угрюмо произнес первый полицейский.

Более терпеливый его напарник сказал:

— Карл прав. Извините нас, леди, но мы должны побеспокоить вас. Снимите, пожалуйста, повязки.

— Вы не можете этого требовать! — возбужденно выпалил я.— Мы идем к врачу. Но только...

— Помоги мне, Сэм,— тихо произнесла Мэри.

Я замолчал и начал откидывать один из углов повязки. Руки мои дрожали от ярости. Через некоторое время полицейский присвистнул и буркнул:

— Я удовлетворен. А ты, Карл?

— Вполне. Что это с вами произошло, мисс?

— Расскажи им, Сэм.

Я выложил им все.

Полицейские задумались и через секунду тот, что был постарше, заметил:

— Вы еще легко отделались, не в обиду будет вам сказано, мадам. Значит, теперь и кошки, да? О собаках мне уже известно. О лошадях тоже. Но кто бы мог подумать об обычных кошках?

Лицо его стало угрюмым.

— Мы недавно завели себе кошку, но теперь, думаю, придется от нее избавиться. О боже, что я скажу своим ребятам?

— Поверьте, мне очень жаль,— посочувствовала Мэри.

— Для всех нас настали тяжелые времена. О'кей, можете идти.

— Подождите минутку! — остановил нас первый полицейский.— Скай, если она появится с такой штукой на спи-не, кто-нибудь может запросто ее застрелить.

Старший почесал подбородок.

— Что верно, то верно. Сейчас мы раздобудем для вас наземную машину.

Когда найденная ими колымага довезла нас до входа, назначенного Стариком для Мэри, я расплатился. Вход в Отдел был устроен в гостинице через особый лифт. Я прошел ее в кабину, чтобы избежать объяснений, спустился с нею до уровня гораздо более низкого, чем гласила официальная надпись на пульте управления. У меня было искушение пройти в Отдел вместе с нею, но Стариk велел мне войти в другое место.

У меня было искушение надеть брюки. Пока мы были в машине и во время быстрого перехода полиция оберегала Мэри от случайного выстрела, я как-то держался. Но нужны были железные нервы, чтобы выставиться на всеобщее обозрение без штанов.

Но мне не следовало беспокоиться. Достаточно было пройти совсем немного, чтобы убедиться в том, что веками сохранявшийся обычай сошел как снег весной. На большинстве мужчин были такие же повязки, как и на полицейских, но я был единственным голым мужчиной до обуви. Одно из них я запомнил особенно. Он стоял, подпирая столб, и общаривал каждого проходящего холодным взглядом. На нем ничего не было, кроме шлепанцев и нарукавной повязки с надписью «БДЯЩИЙ». В руках у него был автомат. Я встретил еще троих таких, как он, и был рад тому, что штаны у меня в руках, а не на заднице.

Несколько женщин были голыми, но и на остальных было так мало одежды, что по сути дела они были такими же голыми — сетчатые бюстгальтеры, прозрачные трусики, вообще ничего такого, что могло бы скрыть слизняка. Большинству из них было бы лучше одеть тоги. Таким было мое первое впечатление, но оно очень скоро прошло. Некрасивые тела не более заметны, чем уродливые такси. Глаз просто не обращает на них внимания. И такое же отношение сложилось, по-видимому, и у всех остальных. Они проявляли полное равнодушие, не видя ничего особенного в обнаженной натуре.

Меня сразу же пропустили к Старику.

- Ты опоздал! — прорычал он.— Где Мэри?
- В лазарете, где ей оказывают помощь и записывают отчет.
- Дай-ка взглянуть на твои руки.
- Спасибо, я лучше покажу их врачу,— ответил я.— Что происходит?
- Если бы ты удосужился послушать последние известия,— проворчал Стариц,— то знал бы, что произошло.

Глава 24.

Я доволен, что не смотрел новости. Наш медовый месяц был бы безнадежно испорчен. Пока мы говорили друг другу комплименты, война была почти проиграна. Мои подозрения о том, что слизняки могут прятаться на любой части тела, продолжая контролировать «хозяина», подтвердились. Это было доказано экспериментально еще до того, как мы с Мэри укатили в горы, но я не успел ознакомиться с этим отчетом. Я предполагаю, что Старику было известно об этом, так же как и президенту, и верхушке правительства.

Поэтому «Режим загорайте!» сменил «Режим голой спины» и всем тут же пришлось сбросить с себя все лишнее.

Но когда! Все это было еще помечено грифом «совершенно секретно», когда произошел бунт в Скрантоне. Не спрашивайте, почему так случилось. У нашего правительства выработалась привычка засекречивать все, до чего, как считают наши хитроумные политики и бюрократы, мы еще не доросли. Вот уж мне эта их политика «Мама знает обо всем лучше!» Бунт в Скрантоне должен был убедить всех в том, что слизняки появились в «Зеленой зоне», но даже это не привело к введению «Режима загорайте!»

По всему восточному побережью была объявлена фальшивая воздушная тревога. По моим подсчетам это произошло на третий день нашего медового месяца. После этого нетрудно было определить, что произошло, особенно, если учесть, что во многих бомбоубежищах совсем не случайно отказалось электрическое освещение. От одной этой мысли меня охватывает ужас — как все эти люди сидят, прижавшись друг к другу в кромешной тьме, ожи-

дая, когда включится свет, а в этом время зомби беспрепятственно снуют между ними, нашлепывая каждому на спину наездников. По-видимому, в некоторых убежищах рекрутирование было поголовным.

Поэтому, на следующий день последовали новые беспорядки, и страну охватил террор. Собственно, начало движению «бдительных» было положено тогда, когда один отчаявшийся обыватель поднял оружие на полицейского. Им был Морис Кауфман из Олбани, а полицейским был сержант Мальcolm Макдональд. Кауфман стал трупом мгновением позже, но Макдональд тут же последовал за ним, растерзанный на куски толпой вместе со своим повелителем. Однако, реальной силой движение «бдительных» стало только тогда, когда была организована воздушная охрана.

Стражники, находясь в воздухе во время налетов, большей частью были недоступны для титанов. Не все участники движения безвылазно сидели в вертолетах — многие из них были совершенно голыми людьми, вооруженными автоматическим оружием и патрулирующие улицы с повязкой, на которой было написано «БДЯЩИЙ». Они сначала стреляли в любое необъяснимое вздутие на человеческом теле и только после этого расследовали, был ли это слизняк.

Пока мои руки были перевязаны, меня знакомили с создавшейся ситуацией. Врач сделал мне слабый укол препарата задержки времени и я провел это время — около трех дней субъективного времени или менее часа объективного — изучая стереоснимки, воспроизводящиеся со скоростью, в несколько раз превышающей нормальную. Этот аппарат не был достоянием широкой публики, хотя им и пользовались подпольно студенты колледжей во время экзаменационной сессии. Скорость проекции подбиралась в соответствии с масштабом субъективного времени, а преобразователь звука трансформировал звуковую частоту таким образом, что его можно было слышать. Все это вредно действовало на зрение, но являлось большим подспорьем в моей профессии.

С трудом верилось, что столь многое могло произойти за столь короткое время. Возьмем, к примеру, собак. «Бдительные» убивали их едва завидя, даже в тех случаях, когда на них не было слизняков — так как можно было беспроигрышно спорить о том, что к утру слизняк не-

пременно будет на собаке и что она непременно нападет на человека, и что титан в темноте мгновенно сменит своего «хозяина».

Мир стал сущим адом, в котором нельзя было доверять даже собакам!

По-видимому, кошками слизняки вряд ли пользовались. Бедный Пират был исключением. Но в «Зеленой зоне» днем собаки встречались очень редко. Они проникали сюда из «Красной зоны» по ночам, пользуясь темнотой. Они то и дело показывались на побережье, что воскресило легенды об оборотнях.

Я просмотрел десятки видеолент, записанных с передач «Красной зоны». Они по времени распадались на три периода: период «маскарада», когда слизняки продолжали транслировать «обычные передачи»; кратковременный период контрпропаганды, в течение которого слизняки пытались убедить жителей «Зеленой зоны» в том, что правительство спятило с ума; и, наконец, нынешний период, когда притворство было отброшено.

По доктору Маккилвейну, у титанов не существовало настоящей культуры. Они были паразитами даже в этом и просто приспосабливали для своих целей ту культуру, которую находили. Может быть, он преувеличивал, но именно так они поступали в «Красной зоне». Слизнякам приходилось поддерживать основную экономическую деятельность своих жертв, поскольку слизняки просто умерли бы от голода, если бы это происходило с их жертвами. Конечно, здесь существовали определенные различия — старые и больные люди перерабатывались на заводах, производящих удобрения, но если судить в целом, то фермеры оставались фермерами, механики — механиками, банкиры — банкирами. Последнее казалось глупым, но эксперты заявили, что экономика, основанная на разделении труда, требует учета.

Но почему они продолжали свойственные людям развлечения? Потому ли, что желание развлекаться было универсальной необходимостью?

Было еще одно. Из того, что я видел на стереоснимках, столь впечатльное, столь омерзительное, что я даже не решаюсь упомянуть о нем, хотя чувствую всей душой, что обязан. Было немалое количество мужчин и женщин среди рабов, людей /если только можно было их так назвать/ без слизняков, ренегатов, доверенных лиц, которые...

Я ненавижу слизняков, но будь у меня выбор, то я сначала убил бы такого, с позволения сказать, человека, а затем уже — слизняка.

Мы отступали на всех фронтах. Наши методы были эффективными только в деле приостановления их наступления и распространения, но даже и здесь эффект был неполным. Для того, чтобы непосредственно уничтожить их, нам пришлось бы бомбить собственные города, не будучи при этом уверенными в полном уничтожении горбунов. Нам нужно было такое оружие, которое бы убивало только слизняков, а не людей, или что-нибудь такое, что парализовало бы людей, не убивая их и не калеча, позволяя тем самым спасти наших несчастных соотечественников. Однако, такого оружия в нашем распоряжении не было, хотя ученые и бились над решением проблемы. Прекрасным средством был бы «усыпляющий газ», но, к счастью, перед вторжением такой газ был не известен, а то слизняки могли бы использовать его против нас же. Следует помнить, что тогда у слизняков был в распоряжении военный потенциал Соединенных Штатов в такой же степени, как у свободных людей.

Таким образом, все застряло на мертвой точке, но время было на их стороне. Были глупцы, которые предлагали уничтожить города в долине Миссисипи, подвергнув их ядерной бомбардировке, но это было подобно лечению рака губы отсечением всей головы. В противовес им были их духовные близнецы, которые никогда не видели слизняков, не верили в их существование и считали, что все это заговор «тиранов из Вашингтона». Таковых с каждым днем становилось все меньше и меньше, но не потому, что они изменили свое мнение, а потому, что рвение «бдительных» нарастало с каждым днем.

И были еще трети, люди «рассудительные», с гибким умом — они стояли за установление сношений с титанами, они считали, что мы можем «иметь с ними дело». Один из наших комитетов, организованный на закрытом заседании лидеров оппозиционной партии в Конгрессе, сделал такую попытку. Они связались с губернатором штата Миссури в обход государственного департамента по цепи своих функционеров и получили заверения в безопасности и дипломатическом иммунитете. И хотя это исходило от титанов, они им поверили и отправились в Сент-Луис.

Только их и видели! Правда, они регулярно посыпали оттуда свои послания. Я читал одно из них. Вкратце его можно было бы резюмировать так: «Приезжайте к нам. Все очень хорошо!»

Скот, который гонят на убой, разве подписывает договоры с мясоторговцами?

Северная Америка пока оставалась единственным очагом поражения. Объединенные Нации, если не считать выделения в наше распоряжение дополнительного количества космических станций, отреагировали на наше предупреждение только тем, что перенесли свое местопребывание в Женеву. При голосовании /23 государства воздержались/ наше бедствие было охарактеризовано как «гражданские беспорядки», однако всем остальным государствам — членам ООН было предложено оказывать необходимую помочь законным правительствам США, Мексики и Канады.

Все оставалось ползучей войной, безмолвной войной, в которой сражения проигрывались, не начинаясь. Ообычные виды вооружения применялись только при патрулировании в «Янтарной зоне», которая теперь увеличилась вдвое, простираясь от канадских лесов до пустынь Мексики. В дневное время эта зона была безлюдной, в ней находились только наши патрули. По ночам мы оттягивали наши дозоры, и по ней проходили собаки и другие существа.

За всю эту войну была применена только одна атомная бомба, и то против блудца, приземлившегося неподалеку от Сан-Франциско. Уничтожение его было осуществлено в соответствии с установившимися догмами, которые тем не менее подвергались резкой критике. «Его нужно было захватить для исследования», — кричали многие. Мои же симпатии на этот раз были на стороне тех, кто хочет сначала стрелять, а уж потом исследовать.

К тому времени, когда действие временных таблеток прошло, перед мной предстала картина Соединенных Штатов в таком виде, о чем я не мог даже вообразить, когда был в Канзас-Сити — страны, в которой правит ужас.

Друг мог застрелить друга, жена донести на мужа. Слух о титане мог возбудить и взбудоражить уличную толпу и сейчас же над ней начинал вставать призрак судьи Линча. Легкий стук в дверь мог вызвать пистолетный выстрел сквозь дверь. Добропорядочный обыватель отсиживался дома, собак на ночь не выгоняли на улицу.

Тот факт, что большинство разоблачений слизняков, основанных на слухах, было ложным, от этого не становился менее опасным. Всё не экспибиционизм принуждал людей предпочитать полную наготу той скромной одежде, которая регламентировалась «Режимом загорайте!» Даже самое скромное одеяние вызывало косой взгляд, подозрение, которое могло вспыхнуть в любой момент. Теперь никто не думал даже о том, чтобы надеть панцирь, прикрывающий спину и голову. Слизняки быстро научили подделываться под ограничения предыдущего режима. С одной девушкой из Сиэтла произошел совсем из ряда вон выходящий случай. На ней были только сандалии и большая сумка, и больше ничего, однако один из бдительных, у которого, по его мнению, был особый нюх на титанов, последовал за нею и обратил внимание на то, что она не выпускает сумку из правой руки даже тогда, когда, открывая ее, вытаскивала деньги.

Девушка осталась в живых, но запястье ее было выжжено полностью. Я думаю, что ей выделят новую руку — такого рода трансплантируемых органов было в избытке.

Слизняк тоже оказался живым, когда бдительный открыл сумку, но не надолго.

Именно с ознакомлением с этим случаем кончилось действие таблеток. Я упомянул об этом сестре.

— Не беспокойтесь,— сказала она.— А теперь согните пальцы правой руки, пожалуйста.

Я согнул пальцы, и она помогла врачу опрыскать суррогат кожи.

— Надевайте перчатки для тяжелой работы,— предупредил меня врач.— Заходите сюда на следующей неделе.

Я поблагодарил их и отправился в оперативный отдел. Я искал Мэри, но она была занята в секции косметики.

Глава 25.

— Руки в порядке? — спросил Старик.

— Должны быть. На неделю обтянуты кожезаменителем. Завтра сделаю подсадку на ухе.

— На это нет времени,— раздраженно произнес Старик.— В секции косметики тебе подклеют фальшивое.

— Слух у меня в порядке,— буркнул я.— Зачем беспокоиться о внешнем виде уха? Нужно перевоплотиться?

— Не совсем. Теперь, когда ты вкратце ознакомился с положением, что ты обо всем этом думаешь?

Интересно, какой ответ он ждет от меня?

— Дело плохо,— произнес я.— Каждый следит за каждым. Как в тоталитарных государствах Южной Америки.

— Гм... если уж об этом речь, то что, по-твоему мнению, легче — проникнуть туда для наблюдения за ситуацией или в «Красную зону»?

Я подозрительно посмотрел на него.

— К чему эти уловки, сэр? — Насколько я знаю, агентам не приходится выбирать поручения.

— Я спрашиваю твое профессиональное мнение.

— Гм... У меня нет достаточных данных. Слизняки проникли по ту сторону Панамского канала?

— Вот это как раз то, что я хотел бы выяснить.

Неожиданно я понял, что Мэри была абсолютно права. Агентам нельзя жениться.

— Меня там выбросят с парашютом?

— Почему ты считаешь, что я хочу, чтобы ты туда отправился? — спросил он.— Мы могли бы выяснить это гораздо проще и быстрее в «Красной зоне».

— Что?

— Совершенно точно. Если инфекция поразила другие регионы планеты, титаны в «Красной зоне» обязаны знать это. Зачем же отправляться так далеко, чтобы это выяснить?

— И каким же образом можно проникнуть в настоящее время в «Красную зону»? — поинтересовался я.— Я должен надеть себе на плечи пластиковую имитацию слизняка? Но меня тут же схватят, как только я откажусь провести прямой контакт.

— Не будь пораженцем. Четверо агентов уже прошли туда.

— И вернулись?

— Ну, не совсем... вернее, нет...

— Значит, вы считаете, что я все еще недостаточно нахлебался?

— Я считаю, что они применили новую тактику...

— Ну, конечно же!

— Весь фокус в том, чтобы убедить их, что ты являешься перебежчиком. Усек?

Мысль была настолько ошеломляющей, что я не сразу ответил. В конце концов, я все же нашел в себе силы взорваться.

— Но почему бы мне не облегчить задачу? Я мог бы некоторое время изображать сводника из Коста-Рики! Или попрактиковаться в убийствах топором? Надо время, чтобы войти в роль.

— Это может оказаться непрактичным. У тебя больше опыта общения с ними и понимания их образа действий, чем у любого другого агента. Подумай, как тебя туда переправить. Только не сильно мучайся.

— Спасибо. Очень большое спасибо.— Я сменил тему.— А что вы планируете для Мэри?

— Занимался бы своим собственным делом.

— Я женился на ней.

— Знаю.

— Так неужели вы не хотите пожелать мне даже удачи?

— Меня поражает,— медленно сказал он,— то, что у тебя было все, о чем только может мечтать такой везунчик как ты. Мое благословение распространялось на все, что только было его достойно.

— Благодарю.— Я задумался. Вплоть до этого самого момента мне в голову не приходило, что Стариk подстроил то, что мой отпуск и отпуск Мэри так здорово совпадали.— Послушай, отец...

— Что?

Второй раз я назвал его так за этот месяц. Это заставило его принять оборонительную позу.

— Ты все время имел в виду поженить меня и Мэри? Ты это планировал?

— Что? Не будь смешным. Я верю в свободную волю, сынок... и свободный выбор. Вам обоим полагался отдых. Все остальное было делом случая.

— Гм... Просто так случайности не происходят. Особенно у тебя. Ничего, я удовлетворен результатом. А теперь о работе. Мне нужно еще некоторое время, чтобы схватить возможные варианты. Тем временем пусть врачи побеспокоятся о новом ухе.

Г л а в а 26.

В конце концов мы решились на попытку проникновения в «Красную зону». Группа оценки ситуации дала заключение, что не было возможности изображать из себя перебежчика. Вопрос был вот в чем — каким образом

становятся перебежчиками? С какой стати титаны ему поверили? Ответ приходил сам по себе — слизняк знает, что на уме у его «хозяина». Если титан, обладая разумом человека, понимает, что он настоящий перебежчик, человек, которым можно владеть, тогда он может служить целям слизняка и они могут позволить ему быть ренегатом, не делая из него тяглового «хозяина». Но прежде всего слизняку нужно измерить глубину низменных побуждений человека и убедиться в их постоянстве.

— Мы пришли к подобному выводу, исходя из логической необходимости — следуя человеческой логике, но это также могло быть и логикой слизняка, поскольку соответствовало тому, что титаны в состоянии делать, а что нет. Что касается меня, то для меня было невозможно даже под глубоким гипнотическим внушением пройти в качестве кандидата в перебежчики. Так решили психологи, и я ответил на это: «Аминь!»

Может показаться нелогичным, что титаны «освободят» кого-то из «хозяев», даже зная, что «хозянин» будет и дальше вести себя так, будто им владеет слизняк. Но в ренегатах слизняки получили некоторое количество «заслуживающих доверия» людей. Это было что-то вроде Пятой колонны. «Заслуживающие доверия» — не совсем то слово, но в человеческих языках еще нет такого понятия, обозначающего такую форму подлости. То, что ренегаты проникли в «Зеленую зону», не вызывало сомнений, но частенько было трудно определить, где участник Пятой колонны, а где просто дурак. Поэтому их было чертовски трудно ловить.

Таким образом, о том, чтобы проникнуть в «Красную зону» в качестве перебежчика, нечего было и думать. Я стал готовиться к тому, чтобы меня выбросили с парашютом над территорией одного из южно-американских государств. Однако в самый разгар подготовки сделало посадку еще одно летающее блюдце, на сей раз в Пасс-Кристиане.

Это было всего лишь третье блюдце, которое видели после приземления. Блюдце, совершившее посадку в Гриннеле, было замаскировано слизняками, а от блюдца вблизи Сан-Франциско осталась только радиоактивная память. А вот блюдце в Пасс-Кристиане было как прослежено по траектории, так и замечено на Земле.

Траекторию его проследила космическая станция Альфа и записала как «чрезвычайно крупный метеорит». Ошиб-

ка эта была обусловлена колоссальной скоростью. Посадка блюдца была зарегистрирована подводной лодкой «Роберт Фултон», находившейся в Мексиканском заливе. Блюдце будто возникло из ничего, снизило скорость и исчезло, но оператор засек место, где в последний раз или момент находилось пятно на экране радара. Оно находилось на берегу Миссисипи, в нескольких милях от морского побережья. Командир «Роберта Фултона» был сбит с толку. Опускавшийся предмет не мог быть кораблем — трудно было поверить, что возможно торможение, в пятьдесят раз превышающее ускорение земного притяжения. Ему и в голову не пришло, что это не имеет особого значения для слизняков. Он развернул подводную лодку и отдал приказ подойти поближе к месту посадки.

Первая его радиограмма гласила:

— Космический корабль совершил посадку на пляже к западу от Пасс-Кристиан, штат Миссисипи.

Вторая:

— Высаживаю десант для его захвата.

Если бы я не был в Отделе, занимаясь подготовкой к выполнению задания, возможно, все это прошло бы и мимо меня. Однако, поскольку я был здесь, то меня тут же вызвал к себе Старик.

На этот раз мы отправились точно в таком же составе, как и в тот первый раз многими неделями /или годами/ ранее. Старик, Мэри и я. Мы летели на юг с предельной скоростью. Старик не сразу рассказал нам о цели этой нашей вылазки.

— Почему опять именно под видом семьи? — спросил я, услышав его объяснения.— Здесь скорее нужна эскадрилья бомбардировщиков!

— Она там будем, не беспокойся,— угрюмо произнес Старик, затем как-то зло и по-старчески ухмыльнулся.

— Разве вам не все равно? Чем плохи были Каванхи? Что ты об этом думаешь, Мэри?

Я фыркнул.

— Если вам нужна эта бодяга типа «братика с сестричкой», то лучше было бы подыскать кого-нибудь другого.

— Только в этой части, которая связана с защитой от собак и незнакомцев,— серьезно ответил он.— Причем именно буквально: от собак и от совершенно незнакомых людей. На этот раз нам может попасться нечто совершенно неожиданное, сынок.

Г л а в а 27.

Нас едва не застрелили наши собственные люди, затем мы подхватили эскорт из двух черных ангелов, которые препроводили нас на флагманский корабль, с которого маршал авиации Рекстон наблюдал за операцией. Флагманский корабль выровнял скорость, чтобы взять нас на борт с помощью опорной цепи.

Маневр этот привел меня в замешательство.

Рекстон хотел поторопить нас и отослать домой, но подгонять Старика — напрасная работа. В конце концов они выгрузили нас, и я посадил наш аппарат на шоссе, шедшее по дамбе к западу от Пасс-Кристиана. Я бы добавил, глупо напугав нас всей этой пальбой и суетой. Вокруг нас и со всех сторон и над нами шло настоящее сражение, но возле самого блюдца наблюдалось на редкость странное спокойствие.

Межпланетный корабль вставал перед нами менее чем в пятидесяти метрах. Зрелице было столь же убедительным и сколь же зловещим. Это был диск огромных размеров, несколько наклоненный к нам. Он по-коился на земле на одном из нелепо напыщенных особняков, которые выстроились вдоль всего берега. Блюдце частично поддерживалось развалинами, частично толстым стволом дерева, которое своим шатром покрывало особняк.

Наклонное положение особняка давало нам возможность увидеть его верхнюю поверхность и то, что без сомнения было воздушным шлюзом — металлическую полусферу в центре этой поверхности диаметром около четырех метров. Эта полусфера была поднята над корпусом корабля на два — два с половиной метра. Я не мог понять, что ее поддерживает. По-видимому, должен был быть центральный вал или поршень. Он вырисовывался, как тарельчатый клапан. Легко можно было догадаться, почему блюдце не захлопнулось и не взлетело. Его воздушный шлюз был поврежден и находился в открытом положении, так как в нем застряла «грызевая черепаха» — небольшой бронетранспортер из десанта «Фултона».

Позвольте мне увековечить несколько имен. Командиром бронемашины был лейтенант Джильберт Калхун из Ноксвилла, механиком-водителем — сержант Флоренс Берзовски и наводчиком — Букер Джонсон. Все

они, разумеется, погибли, когда мы оказались там.

Наша машина, как только я посадил ее на шоссе, была окружена десантниками, ими командовал розовощекий парень, которому, казалось, не терпелось стрелять во всех и каждого. Его рвение несколько поубавилось, когда он взглянул на Мэри, но тем не менее он запретил нам приблизиться к блюдцу, пока он не получит разрешение от своего непосредственного начальства, а тот в свою очередь пытался проконсультироваться с командиром «Роберта Фултона». Ответ пришел довольно быстро, особенно если учесть, что, вероятно, разрешение запрашивалось из Вашингтона.

Ожидая ответа, я наблюдал за сражением и был доволен тем, что не принимаю в нем участия. Кому-то предстояло еще стать жертвой, многие уже стали ими. Совсем рядом с машиной лежало тело парнишки лет четырнадцати, не больше. Он продолжал сжимать гранатомет, на его плечах были отметины присосок слизняка. Не знаю, то ли этот слизняк сполз с него и умер, то ли ему удалось перебраться на того, кто заколол мальчишку штыком.

Пока я осматривал труп, Мэри пошла на запад вместе с молоденьким морским офицером. Сама мысль о том, что где-то рядом может быть живой слизняк, заставила меня поспешить к ним.

— Возвращайся в машину,— прохрипел я, задыхаясь от бега.

Она продолжала смотреть вдоль дороги на запад.

— Я считала, что здесь можно сделать пару удачных снимков,— сказала она. Глаза ее блестели.

— Она здесь в безопасности,— заверил меня офицер.— Мы сдерживаем их, не давая прорваться на шоссе.

Я не обращал на него внимания.

— Послушай, кровожадная шалунишка,— резко произнес я,— возвращайся назад в машину, не то я переломаю тебе кости.

— Да, Сэм.— Она подчинилась.

Я оглянулся на моряка.

— Чего уставился? — резко спросил я. Мне здесь повсюду мерещились слизняки и ожидание действовало на нервы.

— Ничего,— ответил он и критически пробежал по мне взглядом.— В нашей части страны мы разговариваем с дамами иначе.

— Ну, и отправляйся, черт побери, туда, откуда прибыл,— ответил я и побрел прочь. Старика что-то нигде не было видно, и мне это страшно не понравилось.

С запада подъехала санитарная машина и остановилась рядом со мной.

— Дорога к Паскагуоле открыта? — спросил меня водитель.

Река Паскагуола была расположена в тридцати милях к востоку от места приземления блюдца и, скорее всего, была в нейтральной Янтарной зоне. Городишко такого же названия был расположен к востоку от устья реки и находился в «Зеленой зоне», тогда как в 60—70 милях к западу от нас на той же самой дороге находился Нью-Орлеан, где концентрация титанов была самая высокая к югу от Сент-Луиса.

— Не знаю,— пожал я плечами.

— Что ж, один раз мне повезло. Может быть, повезет еще раз.— Турбины его машины взвыли и «скорая» начала быстро набирать скорость.

Я продолжал искать Старика.

Хотя сухопутное сражение отодвинулось, воздушный бой вокруг нас продолжался. Я смотрел на конверсионные следы и пытался определить, что все-таки происходит в воздухе. В это время, рассекая воздух винтами, приземлился транспортный вертолет и из него посыпались авиадесантники. Поскольку он был на некотором удалении от меня, невозможно было определить, были ли на их спинах слизняки или нет. Во всяком случае, прилетел он с востока.

Когда я заметил Старика, он разговаривал с командиром морского десанта. Я подошел к ним и вмешался в разговор.

— Нам следует убраться отсюда, босс. На это место должны были бросить атомную бомбу еще минут десять назад,— попытался я пошутить черным юмором.

— Успокойтесь, сэр,— вежливо произнес командир.— Здесь не такое сосредоточение войск, чтобы оно заслуживало самой крохотной атомки.

Я хотел было спросить, откуда ему известно, что слизняки думают именно так о создавшейся обстановке, но меня перебил Старик.

— Он прав, сынок.— Он взял меня под руку и повел назад к машине.— Он прав, хотя причина совсем другая.

— Какая же?

— Та же, по которой мы не бомбим города, которые они удерживают за собой. Думаю, что правительство хочет повредить корабль. Да и ОНИ думают вернуть его себе. Поэтому-то тоже не хотят прибегать к такому оружию. Возвращайся к Мэри. Не забывай о собаках и незнакомых людях.

Я примолк, но его слова меня не убедили. Каждую минуту, как мне сейчас казалось, наши счетчики Гейгера могли начать работу. Слизняки сражались с безрассудством бойцовых петухов — наверное, потому что они не были по-настоящему отдельными существами. С какой стати они должны осторожничать в отношении одного из своих кораблей? Скорее, их беспокоило то, чтобы он не попал в наши руки, чем желание спасти его.

Мы как раз подошли к машине и стали говорить с Мэри, когда к нам подошел все тот же зеленый морской офицерик. Он отдал честь Старику.

— Командир говорит, что в вашем распоряжении все, что вы только пожелаете, сэр, все что угодно!

По его манере речи я понял, что ответ вышестоящего начальства был расцвечен всеми оттенками солдатского хвастовства.

— Благодарю вас, сэр,— вежливо произнес Старики.— Мы просто хотим осмотреть захваченный корабль.

— Так точно, сэр. Идите за мной, сэр.— Вместо этого он пошел скорее с нами, не зная, кого сопровождать — Старика или Мэри. В этой молчаливой схватке в его уме победила Мэри. Я последовал за ним, держась все время наготове и игнорируя присутствие этого сопляка. Местность вдоль побережья, если она не ухожена, практически представляет собой джунгли. Старики двинул напрямую к блюдцу.

— Осторожнее, сэр,— предупредил его офицер.— Пожалуйста, осторожнее!

— Слизняки? — спросил я.

Он покачал головой.

— Гремучие змеи.

В данных обстоятельствах ядовитая змея могла показаться столь же милым существом, как и медоносная пчела, однако МНЕ НУЖНО было все-таки не забывать о его предупреждении и поэтому я смотрел себе под ноги, когда увидел мчавшегося на нас бенгальского тигра.

По-видимому, первой открыла огонь Мэри. Мой выстрел последовал почти одновременно с выстрелом молодого офи-

цера, возможно, даже чуть раньше. Последним выстрелил Старики. Оказавшись между нами, зверь был настолько нами исполосован, что из его шкуры вряд ли получился бы ковер на пол. И тем не менее, владевший им слизняк был цел и невредим. Я изжарил его своим вторым выстрелом. Парень без всякого удивления смотрел на него.

— Ну и ну,— сказал он.— Мне казалось, что мы очистили эту местность.

— Что вы имеете в виду?

— Один из первых бронетранспортеров, который они послали. Сущий Ноев Ковчег. Мы уничтожили все, что угодно, начиная от горилл и кончая белыми медведями. Вам когда-нибудь приходилось сталкиваться с мчавшимися на вас буйволом?

— Нет, и думаю, что не испытываю ни малейшего желания попробовать.

— Иметь дело с собаками гораздо хуже, должен вам сказать.— Он довольно добродушно взглянул на слизняка.

Мы быстро пересекли болото и вышли к кораблю титанов. Я стал нервничать еще сильнее, чем прежде. Но вовсе не внешний вид корабля сам по себе оказывал на меня какое-то чувство, близкое к страху.

Все дело было в том, что его внешний вид был каким-то не таким. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы прийти к заключению, что сделан он не людьми. Почему? Не знаю. Поверхность его была тускло-зеркальной, без каких-либо следов или отметки. На ней на самом деле ничего не было, и поэтому ничего нельзя было сказать о том, каким образом произведена его сборка. Корпус его был отполирован как плитка Иогансона.

Я не мог определить, из чего он сделан. Из металла? Разумеется, это должен был быть металл. Но было ли так на самом деле? Можно было предполагать, что корпус должен был быть или обжигающе холодным, или горячим до красного каления от выделенной энергии торможения при посадке. Я прикоснулся к нему и ничего не почувствовал, ничего. Он не был ни холодным, ни горячим. Вскоре я заметил еще одну особенность. Корабль таких размеров, садясь на высокой скорости, должен был бы обуглить добрый гектар местности. Однако вокруг была нетронутая зелень.

Мы поднялись к тому устройству, которое, по-нашему мнению, было воздушным шлюзом. В нем застрял корпус бронетранспортера. Броня его была вмята, будто какая-то

гигантская рука придавила картонную коробку. Эти бронетранспортеры рассчитаны на погружение в воду до глубины 160 метров — настолько прочен их корпус.

Однако сферический люк смог повредить его. Правда, при этом он не смог закрыться. С другой стороны, металл его или какой другой материал, из которого был сделан люк, остался без каких-либо следов повреждения.

— Подожди здесь с Мэри,— велел мне Старик.

— Вы собираетесь идти туда сами?

— Да. Времени, возможно, очень мало.

— Я должен неотступно следовать за вами, сэр,—вмешался офицерик.— Такой приказ командира.

— Хорошо, сэр,— согласился Старик.— Пошли! — Он заглянул вовнутрь, затем стал на колени и спустился вниз, держась руками за край. Парень последовал за ним.

Я весь горел от нетерпения, но у меня не было сейчас желания спорить с ним.

Они исчезли в отверстии. Мэри обернулась ко мне и сказала:

— Сэм, мне это не нравится. Я ужасно боюсь.

Ее признание смущило меня. Я и сам боялся — но не ожидал этого от нее.

— Я позабочусь о тебе, дорогая.

— Неужели мы должны оставаться здесь? Ведь он не сказал, что мы должны поступать именно так.

Я задумался.

— Если ты хочешь вернуться к машине, я тебя провожу.

— Ну... нет. Сэм, как я полагаю, нам нужно остаться. Подойди ко мне ближе.

Не знаю, сколько времени прошло до того момента, когда их головы показались над люком. Молодой офицер вылез наружу первым. Старик приказал ему оставаться на страже.

— Залезайте,— сказал он нам.— Здесь безопасно. Как будто...

— Черта с два,— пробормотал я, но пошел, поскольку Мэри уже стала спускаться. Старик помогал ей.

— Берегите головы,— произнес он.— Здесь повсюду очень низкие переборки.

Не стоит лишний раз напоминать о том, что дело рук иных, чем человеческие, нисколько не похоже на творения людей. Очень немного людей побывало внутри Лаби-

rinta на Венере и еще меньше видели марсианские руины. Я не был одним из них. Мне было совершенно не ясно, что следует ожидать. На первый взгляд, как мне показалось, внутренности блюдца не очень-то поражали воображение, но тем не менее были весьма необычными. Чувствовалось, что это продукт нечеловеческого разума, разума, которому неведом прямой угол или прямая линия и для которого в них нет необходимости и даже желания их применять.

Мы очутились в небольшой чечевицеобразной камере, откуда поползли по трубе, шириной чуть более метра, трубе, которая как будто ввинчивалась внутрь корабля и поверхность которой испускала красноватый свет.

В трубе ощущался странный и чем-то внушающий беспокойство запах, как будто это был болотный газ со слабой примесью вони от дохлых слизняков. Наряду с красноватым сиянием и полным отсутствием ощущения нагрева стен трубы, если к ним на некоторое время прижать ладонь, все это создавало мне неприятный образ — будто я ползу по кишечнику какого-то неземного чудища, а не изучаю странный механизм.

Труба разветвлялась, подобно артерии, и здесь мы впервые натолкнулись на первое двуполое существо с Титана. Оно лежало на спине, будто спящий ребенок, голова его, как на подушку, опиралась на своего слизняка. На его похожем на бутон рте застыло нечто, похожее на улыбку. Поначалу я даже не понял, что оно мертвое.

С первого взгляда сходство между людьми с Титана и нами было более заметно, чем различие. Мы очень часто видим то, что нам хочется видеть. Возьмем хотя бы этот аккуратный «ротик» в качестве примера. Откуда мне знать, что этот орган предназначен только для дыхания?

Но несмотря на случайное сходство четырех конечностей и напоминающего голову выступа, между нами и ними сходства было меньше, чем между теленком и лягушкой. Тем не менее, они производили приятное впечатление своим, пусть даже небольшим, сходством с людьми. Они были похожи на эльфов, эти существа со спутника Сатурна.

Едва завидев малыша, я тотчас же выхватил лучемет. Старик тут же обернулся и сказал сквозь зубы:

— Успокойся! Оно мертвое. Они все мертвые, задохнувшись кислородом после того, как бронетранспортер вывел из строя их воздушный шлюз.

— Я хочу сжечь слизняка,— упорствовал я, продолжая держать оружие наготове.— Возможно, он еще жив.

Этот титан не был покрыт оболочкой, а был голым и уродливым.

Старик пожал плечами.

— Как тебе угодно. Он не может, по-видимому, причинить тебе вреда. Этот слизняк не может жить на теле существа, дышащего кислородом.

Старик переполз через тельце, лишив таким образом меня возможности выстрелить, даже если бы я решился на это. Мэри прижалась ко мне и тяжело дышала. Старик остановился и терпеливо произнес:

— Ты идешь, Мэри?

Моя жена начала всхлипывать.

— Давайте вернемся! Скорее уйдем отсюда!

— Она права,— сказал я.— Разве это дело всего лишь трех человек? Работы здесь хватит на целую бригаду исследователей, вооруженных соответствующей аппаратурой.

Старик проигнорировал мои слова.

— Это нужно сделать, Мэри. Ты должна это понимать. И сделать это надо именно тебе!

— Почему именно ей? — сердито спросил я.

Он снова не обратил на меня никакого внимания.

— Ну так что, Мэри?

Собрав в кулак всю свою волю, она решительно кивнула головой. Дыхание ее становилось нормальным, черты лица разгладились, она переползла через тельце эльфа со слизняком на плечах. Я протолкнулся вслед за ней, цепляясь лучометом за стенки трубы и стараясь не прикасаться к телу несчастного.

В конце концов мы вышли в обширную камеру, которая могла быть рубкой управления этим кораблем. В ней было полно маленьких эльфов. И все они были мертвые. Внутренние ее стены были испещрены трещинами и высвечивались огнями, гораздо более яркими, чем красноватое свечение, а внутренние полости были заполнены какими-то столь же непонятными мне рисунками и пульсирующими орнаментами, странно похожими на извилины мозга. Меня вновь охватила беспокойная мысль, что корабль сам являлся живым организмом. И хотя я знал, что это не так, мне было почти невозможно отделаться от этой иллюзии.

Старик упрямо лез вперед. Вскоре мы оказались еще в одной отсекающей красноватым светом трубе. Мы про-

следовали вдоль всех ее изгибов, пока ширина ее не увеличилась примерно до трех метров, а потолок стал настолько высоким, что можно было стоять, выпрямившись во весь рост. Но не это бросилось нам в глаза — стены больше не были непрозрачными.

По обе стороны от нас, за прозрачными мембранами, находились тысячи и тысячи слизняков, плавающих, висящих, извивающихся в какой-то жидкости, которая поддерживала их. Каждый резервуар имел собственное внутреннее рассеянное освещение, и я мог разглядеть эту страшную трепещущую массу. Мне страшно захотелось вырвать лучемет и заорать благим матом.

Лучемет был уже наготове! Но Стариk положил свою ладонь на дуло оружия.

— Не надо,— покачал он головой.— Неужели тебе хочется выпустить все отсюда? К тому же, они нам нужны живыми.

Взгляд Мэри был чересчур спокоен. Сомневаюсь, что в этот момент она была в здравом уме, в определенном смысле этого слова. Я внимательно посмотрел на нее, перевел свой взгляд на стенки этого омерзительного аквариума и настойчиво произнес:

— Давайте поскорее уйдем отсюда. Думаю, что надо как можно скорее разбомбить это чудовищное место.

Стариk развел руками.

— Нет, мой мальчик. Этого делать никак нельзя. Впрочем, здесь есть еще кое-что интересное. Идемте.

Труба снова сузилась, затем расширилась и мы очутились в небольшой камере. Здесь стены тоже были прозрачными. За ними опять что-то плавало.

Мне пришлось посмотреть дважды, прежде чем я поверил тому, что увидел.

Прямо за стенкой, лицом ко мне находилось тело мужчины — человека родом с Земли — в возрасте 40—50 лет. Руки его были прижаты к груди, колени подтянуты к животу. Казалось, что он спит.

Я посмотрел на него и жуткие мысли проносились в моей голове. Он был не один, за ним плавало еще множество тел — мужчин и женщин, стариков и детей — но именно он привлек мое внимание. Я был уверен в том, что он мертв — ничего другого не приходило мне в голову. Затем я увидел, что губы его медленно шевелятся — и пожалел, что он не мертв.

Мэри брела будто пьяная — нет, не пьяная, но полностью погруженная в собственные мысли, отрешенная от всего. Она переходила от одной стенки к другой, вглядываясь в заполненные, наполовину просматриваемые глубины. Старик не сводил с нее глаз.

— Так что, Мэри? — ласково спросил он.

— Я не могу найти их,— сказала она жалобным, будто у маленькой девочки, голоском и быстро перешла к противоположной стене. Старик поймал ее за руку.

— Ты не там их ищешь,— твердо сказал он.— Вернись туда, где они находятся, помнишь?

Ответ ее был сплошным воплем:

— Я не могу вспомнить!

— Ты должна сделать это! Это то, что ты в состоянии сделать для них! Ты должна вернуться туда, где они находятся, и искать там!

Глаза ее закрылись, из-под век появились слезы. Она сдавленно всхлипнула. Я встал между ними и решительно произнес:

— Прекратите это! Зачем ты ее изводишь, отец?

Старик грубо оттолкнул меня.

— Не вмешивайся, парень. Не лезь сюда. Это не твое дело.

— Но...

— Никаких «но»! — Он отпустил Мэри и повел меня к выходу из этого помещения.

— Оставайся здесь, сынок. И если ты любишь свою жену, если ненавидишь титанов, не вмешивайся. Я не сделаю ей ничего плохого. Поверь.

— А что ты собираешься делать?

Но он уже отвернулся. Я остался в нерешительности, опасаясь вмешиваться в то, чего я не понимаю.

Мэри опустилась на пол и теперь сидела на корточках, как ребенок, прикрыв лицо ладонями. Старик присел на колени и взял ее за руку.

— Вернись,— услышал я его слова.— Вернись назад к тому, откуда это началось.

— Нет... Нет... — едва был слышен ее ответ.

— Сколько тебе было лет? Когда тебя нашли, тебе было лет семь или восемь. Это было до того.

— Да... да. Это было раньше.— Она разрыдалась и осела на пол.— Мама! Мама!

— Что говорила твоя мама? — нежно спросил Старик.

— Она ничего не говорила. Она как-то очень странно посмотрела на меня. На ее спине что-то было. Я боюсь, боюсь...

Я поспешил к ней, пригибаясь, чтобы не зацепиться за какие-то верхние переборки. Не отводя глаз от Мэри, Старик жестом прогнал меня. Я остановился. Авторитет Старика как-никак был велик. Я просто не мог не подчиниться.

— Вернись! — процедил сквозь зубы Старик.— Откуда пришел.

Слова были направлены мне, и я повиновался им. Но Мэри повиновалась тоже.

— Был какой-то корабль,— пробормотала она.— Большой сверкающий корабль...

Он что-то сказал. Если она и ответила, то слов я не расслышал. На этот раз я уже оставался в стороне. Несмотря на свои потревоженные чувства, я понимал, что происходит нечто очень важное, настолько важное, что оно полностью поглотило все внимание Старика, несмотря на опасную близость наших врагов.

Он продолжал говорить что-то утешающее, но настаивал на своем. Мэри притихла, казалось, она впала в летаргию, но я слышал, что она что-то отвечала Старику. Затем, через некоторое время, ее речь перешла в монотонный поток слов эмоционального облегчения. Только в редких случаях ему уже приходилось подгонять ее.

Я услышал, что кто-то ползет по проходу позади меня, обернулся и выхватил лучемет, испытывая отчаяние попавшего в западню зверя. Я едва не пристрелил этого надоевшего мне сопливого офицера, которого Старик оставил снаружи.

— Выходите! — настойчиво потребовал он, проталкиваясь мимо меня к Старику.

У Старика был преисполненный отчаяния вид, но он спокойно ответил:

— Замолчите! Прошу вас не беспокоить меня!

— Вы должны уйти отсюда,— продолжал настаивать юнец.— Командир передал, что вы должны выйти немедленно. Мы отступаем. Командир передал, что в любую минуту он может уничтожить корабль. Даже если мы будем внутри его! Вы понимаете это? Нельзя, чтобы он достался врагу!

— Ладно,— спокойно согласился Старик.— Иди и скажи своему командиру, чтобы он продержался, пока мы

не выйдем. У меня жизненно важная информация. Сынок, помоги мне управиться с Мэри.

— Есть, сэр! Только побыстрее! — Сопляк полез назад. Я же подхватил Мэри и донес ее на руках до того места, где камера превращалась в трубу. Она, казалось, была почти без сознания. Я положил ее на пол.

— Придется ее тащить,— пробормотал Старики.— Она, может быть, не скоро еще придет в себя. Вот так-то, мой мальчик. Давай-ка я помогу тебе взвалить ее на спину. Ты сможешь ползти вместе с ней.

Не обращая внимания на его слова, я стал трясти Мэри.

— Мэри! — кричал я.— Мэри! Ты меня слышишь?

Глаза ее открылись.

— Что такое, Сэм?

— Дорогая, нам нужно уходить отсюда. И как можно быстрее! Ты сможешь ползти?

— Да, дорогой.— Она снова закрыла глаза.

Я стал снова трясти ее.

— Мэри?

— Что, дорогой? В чем дело? Я так устала.

— Послушай, Мэри. Тебе нужно покинуть это место! Если ты этого не сделаешь, мы все попадем в руки слизняков. Тебе это понятно?

— Хорошо, дорогой.

Глаза ее остались открытыми, но ничего не выражали. Я подтолкнул ее к трубе и пополз вслед за ней. Когда она застревала, я подталкивал ее. Когда мы оказались в камере со слизняками, а затем в центре управления, я поднимал ее на руки и осторожно нес. Когда мы подошли к тому месту, которое было блокировано мертвым эльфоподобным существом, она остановилась. Я ужом прополз мимо нее и запихал мертвяка в какое-то ответвление. На этот раз я сделал все так, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что слизняк мертв. После этого мне пришлось снова шлепать ее по щекам, чтобы добиться послушания.

Наконец, этот кошмар завершился и с налитыми свинцом ногами мы добрались до выхода. Здесь нас ждал молодой офицер и помог нам сначала вытащить Мэри, затем выбраться мне и Старику. Выпрыгнув, я забрал у моряка свою Мэри. Было уже совершенно темно.

Мы прошли мимо раздавленного дома, избегая его обломков, и вышли на шоссе. Нашей машины на нем не ока-

залось. Зато здесь стоял вездеход, в который нас поспешили затолкали. Вокруг шло ожесточенное сражение. Командир вездехода задраил все люки и мы покатили к воде. Через пятнадцать минут мы были на борту «Фултона», а еще через час высадились на базе в Мобиле.

Старик и я выпили кофе с бутербродами в каютах компании «Роберта Фултона». Мэри отвели в женское отделение, где стали приводить ее в порядок. Когда мы выходили, она присоединилась к нам. Вид у нее был вполне нормальный.

— Мэри, у тебя все в порядке? — справился я.

Она улыбнулась.

— Разумеется, дорогой. А почему должно быть иначе?

Нас провели к штабному вертолету, который вместе с машинами сопровождения тут же поднялся вверх. Я считал, что мы направляемся в Вашингтон. Однако, пилот совершил скоростной маневр и мы почти сразу же очутились возле вершины какой-то горы, а затем внутри пещеры. Машина села.

— Где мы? — спросил я.

Старик ничего не ответил, но вышел. За ним последовали мы с Мэри. Ангар был небольшим, в нем было место для стоянки не более чем дюжины летательных аппаратов. Охранники провели нас к двери, вырезанной в скале. Мы прошли дальше и очутились в приемной. Голос из громкоговорителя велел нам раздеться. Я с сожалением расстался со своим лучеметом.

Мы прошли дальше, где нас встретил молодой парень, одеждой которого была только повязка с шевронами и ремни крест-накрест. Он передал нас девушке, на которой одежды было еще меньше — только два шеврона. Они оба обратили внимание на Мэри, каждый, разумеется, по своему. Я думаю, что капрал был бы рад проводить нас к капитану, которая встретила нас.

— Мы получили вашу докладную, — сказала капитан. — Доктор Стилстон ждет вас.

— Спасибо, мадам, — кивнул Старик. — Где?

— Одну минутку, — сказала она, подошла к Мэри и прощупала ее волосы. — Мы должны быть уверены, — произнесла она, извиняясь. Если она и догадалась о том, что большая часть прически Мэри была поддельной, то не упомянула об этом. — Вот и прекрасно, — решила она. — Идемте.

У нее самой прическа была короткой как у мужчины.

— Хорошо,— согласился Старики.— Нет, сынок, ты остаешься здесь.

— Почему? — спросил я.

— Потому что сильно опростоволосился при первой попытке,— кратко объяснил он.— Теперь у тебя будет время успокоиться.

— Офицерская столовая внизу, в первом коридоре налево,— сказала капитан.— Почему бы вам не подождать там?

Я так и сделал. Прошел мимо двери, на которой были изображены красные череп и кости с надписью:

ОСТОРОЖНО!

ЗА ЭТОЙ ДВЕРЬЮ ЖИВЫЕ ПАРАЗИТЫ. ВХОД
СТРОГО ВОСПРЕЩЕН ЛИЦАМ БЕЗ ПРОПУСКА
ПО ФОРМЕ «А».

Я с опаской обошел эту дверь подальше. В офицерской столовой отдыхало 3—4 мужчины и две женщины. Я нашел свободный стул, уселся и задумался, кем надо быть, чтобы можно было получить здесь выпивку. Через некоторое время ко мне присоединился крупный мужчина со значком полковника на цепочке, висящей на шее. Он принадлежал, по-видимому, к тому типу людей, о которых говорят «душа нараспашку».

— Новичок? — поинтересовался он.

Я признался в этом..

— Штатский специалист? — продолжал он.

— Не знаю, что вы имеете в виду под словом «специалист», — пожал плечами.— Я оперативный работник.

— Фамилия? Извините за официальность, но я здесь отвечаю за безопасность. Моя фамилия Келли.

Я назвал свою. Он кивнул.

— Если уж говорить честно, то я видел вас, когда вы прибыли. А теперь, мистер Нивенс, как насчет того, чтобы выпить?

Я подскочил.

— Кого я должен убить, чтобы добиться этого?

— ...хотя, насколько я понимаю,— продолжал Келли позже,— здесь служба безопасности нужна так же, как корове седло. Нам следует публиковать результаты тотчас же, как только мы их получаем.

Я заметил, что он рассуждает вовсе не так, как положено типичному военному. Он рассмеялся.

— Поверь мне, парень, не все военные таковы, какими их представляют — они просто придуриваются таковыми.

Я заметил, что маршал авиации Рекстон произвел на меня огромное впечатление: как очень достойный гражданин.

— Ты с ним знаком? — спросил полковник.

— Не совсем, но благодаря своей работе мне неоднократно приходилось бывать в его компании. В последний раз я видел его сегодня утром.

— Гм... — задумчиво произнес полковник. — Никогда не встречался с этим джентльменом. Ты вращаешься в более утонченных сферах, чем я.

Я объяснил, что это просто стечениe обстоятельств, но с этого момента он стал выказывать мне гораздо больше уважения. Вскоре он уже рассказывал мне о работе, которая проводилась в лаборатории.

— Теперь мы знаем гораздо больше об этих мерзких тварях. Но знаем ли мы, как их убивать, не убивая при этом носителей? Нет, не знаем!

— Разумеется, — продолжал он, — если бы нам удалось заманить их по одному в какое-нибудь помещение и быстро погружать в бессознательное состояние, мы могли бы спасать «хозяев» — но это очень напоминает слова, которые сказала одна старая поговорка в отношении того, как поймать птичку. Надо только подкрасться поближе и насыпать ей соли на хвост. И больше никаких проблем. Я не ученый, я всего лишь сыщик в погонах, но я беседовал со здешними учеными. Это биологическая война. Нам нужно насекомое, которое кусает слизняка, но не трогает «хозяина». Звучит весьма просто, не так ли? Нам известны сотни болезней, убивающих слизняков — оспа, сифилис, энцефалит, вирус Обермайера, чума, желтая лихорадка и так далее. Но все они убивают и «хозяина».

— Неужели нельзя применить что-нибудь, против чего у всех есть прививки? — спросил я. — Всем сделаны, например, уколы от брюшного тифа. Проведена почти поголовная прививка от оспы.

— Это ничего не дает. Если есть иммунитет у «хозяина», то паразит тоже не подвержен этой болезни. Нет, нам нужно что-то такое, что мог бы подхватить «хозяин» и что убило бы паразита. При этом желательно, чтобы «хозяин» пережил лишь легкое недомогание.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но увидел в дверях Старика. Я извинился и подошел к нему.

— Чем это там тебя мучил Келли? — спросил он.

— Он совсем не мучил меня,— пожал я плечами.

— Это ты так думаешь. Ты не знаешь, что собой представляет Келли.

— А зачем мне это знать?

— Не мешало бы! Хотя, может быть, и не надо было бы. Он никогда не позволяет сделать свое фото. Таков Келли и величайший ученый-криминалист нашей эпохи.

— Так это был Келли? Но ведь он же не служит в армии!

— По-видимому, призвали, как резервиста. Теперь можешь себе представить, насколько важна эта лаборатория? Идем!

— Где Мэри?

— Тебе нельзя пока что ее видеть. Она приходит в себя.

— Ей... плохо?

— Я же обещал, что с ней ничего плохого не случится. Стилтон среди своих коллег — наилучший. Но нам пришлось пройти глубоко внутрь, преодолевая огромное сопротивление. Это всегда неважно отражается на субъекте.

Я задумался.

— И вы получили то, чего добивались?

— И да, и нет. Мы еще не закончили с этим делом.

— Но что вы ищите?

Мы шли по одному из характерных для этого места бесконечных коридоров, проложенных в толще скалы. Затем он провел меня в маленький кабинет, сел и, включив селектор, произнес:

— Неофициальное совещание.

— Да, сэр,— ответил голос.— Мы не будем записывать.

На потолке зажегся зеленый огонек.

— Не то, чтобы я им верил,— пожаловался Старики,— но прослушивать их в данном случае будет, разве что, только Келли. А теперь, сынок, о том, что ты хотел узнать. Не уверен, что тебе положено об этом знать. Да, ты женат на этой девушке, но ее душа тебе не принадлежит. И это все исходит из таких ее глубин, что она сама об этом не ведает. Поэтому мне кажется лучшим, если рассказать тебе все в такой степени, чтобы ты понял. Иначе ты будешь ее беспокоить, чтобы докопаться до истины самому. Я очень не хочу, чтобы такое случилось. Этим ты можешь ввергнуть

ее в пучину безумия. Я сомневаюсь, что она вспомнит абсолютно все — Стилтон очень умелый специалист,— но можешь слишком разбредить прошлое.

Я тяжело вздохнул.

— Тебе судить об этом, отец.

— Что ж, я расскажу тебе кое-что и отвечу на вопросы, на некоторые из них, в обмен на торжественное обещание никогда не беспокоить ими свою жену. У тебя нет должного искусства для этого, не забывай.

— Ладно, сэр, обещаю.

— Так вот... существовала группа людей, некий культ, так можно назвать, который получил худую славу...

— Я знаю. Уитмэниты.

— Что? Откуда ты узнал? От Мэри? Нет, не от нее! Она сама не знала об этом.

— Нет, не от Мэри. Я сам докопался до этого факта. Он посмотрел на меня с необычным уважением.

— Возможно, я недооценивал тебя, сынок. Так вот, уитмэниты. Мэри была ребенком в их общине в Антарктиде.

— Постойте, сэр! Но они покинули Антарктиду еще в... 1974 году!

— Да.

— Тогда Мэри должно быть около сорока лет!

— Разве тебе не все равно?

— Что? Но ведь такого не может быть!

— И да, и нет, сынок. Хронологически ее возраст около сорока лет. Биологически — ей всего двадцать с лишним. Субъективно же, она еще моложе на самом деле, потому что не помнит ничего, что с нею было до 1990 года.

— Что вы имеете в виду? То, что она ничего не помнит? То, что она ничего не помнит, это я еще могу понять — она никогда не хочет ничего вспоминать. Но что вы имеете в виду, в отношении всего остального?

— То, что сказал. Она не старше, чем это кажется — ты видел ту комнату, где она начала вспоминать? Она провела десять лет или даже больше в состоянии анабиоза в таком же резервуаре, как и тот.

Г л а в а 28.

Становясь старше, я не становился ожесточеннее. Наоборот, я становлюсь мягче. Мысль о моей возлюбленной Мэри, плавающей в искусственной утробе, ни

мертвой, ни живой, но сохраняемой, как пойманный кузнец-чик, была слишком непереносимой для меня.

Я услышал слова Старика.

— Успокойся, сынок. У нее все в порядке.

— Рассказывайте дальше, — попросил я.

Известная часть биографии Мэри была простой, хотя и соприкасалась с какой-то тайной. Ее нашли в болотах поблизости от Кайзервилля на северном полюсе Венеры — маленькую девочку, которая ничего не могла сказать о себе, кроме имени — Эллюкьюр. Никто не придал особого значения этому имени и ребенок ее кажущегося возраста никоим образом не ассоциировался с падением уитмэнитов. Еще в 1980 году снабжавший их корабль не смог отыскать никого в живых из обитателей их колонии «Новый Сион». Десять лет времени и более 300 километров джунглей и топей разделяли маленькую девочку в Кайзервилле и пораженных богом колонистов Нового Сиона.

В 1990 году неучтенный земными властями ребенок на Венере был неслыханным делом, но ни у кого не возникло интеллектуального любопытства поинтересоваться этим. Кайзервиль был поселком шахтеров, бродяг, проституток, торговцев — и не более того. Раскапывание радиоактивной грязи в болотах не оставляет достаточного количества энергии, чтобы позволить себе такую роскошь, как любопытство.

Она выросла, пользуясь вместо игрушек игральными картами и называя каждую женщину «мамой» или «тетей». Они сократили ее имя до Элли.

Старик не сказал о том, кто оплатил ее возвращение на Землю. Главным вопросом было то, где она была с того времени, когда Новый Сион был поглощен джунглями, и что же на самом деле случилось с колонией.

Но единственное свидетельство было погребено в памяти Мэри, накрепко прикрытой ужасом и отчаянием.

Незадолго до 1980 года — примерно за год до того, как появилось сообщение о летающем блюдце в Сибири, — титаны обнаружили колонию Новый Сион. Промежуток времени между этим событием и нашествием титанов на Землю весьма точно соответствует одному году Сатурна. По всей вероятности, слизняки не искали землян на Венере. Скорее всего, они произвели разведку на этой планете, точно так же, как вели ее на Земле. Или, возможно, они знали, где надо искать. Нам известно только, что они

похищали людей на протяжении двух или более столетий. Возможно, они изловили кого-нибудь, чей ум мог подсказать им, где находится Новый Сион. Смутные воспоминания Мэри не содержали ничего на сей счет.

Мэри видела, как была захвачена колония, как ее родители превратились в зомби, которые уже больше не заботились о ней. По-видимому, на ней самой слизняков не было, поскольку для титанов слабый и несмышленный ребенок вряд ли мог быть подходящим невольником. В любом случае, они крутились вокруг.

Нежеланная, неухоженная, не нетронутая, она питалась крохами, как мышонок. Слизняки надолго прибыли сюда. Их основными рабами были венерианские аборигены, и колонисты попали в неволю, можно сказать, случайно. Безусловно, Мэри видела, как ее родителей поместили в состояние анабиоза — чтобы воспользоваться ими позднее при вторжении на Землю. Хотя это и весьма спорно. Но все может быть.

Со временем ее и саму поместили в один из баков. Внутри корабля титанов? На их базе на Венере? Последнее было более вероятно, поскольку, когда она проснулась, она продолжала находиться на Венере. В ее воспоминаниях много пробелов. Были ли слизняки, владеющие венерианцами, идентичны тем захватчикам колонистов? Возможно, ибо Земля и Венера имеют кислородно-углеродистую структуру. Структура титанов состоит из протеинов, но им приходится приспособливаться к биохимии своих «хозяев». Будь на Венере кислородно-кремниевая жизнь, как на Марсе, или фтористая, то один и тот же вид паразита не мог бы питаться обоими.

Но основная суть состоит в том положении, которое возникло, когда Мэри вынули из искусственного инкубатора. Вторжение титанов на Венеру постигла неудача. Мэри был посажен на плечи титан, но она пережила повелителя, который владел ею.

Стоит вопрос — почему вымерли те слизняки? Почему провалилось вторжение титанов на Венеру? Именно хоть какой-нибудь ключ к ответу на эти вопросы и пытались выудить из мозга Мэри Старик и доктор Стилтон.

— Это все? — спросил я.

— А разве этого мало? — ответил Старик.

— Это поднимает столько же новых вопросов, на сколько старых отвечает, — пожаловался я.

— Вопросов еще тьма,— кивнул Старики.— Но ты не эксперт по Венере и не психолог. Я рассказал тебе то, что нужно было рассказать, чтобы ты знал, почему нам приходится биться над Мэри, и не задавал бы ей вопросов об этом. Будь добр по отношению к ней, мой мальчик. На ее долю выпало столько горестей!

Я не обратил внимания на этот совет. Спасибо, я сам знаю, что делать, а чего не делать во взаимоотношениях со своей женой.

— Чего я никак не могу понять,— начал я,— так это почему вы пристегнули Мэри сразу же к делу с летающими блюдцами? Теперь я начинаю понимать, что вы умышленно взяли ее в нашу первую поездку. Вы были правы — но почему? И не надо водить меня вокруг да около!

Старики, казалось, смущился.

— Сынок, у тебя когда-нибудь бывают предчувствия?

— О, боже, конечно!

— А что ты считаешь предчувствием?

— Что? Верю в то, что может вскоре произойти и что в действительности происходит.

— Я бы назвал предчувствием результат автоматических рассуждений на подсознательном уровне на основании данных, которыми ты располагаешь, но не знаешь об этом.

— Звучит, как черный кот в подвале для угля темной ночкой. У вас не было никаких данных, отец! И не рассказывайте мне о том, что ваш разум перерабатывает данные, которые вы намерены получить на следующей неделе!

— Но у меня были данные!

— Что?

— Что происходит в самом конце с кандидатами, которых переводят в агенты?

— Личное интервью с вами.

— Нет, нет.

— А, гипноанализ.— Я позабыл об этом по той простой причине, что объект анализа не помнит о нем.— Вы имеете в виду, что тогда у вас были эти данные о Мэри? Какое же это предчувствие?

— Еще раз нет. У меня было их очень мало. Защитная экранировка в мозгу Мэри очень крепка. К тому же я забыл то немногое, что знал. Но я знал, что Мэри является как раз агентом для этой работы. Позже я еще раз проиграл ее гипноинтервью и тогда понял, что это далеко не

все. Мы пытались, но так ничего и не смогли добавить. Но я знал, что должно быть еще очень многое.

Я задумался над этим.

— И вы не преминули ради этого толкнуть ее на такие испытания?

— Я был вынужден. Прости меня.

— Разве это я должен вас прощать? — Я немного помолчал, затем сказал: — Послушайте, а что в моей гипнозаписи?

— Это неуместный вопрос.

— А все же?

— Я не могу сказать тебе этого, даже если бы захотел. Дело в том, что я не просматривал твою гипнозапись, сынок.

— Что?

— Я велел своему заместителю прокрутить ее. Он сказал, что там нет ничего плохого и ничего такого, что мне нужно знать, поэтому я никогда больше ею не интересовался.

— Ну что ж, спасибо.

Он просто крякнул. Отец и я всегда умудрялись поставить друг друга в неловкое положение.

Г л а в а 29

Слизняки вымерли от чего-то, что они подхватили на Венере. Мы считали, что это нам известно как факт. Попспешность не дала нам возможности собрать прямые доказательства — пока мы беседовали со Стариком, пришло донесение о том, что летающее блюдце в Сан-Кристиане уничтожено. Уничтожено бомбардировкой с воздуха, чтобы не дать возможности слизнякам снова овладеть им. У Старика была надежда снять с этого корабля узников-людей, оживить их и расспросить. Но эта возможность исчезла. Ответом могло быть только то, что удастся им выудить из памяти Мэри. Если какая-то свойственная Венере инфекция была смертельной для слизняков, но не смертельной для людей — по крайней мере, Мэри ее пережила, — то тогда следующий шаг будет состоять в повальной проверке всех этих инфекций и нахождении нужной. Что же тут сложного? Но это напоминало проверку каждой песчинки на пляже. Перечень

венерианских болезней, которые несмртельны, но причиняют массу досадных неприятностей, очень длинный. С точки зрения венерианских микробов мы представляем из себя слишком необычную пищу, чтобы удовлетворить их вкусы.

Проблема усугублялась еще и тем, что болезни венерианского происхождения, представленные живыми культурами на Земле, строго ограничены по количеству. Такое упущение можно было бы исправить только за столетия исследований на чужой планете.

Тем временем в воздухе ощущалось дыхание мороза. Режим загорания на солнце не мог продолжаться вечно.

Им нужно было вернуться туда, где, как они надеялись, имелся ответ — мозг Мэри. Мне это не нравилось, но я не мог воспрепятствовать этому. Она же, казалось, не знала, что ее снова и снова просят подвергнуться гипнозу. Она на вид была спокойной, но охватившее ее напряжение проявилось в кругах под глазами и других подобных признаках. В конце концов, я сказал Старику, что пора это прекратить.

— Если вы до сих пор не получили того, чего добиваетесь, то уже не получите никогда!

— Ты представляешь себе, сколько времени нужно на то, чтобы перепроверить всю память человека, даже если ограничиться отдельным периодом? Ровно столько же, сколько этот период длится. То, что нам нужно — если оно вообще есть в памяти — может быть чем-то почти неуловимым.

— Если оно вообще есть,— повторил я.— Вы даже не знаете, есть ли оно. Послушайте, если в результате этого Мэри сойдет с ума, я лично сверну вам шею.

— Если мы в этом не преуспеем,— спокойно ответил он,— ты сам будешь молить небо, чтобы она сошла с ума. Или тебе хочется растить детей в качестве невольников титанов?

Я закусил губу.

— Почему бы вам не послать меня в Южную Америку вместо того, чтобы держать здесь?

— А вот что! Знай же, что ты мне нужен именно здесь, при Мэри, чтобы поддержать ее дух. И кроме того, в этом уже нет необходимости.

— Что? Что-то произошло? Пришли донесения от других агентов?

— Если бы ты проявлял хоть какой-нибудь интерес к новостям, ты бы знал.

Я поспешил просветить себя в отношении того, что творится в мире. Второй величайшей сенсацией в мире стала охватившая всю Западную Европу эпидемия чумы. С семнадцатого столетия черная смерть впервые поразила этот материк.

— Босс, что же случилось? — спросил я у Старика.— Там тоже слизняки?

— Да.

— Вы знали об этом? Так что же мы медлим? Не кажется ли вам, что вся долина Миссисипи вскоре может прийти в такое состояние, как Западная Европа. Всего одна маленькая крыса... Вы ведь знаете, что титаны не удосуживаются поддерживать высокий уровень санитарного состояния. Сомневаюсь, принимал хотя бы кто-нибудь ванну на территории от канадской границы до Нью-Орлеана с того момента, как был прекращен маскарад. Вши... блохи... может быть, пока не поздно лучше было бы разбомбить их, если ничего лучшего нельзя предложить. Это хотя бы более чистый способ умереть.

— Да, это так.— Старик тяжело вздохнул.— Может быть, это наилучшее решение на данном этапе. Может быть, и единственное. Но ты ведь знаешь, что мы не пойдем на это. Пока есть хоть малейший шанс, мы не будем оставлять попыток.

Я не переставал думать об этом. Мы продолжали гонку со временем. Слизняки принципиально должны быть слишком глупы — иначе они бы заботились о своих невольниках. Вероятно, именно поэтому они перескакивают с одной планеты на другую — они губят все, к чему только прикасаются. Через некоторое время их «хозяева» умирают, и им становятся необходимы новые.

Теория, одна теория. Но одно было ясно. Красная зона вскоре будет охвачена чумой, если только мы не найдем способа убивать слизняков, и при этом как можно быстрее.

Я уже настроился на то, о чем уже и раньше задумывался,— принять участие в гипносесансах. Если в памяти Мэри упрятано нечто, что может быть использовано против слизняков, то я мог бы увидеть его там, где это не удавалось другим. В любом случае я хотел принять участие, независимо от того, что со мной обращались как с помесью принца-консорта и нежеланного ребенка.

Г л а в а 30

Мы с Мэри жили в каморке, предназначеннной для одного сотрудника. У нас было тесно, но мы не обращали на это внимания. На следующее утро я проснулся первым и произвел свою быструю, ставшую уже обычной, проверку того, что слизняк не взобрался на Мэри. Пока я это делал, она открыла глаза и сонно улыбнулась.

— Спи, спи,— сказал я.

— Я уже проснулась, дорогой.

— Мэри, ты знаешь, сколько длится инкубационный период бубонной чумы?

— Откуда мне это знать? — улыбнулась она.— Ты знаешь, у тебя один глаз темнее, чем другой.

Я встряхнул ее.

— Послушай-ка. Я засиделся вчера вечером в лабораторной библиотеке и провел кое-какие расчеты. Насколько я понял, слизняки появились в Западной Европе по крайней мере за три месяца до того, как они появились у нас.

— Может быть, дорогой.

— Ты знала об этом, да? Почему же ты тогда ничего не сказала?

— Никто не спрашивал.

— О боже! Давай поднимайся. Я чертовски голоден! Прежде чем мы покинули нашу каморку, я сказал ей:

— Мэри, ты никогда не говоришь о том, что они у тебя спрашивают.

Она, казалось, была удивлена.

— Но я этого никогда не знаю, дорогой.

— Ну вот это-то я и искал. Значит, глубокий транс с приказом «Все забыть!» Не так ли?

— Наверное, так.

— Гм... Что ж, будут внесены некоторые корректиды. Сегодня с тобой буду я!

— Да, дорогой.

Вот и все, что она сказала.

Собирались они, как обычно, в кабинете доктора Стилтона: Стариk, сам Стилтон, полковник Джисби — руководитель лаборатории и еще какой-то незнакомый мне полковник с целой бригадой техников и лаборантов. В армии принято держать целое отделение в восемь человек для того, чтобы помогать какому-то высшему чину прощать свой нос.

Брови Старика взметнулись, когда он увидел меня, но он промолчал. Сержант попытался остановить меня.

— Доброе утро, мистер Нивенс,— произнес он и добавил: — Вы, сэр, не значитесь в моем списке.

— Я сам заношу себя в этот список, сержант,— довольно резко объявил я и решительно шагнул мимо него.

Полковник Джисби сверкнул глазами и повернулся к Старику, невнятно хрюпя что-то вроде: «Что все это значит?» Остальные замерли с окаменевшими лицами, кроме, разве что, одного сержанта из женской вспомогательной службы, которая не смогла сдержать улыбку.

— Одну минутку, полковник,— тут же выступил Старик, обращаясь к Джисби и ковыляя ко мне. Тихим голосом, чтобы мог слышать только я, он произнес: — Сынок, ты ведь мне обещал.

— Беру свои слова назад, сэр. Не ваше дело вымогать обещания у мужа в отношении его жены.

— Это не твое дело, сынок. Ты не искушен в этих делах. Ради Мэри иди отсюда.

Вплоть до самого этого момента мне как-то даже в голову не приходило поставить под сомнение право Старика оставаться здесь. Но непроизвольно я вдруг объявил:

— Это у вас здесь нет никакого дела, сэр. Вы никакой не аналитик. Поэтому уходите!

Старик взглянул на Мэри. На ее лице ничего не отразилось. Через мгновение он буркнул:

— Ты, может быть, белены объелся, сынок?

— Не забывайте, что это на моей жене проводят эксперименты, сэр! Начиная с этого момента я устанавливаю свои правила в этой игре!

— Молодой человек, вы в своем уме? — заорал полковник Джисби.

— А каков здесь ваш статус? — Я посмотрел на его руки.— Вы ведь, насколько я знаю, военный разведчик, не так ли? Или у вас есть еще одна специальность? Вы что, медицинский работник? Может быть, вы психолог?

Он поднялся на ноги.

— Вы, кажется, забыли, что находитесь на военной территории!

— А вы забыли, что моя жена и я не числимся по военному ведомству? — засмеялся довольно нахально я.— Так что, господа, я забираю свою жену. Пошли, Мэри, мы уходим.

— Хорошо, Сэм.

— Я скажу в канцелярии, куда отсылать нашу почу,— обратился я к Старику и направился к двери. Мэри покорно следовала за мной.

— Одну минуту, сынок, сделай мне одолжение,— произнес Старик.

Я остановился, и он подошел к Джибси.

— Полковник, будьте добры, отойдем в сторону. У меня есть вам кое-что сказать лично.

Полковник Джибси смерил меня взглядом генерала — председателя военно-полевого суда, но все же вышел из комнаты. Мы ждали. Младшие служащие оставались с со- средоточенными лицами, будто играли в покер, полковник-незнакомец беспокойно ерзал в своем кресле, малышка-сержант, казалось, вот-вот взорвется. Единственным, кто сохранял вид, будто все это его нисколько не касается, был Стилтон. Он вынул какие-то бумаги из своей папки и начал спокойно их просматривать.

Через минут пятнадцать вошел один из сержантов.

— Доктор Стилтон, старший командир приказал начинать.

— Прекрасно, сержант,— отозвался доктор. Он перевел на меня взгляд и сказал: — Пройдемте в операционную, сэр.

— Не так быстро, милейший,— решительно остановил я его.— Кто эти остальные? Как насчет вот этого человека.— Я указал на полковника-незнакомца.

— Что? Это доктор Хаделхерст — два года на Венере.

— О'кей, пусть остается.— Я поймал улыбающийся взгляд девушки-сержанта и сказал: — А какова ваша работа здесь, сестренка?

— Моя? О, я что-то вроде компаньонки.

— Компаньонки? Что ж, эту роль я могу взять на себя. Теперь, доктор, пересмотрите, кто из этих людей нужен вам на самом деле.

— Пожалуйста, сэр.

Оказалось, что в комнате в конце концов ему нужен только полковник Хаделхерст.

Мы прошли внутрь — Мэри, я и два специалиста.

В операционной была кушетка, окруженная со всех сторон стульями. Сверху над ней торчали два ствола трехмерной телекамеры. Мэри подошла к кушетке и легла. Доктор Стилтон вынул шприц.

— Попробуем начать с того места, на котором мы остановились вчера, миссис Нивенс.

— Постойте! — вмешался я.— У вас есть записи более поздних попыток?

— Разумеется.

— Давайте-ка сначала прокрутим их. Я хотел бы войти в курс дела.

— Как вам угодно, сэр. Миссис Нивенс, подождите, пожалуйста, в моем кабинете. Мы позовем вас позже.

В этот день во мне сидел дух противоречия.

— Давайте сначала выясним, хочет ли она сама выходить!

У Стилтона отвисла челюсть.

— Вы не представляете, что предлагаете, сэр. Эти записи могут вызвать душевное расстройство у вашей жены, даже повредить ее здоровью.

— Весьма сомнительная терапия, молодой человек,— вставил слово Хаделхерст.

— Это не терапия, господа. И вы это знаете. Если бы вашей целью было лечение, вы бы применили технику эйдетического воспоминания вместо использования наркотиков.

— У нас нет времени на дискуссии,— встревожился Стилтон.— Нам приходится применять суровые методы, чтобы добиться быстрого результата. Я не уверен, что имею право разрешить обследуемой просмотреть записи.

— Я с вами согласен, доктор,— опять вставил слово Хаделхерст.

— Черт побери! — прорвало меня.— Вас никто не просит, и у вас нет никаких оснований решать, что делать в данном случае. Все записи извлечены из головы моей жены, и они принадлежат ей. Меня тошнит от того, что вы, люди, пытаетесь изображать из себя господа бога. Мне не нравится это в слизняке и ничуть не больше нравится в человеческом существе! Ей самой решать, что к чему. А теперь спрашивайте у нее, господа!

— Миссис Нивенс, вы желаете просмотреть ваши записи? — спросил Стилтон.

— Да, доктор, и притом очень,— ответила Мэри.

— Как вам угодно.— Ответ Мэри удивил Стилтона.— Вы желаете просматривать их в одиночестве?

— Я буду смотреть их вместе со своим мужем. Но вы, господа, можете остаться.

Их не пришлось долго уговаривать. Принесли кипу бобин, на каждой из которых была этикетка, обозначавшая дату и возраст. Чтобы просмотреть их все, требовалось

много часов, поэтому я отложил в сторону те бобины, которые касались жизни Мэри после 1991 года, поскольку они вряд ли могли оказать помощь в решении нашей проблемы.

Мы начали с самых ранних лет ее жизни. Каждая запись начиналась с того, что субъект — Мэри — стонал и всхлипывал, изо всех сил сопротивляясь, что случается с людьми, когда их насильно заставляют пройти тот отрезок времени, который они хотят забыть. Затем следовало восстановление как с ее голосом, так и с голосами других людей. Что меня ошеломило больше всего, это лицо Мэри — в резервуаре для анабиоза, вот что я имею в виду. Мы постепенно увеличивали размеры изображения до тех пор, пока оно практически не стало видно во всех подробностях и мы были в состоянии исследовать каждый миг, каждое движение и изменения его выражения.

Сначала ее лицо было лицом маленькой девочки. О, ее черты были такими же, как у взрослой Мэри, но я понимал, что вижу свою возлюбленную такой, какою она должна была быть, когда была очень маленькой. Это вселило в меня надежду, что у нас самих будет маленькая девочка.

Затем ее выражение изменилось, в полном соответствии с появлением новых действующих лиц в ее памяти. Это напоминало игру невероятно способного актера, исполняющего множество различных ролей.

Мэри спокойно смотрела на происходящее, но ее рука украдкой оказалась в моей. Когда мы дошли до той жуткой части, когда изменились ее родители, став невольниками слизняков, она сильно сдавила мои пальцы, но продолжала сохранять самообладание.

Я пропустил бобины, помеченные «период анабиоза», и запустил бобины, касавшиеся периода ее оживления до спасения из болота.

Одно было очевидным — как только ее оживили, ею сразу же завладел слизняк. Застывшее выражение лица свидетельствовало о том, что слизняку уже не требовалось соблюдать маскарад — таких видов было полно в передачах из Красной зоны. Отсутствие воспоминаний у нее за этот период подтверждает это.

Затем, довольно внезапно, она уже не была орудием паразита, а снова маленькой девочкой, очень больной и напуганной. В мыслях, которые она запомнила, было что-то зачастую напоминавшее бред, но в конце концов возник новый громкий и четкий голос: «Подохнуть мне на этом самом

месте! Гляди-ка, Пит,— да ведь это маленькая девчушка!»

Другой голос ответил:

— Живая?

На что первый произнес:

— Не знаю.

Запись продолжалась в Кайзервилле — ее выздоровление, множество новых голосов и впечатлений. Вскоре ее воспоминания закончились.

— Я предлагаю,— сказал доктор Стилтон, снимая бобину с проектора,— прокрутить еще раз одну из записей этого периода. Они все немного отличаются друг от друга, а этот период является ключевым для решения стоящей перед нами проблемы.

— Почему, доктор? — спросила Мэри.

— Почему? Разумеется, можете пропустить, если хотите, но этот период, именно тот, который нам необходимо наиболее тщательно обследовать. Мы должны составить картину того, что произошло с паразитами, почему они все подошли. Если бы мы могли сказать, что убило титанов, которые обладали... э... если бы мы могли сказать, что убило титана, который обладал вами до того, как вас отыскали в джунглях Венеры, что убило его, но оставило в живых вас,— мы могли бы получить то оружие, которое нам так необходимо.

— А вы разве не знаете? — удивленно спросила Мэри.

— Что? Пока еще нет, но разузнаем обязательно. Человеческая память — удивительно совершенный механизм.

— А я думала, что вы знаете. Это девятидневная лихорадка.

— Что?! — Хаделхерст даже подпрыгнул в своем кресле.

— Разве это не было видно по моему лицу? Оно ведь имело довольно характерный вид.— Мэри пожала плечами.— Я имела в виду маску. Мне приходилось ухаживать за больными этой болезнью в Кайзервилле, потому что я переболела этой болезнью и у меня выработался иммунитет к ней.

— Что вы на это скажете, доктор? — Стилтон обратился к эксперту-венерианцу Хаделхерсту.— Вам доводилось встречаться со случаями заболевания этой лихорадкой?

— Встречаться со случаями? Нет. К тому времени, когда Венеру посетила вторая экспедиция, у нас уже была

вакцина против нее. Мне, разумеется, известны ее клинические проявления.

— Но почему вы тогда не смогли сделать необходимые выводы из записи?

— Вы знаете,— осторожно начал Хаделхерст,— я бы сказал, что виденное нами согласуется, конечно, с тем, что я знаю об этой болезни, но делать такие далеко идущие выводы, составлять окончательное суждение...

— Какое там окончательное суждение,— резко сказала Мэри.— Я говорю вам, что это была девятиречная лихорадка!

— Мы должны быть уверены в этом,— извиняющимся тоном сказал Стилтон.

— Какие вам еще нужны доказательства? В этом нет ни малейших сомнений. Мне сказали, что я была больна ею, когда меня отыскали Пит и Фриско. Позже я ухаживала за больными, но так и не заразилась ею. Я помню лица больных незадолго до смерти — они были точно такими же, как и мое лицо на той записи. Каждый, кто когда-нибудь видел эту болезнь, ни за что не спутает ее ни с какой другой. Что вам еще нужно? Огненные буквы в небе?

Никогда раньше я не видел Мэри столь близкой к тому, чтобы выйти из себя, кроме, разве что, одного раза. Я сказал себе: «Остерегайтесь, господа, вам в самый раз пригнуть головы».

— Мне кажется, вы доказали, дорогая леди,— сказал Стилтон.— Но скажите мне вот что: считалось, что у вас нет сознательных воспоминаний об этом периоде, и моя собственная проверка подтвердила это. Теперь же вы говорите так, будто они у вас были.

Мэри несколько растерялась.

— Теперь я это помню — помню довольно ясно. Я просто не думала об этом долгие годы.

— Кажется, понимаю.— Он обернулся к Хаделхерсту.— Так что, доктор? У вас есть эта культура? Может быть, ваши ребята попробуют немного поработать с ней?

Хаделхерст будто окаменел.

— Работать с ней? Разумеется, нет! Об этом даже не может быть речи! Вы знаете, что такое девятиречная лихорадка? С таким же успехом можно было использовать тиф или полиомиелит! Я бы скорее...

— Идем, дорогая.— Я ласково погладил Мэри по руке.— Мне кажется, мы сделали все, что могли.

Она дрожала. Глаза ее были полны слез. Я отвел ее в столовую и попытался вылечить самым лучшим на свете лекарством — первоклассным алкоголем.

Позже я уложил Мэри в постель и сидел с ней, пока она не уснула. Затем я отправился в кабинет, который отвели моему отцу.

— Привет,— поздоровался я, открывая дверь.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Илахью, я слышал, что ты сорвал банк.

— Ты знаешь, что я предпочитаю, чтобы меня называли Сэм. Это что, попытка обидеть меня?

— Ну, ну, Сэм. Успех сам по себе не плох. Тем не менее, этот куш оказался разочаровывающе мал. Девяностодневная лихорадка — неудивительно, что колония вымерла и слизняки тоже. Я не представляю как можно использовать то, что мы сейчас узнали. Мы не можем ожидать от всех той дьявольской воли к жизни, какой обладает Мэри.

Я понимал его: лихорадка имела среди неиммутированных землян смертельный исход более 90%. Для тех, у кого была прививка, смертность равнялась нулю. Но это нас не устраивало. Нам нужен микроб, который заставил бы человека немного помучиться, совсем немного, но обязательно убивал бы его слизняка.

— Не вижу, какое это имеет значение,— сказал я.— Есть очень высокая вероятность, что уже через шесть недель вся долина Миссисипи будет охвачена тифом или чумой.

— Или, возможно, слизняки уже усвоили урок Европы и начинают применять суровые меры по поддержанию санитарии,— ответил он.

Идея эта настолько меня ошеломила, что я почти пропустил мимо ушей следующую его фразу:

— Нет, Сэм, тебе нужно выработать план получше.

— Мне? Я здесь простой исполнитель.

— Однажды ты уже занимался этим, теперь тебе придется возглавить эту работу.

— Что? О чем это вы говорите? Я ничего не возглавлю — я не хочу! Вы здесь босс.

Он покачал головой.

— Босс — это тот, кто руководит делом. Почет и знаки отличия приходят позже. Скажи мне, разве Олдфилд мог бы заменить меня?

Я покачал головой. Первый заместитель отца был прекрасным исполнителем, но не «генератором идей».

— Я никогда не повышал тебя по службе,— продолжал он,— потому что знал, что, когда придет время, ты сам себя повысишь. Теперь ты это сделал — отвергнув мое суждение по важному делу, навязав мне свою собственную волю и оправдавшись результатом.

— О, я сделал всего лишь одно. В ваши большие головы никогда не приходила мысль, что вы пренебрегаете единственным имеющимся у вас в наличии экспертом по Венере — я имею в виду, что вы забыли проконсультироваться у Мэри. Но я, клянусь, не ожидал что-нибудь найти. Это просто слепое везение.

Он покачал головой.

— Я не верю в везение, Сэм. Везение — это ярлык, который навешивают на свершение гения.

Я уперся ладонями в стол и наклонился к нему.

— Ладно. Значит, я — гений. Но вам не заставить меня взвалить себе на шею всю эту кашу. Когда все это кончится, мы с Мэри увидим горы, где будем растить детей и котят. Я не намерен командовать сумасбродными агентами.

Он ласково улыбнулся.

— Я не хочу вашей работы, понимаете? — я почти кричал.

— Это как раз то, что сказал дьявол богу, после того как занял его место. Не принимай все это в штыки, сынок. Пока что все внешне пусть остается по-старому. И все же каковы ваши дальнейшие планы, сэр?

Глава 31

Хуже всего было то, что он говорил совершенно серьезно. Я попытался, было, отказаться, но из этого ничего не вышло. Днем было созвано совещание высших чинов. Меня уведомили об этом, но я не пошел. Вскоре ко мне пришла вежливая крошка из вспомогательной женской службы и передала, что начальник ждет и не будет ли мне угодно прийти немедленно.

Я пошел — и попытался оставаться вне обсуждения. Но мой отец, даже когда председательствует не он, умеет вести собрание, глядя выжидательно на тех, кого он хотел бы выслушать. Это хитрый фокус, поскольку собравшиеся не всегда понимают, что их ведут на поводке. Когда все глаза

собравшихся устремлены на тебя, легче высказать свое мнение, чем отмолчаться. Особенно, когда оказывается, что у тебя есть что сказать.

Все тяжело вздыхали и стонали в отношении абсолютной неприменимости девятидневной лихорадки. Признаюсь, что это ошеломляло, так как признавалось, что лихорадка истребит слизняков. Она истребила бы даже венерианцев, которые выживают, если разрублены надвое. Но смерть безусловно ожидала и всех людей — почти всех. Я был женат на той, что спаслась, абсолютное же большинство было обречено на смерть. От семи до десяти дней после начала заболевания — финал.

— Так что же, мистер Нивенс? — это командующий, генерал, обратился ко мне.

Я ничего не сказал, но глаза отца были выжидающие устремлены на меня.

— Я считаю, что здесь было предостаточно отчаянных предложений, — сказал я через некоторое время, — и высказано много мнений, основанных на предположениях. Но эти предположения могут быть неверными.

— Да?

У меня не было времени на обдумывание. Ответ мой напоминал стрельбу с бедра.

— Так вот, я все время слышу суждения о девятидневной лихорадке, как будто девятидневный ее период является непреложным фактом. Это не так.

Командующий нетерпеливо пожал плечами.

— Это только подходящее название — болезнь в среднем длится девять дней.

— Да, но откуда вы знаете, что она длится девять дней для слизняка?

По приглушенному шуму голосов я понял, что еще раз сорвал куш.

Меня попросили пояснить, почему я считаю, что лихорадка может длиться другой промежуток времени у слизняков, и какое это может иметь значение. Я двинулся напролом.

— Что касается первого вопроса, то в единственном известном случае болезни у слизняка он умер менее чем за девять дней, то есть гораздо быстрее. Те из вас, кто видел записи памяти моей жены, — а я уверен, что это очень многие из вас, — удостоверились, что ее паразит отпал от тела, подох гораздо раньше наступления кризиса, гораздо раньше девяти дней. Если эксперименты подтвер-

дят это, то проблема принимает совершенно иной оборот. Человека, пораженного лихорадкой, можно было бы освободить от слизняка ну, скажем, за четыре дня. Это дает нам дней пять для того, чтобы его поймать и вылечить.

Генерал присвистнул.

— Это довольно героическое решение, мистер Нивенс. Каким образом вы предлагаете вылечить его? Или хотя бы поймать. Я имею в виду вот что: предположим, мы возбуждаем эпидемию в Красной зоне. В этом случае предстоит проделать невероятно быструю работу — да еще перед лицом упорного сопротивления, не забывайте об этом — по выявлению и лечению более чем 50 миллионов людей. Это должно быть сделано раньше, чем они умрут.

Я тут же отпаридал, удивляясь в душе, как много так называемых экспертов заработали себе репутацию умением пудрить мозги.

— Второй вопрос является чисто тактической проблемой, в основном имеющей дело с передвижением и снабжением. Так что это чисто ваша проблема, генерал. Что же касается первого, то вот здесь находится ваш эксперт.— Я показал на доктора Хаделхерста.

Тот пыхтел и отдувался, и я понял, какие чувства он испытывает. Недостаточное предшествующее изучение... требуются дополнительные исследования... нужно провести ряд экспериментов... Он вспоминает, что проводились какие-то работы по созданию антитоксина, но вакцинация и иммунизация оказались столь успешными, что он не совсем уверен в том, был ли вообще создан антитоксин. В конце концов полковник вынужден был признать, что изучение экзотических венерианских заболеваний еще не вышло из начальной стадии.

— Что касается антитоксина,— перебил его генерал,— сколько времени вам надо, чтобы выяснить состояние дел?

Хаделхерст сказал, что есть один человек в Сорbonне, которому он хотел бы немедленно позвонить.

— Звоните! — приказал генерал.— А пока все свободны.

На следующее утро перед завтраком Хаделхерст позвонил в нашу дверь. Я вышел в коридор встретить его.

— Извините, что разбудил вас, сэр,— сказал он,— но вы были правы в отношении антитоксина.

— Да?

— Мне прислали из Парижа. Он должен прибыть сюда в любую минуту. Я надеюсь, что эффективность его не пропадет.

— А если пропала?

— У нас есть все, чтобы его изготовить. Нам все равно придется его делать, если мы решимся на этот дерзкий план. Нам нужны будут миллионы ампул.

— Спасибо, что сказали мне.— Я хотел было немедленно вернуться к себе, но он остановил меня.

— Вот что, мистер Нивенс. Это касается переносчиков... Да, переносчиков инфекции... Мы не можем воспользоваться ни крысами, ни мышами, ни кем другим подобным. Вам известно, как переносится лихорадка на Венере? С помощью небольшого летающего животного, венерианского эквивалента земного насекомого. У нас их нет, а это единственный способ распространения инфекции.

— Вы хотите сказать, что не могли бы передать ее мне, даже если бы попытались?

— Нет, мы могли бы сделать вам инъекцию. Но я не представляю себе миллион паразитов, выброшенных в Красную зону, которые просят покоренное паразитами население ничего не предпринимать, пока всем не произведут инъекцию.

Он беспомощно развел руками.

В моей голове завертелась какая-то смутная мысль. Миллионы людей... одним духом...

— Почему вы спрашиваете у меня? — спросил я.— Разве это не чисто медицинская проблема?

— Да, разумеется. Я просто подумал... Ну, у вас, кажется, есть особая способность улавливать... вы понимаете...— Он запнулся.

— Спасибо.

У меня в голове одновременно столкнулись две проблемы, и это вызвало закупорку хода мышления. Сколько людей живет в Красной зоне?

— Давайте подойдем к этой проблеме с такой стороны,— предложил я.— Предположим, что у вас лихорадка. Я могу заразиться ею от вас?

— Это сделать нелегко. Если я возьму мазок и помешу вам в горло, вы можете заразиться. Если бы я сделал переливание крови из моих вен в ваши, вы бы заразились гарантированно.

— Прямой контакт, да?

/Сколько людей мог бы обслужить один десантник-парашютист? Двадцать? Или больше?/

— Если дело именно так, то я не вижу здесь особых затруднений,— пожал я плечами.

— Что?

— Что самое первое делает слизняк, когда встречается с другим, которого давно не встречал?

— Совокупление?

— О, боже! Прямой контакт! По крайней мере, я так всегда называю это. Как вы считаете, инфекция в этом случае будет распространяться?

— Считаю? Да я уверен в этом! Мы доказали, прямо в стенах этой лаборатории, что при совокуплении имеет место обмен живых протеинов. Они не смогут избежать заражения. Мы в состоянии заразить всю колонию целиком, как будто она является единым целым. Почему мне это не пришло в голову?

— Не надо раньше времени кричать «ура»,— остановил я его.— Хотя что может помешать этому замыслу?

— Получится, получится непременно! — Он собрался уходить, но внезапно остановился.— О, мистер Нивенс, не будете ли вы возражать... Я знаю, что прошу у вас слишком много...

— О чём это вы? Говорите! — Мне не терпелось приняться за решение деталей.

— Вот что, вы разрешите мне доложить об этом методе переноса? Я отнесу это все на ваше имя, но генерал ждет, и это как раз то, чего мне так недоставало для своего доклада.— У него был такой озабоченный вид, что я едва не рассмеялся.

— Пожалуйста, ради бога,— сказал я.— Ведь это входит в круг ваших обязанностей.

— Как это скромно с вашей стороны, сэр. Я постараюсь отплатить услугой за услугу.— Он ушел счастливый. У меня тоже было прекрасное настроение. Мне начало нравиться ощущать себя «гением».

Я остановился, чтобы обдумать это, план гигантского десанта. Затем вошел внутрь комнаты. Мэри открыла глаза и одарила меня долгой лучезарной улыбкой. Я протянул руку и стал гладить ее волосы.

— Как дела, огневолосая? Тебе известно, что твой муж — гений?

— Да.

— Серьезно? Но ты никогда этого не говорила!

— Ты никогда не спрашивал меня об этом.

Хаделхерст ссыпался на это повсюду, как на «вектор Нивенса», подразумевая под этим термином способ переноса болезни. Затем меня попросили прокомментировать эту идею, хотя отец первым посмотрел в мою сторону.

— Я согласен с доктором Хаделхерстом,— начал я.— Нужно экспериментальное подтверждение. Он, однако, оставил для обсуждения аспекты, которые являются скорее тактическими, чем медицинскими. Очень важно составить правильный график засылки переносчиков заболевания в многочисленные центральные города Красной зоны.— Я подготовил свою вступительную речь, включая даже необходимые паузы, пока завтракал. Слава богу, Мэри не болтает за завтраком.— Если мы намерены спасти практические сто процентов населения Красной зоны, нам нужно, чтобы все паразиты заразились одновременно, и тогда спасатели войдут в зону, когда слизняки уже перестанут быть опасными. Но тут необходимо угадать момент, так как «хозяева» не должны достичь той стадии, когда антитоксин уже не сможет спасти их. Проблема поддается математическому анализу...— «Сэм, ты мальчишка,— сказал я себе, ты старый мошенник, ты не мог бы решить ее с помощью ЭВМ, пролив семь пудов пота и потратив двадцать лет».— Так что я предлагаю заняться этим нашему бюро анализа. Тем не менее позвольте мне вкратце обрисовать некоторые моменты. Обозначим количество первоначальных переносчиков символом « X », а количество спасателей — « Y ». Будет существовать бесконечно большое число эквивалентных решений, причем оптимальное решение будет зависеть от факторов, определяемых четкостью снабжения, быстротой перемещения и так далее. Говоря наперед о строгом математическом моделировании, проделанном мной,— для этого мне вполне хватило бухгалтерских счетов, но я об этом смолчал — и, обосновывая свое мнение собственным опытом общения с титанами и знанием их привычек, я бы оценил...

Если бы кто-нибудь среди этой обнаженной толпы имел булавку и уронил ее на пол, то было бы слышно, как она упала. Только один раз генерал перебил меня — когда я назвал весьма невысокую величину фактора « X ».

— Мистер Нивенс, заверяю вас, что в нашем распоряжении может быть любое число добровольцев в качестве переносчиков.

Я покачал головой.

— Вы не можете набрать добровольцев.

— Мне кажется, я понимаю ваши возражения. Нужно дать болезни время развиться в добровольце, и время должно быть выбрано очень точно, иначе его уже не спасти. Но я думаю, с этим мы можем справиться — например, поместить в ткани тела желатиновую капсулу с антитоксином или что-нибудь вроде этого. Я уверен, что ученые смогут решить эту задачу.

Я тоже считал, что эта задача разрешима, но моим настоящим возражением было глубоко укоренившееся отвращение к тому, чтобы любая человеческая душа была собственностью слизняка.

— Вы не должны пользоваться добровольцами-людьми, сэр. Слизняк узнает обо всем немедленно, не забывайте, что знает «хозяин» — знает и «наездник». Он просто не войдет в прямой контакт с другим, здоровым слизняком. Он его просто-напросто предупредит с помощью речевого аппарата «хозяина».

— Нет, сэр, мы должны воспользоваться животными: обезьянами, собаками, любыми, достаточно большими для того, чтобы нести на себе титана, но неспособными говорить, и в таких количествах, чтобы заразить целую группу прежде, чем какой-нибудь слизняк узнает о том, что животное больно.

Я быстро миновал последний этап операции «Стадия Милосердия», как она мне представлялась.

— Первый этап — «Стадия Лихорадка» — можно начать, как только у нас будет достаточно антитоксина для проведения второго этапа. Менее чем через неделю после этого на всем этом континенте не останется ни одного живого слизняка.

Мне никто не аплодировал, но я чувствовал, что все в душе мне устроили овацию. Генерал поспешил позвонить маршалу Рекстону, затем послал своего адъютанта ко мне с приглашением на обед. Я передал ему, что буду пользоваться этим предложением при условии, что оно относится и к моей жене.

Отец ждал меня за дверями комнаты, в которой проводилось совещание.

— Ну, как прошло мое выступление? — спросил я, стараясь говорить как можно более спокойно.

Он покачал головой.

— Сэм, ты ошеломил их. Думаю, что мог бы ставить на тебя двадцать к одному.

Я попытался не показать, насколько я был счастлив от этих слов. Я прошел через все это, ни разу не споткнувшись.

Я ощущал себя новым человеком.

Г л а в а 32

Отец вызвался добровольно стать нашим первым подопытным кроликом для проверки теории Нивенса-Хаделхерста, но я решительно воспротивился этому — я очень опасался комбинации «отец плюс слизняк». Я не хотел, чтобы он был на их стороне, даже в условиях лабораторного эксперимента. Только не его хитрый изворотливый ум! Людям, которые никогда не испытывали, что такое быть собственностью слизняка, непонятно, насколько «хозяин» становится нашим врагом, сохраняя нетронутыми свои способности.

Поэтому для экспериментов мы использовали обезьян. Под рукой у нас были обезьяны не только из Национального зоопарка, но и человекообразные обитатели еще из десяти цирков и зоосадов.

Нашему старому приятелю Дьяволу инъекция культуры девятидневной лихорадки была сделана в среду 12-го. В четверг он заболел. Рядом с ним поместили шимпанзе со слизняком. Титаны немедленно вступили в прямой контакт, после чего вторую обезьяну убрали.

В воскресенье 16-го повелитель Дьявола ссохся и отпал. Дьяволу был немедленно сделан укол антитоксина. Чуть позже, в понедельник, подох и второй слизняк, а его «хозяину» был сделан укол.

В среду 19-го Дьявол выздоровел, хотя и похудел немного. Вторая обезьяна — Лорд Фаунтлерой — стала чувствовать себя гораздо лучше. Чтобы отметить это радостное событие, я дал Дьяволу банан, и он откусил мне первый сустав указательного пальца. Это не было случайностью — у этого шимпанзе был крайне злой нрав.

Но небольшая рана совсем не огорчила меня. Перевязав палец, я отправился искать Мэри и, после того как мне не удалось ее разыскать, заглянул в столовую, желая разделить с кем-нибудь радость удачи.

В столовой никого не было, все трудились в лабораториях, готовясь к «Стадии Лихорадка» и «Стадии Милосердие». По приказу президента все подготовительные рабо-

ты проводились в этой лаборатории в Скалистых Горах. Здесь было около двухсот обезьян, отобранных в качестве переносчиков. Здесь готовили культуру лихорадки и анти毒素, в подземной конюшне содержались лошади, у которых брали сыворотку.

Миллион с лишним людей, необходимых для осуществления «Стадии Милосердие», здесь нельзя было разместить, но они ничего не знали об этом. Их поднимут по тревоге перед самым десантом, вручив при этом каждому ручной лучемет и сумку с набором шприцев и антитоксином. Тех, кто еще ни разу не прыгал с парашютом, должны были вытолкнуть в случае надобности сержанты с крепкими ногами. Все делалось в обстановке максимальной секретности. Насколько я понимал, мы могли потерпеть поражение только в том случае, если кому-нибудь из титанов станут известны наши планы, раскрытые каким-нибудь ренегатом, или как-нибудь иначе. Слишком многие проекты терпели крах только потому, что какой-нибудь дурак делился секретом со своей женой.

Если нам не удастся сохранить в тайне свои приготовления, то наших обезьян-переносчиков будут убивать, едва завидя на территории, контролируемой титанами. Тем не менее я позволил себе расслабиться с рюмкой в руке, довольный и уверенный в том, что наш секрет не будет известен врагу. Всякое передвижение было отменено, вплоть до дня десанта, а всякие сношения лаборатории с внешним миром подвергались тщательной проверке и ограничениям со стороны полковника Келли.

Шансы на то, что информация просочится наружу, были ничтожны. Генерал, полковник Джибси, отец и я отправились в Белый дом раньше на неделю. Там отец напустил столько единственного тумана, настолько всех извел своими придираками, что даже государственный секретарь Мартинец остался во тьме неведения. Если президенту и Рекстону удалось бы удержать язык за зубами во сне еще одну неделю, то я не видел, каким образом мы могли бы потерпеть поражение на этот раз.

Неделя — срок достаточно большой. За это время Красная зона расширилась еще больше. После побоища у Пасс-Кристиана слизняки организовали наступление и теперь удерживали больше половины побережья Мексиканского залива. Имелись признаки того, что их активность не ослабевала, однако серьезных успехов у них пока что не было. По-видимому, они начинали уставать от нашего со-

противления и могли решиться на то, чтобы пожертвовать живым сырьем и подвергнуть атомной бомбардировке те города, которые мы еще удерживали. Если это так, ну что ж, радары своевременно оповестят силы нашей противовоздушной обороны, хотя и не остановят нападения.

Но я гнал от себя прочь тревожные мысли.

Еще одна неделя и...

А там мы посмотрим!

Вошел полковник Келли и сел рядом со мной.

— Как насчет того, чтобы выпить? — предложил я.— У меня праздничное настроение.

Он пощупал выступающий живот и сказал:

— Мне кажется, от одной кружки пива я не потолстею.

— От двух тоже. Даже от дюжины.

Я заказал ему пиво и рассказал об успешном результате опытов над обезьянами.

— Да, я слышал, — кивнул он. — Звучит неплохо.

— Неплохо — это не то слово! Полковник, мы на финишной прямой. Осталось сделать несколько шагов. Через неделю мы сможем праздновать победу!

— Ну и что?

— Как, ну и что? — выпалил я раздраженно. — Ведь тогда вы снова сможете вести нормальный образ жизни, сняв этот мундир военного. Или вы считаете, что у нас ничего не получится?

— Думаю, что получится.

— Почему же такое траурное самочувствие?

— Мистер Нивенс, — сказал он. — Неужели вы считаете, что человеку с таким брюхом, как у меня, нравится ходить нагишом?

— Думаю, что нет. Что касается меня, то я с ужасом думаю, что придется вернуться к старому. Нынешняя мода сберегает время и гораздо удобнее.

— Можете не беспокоиться. Эта мода надолго.

— Что? Я вас не понял. Вы сказали, что у нас все должно получиться, а теперь вот говорите, что режим «Загорайтесь» будет продолжаться вечно.

— В видоизмененной форме, но будет.

— Простите. Я что-то сегодня плохо соображаю.

Он заказал еще одно пиво.

— Мистер Нивенс, я никогда не ожидал, что воинская часть может превратиться в стойбище загорелых nudistов. Теперь же я не ожидаю, что все вернется к старому —

так как такое невозможнo! Ящик Пандоры открывается только в одну сторону.

— Это понятно,— согласился я.— Все никогда не становится точно таким же, каким было раньше. Но вы, по моему, преувеличиваете. В тот день, когда президент изменит режим «Загорайтс!», викторианские законы вновь обретут силу и человек без штанов будет подлежать аресту.

— Надеюсь, что это не произойдет.

— Нет? Пошевелите мозгами, полковник.

— Я для этого и поставлен здесь. Мистер Нивенс, пока существует возможность того, что на свете живет хоть один живой слизняк, воспитанному человеку придется оголять свое тело, дабы не подвергать себя риску быть застреленным. Не только через неделю или две, но и через двадцать лет и даже через столетия! Нет! — продолжал он.— Я вовсе не хочу пренебрежительно отзываться о ваших планах, мистер Нивенс, но вы были слишком заняты, чтобы заметить, что они носят сугубо местный, временный характер. Например, у вас есть что-нибудь на уме о том, как прочесать джунгли бассейна Амазонки, прочесать дерево за деревом? Есть?

— Видите ли...— начал я.

Но он тут же перебил меня:

— Это был чисто риторический вопрос, мистер Нивенс. И таких вопросов можно набрать кучу. Земной шар имеет площадь суши более шестидесяти миллионов квадратных километров. Нам не прочесать его весь в поисках каждого слизняка. Черт побери, друг мой, мы до сих пор не покончили с крысами, а сколько лет мы уже этим занимаемся?

— Вы пытаетесь сейчас доказать мне, что положение безнадежно?

— Как? Безнадежно? Вовсе нет! Выпьем еще. Я пытаюсь доказать, что нам нужно учиться жить с этим ужасом, подобному тому как нам пришлось научиться уживаться с атомной бомбой.

Глава 33

Нас отбирали в той же комнате Белого дома. Это напоминало вечер после выступления президента много недель назад. Здесь были отец и Мэри, Рекстон и Мартинец, а также наш генерал, руководитель лаборатории, доктор Хаделхерст и полковник Джибси. Все мы

смотрели на огромную карту, смонтированную на одной из стен. Прошло уже четыре с половиной дня с начала операции «Лихорадка», однако долина Миссисипи все еще высвечивалась рубиновыми огоньками.

Я изрядно нервничал, даже несмотря на то, что операция началась весьма успешно и мы потеряли только три вертолета. В соответствии с расчетами, каждый слизняк в пределах достижения прямого контакта должен был заразиться три дня тому назад, причем количество переносчиков было выбрано с таким расчетом и запасом, что 23% их должны были заразиться дважды. Операция была подготовлена с таким расчетом, чтобы охватить более восьмидесяти процентов населения в первые двенадцать часов, большей частью в городах.

Если наши расчеты окажутся верными, то совсем скоро слизняки начнут дохнуть как мухи.

Я старался поменьше ерзать на стуле, думая о том, что все-таки обозначают эти рубиновые огоньки — несколько миллионов очень больных слизняков или просто две сотни мертвых обезьян. Началось ли массовое истребление титанов? А может быть, в наших расчетах имеется колossalная ошибка и мы кое-чего не учли?

Неожиданно загорелся зеленый огонек. Все повскакали со своих мест. Из репродуктора стереовизора раздался голос, хотя изображение еще не передавалось.

— Работает станция Дикси в Литтл-Роке,— произнес очень усталый голос с южным акцентом.— Нам немедленно нужна помощь. Каждый, кто нас услышит, пусть немедленно передаст следующее: Литтл-Рок в штате Арканзас охвачен ужасной эпидемией. Поставьте в известность Красный Крест. Мы находимся в руках...— Голос угас, то ли от слабости владельца этого голоса, то ли от затухания радиоволн.

Я перевел дыхание. Мэри погладила меня по руке, и я откинулся назад в кресле, стараясь расслабиться. Радость, охватившая меня, была столь велика, что мне стало как-то не по себе. Теперь я увидел, что зеленый свет исходит не только из Литтл-Рока, но и из какого-то городка гораздо западнее, городка в штате Оклахома. Внезапно загорелись еще сразу два огонька — один в Небраске, другой возле самой границы с Канадой. К ним тут же присоединился еще один голос, на этот раз с гнусавым акцентом уроженца Новой Англии. Я задумался над тем, каким образом он угодил в Красную зону.

— Немного напоминает ночь после выборов, не так ли, шеф? — шутливым тоном спросил Мартинец.

— Похоже, — согласился президент, — только вот обычно мы не ждем сообщений из Мексики. — Он указал на карту. — Зеленым светом загорелся мексиканский город Чиауа.

— Черт побери, вы правы. Что ж, теперь государственному департаменту придется улаживать пограничные конфликты.

Президент ничего не ответил, и, к моему облегчению, Мартинец замолчал. Президент, казалось, разговаривал сам с собой. Заметив мой взгляд, он улыбнулся и вслух процитировал Свифта:

«У больших вшей есть маленькие на спине, которые их кусают, а в свою очередь у маленьких есть еще меньшие вши, и так до бесконечности...»

Я вежливо улыбнулся, хотя при данных обстоятельствах эти слова показались мне не совсем уместными. Президент обвел взглядом собравшихся.

— Не угодно ли, господа, кому-нибудь поужинать? Я что-то проголодался, впервые за все эти дни.

К исходу следующего дня на карте зеленых огоньков было гораздо больше, чем красных. Рекстон велел установить два информационных табло, подключенные к вычислительному центру Нью-Пентагона. На одном отображался процент освобожденных от слизняков территорий, на другом — предполагаемое время спасательного десанта, время, которое обеспечивало бы максимальную эффективность спасательной операции. Время от времени эти цифры менялись. В течение последующих двух часов время десанта зависло в районе семнадцати часов сорока трех минут по времени Восточного побережья.

Рекстон поднялся.

— Я намерен начать на 17.45, господа, — провозгласил он. — Разрешите, господин президент?

— Безусловно, сэр.

Рекстон обернулся к нам с отцом.

— Если вы, Дон Кихоты, не изменили своего решения отправиться туда, сейчас самое время.

Я встал.

— Мэри, жди меня.

— Где? — спросила она. Мы заранее договорились, причем нессорясь, что она не будет участвовать в десанте.

— Я хочу предложить миссис Нивенс,— вмешался президент,— остаться здесь. Как никак, она член семьи.

— Благодарю вас, сэр,— усмехнулся я.

У полковника Джибси вытянулось лицо.

Г л а в а 34

Двумя часами позже цель была под нами, и дверь вертолета открылась. Отец и я прыгнули последними, после тех ребят, которые на самом деле принимались за работу. У меня взмокли ладони, похоже, что я впервые в жизни узнал, что такое страх. Надо вам сказать, что я всегда чертовски не любил прыжки с парашютом, а тут еще...

Г л а в а 35

Держа лучемет в левой руке, а в правой шприц с антитоксином, я переходил из квартиры в квартиру в выделенном мне квартале. Я находился в районе трущоб. Эти многоквартирные дома были построены более пятидесяти лет тому назад. Я уже сделал более двух десятков инъекций, и должен был сделать еще вдвое больше, после чего мне следовало направиться в ратушу для встречи с другими участниками спасательной операции.

Постепенно моя работа начала мне надоедать.

Я знал, почему я вызвался — это было не просто любопытство. Я хотел видеть, как они дохнут! Я хотел наблюдать за процессом их гибели, видеть их мертвыми, упиваясь ненавистью, переполнявшей все мое естество. Но теперь я пресытился зрелищем дохлых слизняков, и оно мне опротивело. Мне захотелось домой, принять ванну и забыть обо всем на свете в обществе Мэри...

Не то чтобы работа была тяжелой. Нет. Она была просто однообразной и вызывала отвращение своей монотонностью. Пока что мне не попался ни один живой слизняк, хотя мертвых я насмотрелся вдоволь. Я сжег одну бродячую собаку, на которой, как мне показалось, был горб — на все сто процентов я не был уверен, что это слизняк, так как освещение было плохим. Мы начали недолго до захода солнца, а теперь было уже почти темно.

Я закончил проверку многоквартирного дома, в котором находился, на всякий случай громко крикнул и вышел на улицу. На ней почти никого не было. Так как все населе-

ние было поражено лихорадкой, на улицах нам почти никто не попадался. Единственным исключением был какой-то мужчина, который бежал ко мне, размахивая руками. Глаза его были пусты.

— Эй! — завопил я.

Он остановился.

— У меня есть то, от чего вам сразу станет легче, сэр. Поднимите, пожалуйста, руки.

Он как-то вяло бросился на меня. Я осторожно ударили его, и он упал лицом вниз. На его спине была красная отметина слизняка. Я выбрал не очень грязное место в районе почки и воткнул шприц, наклонив его, чтобы сломать иглу, после того как она оказалась внутри тела. В пластиковой игле был антитоксин, и она очень быстро растворялась. Больше ничего мне не требовалось делать.

На первом этаже следующего дома было семеро людей, большинство из которых было настолько больны, что я даже не стал с ними разговаривать, а просто сделал им положенные уколы и поспешил дальше. Никаких трудностей здесь не было. Второй этаж был таким же, как первый.

Три квартиры верхнего этажа оказались пустыми, чтобы войти в одну из них мне пришлось расплавить замок. Четвертая, если так можно сказать, была занята. На полу кухни лежала женщина с разбитой головой. Ее слизняк был все еще у нее на спине, но он просто находился там, поскольку был мертв. Я быстро оставил их и осмотрелся.

В ванной комнате в старомодной ванне сидел мужчина средних лет. Голова его свесилась на грудь, артерии на запястьях были вскрыты. Я подумал, что он мертв, но тут мужчина поднял голову.

— Вы пришли слишком поздно,— сказал он печально.— Я убил свою жену.

«Или слишком рано»,— подумал я. Судя по виду дна ванны и по цвету его ставшего землистым лица, было бы лучше оказаться здесь пятью минутами позже. Я посмотрел на него, соображая, стоит ли тратить на него антитоксин.

Он снова заговорил:

— Моя маленькая крошка...

— У вас есть дочь? — громко спросил я.— Где она?

Глаза его вспыхнули, но заговорить ему не удалось. Голова его снова плюхнулась на грудь. Я закричал ему в ухо, затем положил палец на шею, но пульса не почувствовал.

Ребенок лежал в кроватке в одной из комнат, девочка лет восьми, которая была бы очень милой, если бы была здоровой. Она приподнялась, заплакала и назвала меня папой.

— Да, да,— отозвался я, пытаясь утешить ее.— Папа сейчас сделает тебе укол.

Я сделал ей укол в ногу. Думаю, что она даже не почувствовала его.

Я повернулся, чтобы уйти, но она снова позвала меня:

— Мне пить хочется. Дай воды.

Мне снова пришлось вернуться в ванную.

Как только я принес ей воду, заверещал мой микротелефон.

— Сынок, ты меня слышишь?

Я щелкнул переключателем микрофона на портупее.

— Слышу. Что случилось?

— Я в небольшом парке чуть к северу от тебя. Мне плохо!

— Иду! — Я поставил стакан и бросился к выходу, однако тут же застыл в нерешительности. Я не мог допустить, чтобы этот ребенок, проснувшись, увидел в каждой комнате по мертвецу. Я подхватил ее на руки и перенес на второй этаж, вошел в первую попавшуюся комнату и положил на диван. Рядом с ней находились другие люди, но они были слишком больны, чтобы ухаживать за ней. Но это было все, что я мог для нее сделать.

— Быстрее, сынок!

— Иду, иду! — Я выскочил на улицу и во весь дух помчался на север, на участок отца. Я пробежал весь квартал и сначала не заметил его.

— Сюда, сынок, здесь, в машине! — На этот раз, чтобы услышать его, мне не нужен был телефон: голос прозвучал совсем рядом. Я повернулся и заметил машину, кадиллак-вездеход, вроде тех, которыми часто пользовались в Отделе. Кто-то был внутри него, но в темноте было трудно что-нибудь разобрать. Я осторожно подошел к машине и услышал:

— Слава богу! Я думал, что ты уже никогда не придешь! — Я понял, что это отец.

Пригнувшись, я нырнул в открытую дверь машины. И именно в этот момент он и прихватил меня.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что у меня связаны руки и ноги. Я находился на сиденье второго

водителя. Сиденье первого занимал Старики. Рулевое колесо с моей стороны было отодвинуто в сторону. Поняв, что машина находится в воздухе, я полностью очнулся.

Он повернулся по мне и весело спросил:

— Ну как, лучше?

Мне был виден его слизняк, восседающий на плечах.

— Немного лучше,— признался я.

— Извини, что пришлось тебя ударить,— продолжал он,— но другого способа не было.

— Похоже, что не было.

— Мне придется пока что оставить тебя связанным. Чуть позже мы сможем устроиться получше.— Он ухмыльнулся своей старой гнусной улыбкой. Самым удивительным было то, что его собственная натура выпирала с каждым словом, произнесенным слизняком.

Я не спросил, что он подразумевает под словами «устроиться получше». Я не хотел об этом думать. Я сосредоточился на проверке крепости своих уз, но Старики уделил им максимум своего внимания.

— Куда мы летим? — спросил я.

— На юг.— Он стал возиться с органами управления.— Как можно дальше на юг. Дай мне время посадить эту груду металлома в приличную канаву, и я обязательно объясню, что у нас приготовлено на случай крайней необходимости.— Он несколько секунд занимался органами управления, затем произнес: — Вот так, сынок, теперь можно подождать, пока машина не достигнет десяти тысяч метров.

Упоминание о такой огромной высоте заставило меня взглянуть на пульт управления. Этот «комби» был не только похож на одну из машин нашего управления — это была на самом деле одна из наших машин повышенной мощности.

— Где ты раздобыл эту машину? — не удержался я.

— Она была припрятана в одном из укромных мест в Джейферсон-Сити. Я проверил тайник и убедился в том, что она на месте. Повезло, ты не находишь?

У меня было другое мнение на сей счет, но я не стал спорить. Я все еще продолжал перебирать в уме возможности и вскоре пришел к выводу, что мое положение было практически безнадежным. Лучемет мой исчез. Свой лучемет Старики, по-видимому, передвинул на дальний от меня бок — его не было видно.

— Но самое крупное везение вовсе не в этом,— продолжал он.— Мне посчастливилось оказаться пойманым,

по всей вероятности, единственным здоровым правителем во всем Джефферсон-Сити. Так что в конце концов победа будет за нами.— Он злорадно рассмеялся.— Это напоминает игру за обе партии в очень трудной шахматной партии.

— Ты не сказал мне, куда мы направляемся,— упорствовал я. Машина несла нас на огромной скорости в неизвестном направлении, и единственное, что я мог предпринять, это говорить.

Старик задумался.

— Прежде всего, это за пределы Соединенных Штатов. Мой повелитель, возможно, единственный на всем континенте, не подцепивший девятидневную лихорадку, и я не смею рисковать. Я полагаю, что полуостров Юкатан вполне нас устроит — вот куда я направляю нашу машину. Мы переждем там некоторое время и заодно увеличим число нас, после чего двинем дальше на юг. Когда мы вернемся назад — а мы непременно вернемся назад — мы не повторим прежней ошибки.

— Папа, ты бы лучше снял с меня эти путы,— сказал я.— У меня начинают неметь мышцы. Ты же знаешь, что можешь мне довериться.

— Подожди немного, сынок. Всему свое время. Подожди, пока я не включу автопилот.

Машина продолжала набирать высоту. Хотя она и была повышенной мощности, десять тысяч метров слишком большая высота для аппарата, первоначальное назначение которого было обслуживать небольшие семьи.

— Ты, кажется, позабыл, что я долгое время был заодно с повелителями. Я знаю, что это такое,— и я даю тебе свое честное слово.

Он ухмыльнулся.

— Яйца учат курицу. Если я развязжу тебя, ты меня убьешь, или я буду вынужден убить тебя. А ты мне нужен живой. Мы вместе сможем многое сделать, мы не обижены ни умом, ни ловкостью.

Я ничего не ответил. Он продолжал:

— Ты вот только что сказал, что ты знаешь, что это такое. Почему ты не рассказывал мне об этом раньше, сынок? Почему ты утаил это от меня?

— Что?

— Ты не рассказал мне, какие чувства испытываешь при этом. Мне даже в голову не приходило, что можно испытывать такую умиротворенность, такое чувство

удовлетворения и благополучия. Многие годы я не испытывал такого счастья, с той далекой поры... — Он несколько смутился, затем продолжал: — Когда умерла твоя мать... Да что там говорить, какое счастье мне привалило. Ты должен был рассказать мне об этом.

Охватившее меня чувство отвращения выплеснулось наружу. Я забыл обо всем на свете, забыл о той осторожной игре, которую мне надо было вести.

— Возможно, мне все это представилось иначе, — выкрикнул я. — Да и у тебя, старый ты дурак, было бы совсем другое мнение, если бы тебя не взнудил слизняк, говоря с помощью твоего рта, думая твоим мозгом!

— Успокойся, сынок, — сказал он нежно, и звук его голоса действительно утешающее подействовал на меня. — Скоро и ты испытаешь это счастье. Поверь мне, именно в этом и заключается наша цель. Это наша судьба. Раньше человечество было разъединенным, оно вело непрерывные войны. Повелители сделают его единым целым.

Я подумал о том, что, вероятно, есть такие глупцы, готовые клюнуть на эту приманку — добровольно отдать свои души в обмен на обещание мира и благополучия. Но я таковым не был.

— Тебе не придется больше ждать, — неожиданно произнес он, взглянув на пульт управления. — Мы перешли на автоматический режим. Следующая остановка — Юкатан. А теперь за работу.

Он поднялся со своего кресла и стал на колени рядом со мной.

— На всякий случай, — сказал он, цепляя пояс безопасности на мое туловище.

Я ударил его коленями в лицо.

Он отпрянул назад, но гнева на его лице не было.

— Гадкий, гадкий шалунишка. Я мог бы обидеться на тебя, но повелители выше личных обид. — Он проверил, насколько крепко связаны мои руки и ноги. Из носа его шла кровь, но он даже не удосужился ее вытереть. — Сейчас, сейчас, сынок. Подожди, дорогой, осталось совсем немного. Он вернулся к своему креслу, сел и наклонился вперед, облокотившись о колени. В этой позе его повелитель был очень хорошо виден.

Следующие несколько минут ничего не происходило, мои мысли были заняты только тем, как бы освободиться от пут, напрягая мышцы всего тела. У Старика был такой вид, будто он уснул, но я опасался доверять этой мысли.

Прямо посередине бугорчатой оболочки слизняка внезапно образовалась линия. Она стала расширяться прямо у меня на глазах, и вскоре я уже мог видеть муторномолочный ужас под ней. Пространство между двумя половинками оболочки расширилось, и я понял, что слизняк находится в процессе деления, высасывая соки из тела моего отца, чтобы из одного сделаться двумя.

Я также с ужасом понял, что свободной жизни у меня осталось не более пяти минут. У меня на глазах рождался мой новый повелитель, и вскоре он будет готов вскарабкаться на меня.

Если бы хоть малейшая возможность была с помощью мускулов и костей порвать мои узы, я бы непременно порвал их. Но мне это сделать не удалось. Старик не обращал внимания на мою борьбу. Сомневаюсь, находится ли он в сознании вообще. Слизняки, должно быть, безусловно принимали определенные меры, чтобы беспрепятственно заниматься процессом деления. По-видимому, в этом случае они просто лишали свою жертву возможности двигаться. Так или иначе, но Старик не шевелился.

Через некоторое время мне пришлось сдаться, я устал и окончательно понял, что мне не высвободиться. Серебристая линия, проходящая через центр слизняка, окончательно сформировалась, что говорило о том, что процесс деления вот-вот завершится. Именно это резко изменило весь ход моих мыслей.

Руки мои были связаны позади спины, лодыжки были связаны между собой, туловище было прижато к сиденью ремнем безопасности. Но мои ноги, хотя и были внизу связаны, были свободны до самого верха. Я съехал немного вниз по сиденью, чтобы увеличить досягаемость, и резко задрал их как можно выше. Затем я изо всех сил ударил ими по пульту управления — двигатели обезумели, машина, потеряв управление, стала дыбом.

Ускорение прижало меня к сиденью. Отцу досталось гораздо больше, чем мне, поскольку я был привязан. Его буквально швырнуло на спинку кресла, и его слизняк, голый и беспомощный, был раздавлен между двумя массами.

Плоть его брызнула во все стороны.

Отца охватила эта ужасная, чисто рефлекторная судорога, которую мне уже доводилось видеть. В агонии он ударился о штурвал, лицо его перекосилось, пальцы выкрутись в суставах.

Машина резко нырнула вниз. Сверху на меня навалилось сиденье. Я беспомощно наблюдал за этим, свисая с си-

денья на пристегнутом ремне. Если бы тело отца не оказалось прижатым к находившемуся теперь подо мной пульту управления, я, наверное, еще мог бы что-нибудь сделать — но хотя бы выровнять машину — своими связанными ногами. Я попытался все-таки сделать это, но, к сожалению, у меня ничего не получилось. К тому же, возможно, была не только сбита настройка, но и повреждены некоторые органы управления.

Альтиметр безжизненно щелкал. Пока я сумел повернуться так, чтобы он попал в поле зрения, мы уже опустились до высоты четыре тысячи метров. Затем три... две... еще секунда, и пошел последний километр.

В этот момент радиолокатор автоматически включил носовые ракеты, замедляя падение. Я уже подумал, что мы спасены, что машина приземлится благополучно, но резкий удар лишил меня сознания. Последнее, что я увидел, это прижатое к штурвалу тело отца.

В сознание меня вернуло монотонное покачивание корпуса. Оно страшно досаждало мне, я хотел, чтобы оно как можно быстрее прекратилось. Малейшее движение вызывало такую боль, что я едва был в состоянии ее переносить. С большим трудом мне удалось открыть один глаз — другой открыть было просто невозможно. Я стал тупо искать источник досаждавшего мне покачивания.

Надо мной был пол машины, но я долго смотрел на него, прежде чем понял, что это такое. К этому времени я в какой-то степени осознал, где нахожусь и что случилось. Я вспомнил про длительное падение и удар — и понял, что мы, должно быть, ударились не о землю, а врезались в воду, скорее всего, Мексиканского залива.

Внезапно вспыхнувшая печаль охватила меня, когда я понял, что отца уже нет в живых.

Порванный при приводнении привязной ремень хлопал под моим носом. Руки и ноги оставались у меня связанными. И похоже, что одна рука была сломана. Один глаз никак не хотел открываться, мне было также очень тяжело дышать. Непрекращающаяся острые боль заставила меня прекратить инвентаризацию моих повреждений. Тело отца больше не было прижато к штурвалу, и это меня смущило. Превозмогая боль, я повернул голову, чтобы осмотреть внутренность кабины своим одним глазом. Отец лежал неподалеку от меня, его голова находилась лишь в метре от моей. Он был покрыт кровью и не шевелился. Я был уверен в том, что он мертв. Как мне кажется, на то, чтобы пересечь этот роковой метр

/и добраться до него/ у меня ушло не менее получаса.

Я лежал лицом к лицу с ним, почти щека к щеке. Он не показывал никаких признаков жизни. Страшная и неуклюжая его поза говорила, что вряд ли он вышел из этой круговорти живым.

— Папа,— прохрипел я.— Папа! — Из моей груди вырвался ужасный крик.

Глаза его дернулись, но не открылись.

— Привет, сынок,— прошептал он.— Спасибо, мой мальчик, спасибо...— голос его угас.

Мне хотелось трясти его, но все, что я мог сделать, это крикнуть:

— Папа! Очнись! Ты жив?

Он заговорил снова, но слова давались ему с огромными мучениями:

— Твоя мать... велела сказать тебе... что она гордилась бы тобой.— Голос его снова затих, и дыхание перешло в зловещий сухой хрип.

— Отец! — Я не в силах был сдержать рыдания.— Не умирай, ну, пожалуйста! Я не смогу жить без тебя!

Его глаза широко раскрылись.

— Сможешь, сынок, сможешь.— Он замолчал, будто набираясь сил, затем прошептал: — Мне больно, мой мальчик. Страшно больно.

Глаза его снова закрылись. Больше мне ничего не удалось вытянуть из него, хотя я кричал и плакал. Затем я положил свою голову рядом с его, лицом к лицу, и слезы мои смешались с грязью и кровью.

Глава 36

И вот теперь нам предстояло очистить Титан!

Мы, которые туда отправляемся, пишем все такие послания. Если мы не вернемся, это наше наследство для того, чтобы освободить человеческие существа, все, что нам известно об образе действий паразитов — титанов и какие меры безопасности нужно предпринимать. Ибо Келли оказался прав — человечество должно позабыть, что такое покой. Несмотря на успех операции «Милосердие» нет никакой уверенности в том, что уничтожены все слизняки до единого. Только на прошлой неделе на Аляске застрелили медведя, на спине которого был паразит.

Человечество теперь всегда должно быть на страже, особенно лет через двадцать пять, если мы не вернемся, а летающие блюдца снова появятся в небе Земли. Мы

не знаем, почему чудовища с Титана следуют двадцати-девятилетнему периоду обращения Сатурна вокруг Солнца. Причина может быть весьма простой — у нас самих есть множество циклов, длительность которых соответствует земному году. Мы надеемся, что они активны только в один из периодов их года. Если это так, то операция «Возмездие» может стать совсем несложным делом. Не скажу, однако, что мы на это рассчитываем. Я принимаю участие в этой экспедиции, да поможет нам небо, в качестве «психолога» внеземных существ, но я также и боец-десантник, так же как и каждый из нас, начиная от священника и кончая поваром. Мы настроены очень решительно и намерены показать слизнякам, что они совершили ошибку, самую смертельную и опасную, напав на самую злобную, самую смертельно опасную, а также и самую талантливую форму жизни в этом районе космоса, посягнув на независимость существ, которых можно убить, но нельзя приручить.

/Лично я надеюсь на то, что нам удастся найти какой-нибудь способ спасти маленькие эльфоподобные существа. Я думаю, что мы могли бы наладить с ними неплохой контакт./

Независимо от того, чем увенчается наша экспедиция, репутация человеческой расы как самой свирепой, и без того вполне заслуженной, еще больше укрепится. Цена свободы — это готовность к неожиданным сражениям, повсюду, в любое время, при любых обстоятельствах, готовность сражаться безрассудно и беспощадно, сражаться не на жизнь, а на смерть, не жалея при этом ни других, ни тем более себя.

Если мы не усвоим этот урок, преподанный слизняками, то что ж, пусть нас постигнет участь динозавров! Мы должны будем исчезнуть с лица Земли.

Потому что кто знает, какие еще гнусные выходки уготованы нам со стороны равнодушной Вселенной? Может быть, слизняки — это открытые, добродушные, наивные существа /ведь они так желали счастья своим скаковым лошадкам/ по сравнению, ну скажем, с обитателями планет Сириуса. Если это только увертюра к грядущим событиям, то нам следует хорошо усвоить ее уроки, чтобы быть готовыми к главным сражениям. Мы полагали, что космос пуст и мы автоматически являемся хозяевами положения. Даже после того, как мы «покорили» Солнечную систему, мы продолжали так считать, ибо Марс уже был мертвой планетой, а Венера, по сути, еще не вышла на старт. Что ж, если человек хочет и

дальше быть вершителем судеб или хотя бы уважаемым соседом, ему нужно сражаться за это.

Каждый из нас, кто отправляется, хоть один раз был невольником слизняков. Только те, кому довелось быть под ярмом, в состоянии понять, насколько слизняки коварны, как нужно быть постоянно начеку или как глубоко нужно ненавидеть. Полет, как нам сказали, продлится около двенадцати лет, а это нам с Мэри даст возможность завершить свой медовый месяц. Да, забыл сказать — Мэри тоже отправляется вместе с нами. Большинство участников экспедиции составляют женатые пары. А количество холостяков строго соответствует числу незамужних женщин. Двенадцать лет — не просто путешествие, это образ жизни.

Когда я сообщил Мэри, что мы отправляемся к спутникам Сатурна, единственное, что она сказала, было:

— Хорошо, дорогой.

У нас будет время обзавестись двумя-тремя детьми. Как говорит отец: «Род человеческий должен продолжаться, даже если не знает, куда идет».

Это описание произошедших событий сделано наспех и не отредактировано. Но я постарался включить в него все, что мог, все, что я видел и испытал. Война с иной расой — прежде всего война психологическая, а не война машин, и то, что я думал и чувствовал, может быть гораздо важнее, чем то, что я делал.

Я заканчиваю эти записки на космической станции «Бета», откуда нас перебросят на борт космического корабля Объединенных Наций «Мститель». У меня нет времени что-либо переделывать или исправлять в этих моих записках. Пусть все написанное мною останется таким, как оно есть, даже если это и вызовет улыбку у будущих историков. Вчера вечером мы попрощались с отцом на космодроме «Пайкс-Порт». На наше «Прощай» он ответил: «До скорого. Вы вернетесь, я буду ждать, с каждым годом становясь все более злым и чудаковатым стариком».

Я сказал, что мы надеемся вернуться. Он кивнул:

— Вы сумеете это сделать. Вы слишком стойкие и целеустремленные, чтобы погибнуть. Я совершенно уверен в тебе, мой мальчик. В тебе и в таких, как ты, сынок.

Вот-вот мы пересядем в ракету, которая перебросит нас на космический корабль. У меня приподнятое настроение. Повелители марионеток, свободные люди идут на нас походом!

Смерть и разрушение!

ЭНДРЮ НОРТОН

ЛУНА

ТРЕХ КОЛЕЦ

Пролог

«Я кружусь от мира к миру, потому что это моя жизнь, для которой я рожден и воспитан. Ничего другого я не знаю».

Этот жизненный путь привел Крипа Ворланда, Свободного Торговца, на планету Иниктор во время Луны Трех Колец. Три Кольца означают власть, и те немногие на Иникторе, кто обладал ею, обладали возможностью уничтожить человеческую жизнь или ввергнуть ее в небытие.

Майлин, дрессировщица животных-оборотней, обладала этой властью. Она пожелала, чтобы Крип оставил свое тело, которое найдут и отнесут в Долину Забвения те, кто преследовал его из ненависти к космической расе. С помощью магии Майлин пересадила внутреннюю сущность Крипа в тело одного из своих животных.

Оказавшись в облике хищного зверя, Крип был терроризирован страхом перед властью, о которой раньше не имел никакого представления. Хотя его внешность изменилась, душа осталась прежней.

Дать знать о себе тем, кто находился вне области Луны Трех Колец, было невозможно. Сможет ли он, хищник, найти свое тело и вернуться в естественный вид, пока не поздно?

Глава 1. Крип Ворланд

Что такое космос? Это пустыня, познать которую не дано человеку, даже если он обладает сотнями, тысячами жизней, чтобы провести дороги между солнечными системами и планетами, чтобы расспрашивать, чтобы пытаться узнать, что находится за следующим солнцем, за следующей системой.

Такие искатели знают, что не должно быть пределов человеческой веры, точнее, веры в чудесное, которая отсутствует у тех, кто следует проторенными дорогами, не

принимает ничего, отказывается верить собственным чувствам.

Те, кто осмеливается проникнуть в неизвестное,— первые разведчики пространства, исследователи и в не меньшей степени Свободные Торговцы, вырывающиеся за пределы Галактики — привыкают к тому, что то, что было легендой и фантазией, является мрачной действительностью на другой планете. Каждое посещение новой планеты приносит свои тайны и открытия.

Быть может, это вступление слишком псевдофилософское, но я не знаю, как начинать иначе, потому что раньше я рассказывал обо всем этом только в той мере, в какой это требовалось для отчетов в Лигу Свободных Торговцев. Когда человек собирается описывать невозможное, ему трудно начать.

Перворазведчики во время своих бесконечных путешествий по мирам и системам сообщают в Управление много странного и необычного. Но даже планеты, ставшие благодаря их работе доступными людям, могут хранить свои тайны и после того, как их признают удобными стоянками для кораблей или даже пригодными для новых поселений.

Свободные Торговцы, целиком зависящие от внешней торговли и не получающие для поддержки жирные кусочки, которые дают своим монополиям Объединения Планет системы, то и дело сталкиваются с явлениями, неизвестными даже в Управлении. Так случилось и на Икторе во время Луны Трех Колец. И кто сможет рассказать об этом лучше меня, с которым все это приключилось, хотя я был всего лишь помощником суперкарго на «Лидисе», к тому же последним в списке команды этого корабля.

За годы своего существования благодаря своему образу жизни Свободные Торговцы стали почти отдельным племенем Галактики. У них нет дома, у их кораблей нет постоянного порта приписки, они всегда скитаются. Поэтому для нас корабль — единственная наша планета, и вне его мы все выглядим иностранцами. Но это не означает, что мы неприязненно относимся ко всему иностранному, чужому, тяга к исследованию и восприятию окружающего нас внешнего пространства стала уже неотъемлемой частью нашей природы.

Мы рождаемся Торговцами, потому что наши семьи живут на больших кораблях. Так было решено уже давно,

и это гораздо лучше для нас, чем короткие, непрочные связи в портах, могущие привести к потере своего корабля. Крупные космические станции-порты являются городами, торговыми центрами для каждого сектора, где совершаются крупные сделки и где семьи могут насладиться чем-то вроде домашнего уюта в промежутках между вояжами.

Но «Лидис» был кораблем класса «Д» для холостяков, потому что предназначался для торговцев, работающих на опасных окраинах, на что могли решиться только одиночные мужчины. Я, Крип Ворланд, был очень доволен, что взялся за это дело.

Мой отец не вернулся из своей последней экспедиции уже много лет назад. Моя мать, по обычаям Торговцев, через два года снова вышла замуж и куда-то уехала со своим супругом, так что меня некому было отговаривать, когда я записался в команду.

Нашего капитана Урбана Фосса считали хорошим командром, хотя он был молод и любил риск, но именно последнее и устраивало членов его команды: они хотели иметь вожаком человека, который каким-нибудь рискованным предприятием продвинет их в ряды тех, кто пользовался солидным авторитетом в торговых центрах.

Джел Лидж заведовал торговым отделением. Он не любил давать легких заданий, но я повздорил с ним только раз, и то из-за того, что он ревниво охранял свои торговые секреты, заставляя меня доходить до всего самому. Но, может быть, это и было лучшим способом обучения — держать меня в постоянном напряжении во время вахты и давать возможность подумать, когда я был свободен от своих обязанностей.

Мы совершили уже два удачных рейса до того, как опустились на Икторе, и, конечно, возомнили о себе бог весть что. Но, как бы то ни было, Свободные Торговцы никогда не забывают об осторожности. Когда мы совершили посадку, то перед тем, как открыть люки, Фосс включил для прослушивания магнитофонную запись, содержащую все предупреждения, необходимые на этом свете.

Единственный порт — так как это действительно была окраинная планета — находился близ Ирджара, центрального города, если можно вообще говорить о существовании городов на Икторе, расположенного в центральной части большого северного материка.

Мы приурочили наше прибытие к большой торговой ярмарке, встрече купцов и простого люда со всей планеты, что происходило раз в два планетных года в конце сезона сбора урожая.

Как и во многих других мирах, эти сборища имели когда-то, да и до сих пор не утратили до конца, религиозное значение. Считалось, что это была дата битвы древнего героя с каким-то демоническим врагом, в которую он вступил ради спасения своего народа и одержал победу, но погиб и был похоронен с необычными почестями.

До сих пор разыгрывалось подобие той битвы, после чего следовали соревнования, в которых феодалы соперничали друг с другом, ставя на своих чемпионов. Победившие в каждом соревновании получали богатые призы, а главное — престиж, не только для себя, но и для своего хозяина вплоть до следующей ярмарки.

Глава 2

Общество на Икторе находилось на феодальной стадии развития. Несколько раз за историю его существования короли и завоеватели пытались объединить под своей властью целые континенты, хотя бы на время своего правления. Эти объединения порой существовали и в последующие династии, но, как правило, вскоре распадались в результате междоусобиц. Развития не происходило. Священники, правда, хрюкали какие-то легенды о ранней цивилизации, достигшей большой стабильности и более высоких технических знаний.

Никто не знал, почему они оставались на этой стадии, и никто из местных жителей не хотел знать, существует ли другой образ жизни, или не верил в это.

Мы прибыли во время полной разрухи и беспорядка, когда шесть феодалов нападали друг на друга, но ни у кого из них не было ни ловкости, ни смекалки, ни везения, чтобы одержать верх. Таким образом, имело место своего рода равновесие власти.

Для нас, Торговцев, это влекло за собой некоторые трудности и неудобства, ограничивало нашу деятельность, чем мы были очень недовольны. Это означало «запрет на мысли» и «запрет на оружие».

Давным давно, еще в самом начале Свободной Торговли, для защиты от власти Патруля и якобы для того,

чтобы не раздражать контроль, Торговцы осознали необходимость этих двух предосторожностей на примитивных планетах. Определенная техническая информация ни в коем случае не должна была продаваться, как бы ни была велика предлагаемая за нее плата.

Оружие внешнего мира, а также секреты его изготовления находились под запретом. Когда мы совершали посадку на такую планету, все оружие, кроме небольших дубинок, запиралось в сейф и доставалось оттуда только после того, как мы покидали планету. Мы также проходили профилактику, чтобы из нас нельзя было вытянуть никакой запретной информации.

Может показаться, что в результате всего этого мы остались абсолютно беззащитными перед грубой силой какого-нибудь феодала, решившего узнать от нас как можно больше. Но закон ярмарки полностью охранял нас от опасности, по крайней мере до тех пор, пока мы придерживались правил, установленных жрецами в первый день.

По закону, общему для всех миров Галактики, который везде казался естественным и справедливым, территория ярмарки являлась нейтральной площадью и святыней. Смертельные враги могли встретиться тут, но ни один из них не посмел бы взяться за оружие. Если кто-нибудь из преступников достигал ярмарки и не нарушал ее законов, он был полностью свободен от наказания до ее окончания.

Сама ярмарка имела свои законы и полицию, и любое преступление, совершенное на ней, жестоко каралось. Таким образом, ярмарка являлась также местом для переговоров между феодалами, где они разбирались в своих междоусобицах, а, возможно, и заключали новые союзы. Нарушивший закон ярмарки объявлялся человеком вне закона, что было почти равносильно приговору к смертной казни, только более продолжительной и мучительной.

Все это мы хорошо знали, однако терпеливо выслушивали указания и записи. На торговом корабле никто никогда не относится к подобного рода предупреждениям как к пустой трате времени.

Затем Фосс снова обратился к распределению обязанностей на время пребывания на планете. Во время экспедиций на разные планеты мы выполняли их по очереди.

Охрана корабля была постоянной, остальные же были относительно свободны и могли работать парами. Начиная с утреннего гонга и до сумерек мы должны были налаживать контакты с местными купцами.

Фосс был уже один раз на Иикторе как помощник капитана на «Коал Сэй» и теперь вытащил свой дневник, чтобы освежить в памяти образ жизни планеты.

На всех кораблях Свободной Торговли, хотя суперкарго руководит распределением товара и основными сделками, каждый член команды может работать самостоятельно, смотреть во все глаза и предлагать по собственной инициативе выгодные для корабля сделки.

Так что, разбившись на пары, мы исследовали рынки, выясняя нужды местных жителей, которые можно было бы удовлетворить во время следующей экспедиции, а также подыскать возможные предметы экспорта.

Основной груз, который мы забирали на Ирджаре, был спрод, густой сок, выжатый из листьев местного растения и спрессованный в блоки, которые мы легко укладывали в нижнее отделение, после того как оттуда были выгружены тюки с мурано, блестящим плотным шелком, который жадно расхватывали все ткачи Ииктора. Они терпеливо распускали его на отдельные нити и смешивали с лучшей пряжей местного производства, в результате чего работа занимала вдвое больше времени. Иногда какой-нибудь феодал платил все деньги, вырученные за сезонные работы, за платье, сшитое целиком из нашего шелка. На обратном пути мы сгружали блоки спрода у Закатанов, которые перерабатывали его в вино. Они считали, что это вино явно повышает умственные способности и лечит некоторые болезни их змеиного народа.

Правда, я не понимаю, зачем Закатанам повышать еще свое умственное развитие — в этом отношении они уже сильно нас обогнали!

Но спрод не составлял полного груза, и мы должны были искать новые товары.

Догадки не всегда оправдывались, случалось и так, что то, что сначала казалось сокровищем, на поверку оказывалось бесполезным грузом, и его приходилось выкидывать.

Но предыдущие опасные операции прошли настолько удачно, что мы были уверены: нам повезет и на этот раз.

Каждый торговец, участвовавший в удачных операциях, имеет возможность довольно скоро заключить контракт с хозяином и получить большую долю прибыли. Поэтому каждый из нас был очень внимателен, запоминал результаты предыдущих экспедиций и старался чутьем определить то, что невозможно было понять даже в результате упорной подготовки и обучения.

Конечно, всегда можно столкнуться с заметными товарами — это бросается в глаза. Опытный торговец замечает их сразу во время больших ярмарок. В таких ярмарках, как эта, и заключается основной соблазн для инопланетных торговцев.

С другой стороны, существуют товары-загадки, которые вы вынюхиваете с расчетом на спекуляцию. Чаще всего это какой-нибудь неизвестный товар, который местные купцы привозят на ярмарку, надеясь продать с выгодой,— какие-нибудь мелкие предметы, которые могут стать роскошным товаром для инопланетных купцов, легкие, удобные для перевозки, их можно продать в тысячу раз дороже, чем они стоят, кому-нибудь из этой толпы инопланетян, кто всегда ищет что-то такое, чем можно удивить соседей.

Ходят легенды о том, что однажды повезло Фоссу с эспанскими коврами — шедеврами и качества, и сочетания цветов. Их можно было свернуть в рулон не длиннее человеческого предплечья, в развернутом же виде это были огромные сверкающие полотна, покрывающие пол большой комнаты, очень прочные, радующие глаз переливами цветов.

Мой непосредственный начальник Лидж был причастен к открытию дальго на Крантаксе. Случилось так, что тот незаметный сморщеный плод оказался нужным в промышленности. Это принесло Лине порядочное количество кредитов, перевело Лиджа на следующую должность и оказалось выгодным для планеты. Конечно, в самом начале службы на такие удачи надеяться не приходится, но я думаю, что весь младший состав нашего корабля в глубине души тешил себя подобными надеждами. Но было много возможностей выслужиться и вырасти в глазах начальства и более мелкими находками.

В первый же день я отправился на встречу с местными торговцами вместе с Лиджем и капитаном. Встреча происходила в Большой Палатке — средних размеров здании, находящемся на поле за стенами Ирджара, в центре ярмарки. В то время как вся архитектура на Икторе была мрачной и тяжелой — здания строились так, что могли в любой момент стать крепостями,— Палатка, которой не грозили никакие нападения, была несколько веселее. Ее стены были только частично из камня, внутри было просторно, только по краям стояли колонны, поддерживающие остроконечную крышу, края которой далеко выступали за

стены и представляли собой прекрасное укрытие от не-настяя. Впрочем, ярмарки проводились обычно в сухую по-году, когда стояли удивительно хорошие дни. Освещение в Палатке было гораздо лучше, чем в других домах на Иикторе.

Мы были единственными представителями Свободных Торговцев в порту, хотя тут был еще имеющий лицензию корабль Синдиката, но он перевозил только по контракту специальные грузы, против чего мы не возражали. Это был редкий случай перемирия между инопланетянами, и не было необходимости изворачиваться.

Наш капитан и суперкарго Лидж сидели по-дружески со старшинами купцов, мы же устроились с меньшими удобствами. Мы приравнивались к их торговцам второй гильдии и по правилам должны были помещаться в других отделениях; к тому же мы все должны были, кроме демонстрации товара, еще и вести расчеты.

Эта двойная работа отделяла нас от наших офицеров и внушала местному населению, что инопланетники глупы и нуждаются в таких помощниках, потому что расчет — это движущее начало разумной торговли. И вот мы усаживались на высокой платформе, для вида записывая экспонаты и расхваливая предлагаемый товар.

Здесь продавались северные меха глубокого красного цвета, отливавшие золотом, когда торговцы вертели их, показывая. Ткани стояли в рулонах на подставках, принесенных помощником. Много было металлических изделий, главным образом оружия.

Мечи и копья, видимо, были универсальным примитивным оружием в Галактике и были сделаны мастером, явно знавшим свое дело. Были здесь и кольчуги, шлемы с миниатюрными животными или птицами на гребнях, щиты. Торговец, прибывший последним, с важным видом показывал военные принадлежности. Двое из его помощников демонстрировали стрельбу по мишени из самострела нового типа. Оживление, вызванное этой демонстрацией, доказывало превосходство нового самострела над обычным.

Выставка оружия, которая была также немалой и на местном рынке, достаточно надоела нам.

Конечно, время от времени кто-нибудь из нас покупал меч или кинжал, чтобы потом продать какому-нибудь коллекционеру.

Это была большая спекуляция с минимальным риском.

Торговля — дело другое. Местные купцы делали перерыв, чтобы освежиться, подходили к бочкам из лучшего, но для нас неприемлемого пива и к «твердой еде», состоявшей из оладьев с фруктово-мясной пастой, а нас отпускали почти перед заходом солнца. Как обычно, капитан Фосс и Лидж шли на специальный банкет, который давала администрация ярмарки, а мы «второсортные», возвращались на корабль.

Младший представитель Синдиката, деливший со мной неудобное сиденье на платформе, с усмешкой потянулся, предварительно засунув свои записи под ремень для безопасности.

— Вот и все,— сказал он.— Ты свободен? Пошли в порт?

Как правило, Свободные Торговцы и люди Синдиката не общались между собой. В прошлом у нас было много неприятностей с ними. Торговец с единственным кораблем не мог и надеяться на победу. Однако в наши дни вещи охраняются лучше, чем они того стоят. У Лиги сильная рука, и лидеры Синдиката дважды подумают, прежде чем толкнуть локтем Торговца, имеющего такую защиту. Но чувства и память идут от тех времен и держат нас в стороне, поэтому я ответил не слишком сердечно:

— Не сейчас, после рапорта.

— Все равно.

Если он и понял смысл моей холодности, то ничем не показал этого. Наоборот, он уселся ждать меня, а я медлил, давая ему возможность уйти. Но он не ушел.

— Меня зовут Гек Слэфид.

— Крип Ворланд.

Я неохотно пошел с ним. Выход был забит торговцами, и мы, как полагается иноземцам, среди них не толкались. Он бросил взгляд на мой значок, я сделал то же. Он был на грузовом судне, но на его диске были две полоски, а у меня только одна.

Но продвижение по службе в Синдикате тогда шло более медленно.

Никогда нельзя судить о планетном возрасте тех, кто большую часть жизни проводит в космосе. Некоторые даже и сами не знают, сколько им лет.

Однако я подумал, что этот Гек Слэфид ненамного старше меня.

— Еще ничего не нашел? — спросил он.

Это был чересчур наглый вопрос даже для высокомерных людей Синдиката. Я подумал, было, что он просто не соображает, что подобных вопросов не задают никому, разве что родственникам или близким друзьям. Возможно, он слышал об обычаях Свободных Торговцев и воспользовался этим неудачным поводом, чтобы завязать разговор.

— Нам еще не освободили порт.

Я не стал показывать, что оскорблен: может, его вопрос был вполне безобидным, хотя и выглядел скверно. Надо уметь отвести оскорблению в сторону, когда имеешь дело с чужаками, а Синдикат в прошлом был для нас более чужим, чем иные негуманоиды.

Видимо, он уловил мои ощущения, потому что не стал развивать тему. Пока мы шли по заполненным народом улицам, он указывал мне на безвкусные флаги и полосы какого-то материала, где были написаны местными загогулинами объявления о всевозможных развлечениях — от совершенно невинных до граничащих с пороком. На ярмарке собирались продавцы и покупатели, жрецы и уважаемые люди, так что тут сосредотачивались те, кто добывал себе средства к жизни предложением развлечений для ума и чувств.

— Здесь есть на что посмотреть. Или ты дежуришь вечером? — спросил он.

Не был ли его тон чуть-чуть покровительственным — или мне показалось? Я решил не доискиваться. Мы не были обязаны с кем-нибудь торговаться, а я был осторожен.

— Да, мне говорили, что тут есть кое-что интересное. Но я еще не отстоял вахту.

Он ухмыльнулся и поднес руку ко лбу, как бы салютуя.

— Тогда у тебя счастье впереди, Ворланд. Мы уже отстояли, и ночь у меня свободна. Если освободишься, посмотри это.

Он снова повел рукой, указывая на полосу в конце линии. Она не блестела красками, как другие, а была странного серого оттенка с розовыми прожилками, однако от нее нельзя было отвести глаз.

— Это что-то особенное, — продолжал Слэфид, — конечно, если тебе нравятся шоу животных.

Шоу животных? Я снова смущился. Я полагал, что у людей Синдиката совершенно иные понятия о развлечениях — что-нибудь близкое к извращениям, почти упадочные удовольствия внутренних планет. Затем у меня возник-

ло подозрение — не эспер ли этот Гек Слэфид? Ведь он безошибочно нашел такое развлечение, которое в первую очередь заинтересует меня, если я о нем узнаю.

Я развернул один из усиков моего мыслеискателя — не вторгаться в мозг, конечно, этого я ни в коем случае не должен был делать, а только осторожно обнаружить ауру эспера. Ее не оказалось, и я даже слегка разочаровался в себе за свою подозрительность.

— Если мне повезет, — ответил я ему, — я обязательно последую твоему совету.

Его кто-то окликнул. Он с легким поклоном простился со мной и пошел к своему другу. Я же стоял некоторое время перед этой почти бесцветной рекламой, пытаясь понять, чем она так привлекает взгляд. Такие вещи очень важно знать Торговцу. Действует ли она так только на меня или и на других тоже?

Мне почему-то было так важно получить ответ на этот вопрос, что я решил найти самого спокойного члена нашей команды и проверить на нем действие рекламы.

Мне повезло: в эту ночь я был свободен. Команда «Лидиса» была столь мала, что свободными были только четверо, и трудновато было заставить ходить по двое, если у них были разные понятия о развлечениях. Мы считались младшими, и я вышел с Грисом Шерваном, вторым механиком.

Прекрасно: мне нужен был практичный спутник для проверки рекламы, и Грис подходил как нельзя лучше. Он был потомственным Торговцем, как и все мы, но основной его любовью был корабль, и я не думаю, что он интересовался какой-нибудь торговлей, кроме тех случаев, когда от него этого ждали.

К счастью, я вспомнил, что неподалеку от рекламы шоу животных была темно-малиновая реклама выставки мечей, и воспользоваться этим, как приманкой для Гриса. Грис был игроком, но такая деятельность не рекомендуется на чужих планетах. Игра, пьянство, наркотики и чересчур пристальное внимание к дочерям иноземцев могли привести к неприятным последствиям, вплоть до угрозы кораблю, так что подобные желания временно блокировались, и мы в конце концов соглашались, что это разумно.

Улица, где располагалось шоу, была теперь ярко освещена фонарями, висевшими каждый над своей рекламой и окрашенными в тот же цвет. Сияющие изображения на них извещали о том, что происходит внутри. Серая с ро-

зовым полоса была еще здесь, над ней висел фонарь в виде серебряного шара, и никакие изображения не разбивали его перламутровый цвет.

— Что это? — спросил, подходя, Грис.

— Говорят, шоу животных, — ответил я.

Поскольку Свободные Торговцы большую часть жизни проводят в космосе, понятно, что у них мало контактов с животными.

Много лет на всех кораблях жили кошки для защиты груза, поскольку они охотились на всяческих паразитов, прятавшихся в трюмах. Столетиями они считались членами команды. Но число их все уменьшалось: они уже не приносили так много потомства. Мы уже забыли, откуда родом эти животные, и, следовательно, не могли добыть для них притока свежей крови, чтобы восстановить размножение. Несколько кошек оставалось на базах, их высоко ценили, охраняли и заботились о них в надежде, что размножение восстановится. Все мы пытались время от времени заменить кошек другими животными из многих миров. Один-два вида обещали размножение, но большинство животных не могло приспособиться к корабельной жизни.

Вероятно, желание иметь компаньонов-животных так и влекло нас к инопланетным зверям. Не знаю, как Грис, но я-то считал, что просто обязан посетить палатку под этим шаром. Оказалось, что уговаривать Гриса не пришлось: он охотно пошел со мной.

Откуда-то доносился глухой, тяжелый звук гонга.

Постепенно стихали смех, разговоры, песни на улицах, толпа платила дань призыву храма. Но тишина длилась недолго, потому что, хотя ярмарка и имела свои религиозные традиции, они с годами потускнели.

Мы прошли под тенью серой рекламы и сияния лунной лампы. Я рассчитывал увидеть какие-нибудь изображения животных, могущих послужить приманкой для публики, но там оказался только экран с надписью на местном языке, а над дверью качалась странная эмблема-маска — не животного, не птицы, а комбинации того и другого.

Увидев ее, Грис издал негромкое восклицание:

— Что это?

Его тон меня удивил. Я слышал его и раньше, но только в тех случаях, когда Грис стоял перед новой и неизвестной машиной.

— Это же настоящая находка!

— Находка? — переспросил я.

Я решил, что речь идет о какой-нибудь удачной покупке.

— Настоящее зрелище,— поправился он, как будто прочел мои мысли.— Это шоу Тасса.

Грис, как и капитан Фосс, бывал на Икторе и раньше. Я же мог только повторять:

— Тасса?

Я думал, что изучил ленты Иктора достаточно внимательно, но смысл этого слова ускользнул от меня.

— Пошли!

Грис подтолкнул меня к стройному туземцу в серебряной тунике и высоких красных сапожках, принимающему плату за вход. Туземец взглянул на нас, и я поразился.

Вокруг нас была толпа икториан. Они лишь немногим отличались от людей нашей породы. Но этот юноша в бледной одежде казался более чуждым этому миру, чем мы.

Он был так хрупок, что, казалось, ветер, трепавший рекламу над ним, может захватить его и унести. У него была очень гладкая кожа без всяких признаков бороды и очень белая, почти без красок.

Черты лица — человеческие, за исключением громадных глаз, таких темных, что нельзя было определить их цвет. Брови уходили к вискам так далеко, что сходились с серебристо-белыми волосами.

Я старался не пялиться на него. Грис заплатил, и туземец поднял полотнище палатки, чтобы впустить нас.

Глава 3

Там не было сидений, только ряды ступеней в одном конце палатки, которые легко убирались после представления. Перед нами возвышалась эстрада, пока еще пустая, позади которой был занавес того же серого с розовым цвета, что и вывеска.

Наверху висели фонари серебристо-лунного цвета. Все это выглядело просто, но элегантно и никак не вязалось с показом дрессированных животных.

Мы, видимо, пришли как раз вовремя: складки занавеса раздвинулись, и перед аудиторией появился мастер-дрессировщик.

Несмотря на ранний час здесь было много народа, главным образом детей.

Мастер — нет, несмотря на тунику, брюки и высокие сапоги, такие же, как у привратника, это явно была женщина. Ее туника не облегала горло, а поднималась сзади стоячим воротником — веером, отделанным по краю маленькими рубиновыми искорками того же цвета, что ее сапожки и широкий пояс. На ней был еще короткий облегающий жилет из золотисто-красного меха, такого же, какой я видел сегодня утром в Большой Палатке. В ее руках был не бич, каким большинство дрессировщиков подкрепляет свои программы, а просто тоненький серебристый жезл, который не мог служить ни для наказания, ни для защиты.

Он подходил по цвету и блеску к ее высокой прическе, заколотой шпильками с рубинами. В середине лба было серебряное украшение с рубином, неизвестно как прикрепленное — оно не шевелилось при движениях ее головы. В ней чувствовалась уверенность, как у всех мастеров, умеющих владеть собой и своим искусством.

— Лунная Певица! — выдохнул Грис с некоторым оттенком страха, редкой эмоцией у Торговцев.

Я хотел было попросить у него объяснений, но в это время она взмахнула палочкой, и все разговоры смолкли. Публика относилась к ней явно с большим почтением, чем толпа на улице к храмовому гонгу.

— Дамы и господа!

Голос у нее был низкий, напевный, вызывавший желание его слушать.

— Окажите внимание моему маленькому народу, который рад повеселить вас.

Она отошла в конец подмостков и снова взмахнула жезлом. Драпировки раздвинулись, чтобы пропустить шестерых маленьких созданий. Их шерсть была короткой, но густой, плюшево-гладкой и ослепительно белой. Они шли на задних лапках, прижимая к круглым брюшкам маленькие рубиново-красные барабаны. Их передние лапы очень походили на человеческие руки, с той лишь разницей, что пальцы животных были длиннее и тоньше.

У них были круглые головы с высоко поставленными бесшерстными блестящими острыми ушами. Их глаза, как и у их хозяйки, были очень велики по сравнению со всей круглой, широконосой мордочкой. Позади крючком загибался пышныйшелковистый хвост.

Они гуськом прошли в противоположный конец сцены и уселись там, поставив перед собой барабаны и положив на них передние лапы. Видимо, она подала какой-то сигнал, который я прозевал, потому что они стали бить в барабаны, но не просто так, а в определенном ритме.

Снова раздвинулся занавес, и появились новые артисты. Они были крупнее барабанщиков и, видимо, менее ловки в движениях. У них были слишком массивные тела для их роста, но они шли в такт барабанам. Их грубая шерсть, их рост, длинные уши и узкие, вытянутые тела выглядели гротескно — и по-настоящему чуждо.

Они ритмично покачивали головами и шевелили кончиками морд. Однако они служили всего лишь верховыми животными для еще одной группы.

У всадников были маленькие, кремового цвета головки с большими более темного цвета кругами вокруг глаз, что придавало им мордочкам удивленное выражение. Похоже, что они, как и барабанщики, пользовались своими передними лапками не хуже, чем руками. Их хвосты, кремовые в темных кольцах, торчали вверх, как острия.

Тапироподобные «лошади» и их всадники церемониальным маршем прошли по арене.

Вот тут я и стал свидетелем явной магии. Я повидал немало представителей с животными в разных мирах, но ничего подобного не встречал. Тут не было ни щелканья бича, ни словесных приказов. Они выступали не как обученные трюкам, а, скорее, так, будто они представляли что-то свое, неожиданное для тех, кто не относился к их породе. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь разными ритмами, отбиваемыми мохнатыми музыкантами, и сложными звуками, которые время от времени издавали артисты. Длиннорылые со своими всадниками были первыми. Я был слишком увлечен, чтобы подсчитывать, сколько их было потом.

Но когда они, наконец, торжественно ушли со сцены под гром аплодисментов, я сообразил, что мы видели, по крайней мере, десять разных пород.

Хозяйка еще раз вышла на середину арены и отсалютовала нам своим жезлом.

— Мой народ устал. Если он понравился вам, дамы и господа, он этим вознагражден. Завтра они выступят вновь.

Я взглянул на Гриса.

— Я никогда не... — начал я.

Но кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидел юношу, который впускал нас сюда.

— Благородные Хомос,— сказал он на базике, а не на ирджарском наречии,— не пожелаете ли вы взглянуть на маленьких артистов поближе?

Я не мог понять, с какой стати нам было сделано такое предложение, но жаждал его принять.

Однако укоренившаяся в нас осторожность заставляла быть осмотрительными. И я заколебался, поглядывая на Гриса. Поскольку он, как видно, что-то знал об этих Тасса /кем или чем они бы ни были/, я предоставил решение ему. Но у него, похоже, сомнений не было.

Мы встали и последовали за нашим гидом через арену за драпировки. Там странно пахло — животными, но очень чистыми и ухоженными, травяными подстилками и чуждой для нашего носа пищей. Пространство перед нами было раза в три больше театра. Его перегораживал широкий деревянный экран. Рядом с ним стояли фургоны вроде тех, в которых перевозят продукты.

Здесь находились крупные ездовые животные — казы. Большая их часть теперь спокойно лежала, пережевывая жвачку. Рядами, почти как город с узкими улицами, стояли клетки, а в конце ближайшей «улицы» находилась женщина. Я не мог определить ее возраста, но издалека она казалась девушкой. При ближайшем рассмотрении хитроумная прическа, украшение на лбу и самоуверенность выдавали паутину годов.

Она все еще вертела в руках серебряную палочку, как якорь спасения. Не знаю, почему, но мне пришла в голову мысль: в ее манере и выражении лица не было ничего, что указывало бы на какие-либо неприятности.

— Добро пожаловать, Благородные Хомос! — сказала она на базике тем же голосом, что и на местном наречии со сцены.— Меня зовут Майлин.

— Крип Ворланд.

— Грис.

— Вы с «Лидиса»?

Это звучало не вопросом, а утверждением. Мы кивнули.

— Малик,— обратилась она к юноше,— может быть, Благородные Хомос выпьют с нами?

Он не ответил, но быстро пошел по проходу из клеток с решетчатой стеной с правой стороны для охраны живот-

ных. Майлин продолжала изучать нас, а затем указала своим жезлом на Гриса.

— Вы что-то слышали о нас.

Она повернула жезл ко мне.

— А вы — нет. Грис Шервин, что вы о нас слышали? Только ничего не умалчивайте ни о плохом, ни о хорошем — если хорошее было.

Грис был загорелым, как все мы, живущие в космосе. Рядом с этими людьми он казался почти черным. Но даже через эту черноту было видно, как он вспыхнул. И я понял его самочувствие.

— Тасса — Лунные Певцы, — сказал он.

Она улыбнулась.

— Это неточно, Благородный Хомос. Только некоторые из нас воспевают Власть Луны для пользования ею.

— Но вы как раз из них.

Она помолчала и ответила без улыбки.

— Это правда, раз уж вы, Торговцы, об этом знаете.

— Все Тасса — другой крови и рода. Никто на Иикторе, кроме, может быть, их самих, не знает, откуда и когда они пришли. Они древнее, чем старые записи у лордов в храмах.

Майлин кивнула.

— Это правда. Что еще?

— Остальное — слухи о власти над добром и злом, которой не имеет человеческий род. Вы можете наслать беды на человека и на весь его род.

Он засмеялся.

— Суеверие? — спросила она. — Однако есть много способов омрачить человеческую жизнь, Благородный Хомос. Слух всегда имеет две стороны — правдивую и фальшивую. Но мне кажется, нас нельзя обвинить в том, что мы желаем зла кому-нибудь в этом мире. Мы и в самом деле древний народ и хотим жить по своим обычаям, не мешая никому. Что вы думаете о нашем маленьком народе?

Она резко повернулась ко мне.

— Я никогда не видел равных им.

— Как вы думаете, их хорошо встретят в других мирах?

— Вы имеете в виду шоу в космосе? Это рискованно, Благородная Дама. Перевозка животных требует специальной пищи, особых забот. Некоторые животные вообще не могут перенести космический полет. Их можно перевозить в замороженном виде, но это очень большой

риск, так как многие могут умереть. Я думаю, нужно все как следует обдумать и, может быть, построить и экипировать корабль, но это будет...

— ...стоить целое состояние,— закончила она.— Да, об эту скалу разбивалось немало грез, не так ли? Но если показывать не все представления? Может быть, некоторые мои артисты смогут путешествовать. Пойдемте посмотрим на мой народ — вам будет что вспомнить потом.

Она была абсолютно права. Когда она повела нас мимо ряда клеток, мы увидели, что эти клетки были для животных не местом заключения, а только местом защиты их от вреда, который может причинить им человеческое любопытство.

Животные находились у передней решетки своих жилищ, когда мы подходили к каждому, официально знакомясь с ними. И у нас усиливалось ощущение, что это действительно народ с мыслями и чувствами, странными, но приближающимися к моим собственным мыслям и чувствам. Это возбудило во мне страстное желание иметь такого товарища на корабле, хотя осторожность возражала против такого безрассудства.

Мы подходили к концу последней «улицы», когда пребежал один из «свободных мальчиков», бродящих по ярмарке и зарабатывающих монетку, бегая по поручениям, а, возможно, и менее легальными способами.

Он переминался с ноги на ногу, как будто у него было важное поручение, но он боялся потревожить Тасса. Майлин резко оборвала свою речь и повернулась к нему.

— Госпожа, продавец животных... Ты велела мне узнать... у него есть один мохнатый в тяжелом состоянии.

Ее лицо как будто сузилось. Сейчас она выглядела еще более чуждой, и мне показалось, что она вот-вот зашипит, как разъяренная кошка.

Затем она снова надела маску спокойствия.

— Похоже, что то существо нуждается во мне, Благородный Хомос. Мальчик останется с вами, а я скоро вернусь.

Я сам не понимал, какой импульс заставил меня сказать:

— Благородная Дама, не могу ли я пойти с вами?

Не было никаких оснований полагать, что ей нужен помощник, и я подумал, что она так и скажет. Но выражение ее лица изменилось, и она кивнула.

— Если желаете, Благородный Хомос.

Грис поочередно оглядел нас, но не предложил себя в сопровождающие, а мы пошли за посланцем. В этот поздний час на улицах было полно народу, хотя существовало правило, по которому торговцы и покупатели могли действовать только при свете дня, когда ясно были видны недостатки товара.

В ночные часы мужчины и женщины искали развлечений, а мы шли как раз через эту часть ярмарки. Я обратил внимание, что местные жители, узнав мою спутницу, уступали ей дорогу и глядели ей вслед с каким-то опасением, даже со страхом, как если бы она была жрицей. Она же ни на кого не обращала внимания.

Мы шли молча. Согласившись на то, чтобы я пошел с ней, она как бы забыла обо мне и сосредоточилась на чем-то более важном.

Мы дошли до конца разбросанной коллекции развлекательных заведений и увидели необычную палатку, кро-ваво-красную с ядовито-зелеными пятнами, откуда доносились крики игроков. Там стоял такой шум, будто выигрыш зависел не от сообразительности игрока, а от силы его рева. Через открытую дверь я мельком увидел стол, где играли в распространенную игру в Галактике «Звезды и кометы», а за этим столом сидел мой знакомый Гек Слэфид. Видимо, на его корабле не было той дисциплины, что у Свободных Торговцев, потому что перед ним лежал столбик фишек, более высокий, чем у его соседей, которые, судя по одежде, были из местной знати, но слишком молодые, чтобы быть правителями.

Когда мы проходили, Гек поднял голову и пристально посмотрел на меня, а затем приподнял руку, будто хотел то ли помахать мне, то ли подозвать, но в то же время не спускал глаз с игры на столе.

Один из потомков лордов тоже уставился на меня с таким изумлением, что я отстал на шаг от Майлин и так же внимательно осмотрел его. Он не опускал глаз и смотрел на меня не то с вызовом, не то просто с любопытством — я не мог понять, а пустить в ход чтение мыслей не осмеливался.

За игорной палаткой находились маленькие хижины — жилые дома, как я предположил, для тех, кто работал в увеселительных заведениях. Оттуда несло странной кухней, тошнотворными запахами и еще чем-то весьма скверным. Мы снова повернули, держась на почтительном расстоянии от беспорядочно разбросанных хижин, возле

которых стояли телеги и повозки мелких торговцев.

Затем мы подошли к палатке, где пахло совсем уж гнусно. Я думал, что услышу яростное шипение Майлин, когда она толкнула полотнище у входа своим серебряным жезлом, как бы не желая касаться его пальцами.

Внутри отвратительный запах перебивался другим — поднимающимся душным облаком, и там тоже стоял невообразимый шум от лая, ворчания, хриплого рычания и шипения. Мы стояли в тесном пространстве между клетками. Они отнюдь не были заботливо сделанными людьми жилыми квартирами, а скорее тюрьмой для несчастных обитателей.

Торговец животными, который ни о чем не заботился, кроме быстрой наживы, вышел из темного угла. Его губы растянулись в улыбку, но глаза не выражали приветливости. Когда же он увидел Майлин, его улыбка исчезла, а в холодных глазах сверкнула ненависть, умеренная боязнь перед властью той, кого он ненавидел.

— Где барск? — спросила Майлин тоном оскорбительного приказа, даже не поздоровавшись.

— Барск, госпожа? — переспросил торговец. — Какой дурак захотел иметь дело с барском? Барск — зло, демон безлунной ночи, это всем известно.

Она оглянулась и прислушалась, как будто в шуме, производимом несчастными зверями, уловила единственную ноту, и пошла по следу к источнику этого звука.

Она не обращала больше никакого внимания на хозяина, а просто шла вперед. Я увидел, как его ненависть поборола страх, и что он собирается остановить Майлин.

Он сунул руку за пояс, и моя направленная мысль, как луч света, показала мне его оружие — интересную, тайную и очень опасную штуку: небольшой, прячущийся в ладони крючковатый коготь, смазанный чем-то зеленым, так что, по-видимому, всякая царапина, сделанная им, оказалась бы смертельной.

Хотя его съедала злоба и ненависть, я не был уверен, что он пустит оружие в ход. Но шансов у него все равно не было: из моего стоннера вылетел слабый луч, и его пальцы, державшие скрытое оружие, онемели. Он пошатнулся, ударился о стену одной из своих вонючих клеток и отчаянно заорал, когда в этой клетке животное яростно метнулось, как темный призрак, к прутьям, стараясь добраться до него.

Майлин оглянулась и вытянула свой жезл. Человек упал и покатился, задевая за пол бездействовавшими руками и задыхаясь от злости.

Майлин холодно посмотрела на него.

— Дурак, двойной дурак! Не хочешь ли ты, чтобы я обвинила тебя в нарушении мира?

Можно было подумать, что она плеснула ему в лицо ледяной водой — так быстро исчезло с него пламя ярости. Ненависть в его глазах сменилась страхом. То, чем она грозила ему, могло поставить его вне закона, а это было на Икторе самым страшным наказанием.

Он пополз на локтях и коленях назад в темноту. Однако я все-таки счел нужным держаться настороже и сказал об этом Майлин.

Она покачала головой.

— Нечего его бояться. Если хотите знать — низшие не могут обмануть Тасса!

Она не то чтобы презрительно назвала его «низшим», как ничтожное существо,— она просто констатировала факт.

Она прошла за занавеску, где было еще больше клеток и еще больше зловония, и бросилась к одной тюремной камере, стоявшей в стороне от других. Тот, кто жил в ней, лежал без движения. Я подумал, что он умирает, когда увидел, как выпирают его кости под шкурой, и услышал слабое редкое дыхание.

— Здесь тележка...

Она встала на колени перед клеткой и внимательно вглядывалась в животное, а ее жезл указывал на доску на четырех колесах.

Я подтолкнул доску вперед. Мы вдвоем поставили на нее клетку и покатали к выходу. Майлин остановилась, достала из кошелька два денежных знака и бросила их на одну из клеток.

— Пять весовых единиц за барска и два за колеса,— сказала она торговцу, все еще корчившемуся в тени.— Хватит?

Мыслеуловитель сказал мне, что торговец только и мечтает, чтобы мы ушли. Но за его страхом пробуждалась жадность.

— Барск — редкий зверь,— заскулил он.

— Этот барск вот-вот умрет, и даже его шкура ничего не стоит, потому что ты заморил его голодом. Если ты не согласен с ценой, то можешь просить, чтобы суд в

открытом слушании определил стоимость этого барска.

— Хватит!

Я заметил, что этот разговор ее забавляет. Мы выка-тили наш груз на улицу.

Парень, который привел нас, появился откуда-то из темноты вместе с товарищем.

Они взяли на себя управление тележкой. Обратно мы шли другой дорогой.

Когда клетка подъехала к ломовым казам, те принюхались, зафыркали, а некоторые встали на дыбы, вскинув головы и раздувая ноздри.

Майлин остановилась перед ними, поводила туда-сюда жезлом и тихо запела. Это успокоило животных. Мальчики отвезли клетку подальше и остановились.

Навстречу вышли Малик и Грис. Юноша Тасса заглянул в клетку и, покачав головой, расплатился с ребятами.

— Он безнадежен,— сказал он Майлин, когда она отошла от успокоившихся казов.— Даже ты не сможешь повлиять на него, Певица.

Она задумчиво посмотрела на клетку. В одной руке она все еще держала жезл, а другой гладила мех своего королевского короткого жилета, как будто это было любимое животное, живое и дышащее.

— Возможно, ты и прав,— согласилась она,— а, может быть, его смерть еще не занесена во вторую Книгу Моластера. Если ему придется пойти по Белой дороге, то пусть он начнет это путешествие спокойно и безболезненно. Он слишком истощен, чтобы бороться с нами. Открой клетку, потому что его тошнит.

Они открыли клетку и перенесли животное в одну из своих, побольше и пошире, на мягкую подстилку.

Этот зверь был крупнее тех, каких мы видели в этот вечер на сцене; если бы он мог встать на ноги, он был бы на уровне моих нижних ребер. Его шерсть запылилась и свалялась, потускнела, но была того же красного цвета, что и жилет Майлин.

У животного были странные пропорции: маленькое тело и такие длинные и тонкие ноги, будто они достались ему по ошибке от кого-то другого. Живот заканчивался веерным пучком, а между острыми ушами, по шее и вокруг плеч лежала длинная грива более светлого оттенка. Нос был острый и длинный, за черными губами виднелись крепкие зубы. Не будь он таким изможденным, я сказал бы, что это опасный зверь.

Он слабо огрызнулся, когда они укладывали его на подстилку в новую клетку.

Майлин слегка коснулась его жезлом, ласково проведя им по носу животного, и его голова перестала дергаться. Малик принес чашку с какой-то жидкостью, окунул в нее пальцы и чуть-чуть влил в запекшийся рот, из которого высовывался почерневший язык.

Майлин стояла рядом.

— Сейчас мы больше ничего не можем сделать. Остальное...

Ее жезл нарисовал в воздухе символ.

Затем она повернулась к нам.

— Благородный Хомос, час уже поздний, а этот бедняга будет нуждаться во мне.

— Благодарю за вашу любезность, Благородная Дама,— сказал я.

Мне показалось, что она довольно-таки резко отсылает нас. Похоже, у нее были какие-то основания пригласить нас, но теперь мы стали лишними. Собственно, эта мысль не подтверждалась никакими фактами, но почему-то она была мне неприятна.

— И вам спасибо за помощь, Благородный Хомос. Вы придетете еще раз.

Это был не вопрос, ни тем более приказ, а просто утверждение, с которым мы оба были согласны.

На обратном пути к «Лидасу» мы с Грисом мало разговаривали. Я только рассказал ему, что произошло в палатке торговца животными, а он посоветовал мне сообщить об этом в рапорте — на случай каких-либо осложнений.

— Что за зверь барск? — спросил я.

— Ты видел. Их мех был выставлен сегодня утром, из него же сшит жилет Майлин. Они считаются умными, хитрыми и опасными животными. Время от времени их убивают, но вряд ли часто захватывают живыми. Может, только этого...

Мы уже миновали охрану порта, когда я неожиданно почувствовал не просто ненависть продавца животных, но связанную с резким, направленным умыслом. Это соединение эмоций было в мозг, как копье, ударяющее в тело. Я остановился и обернулся навстречу этому мозговому удару, но в темноте ничего не увидел. Грис, стоявший рядом, сжал в руке стоннер, и я понял, что он тоже почувствовал это.

— Что это?

— Торговец животными и еще кто-то.

Я часто мечтал иметь полную внутреннюю власть эспера. С ней можно иногда без оружия покалечить человека.

Грис пристально взглянул на меня.

— Берегись, Крип. Он не осмелится выступить против Тасса, но может решить, что легко доберется до тебя. Нужно поставить капитана в известность.

Конечно, он был прав, но мне было крайне неприятно согласиться с этим.

Урбан Фосс может запереть меня на «Лидисе» до самого отлета. Осторожность — щит Торговца в чужих мирах, но если человек только и делает, что прячется за щит, он может прозевать удар меча, который навсегда освободит его от каких бы то ни было опасений.

А я был достаточно молод, чтобы самому вступить в бой, а не сидеть в укрытии и ждать, когда меня унесет шторм.

Итак, угроза исходит от двоих, а не от одного. Я мог понять вражду продавца зверей, но кто присоединился к нему для нападения и почему? Какого еще врага я приобрел на Икторе и как?

Глава 4. Майлин

Таяла, Талла, волей и сердцем Моластера и властью Третьего Кольца, должна ли я начать эту часть рассказа так, как начал бы любой Певец какого-нибудь лорда?

— Я — Майлин из Коптра, Лунная Певица, руководитель малых существ. Я в прошлом была многим другим, а теперь также под оковами на время.

Зачем мне было остерегаться лорда или Торговца в этой встрече на ярмарке в Ирджаре? Для нас они не более чем пыль городов, которая душит нас, с их грязью, жадностью, шумом и дурными мыслями тех, кто живет добровольно в подобных тюрьмах. Однако нет необходимости говорить о Тассе, о их верованиях и обычаях, надо сказать только о том, как моя жизнь была вытолкнута из одного будущего в другое, потому что я не остерегалась людских действий и не замечала людей, чего никогда не делала с малыми существами, которых уважала.

Озокан пришел ко мне в полдень, сначала прислав своего оруженосца. Я думала, что он держался так больше от страха, что он станет обращаться со мной, как с низшей, хотя местные жители считают Тасса скитальцами и бродягами, не говоря, однако, этого им в глаза. Он просил разрешения поговорить со мной, так сказал этот молодой щенок из крепости. Мне показалось это интересным, потому что я знала репутацию Озокана — довольно темная репутация.

Лордам свойственно часто менять власть. Тот, кто сумел подмять под себя всех соперников или избавиться от них, становится королем. Так нередко бывало и в прошлом. Под властью одного человека устанавливался непрочный мир, который немедленно затем нарушался снова, и на протяжении многих десятилетий здесь был не верховный лорд, а множество мелких, вечноссорившихся между собой.

Озокан, сын Осколда, горел желанием совершить великие дела, жаждал власти.

Такие желания в сочетании с ловкостью и удачей могли привести человека на трон, но, если такого соединения не произошло, он весьма тяжело переживал это. Я была уверена, что Озокан вооружен только лишь честолюбием. Такие люди несут опасность не только для самих себя, но и всему своему роду.

Наверное, со стороны Тасса было не вполне разумно относиться безразлично к ссорам других, потому что это усыпляло мудрость и предвидение.

Я не отказалась принять Озокана, хотя Малик считал это неразумным. Признаться, мне хотелось знать, зачем Озокану понадобился контакт с Тасса, раз он считает нас ниже себя.

Хотя он и прислал меченосца договориться о встрече, сам он пришел без эскорта, только с инопланетником, молодым человеком с приятной улыбкой и любезными словами, но за его испытующим взглядом таилось что-то темное. Озокан назвал его имя — Гек Слэфид.

Они церемонно поздоровались, и мы пригласили их к столу. Нетерпение, которое могло свести Озокана и все его планы к нулю, заставило его влезть в дело по-настоящему опасное — в основном для него, а не для меня, поскольку законы, связывающие его, не являются таковыми для моего народа.

Все стало более или менее ясно. Озокан желал получить знания об оружии других планет.

Вооружив им преданных ему людей, он мог немедленно стать военным лордом во всей стране и таким королем, какого доселе не знали.

Мы с Маликом улыбнулись про себя. Мой голос не выдавал внутреннего смеха и звучал по-детски наивно, когда я достаточно вежливо ответила:

— Господин Озокан, известно, что все инопланетники знают способ спрятать знание, прежде чем ступить на землю Иктора. А на их кораблях принимаются такие меры предосторожности, которые нельзя преодолеть.

Озокан нахмурился, но его лицо быстро разгладилось.

— Обе эти преграды я мог бы преодолеть. С вашей помощью...

— Наша помощь? О, мы имеем древние знания, господин Озокан, но они ничуть не помогут вам в данном случае. Я думаю, что наша репутация среди местных жителей может в какой-то мере пострадать. Возможно, сила Тасса и могла бы сломать барьер инопланетника, но она никогда не станет этого делать.

Но Озокан желал от нас не этого. Его мысли и желания так подгоняли его, что слова его лились, как горный поток.

— Нам нужно захватить Свободного Торговца,— сказал он.

Затем он указал на своего спутника.

— Этот господин снабдил нас информацией.

Озокан достал из поясного кармана исписанный пергамент, прочитал его, а затем разъяснил. Инопланетник улыбался, кивал и старался обшарить мой мозг, чтобы узнать, что там. Однако я держала свои мысли на втором уровне, так что решительно ничего не добился.

План Озокана был достаточно прост, но бывают такие моменты, когда простота поддерживается дерзостью выполнения, а это был как раз такой случай. Свободные Торговцы поощряли своих людей разыскивать новые товары. Таким образом, требовалось только выманить кого-нибудь из членов команды Торговцев за пределы ярмарки и ее законов и захватить его. Если Озокану не удастся выжать из пленника нужную информацию, он возьмет ее у капитана корабля как выкуп.

Слэфид согласился с этим.

— Свободные Торговцы гордятся своей заботой о команде. Если одного из них захватить, они охотно заплатят за его освобождение.

— А какое отношение к вашему плану будем иметь мы, если захотим? — спросил Малик.

— Вы будете приманкой,— сказал Слэфид.— Шоу животных заинтересует некоторых из них, поскольку им запрещено пить, играть или искать женщин на чужих планетах, и мы не можем соблазнить их обычными средствами. Пусть они придут на одно из ваших представлений. Пригласите их посмотреть, а затем придумайте какой-нибудь предлог, чтобы они вышли за пределы ярмарки. Пригласите одного из них посетить вас еще раз — и ваше участие в этом деле кончится.

— А зачем нам это? — спросил Малик с некоторой враждебностью.

Озокан посмотрел нам в лицо.

— А ведь я могу и пригрозить...

Я засмеялась.

— Грозить? Тассе? Ох, господин, вы смелый человек! У меня нет причин играть в вашу игру. Ищите другую приманку, и пусть вам сопутствует то счастье, которое вы заслуживаете.

Я протянула руку и опрокинула гостевой бокал, стоящий между нами.

Озокан покраснел и схватился за рукоятку меча, но инопланетник дотронулся до его локтя. Озокан злобно взглянул на него и вышел, не простившись. Слэфид опять улыбнулся, делая вид, что ничуть не расстроен, а просто вынужден искать другие пути к цели.

Когда они ушли, Малик захохотал.

— Они что, считают нас дураками?

Я катала гостевой бокал по гладкому зеленому краю стола и тоже спросила:

— С чего они взяли, что мы станем их орудием?

Малик медленно кивнул.

— Да, почему это? Может, они думают, что выгода или угроза так же сильна, как ваш связующий жезл?

— Видимо, я поступила неразумно, отпустив их слишком быстро.

Меня раздражало, что я сделала это недостаточно тонко.

— И вот еще что: почему один инопланетник готов похитить другого? Озокан нахватает неприятностей с любым пленником, которого он захватит.

— Не представляю,— ответил Малик.— Существовала старая вражда, хотя в наши дни она как будто забыта,

между людьми, проверяющими грузовые корабли, и Свободными Торговцами. Может, эта вражда по каким-то причинам снова ожила? Но это их дело, а не наше. Тем не менее, мы поставим Древних в известность.

Он встал и положил руки на пояс.

Я не высказала ни согласия, ни возражения. В те дни я испытывала какие-то неприятные чувства по отношению к некоторым нашим Верховным, но это было моим личным делом и не касалось никого, кроме моего клана.

Наш маленький народ показал днем свою магию и доставил зрителям громадное удовольствие. Моя гордость расцвела, как цветок лалланда под луной.

Я, как и в прежние годы, договорилась с мальчиками на ярмарке, чтобы они выискивали для меня животных. Это была моя личная служба Моластеру — я выводила из рабства — где и как могла — тех мохнатых существ, которые страдали от дурного обращения со стороны тех, кто смел считать себя человеком.

В тот вечер, когда зажглись лунные шары и мы приготовились к вечернему представлению, я сказала Малику:

— Возможно, есть способ узнать побольше об этом деле. Кто-нибудь из Торговцев придет посмотреть шоу. Если они покажутся тебе безвредными, предложи им пройти сюда после спектакля. Я поговорю с ними. Все, что мы сможем узнать, станет пищей для разума Древних.

— Лучше было бы не вмешиваться... — начал было он, но замялся.

— Дальше этого дела не пойдет, — пообещала я.

Я не знала, сколь быстро это обещание превратится в утренний туман, тающий в лучах солнца.

Слэфид оказался более чем прав: на представление пришли два Торговца. Я не умею определять возраст инопланетников, но я была уверена, что они молоды, тем более что на их туниках не было никаких вышивок. Кожа их была смуглой, как у всех космолетчиков, волосы были тоже темные и коротко подстрижены, чтобы лучше держался шлем. Они не улыбались все время, как Слэфид, и мало разговаривали друг с другом. Но когда мой маленький народ показал свои таланты, они восхищались, как дети, и я подумала, что мы могли бы стать друзьями, живи они на Икторе.

Как я просила, Малик после шоу пригласил их к нам. Когда я взглянула на них поближе, я поняла, что они не то что Гек Слэфид. Возможно, они были простыми

людьми, такими, как мы, Тасса, считаем большинство рас, но это была хорошая простота, а не невежественность, которую легко поймать на хитрость и честолюбие.

Я заговорила с одним из них, назвавшим себя Крипом Ворландом, о моей давней мечте показать мой маленький народ на других планетах.

Я встретила в нем родственный интерес, хотя он тут же указал мне на множество опасностей, которые будут препятствовать, и на то, что выполнение этого моего желания потребует много денег. Глубоко во мне вспыхнула мысль, что я, возможно, тоже имею цену, но эта мысль быстро угасла.

Этот инопланетник был по-своему красив: не так высок, как Озокан, но гораздо стройнее и мускулистее. Я подумала, что если бы он стал сражаться с сыном Осколда даже голыми руками, то последнему было бы несдобровать. Мой маленький народ очаровал его, и он им тоже понравился, и это располагало к нему, потому что животные — такие, как наши, умеют читать в душах. Фэтон, который очень застенчив с чужими, при первом знакомстве подал ему лапку и кричал вслед, когда он отошел, так что он вернулся и ласково заговорил с ним, как будто успокаивал ребенка.

Я хотела и дальше изучать этого человека и его товарища, но прибежал Уджан, мальчик с ярмарки, и рассказал о барске в жестоком плenу, и я бросилась туда.

Этот Ворланд спросил, не может ли он пойти со мной, и я согласилась, сама не зная, почему — разве что мне хотелось побольше узнать о нем.

И, наконец, быстрота его реакции спасла меня от беды, когда этот мучитель мохнатого народа, Отельм из Илта, хотел пустить в ход нож с когтистой зарубкой.

Ворланд воспользовался своим инопланетным оружием, которое не могло убить, но наносило большой вред, и остановил возможное нападение, дав мне время укротить этого низшего.

С помощью инопланетника я отняла барска и привезла его домой. Но тут я поняла, что не могу заниматься чем-то еще, пока ухаживаю за этим безнадежным существом, и отпустила Торговцев с той вежливостью, на которую была способна в своем нетерпении.

Проводив их, я сделала для барска все, что могла, применив все искусство служанки Моластера. Я видела, что

тело его можно вылечить, но с его мозгом, угнетенным болью и ужасом, не удастся установить контакт. Однако я не могла найти в себе силы послать его по Белой дороге.

Я погрузила его в сон без сновидений, чтобы лечить его и избавить от тяжелых мыслей.

— Бесполезно,— сказал мне Малик перед рассветом.— Тебе придется держать его спящим или дать ему вечный сон.

— Возможно, но пока подождем. Тут есть кое-что...

Я сидела за столом, ослабев от напряжения, тело как бы налилось свинцом, я отвечала медленно, как и медленно думала.

— Есть кое-что...

Но груз усталости не дал мне продолжить. Я с трудом встала, свалилась на кровать и крепко заснула.

Тасса могут спать по-настоящему, но при этом полностью контролируют себя. То, что я рисовала в глубинах сна, было отражением памяти, смешавшим гротескное с настоящим и рождавшим возможное будущее. Во-первых, я держала в объятиях кого-то, кто кричал в отчаянии, потому что ему тут было плохо, и смотрела на другого, с безупречно красивым юношеским телом, но без малейшего признака разума, который нельзя вернуть. Затем я шла с молодым Торговцем, но не через ярмарку, как сегодня ночью, а где-то на холмах, и знала, что это место печальное и страшное.

Но человек превратился в животное, и рядом со мной шагал барс, который вертелся туда и сюда и смотрел на меня холодными глазами, полными угрозы. Сначала он умолял, а потом ненавидел. Но я шла без страха — не из-за жезла, у меня его больше не было, а потому, что животное не могло разрушить оковы, связывающие его со мной.

И в этом сне все было ясно и имело большое значение, однако, когда я проснулась с тупой болью в глазах и с неотдохнувшим телом, это значение ушло, и остались только обрывки призрачных воспоминаний.

Но я знала, что этот сон остался в глубинах моего мозга и намеревался расти там, пока не проявится ясной мыслью. Я не отступлю от этой мысли, когда придет время привести ее в исполнение, потому что она заполняет все мое существо.

Барск все еще был жив, и мое внутреннее зрение сказали мне, что его тело поправляется. Но мы оставили его в глубоком сне, потому что для него это было самым лучшим. Когда я опустила занавески вокруг его клетки, я услышала металлический звон сапог и радостно обернулась, думая, что пришли Торговцы. Однако это оказался Слэфид, на этот раз он пришел один.

— С добрым утром, Госпожа,— приветствовал он меня на городской манер, как человек, полностью уверенный, что он здесь желанный гость.

Желая знать причину его появления, я ответила на приветствие.

Он огляделся вокруг.

— Я вижу,— сказал он,— что все в порядке?

— А почему бы и нет? — спросил Малик, выходя из загона казов.

— Здесь ничто не потревожено, но зато в другом месте прошлой ночью...

Слэфид поочередно оглядел нас и, поскольку наши лица ничего не выражали, продолжал:

— Некий Отхельм из Илта подал на вас жалобу, Госпожа, и упомянул в ней инопланетника.

— Да?

— Использование межпланетного оружия, кража ценной собственности. По законам ярмарки и то, и другое — тяжкое преступление. В лучшем случае вас ждет судебное разбирательство, а в худшем — штраф и изгнание.

— Правильно,— согласилась я.

Самой мне были не страшны жалобы Отхельма, но случай с Торговцем — дело другое. Был ли это тот случай, который Озокан мог повернуть в свою пользу? Портовый закон разрешал Торговцу носить личное оружие, потому что оно было относительно безвредно.

В сущности, оно было куда менее опасным, чем мечи и кинжалы, без которых лорды и их оруженосцы не делали и шагу. А Ворланд, защищая меня, применил свое оружие против запрещенного ножа, за ношение которого Отхельм мог быть наказан строже, чем он думал. Но дело в том, что любое невыполнение законов ярмарки восстановит начальство Торговцев против Ворланда. Мы хорошо знали о строгости их правил поведения на чужих планетах.

— Сегодня начальником городской стражи Скор, родственник Озокана.

— Что вы этим хотите сказать? — нетерпеливо спросил Малик, глядя в упор на Слэфида.

— Это значит, что вы в конце концов выполнили желание Озокана, Господин.

Слэфид улыбнулся.

— Я думаю, вы можете требовать за это благодарности, даже если он не намерен воспользоваться этим результатом.

— Я пока не улавливаю сути. В чем дело?

Он все еще улыбался.

— Тасса считают себя выше местных законов. А если здесь будут новые законы, Госпожа? Что, если легенда о Тасса окажется в основном только легендой и потребуется очень немногое, чтобы все изменить? Разве теперь вы — великий народ? Говорят, что нет, даже если вы когда-то и были великими. Вы так далеки от дел местных жителей, что они не считают вас людьми. Как вы бегаете под Тремя Кольцами, Госпожа, — на двух ногах, на четырех или парите на крыльях?

Я почувствовала себя, как воин, получивший удар меча, потому что такие слова и то, что за ними крылось, были мечом, оружием, которое, если им умело пользоваться, может вырезать весь мой род. Вот, значит, какова была угроза Озокана, с помощью которой он хотел прижать нас! Но я гордилась тем, что ни я, ни Малик не показали, что удар достиг цели.

— Вы говорите загадками, Благородный Хомос, — ответила я на языке инопланетников.

— Спрашивать о загадках и отгадках будут другие, — ответил он. — Если у вас есть безопасное место, Госпожа, вам лучше всего собираться в будущем там, иначе вы можете исчезнуть в войне, как меньший вид. Вас будут искать, пока не найдут.

— Никто не может говорить за всех, пока его не послали под щит объявлений, — заметил Малик. — Вы говорите от имени Озокана, Благородный Хомос? Если нет, то от имени кого? Что инопланетник собирается делать на Икторе? Почему угрожает войной?

— Что такое Иктор?

Слэфид засмеялся.

— Это маленькая планетка с отсталым народом, который не может добиться ни богатства, ни силы, ни оружия других миров. Его можно разрезать и проглотить, как ягоду тэка, мимоходом.

— Значит, мы все равно что ягоды тэка?

Теперь уже засмеялся я.

— Ах, Благородный Хомос, может, вы и правы. Но если съесть ягоду за день до того, как она созреет, или лишь часом позже ее созревания, желудку будет очень скверно и неуютно. Да, конечно, мы — малый и отсталый мир, и я только удивляюсь, ради каких сокровищ великие и далекие миры так заботятся о нас.

Я не надеялась легко поймать его и не поймала. Но зато и он, я думаю, ничего не узнал о нас — по крайней мере, ничего существенного, такого, что показал он сам, когда наносил свой удар, чтобы принудить нас ответить на его вопросы.

— Благодарю вас за предупреждение.

Мысли Малика шли параллельно моим.

— Нам есть что ответить суду. А теперь...

— А теперь у вас есть дела, которыми лучше заниматься без меня,— весело согласился инопланетник.— Я ухожу, на этот раз вам не придется опрокидывать кубок, Благородная Дама.

Когда он ушел, я посмотрела на Малика.

— Тебе не кажется, родич, что он был доволен собой?

— Да, он говорил о...

Но даже дома, где его мог подслушать только наш маленький народ, неспособный проболтаться или предать нас, он не хотел выражать свою мысль словами.

— Древние...

— Да.

Он кивнул.

— Сегодня полнолуние.

Жезл заскользил в моих пальцах, не холодный на ощупь, но горячий — его меняла жизнь моих мыслей.

Итак, в самом центре этой могущественной, теперь враждебной территории была возможная опасность. Однако Малик был прав: необходимость была сильнее риска. Он прочитал в моих глазах согласие, и мы занялись рутинной работой на подготовке к шоу.

В течение дня я дважды подходила к барску, каждый раз с мысленным зондом.

Его тело поправилось, но еще не настолько, чтобы можно было вывести его из сна и попытаться коснуться его мозга.

Сейчас было не время для подобных экспериментов, когда на нас давили другие.

У нас, как всегда, было много зрителей, и наш маленький народ был счастлив и доволен своей работой, а мы с Маликом постарались закрыть свой мозг, чтобы наша озабоченность не встревожила животных. Я старалась разглядеть среди зрителей Торговцев — если не тех двоих, которые были у нас, то других. Ведь если Ворланд дожил о том, что случилось в палатке Отхельма, то кто-нибудь из Торговцев мог прийти к нам по поводу этого дела. Но никого не было.

В полдень Малик послал Уджана посмотреть, кто занимается с покупателями в палатке «Лидиса». Мальчик доложил, что ни Ворланда, ни Шервина там не видел.

Может быть, они быстро закончили торговлю и ушли?

— Разумно с их стороны,— заметил Малик.— Чем меньше мы будем их видеть, тем лучше. Почему эти инопланетники ссорятся между собой и почему это на руку Озокану — нас не касается. Возможно, нам тоже придется укладываться и уходить на этих днях.

Но этого мы не могли сделать. В воздухе пахло слежкой. К вечеру беспокойство достигло маленького народа, несмотря на все мои усилия держать мозговой заслон для их спокойствия. Я дважды пользовалась Жезлом, чтобы изгнать страх из их мозгов, и выключила мощные лампы, чтобы в палатку вошла ночь. Пока все было спокойно. Страж ярмарки не потребовал меня к ответу на жалобу Отхельма. Я уже подумала, что было бы разумнее первой подать на него жалобу.

Мы разместили маленький народ по клеткам, и я зажгла по четырем углам нашего дома лунные лампы средней мощности. Затем мы с Маликом осмотрели барска и пошли снять с насеста нашего посланника.

Длиннокрылый недовольно завозился, когда Малик осторожно поставил его на стол в нашей комнате, слегка раздвинул сильные крылья и заморгал, как будто только что проснулся.

Я зажгла порошок, чтобы крылатый пил дым. Он полураскрыл клюв, и его тонкий язычок задвигался туда-сюда, с невероятной быстротой. Затем Малик взял в ладони его голову, чтобы я могла фиксировать своим взглядом красные глаза птицы.

Я запела, но не громко, как обычно принято, а полушиптом, чтобы никто чужой не услышал.

Я вложила много усилий, зажав жезл в ладонях, пока он не загорелся жарким огнем, и держала его ровно,

чтобы его энергия могла перейти через меня в посланца. Когда я кончила петь, моя голова откинулась назад, и у меня едва хватило сил сесть на стул, чтобы не упасть.

Теперь Малик смотрел в глаза посланца и говорил быстрым, резким шепотом, вкладывая в его мозг слова, которые посланец должен был передать в том далеком месте, куда он полетит.

Закончив, Малик надел плащ, закрыл им птицу, которая прижалась к его груди, и вышел в темноту. Он пошел на луг, где иногда паслись наши животные, в сторону от палатки и ларьков.

У меня не было сил встать, и я продолжала сидеть, чувствуя тяжесть во всем теле. Собственно, я даже не сидела, а почти лежала на столе, обхватив его руками, близкая к обмороку.

Я не спала. Мои мысли бесконтрольно носились в разные стороны, пробивалась память, требуя здравого и осторожного размышления.

Я еще раз увидела мысленное изображение: лицо Торговца в темноте над тем лицом, которое я знала гораздо лучше, и оба стерлись, превратившись в рычащую маску проснувшегося животного.

Мне показалось, что это очень важно, но я не могла понять — почему именно.

Затем у меня возникло желание послать скитающуюся мысль, хотя я знала, что нужная для этого концентрация усилий вне пределов моих возможностей.

Однако я твердо решила, что сделаю это. Узнаем ли мы будущее или только одну из его вероятностей? Имея читающий луч, не повернем ли мы бессознательно на тот путь, который нам откроется? Я много раз слышала споры учёных по этому поводу и почти уверила, что это окажет влияние на выбор личного будущего, к чему многие относились с отвращением.

За пользование этим лучом Древние могут призвать нас к ответу. Но я должна буду это сделать, когда моя сила вернется ко мне. Приняв это решение, я уснула.

Тело мое было скорчено и напряжено, но зато мои мысли ушли и оставили меня в покое.

Г л а в а 5. Крип Ворланд

Закон причины и следствия не из тех, что наша раса или любая другая может отменять.

Можно надеяться на лучшее, но нужно быть готовым и к худшему. Мне пришлось безвыходно сидеть в корабле и я, рассуждая здраво, не мог спорить с этим. По-моему, мне еще повезло, что капитан Фосс не добавил к этому минимальному наказанию черную отметку в моих документах; другие командиры так и сделали бы.

У меня была личная пленка, которую мы все носим в поясе, и она дала правильный ответ о скандале в палатке торговца животными и подтвердила, что мои враждебные действия были вызваны необходимостью защиты уроженки Иктора, а не просто собственной шкуры. К тому же Фосс знал о Тасса и их положении больше, чем я. Он с удовольствием запер бы не только меня, но и всю команду. Я оставался в нашем ларьке в течение нескольких часов торговли, но мне ясно дали понять, что малейшее нарушение приказа приведет Крипа Ворланда к полнейшему краху.

Капитан сказал мне, что ожидает какой-нибудь жалобы со стороны властей ярмарки, но будет защищать меня в любом суде, и лучшим аргументом послужит моя пленка.

Большая часть утра в ларьке прошла как обычно.

У меня не было даже малейшей возможности пойти поохотиться для себя, так как меня лишили этой привилегии на Икторе. В свободные минуты я вспоминал о мечте Майлин выйти в космос с шоу животных. Насколько мне было известно, такого никогда не было.

Но и все препятствия, о которых я рассказал ей, тоже существовали.

Животные не всегда привыкают к новым условиям. Некоторые животные не могут жить вне своего родного мира и едят только специальную пищу, которую нельзя транспортировать, или же не выносят условий жизни на корабле.

Но, допустим, какой-то вид сможет преодолеть такие трудности и привыкнет к звездным странствиям — будет ли подобное рискованное предприятие прибыльным? Разум Торговца всегда первым делом поворачивается к этому вопросу и готов мчаться к любому солнцу, если ответ будет положительным.

Я мог судить о представлении прошлой ночью только по собственной реакции, а личное суждение могло быть случайным. Мы издавна привыкли проявлять свой энтузиазм при первой вспышке интереса и обычно далеки от

того, чтобы проверить и перепроверить все, прежде чем пуститься в какую-либо авантюру.

Я вспомнил барска, которого Майлин так решительно спасла. Почему именно его? Там были и другие, явно подвергшиеся дурному обращению животные, но ее интересовал только барск.

— Да, это животное редкое, его не увидишь в неволе, но почему...

— Господин!

Кто-то дотронулся до моего рукава. Я стоял в дверях спиной к улице. Обернувшись, я увидел оборванного, босого мальчишку, перебирающего грязными ногами. Он прижал руки к животу и часто кивал головой в «великом поклоне».

Я узнал его: это был тот самый, который вел нас прошлой ночью.

— Чего тебе?

— Господин, Госпожа просит тебя прийти к ней. Так она сказала.

Больше для порядка, я на секунду задержался с ответом.

— Передай Госпоже,— начал я речь в стиле иикторианской вежливости,— что я нахожусь под влиянием слова лорда моей Лиги и поэтому не могу поступать так, как она желает. Мне очень прискорбно, что я должен сказать это, клянусь кольцами Истинной Луны и Цветением Хресса.

Он не уходил. Я достал из кармана монетку и протянул ему.

— Выпей сладкой воды за меня, посланец.

Он взял монетку, но не ушел.

— Господин, Госпожа очень этого желает.

— Разве может присягнувший-на-мече следовать своим желаниям, если он под приказом своего лорда? — возразил я.— Скажи Госпоже то, что я сказал. У меня в этом деле нет выбора.

Он пошел, но так неохотно, что я удивился.

Извинение, которое я принес, звучало вполне приемлемо для любого человека на Иикторе. Вассал был связан со своим лордом, и приказ лорда был выше, много выше любых личных желаний, даже выше, чем жизнь.

Зачем Майлин послала за мной, инопланетником, который даже незнаком ей, если не считать совместного участия в маленьком приключении с барском и его хозяином? Осторожность говорила, что лучше держаться подальше от

палатки Тасса, от маленького народа и от всего, что связано с ним.

Однако я помнил ее серебристо-рубиновый наряд, ее саму, как она стояла не рядом со своими животными, а в стороне, как будто тоже просто смотрела на них. Я вспомнил, как она заботилась о барске, ее высокомерное презрение, заморозившее продавца животных, когда ее жезл связал его. Люди приписывали Тасса странную власть, и, похоже, в этих слухах была доля истины — по крайней мере Майлин подтверждала, что так оно и есть.

Мне не пришлось долго размышлять, потому что в ларек влетели два богатых северных купца.

Сами они не торговали, но предлагали различные изделия в обмен на наш легкий груз — мелкие предметы роскоши, которые легко было поместить в корабельное хранилище и получить хороший доход при малом объеме.

Капитан Фосс приветствовал их как своих постоянных покупателей, которых привлекал не обычный наш груз, а наши собственные легкие изделия. Это были подлинные аристократы купеческого класса, люди, которые сколотили себе твердый капитал и теперь спекулировали вещами, вытаскивая деньги из кошельков дворян.

Я подал гостевые кубки — пластика-кристалл с Фарна, — отражавшие свет бриллиантовым блеском.

Они так сверкали в руке, будто были сделаны из капель воды. На их круглые чаши и тонкие ножки можно было с размаху наступить магнитной подошвой космического ботинка, и они не разбивались.

Фосс налил в них виски с Арктура, и темно-розовая жидкость засияла в них, как рубины на воротнике Майлинов.

Я сурово изгнал ее из своих мыслей и почтительно стоял, ожидая, когда Фосс или Лидж подадут мне знак показать что-нибудь.

С купцами вошло четыре носильщика, все старые.

Служащие встали возле своих хозяев и поставили перед ними маленькие ящики, которые принесли с собой. Несмотря на строгие законы на ярмарке, они подчеркивали ценность своего груза тем, что были вооружены не кинжалами, как обычно, а мечами для его защиты.

Однако я никогда не видел, чтобы они держались так настороженно. В переднюю дверь ларька донесся пронзительный свист, и вся волна шума, к которому мы привыкли в течение нескольких дней, разом смолкла на-

столько, что можно было разобрать слабый звон оружия, стук мечей, извещавших о прибытии отряда судейских чиновников ярмарки.

Их было четверо, и они были так вооружены, словно собирались осаждать крепость. Их вел человек в длинной мантии, одна половина которой была белой, хотя и сильно запыленной, а вторая — черной, что символизировало две стороны правосудия. Он был без шлема, увядший венок из цветов хрецса слабо болтался на его голове. Мы поняли, что это жрец, чья времененная обязанность состояла в том, чтобы хоть слабо, но напомнить, что на этот раз дело касается вопросов религии.

— Слушайте внимательно! — провозгласил он высоким голосом, специально тренированным для проповедей.— Это правосудие Луны Колец, милостью Моластера, по воле которого мы бегаем и ходим, живем и дышим, думаем и действуем! Пусть выйдет вперед тот, кого признает Моластер,— тот инопланетник, который поднял оружие в границах ярмарки Луны Колец!

Капитан Фосс мгновенно очутился перед жрецом.

— По чьей жалобе присягнувшие Моластеру вызывают моего вассала? — ответил он, как полагаясь отвечать на вызов.

— По жалобе Отхольма, клявшегося у алтаря и перед мудрейшим. Должен быть дан ответ.

— И он будет дан,— согласился Фосс.

Он чуть заметно мигнул мне, чтобы я подошел. Моя личная пленка была в кармане его туники. Она вполне могла оправдать меня за применение стоннера. Но коль скоро мы должны были передать ее смешанному суду жрецов и торговцев — это дело другое, и я понял, что конференция между капитаном и северными людьми имела важное значение.

— Отпустите меня,— сказал я на базике.— Если они предполагают сразу же судить меня, я пришло записку.

Вместо ответа Фосс обернулся и крикнул в глубину ларька:

— Лалферн!

Эльфрик Лалферн, длинный, тощий парень, не имел регулярных обязанностей в ларьке, кроме того, что помогал упаковывать и распаковывать товар.

— Этот человек,— сказал Фосс жрецу,— пойдет, как мои глаза и уши. Если мой присягнувший-на-мече попадет под суд, этот человек известит меня. Это дозволено?

Жрец посмотрел на Лалферна и через секунду кивнул. Он протянул руку к стоннеру в моей кобуре, но пальцы Фосса уже держали приклад, и капитан вытащил оружие.

— Это оружие уже больше не его. Оно останется здесь — как полагается.

Я подумал, было, что жрец запротестует, но капитан был прав, поскольку на Икторе считалось, что оружие подчиненного является законной собственностью лорда и может быть потребовано в любое время, особенно, если лорд считает, что его присягнувший-на-мече нарушил какое-нибудь правило.

Итак, без всяких средств защиты я шагнул вперед и занял свое место между двумя стражниками. Лалферн пошел сзади в нескольких шагах от нас. Хотя стоннер — не бластер, я носил его чуть ли не всю жизнь и твердо знал, что он висит у меня на поясе. А теперь я почувствовал себя каким-то голым среди необычной напороженности вокруг.

Сначала я пытался уверить себя, что это просто реакция на то, что я, безоружный, нахожусь в зависимости от чужого закона чужой планеты.

Но мое беспокойство возросло, когда я понял, что это одно из предупреждений, идущих наравне с самым слабым даром эспера, который был у большинства из нас, при рожденных космонавтов. Я оглянулся на Лалферна как раз во время, чтобы увидеть, что он тоже оглянулся через плечо и взялся, было, за рукоятку стоннера, но снова опустил руку, сообразив, что этот жест может быть неправильно истолкован.

Только тогда я обратил внимание на путь, по которому меня вели. Мы должны были направляться к Большой Палатке, где в течение десяти дней ярмарки помещался суд. Я увидел широкий карниз крыши над палатками и ларьками впереди, но значительно левее. Мы шли по краю ярмарки, по пространству, где стояли палатки тех лордов, которые не жили в Ирджаре.

— Последователь Совета! — громко обратился я к черно-белому жрецу, который шел так быстро, что нам пришлось увеличить шаг, чтобы не отстать от него.— Куда мы идем? Суд находится...

Он не повернул головы и не подал даже вида, что слышит меня. Теперь я увидел, что мы повернули от последнего ряда торговых ларьков к палаткам лордов. Здесь никого не было, кроме двух-трех слуг.

— Хэлли, Хэлл!

Он выскочил из укрытия, этот водоворот людей, врезался в наш маленький отряд, подняв на дыбы своих верховых животных, которые были пеших своими тяжелыми копытами. Я услышал яростный крик Лалферна. Затем стражник справа от меня дал мне такого тычка, что я, пытаясь удержаться на ногах, влетел между двумя палатками.

Острая боль в голове — и на время все кончилось.

Боль отправила меня во тьму, она же и вывела меня из нее или сопровождала меня, когда я неохотно приходил в сознание. Сначала я не мог понять, что терзает мое тело. Потом я осознал, что лежу на спине грузового каза привязанный и меня больно подбрасывает при каждом шаге животного. Я слышал шум, человеческие голоса, и было ясно, что меня сопровождают несколько всадников. Но говорили они не по-ирджарски, и я ничего не понимал, кроме некоторых отдельных слов.

Не знаю, долго ли длился этот кошмар, потому что я несколько раз впадал в беспамятство. И помолился о том, чтобы мне не выходить из благостного мрака, и он тут же поглотил меня.

Жизнь в космосе закаляет тело, оно привыкает к стрессам, напряжениям и опасностям и нелегко сдается при дурном обращении, что я болезненно констатировал в последующие дни. Меня сняли с каза самым простым способом: перерезали путы и скинули на жесткую мостовую.

Надо мной мерцали факелы и фонари, но мое зрение было так затуманено, что я лишь смутно различал фигуры своих похитителей, двигавшихся вокруг. Затем меня взяли за плечо и потащили, после чего столкнули по крутым склону в слабо освещенное место.

Сказанного мне я не понял, и какая-то фигура опустилась за мной. В лицо мне плескали жидкость, и я задыхался. Вода была хороша для моих пересохших губ, и я облизал их горящим языком. Меня схватили за волосы, чуть не вырвали их с корнем, подняли голову, и мне в рот полилась вода, чуть не задушившая меня, но я ухитрился сделать несколько глотков.

Этого было недостаточно, но все-таки мне сделалось легче. Рука, державшая мои волосы, отпустила меня, я ударился головой о пол и снова впал в небытие.

Когда я пришел в себя после обморока, кругом была пугающая тьма. Я моргал и моргал, пытаясь прояснить

зрение, пока не сообразил, что тут виноваты не глаза, а место, где я нахожусь. С бесконечными усилиями я приподнялся на локте, чтобы лучше видеть место моего заключения.

Тут не было ничего, кроме грубо сколоченной скамьи. Пол был покрыт вонючей соломой.

В сущности, здесь кругом воняло, и тем сильнее, чем больше я принюхивался.

На одной стене на высоте моего роста было прорезано узкое окно, но через него проходил сероватый свет, не достигающий темных углов. На скамье я увидел кувшин, и он сразу же сделался для меня самой интересной вещью.

Я не мог встать на ноги. Даже попытки сесть вызывали такое головокружение, что я закрыл глаза и унесся куда-то в пространство.

Наконец, я кое-как добрался до сосуда, обещающего воду, дополз на животе, извиваясь, как червяк, по холодному полу.

В кувшине действительно оказалась жидкость — не просто вода, но с чем-то смешанная, поскольку у нее был острый, кислый вкус, связывающий рот, но я пил. Я представил себе, что это вино, и пытался разумно ограничить себя, но как только вода попала мне на язык, облегчая мучительно пересохший рот и глотку, разлетелись все мои намерения оставить кувшин, пока жидкость еще плещется в нем.

В голове прояснилось, и скоро я уже мог двигаться без приступов головокружения. Возможно, странный вкус воды придал какой-то наркотик или стимулятор. В конце концов я доковылял до оконной щели посмотреть, что там снаружи.

Там еще светило солнце, но его лучи доходили до меня только отраженным светом: поле зрения было исключительно узким. На некотором расстоянии возвышалась крупная серая стена, напоминающая крепости Ииктора. Больше ничего не было видно, кроме мостовой, которая, по-видимому, шла от основания того здания, в котором я находился, до той стены.

Затем мимо моей щели прошел часовой.

Он не задержался, но мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что это — вассал какого-нибудь лорда, потому что он был в кольчуге и шлеме, а на плаще была желтая нашивка с черным гербом. Я не успел разглядеть герб, да и не смог бы расшифровать его, поскольку геральдика на Иикторе не касалась Торговцев.

Желтое с черным — я ведь видел эту комбинацию! Но когда и где? Цвет...

В последнее время я думал о цветах — о серебряном и рубиновом — костюма Майлин, гвоздично-розовом и сером — ее вывески, которая оказывала какое-то странное влияние, о цветах вывесок других мест развлечений, тусклокрасном с зеленым вывески игорного дома, которая не просто зазывала — она кричала!

Игорная палатка! Обрывки памяти сложились в мысленную картинку. Гек Слэфид за столом, столбик фишек, как башня удачи, и слева от него — молодой лорд, который так пристально вглядывался в меня, когда мы с Майлин проходили мимо. На нем тоже был плащ, блестящий, полушелковый, ярко-желтый с вышитыми на груди черными знаками орла. Но из этих обрывков я пока не мог сложить приемлемую картину.

У меня былассора с одним икторианцем — с Отхельмом, но не с молодым человеком в желтом и черном. И я не мог найти логической связи между двумя так далеко отстоящими друг от друга людьми.

Продавец животных не мог быть под протекцией лорда. Мое звание икторианских обычаяев было полным настолько, насколько пленки Торговцев могли их описать, но для того чтобы изучить все тонкости социальной жизни и обычаяи, потребовалась бы многие годы.

Вполне могло быть, что ссора с Отхельмом привела меня к теперешнему ужасному положению.

Где бы я сейчас ни был, это место не в районе ярмарки. Это было более чем странно. Я мог вспомнить только часть своего пути на спине каза. Меня схватили в Ирджаре, я был насильно выведен из юрисдикции суда ярмарки, и это настолько противоречило всему, что мы знали об обычаях, что трудно было поверить в случившееся. Те, кто захватил меня, а также тот, кто отдал такой приказ, и тот, кто договаривался об этом деле, могут быть поставлены вне закона, как только станет известно о моем исчезновении.

Какую ценность я представлял, чтобы платить за меня столь дорого? Только время и мои похитители могли ответить на этот вопрос. Но, похоже, это будет не скоро, потому что время идет, а ко мне никто не приходит. Я проголодался и, как ни старался растянуть запас воды, все-таки выпил ее и опять чувствовал жажду.

Тусклый свет погас, когда кончился день, и ночь окутала меня темными волнами. Я сидел, прислонившись к стене против двери, и прислушивался, чтобы собрать какую-нибудь информацию. Время от времени до меня доходили какие-то искаженные и приглушенные звуки. Послышался звук горна, видимо, извещавший о чьем-то прибытии. Я снова встал и поплелся к окну. На серой стене плясал луч фонаря, и я услышал голоса. Потом промелькнули человеческие фигуры, одна в дворянском плаще, шага на два впереди других.

Вскоре я услышал звяканье металла на лестнице. Что-то толкнуло меня поспешить вернуться на старое место к стене против двери. Блеснул свет, достаточно сильный, чтобы ослепить меня и скрыть тех, кто стоял в дверях. Только когда они вошли в мою камеру, я немного разглядел их.

Это были те, кто прошел мимо окна.

Теперь я узнал в лорде юношу из игорной палатки.

Есть один трюк, старый, как мир, и я применил его: молчи, чтобы твой противник заговорил первым. Так что я не стал обращаться с просьбой об объяснении, а просто спокойно изучал их.

Двое поспешно отодвинули скамью от стены, и лорд сел с видом человека, которому обязаны предоставить удобства.

Третий сопровождающий повесил фонарь на крючок в стене так, чтобы вся камера была освещена.

— Эй, ты!

Не знаю, удивило ли лорда молчание или нет, но в его тоне слышалось раздражение.

— Ты знаешь, кто я?

Это было классическое начало разговора между иикторианскими соперниками — хвалиться именами и титулами, дабы подавить возможного врага грузом своей репутации.

Я не ответил. Он нахмурился и наклонился вперед, положив кулаки на колени и расставив локти.

— Это лорд Озокан, старший сын лорда Осколда, Щит Иокледа и Юхсесона, — пропел человек, стоявший возле фонаря, голосом профессионального военного герольда.

Имена сына и отца мне ничего не говорили, и земли, которые они представляли, были мне незнакомы. Я продолжал молчать.

Я не видел, чтобы Озокан сделал какой-нибудь жест, отдал какой-нибудь приказ, но один из его воинов шаг-

нул ко мне и так хлестнул меня по лицу ладонью, что я стукнулся головой о стену и едва не потерял сознание от боли. Усилием воли я поднялся на ноги, стараясь, насколько возможно, сохранить ясность ума. Но будет ли такая возможность? Они собирались силой взять у меня что-то нужное им.

Озокан грубо объяснил, чего они желают.

— У вас есть оружие и знания, инопланетный бездельник, и я получу их от тебя тем или иным способом.

Тут я в первый раз ответил, с трудом шевеля распухшими от удара губами:

— А ты нашел на мне оружие?

Я не стал титуловать его.

Он засмеялся.

— Нет, ваш капитан весьма умен. Но знание при тебе. А если твой капитан хочет увидеть тебя снова, то мы будем иметь также и оружие, и очень скоро.

— Если ты хоть что-нибудь знаешь о Торговцах, тогда ты должен знать, что у нас поставлены мозговые ограничители против подобного разглашения тайны на чужих планетах.

Его улыбка стала еще шире.

— Да, я слышал. Но у каждого мира свои секреты, ты это тоже знаешь. У нас есть несколько ключей к таким мозговым щеколдам. Если они не сработают — очень жаль. Но твоему капитану будет о чем поразмыслить, и он должен будет сделать это быстро. А что касается знаний — давай их сюда.

Последний его приказ щелкнул, как кнут.

Я не хочу вспоминать о том, что было потом в комнате с каменными стенами. Те, кто принимал участие в допросе, были настоящими специалистами в своем деле. Не знаю, то ли Озокан действительно был уверен в том, что я смогу, если захочу, выдать ему то, что он хотел знать, то ли занимался этой игрой для собственного удовольствия. Большая часть всего этого совершенно исчезла из моей памяти. Всякий эспер, даже самый слабый, может частично закрыть сознание, чтобы сохранить равновесие мозга.

Они не смогли узнать ничего стоящего и были достаточно опытны в своем грязном ремесле, чтобы не терзать меня беспрерывно. Однако я довольно долгое время не знал об их уходе, да и вообще о чем бы то ни было. И когда боль снова наполнила меня, за окном был бледный день.

Скамья стояла у стены, и на ней снова был кувшин и еще блюдо с чем-то вроде замороженного сала.

Я подполз к скамье, выпил горькой воды, и мне стало чуть-чуть лучше, но прошло много времени, прежде чем я решился попробовать пищу.

Только сознание, что необходимо иметь силы, заставило меня двигаться и давиться этой тошнотворной пищей.

Теперь я знал: Озокан похитил меня в надежде обменять на оружие и информацию, без сомнения, для того, чтобы с их помощью претендовать на королевский трон.

Дерзость этого акта означала, что он либо имел сильную поддержку и мог противостоять законам ярмарки, либо надеялся столь быстро захватить трон, что власти не успеют выступить против него. Безрассудность его поступка граничила с крайней глупостью, и я не мог поверить в такие его надежды. Только в последние часы я сообразил, что он уже настолько перешагнул границы, что ему ничего больше не оставалось, как держаться этого опасного пути. Он уже не мог повернуть обратно.

Нечего было и думать, что капитан Фосс заплатит за меня требуемый Озоканом выкуп. Хотя Торговцы были тесно связаны между собой и начальство вело себя честно со всеми, ни команда «Лидиса», ни добрая слава Свободных Торговцев не будут и не могут подвергаться риску ради жизни одного человека. Эл Фосс может только пустить в ход машину Иктоторианского закона.

Знает ли он, где я? Что осталось с Лалферном?

Если ему удалось удрать от всадников, то Фосс уже знает, что я похищен, и может принять контрмеры.

Но сейчас я должен был рассчитывать не на пустые надежды, а на собственные силы.

Я думал и думал.

Г л а в а 6.

Как ни измучен я был, я пустил в ход мыслеволовитель. Сейчас как раз было такое место и время, когда могут помочь только отчаянные методы. Поскольку мыслеволовитель по-разному действует у разных рас и народов, я не надеялся на какое-то открытое сообщение, может, и вообще никакого не будет. Получалось вроде того, будто я пытаюсь вести перехват радиопередачи в таком широком диапазоне, что мой приемник ловит лишь смутный узор.

Я уловил не слова, не отчетливые мысли, а только ощущение страха. И эта эмоция временами была такой осторой, что было ясно: тот, кто излучал ее, явно был в опасности.

Укол здесь, укол там — возможно, каждый из них сигнализировал об эмоциях разных людей, защитников крепости. Я поднял голову к бледному окошку и прислушался. Оттуда не доносилось никаких звуков. Я кое-как встал и посмотрел. Да, был уже день, даже узкая полоска солнечного света на той стене. Там царило полное спокойствие.

Я снова закрыл глаза от света и послал улавливающую мысль к одному из уковов страха, чтобы определить источник этих эмоций. Большая часть их все еще плавала вне поля моего действия. Одно такое ощущение я поймал поблизости от двери моей тюрьмы — по крайней мере, мне так показалось. Я стал зондировать этот мозг со всем усердием, какое только было возможно. Это было равнозначительно чтению затянутой пленки, которая была не только плохо проявлена, но и изображала чужие символы. Эмоции ощущались, потому что базис эмоций одинаков для всех. Все живые существа знают страх, ненависть, радость, хотя источники и основания для этих чувств могут быть различными. Как правило, страх и ненависть — самые сильные эмоции и их легче всего уловить.

В этом мозгу ощущался растущий страх, смешанный с гневом, но гнев был вялым, он, скорее, был порожден страхом. А к кому, к чему?

Я закусил губы и послал весь остаток сил, чтобы узнать. Страх, боязнь чего-то, кого-то отсутствующего, идущего?

Нужно избавиться... от МЕНЯ!

Эта ломаная мысль пришла так отчетливо, что я выпрямился, как будто встречал физический удар, хотя тут не было никого, кто бы мог его нанести. Я понял, что причиной страха было мое присутствие здесь.

Озокан? Нет, не думаю, чтобы лорд, который пытался силой выудить из меня сведения, вдруг сменил позицию.

Укол... Я подготовливал свой мозг, отгоняя изумление, возвращаясь к терпеливой разработке этих путаных мыслей: пленник — опасность — не я лично был опасен, но мое пребывание здесь как пленника было опасным для думающего. Может быть, Озокан настолько преступил законы Ииктора, что те, кто помогал ему или повиновал-

ся его приказам, имели основания бояться последствий?

Могу ли я рискнуть на контрвнущение?

Страх очень многих толкает к насилию.

Если я увеличу перехваченный мною страх и сконцентрирую его, меня тут же прикончат. Я взвесил все «за» и «против», пока устанавливал связь между нами.

В том, на что я решился, было так мало надежды на удачу, что над ним уже витала тень провала. Я собирался послать в этот колеблющийся мозг мысль, что с исчезновением узника уйдет и страх, но узник этот должен обязательно уйти живым. В самом простом сигнале, какой я только мог придумать, я с максимальным усилием послал эту мысль-луч по линии связи.

Одновременно я продвигался вдоль стены к скату, который вел в камеру. По дороге я взял кувшин, выпил остатки воды и крепко зажал его в руке. Я старался вспомнить, куда открывается дверь, поскольку мои глаза были ослеплены, когда вошел Озокан — наружу? Да, конечно, наружу!

Я поднялся до половины ската и ждал.

Освободить пленника... не будет страха.

Сильнее... Он идет ко мне! Остальное будет зависеть только от удачи. И когда человек кладет свою жизнь на такие весы, это страшное дело.

Я услышал звон металла — дверь открывалась.

Ну!

Дверь качнулась назад, и я бросил вперед не только кувшин, но и заряд страха, направленный по линии связи между мозгом стражника и моим.

Кувшин ударился о голову стражника, тот вскрикнул и отлетел назад. Я поднялся наверх, собрав последние силы, и вышел в дверь. Даже в этом внутреннем коридоре был ослепительный свет. Человек, открывший дверь, валялся у противоположной стены. Он прижал руки к лицу, и между пальцами текла кровь. Он стонал.

Моей первой мыслью было обыскать стражника и взять его меч. Даже с незнакомым оружием я чувствовал себя увереннее. Стражник не сопротивлялся.

Я подумал после, что заряд страха, ударивший в его мозг, был более сильным и неожиданным ударом, чем тот, который нанес его телу кувшин.

Я взял его за плечо и столкнул вниз, в тот погреб, откуда я вышел. К счастью, он оставил закрывающий прут в двери, так что я быстро повернул его и удалился.

Для начала я осмотрелся. Свет резал мои привыкшие к темноте глаза, но я решил, что сейчас поздний вечер. Сколько дней я провел в камере, я не знал, поскольку смена дней и ночей ускользнули от меня.

Во всяком случае, сейчас в этом коридоре не было никого, а мои планы не шли дальше сиюминутных. Мне надо было добраться до выхода, и я не был уверен, что не встречу кого-нибудь из гарнизона.

Мыслеуловитель был слишком слаб для разведки: я полностью израсходовал свой талант Эспера, когда заставил стражника открыть мою камеру.

Поэтому мне приходилось рассчитывать только на физические средства и на оружие, которым я не умел пользоваться.

Я пробирался по коридору, прислушиваясь ко всякому звуку, который известил бы меня о нежелательной встрече. Я увидел такое же узкое окно-щель и остановился, чтобы посмотреть наружу.

Тоже небольшая часть двора, окруженная стеной, часть ворот, теперь закрытых, с таким порталом, в котором мог бы поместиться целый отряд. Если это был единственный выход отсюда — я пропал.

Коридор повернул влево. В него выходили двери, и далеко впереди я услышал голоса. Но другого пути не было, и я пошел вдоль стены, сжимая в руке меч.

Первые две двери, врезанные в стену, были закрыты, за что я вознес бы благодарственную молитву, если бы имел возможность ослабить внимание. Я знал, что мои способности Эспера упали очень низко, но все-таки старался использовать их остаток для нахождения какой-либо жизни поблизости.

Слабое мерцанье. Я уже знал по звуку голосов, что в одной из дальних комнат по крайней мере два человека, и мыслеуловитель подтвердил это, но ведь их могло быть и десять. Я не справлюсь с ними.

Я пошел дальше. Голоса стали громче.

Я уже различал слова на незнакомом языке. Повышенный тон указывал на ссору.

Из полуоткрытой двери лился яркий свет. Я остановился и осмотрел дверь.

Она тоже открывалась наружу, и щеколда запиралась, как обычно в тюрьме — прут вставлялся в отверстие и поворачивался. Я держал взятый мной прут в левой руке. Подойдет ли он к этой двери?

Смогу ли я прикрыть дверь, чтобы люди внутри не заметили?

Я не рискнул заглянуть в комнату, но голоса там поднялись до крика, и я надеялся, что они в своей ссоре не обратят внимания на дверь.

Я сунул меч за пояс, взял прут в правую руку, а ладонью левой осторожно нажал на дверь, но она оказалась слишком тяжела для такого легкого прикосновения.

Я толкнул сильнее и замер: любой предательский скрип, какой-нибудь перерыв в разговоре могли показать мне, что я сделал ошибку.

Но дверь все-таки двигалась дюйм за дюймом и, наконец, плотно прижалась к коробке. Скандал в комнате продолжался.

Я вложил прут в отверстие скользкими от пота пальцами. Он слегка упирался, и я готов был бросить это, но вдруг он со щелчком встал на место, и я повернулся.

Все в порядке — замок закрылся.

Там, внутри, так шумели, что даже не заметили, что их заперли. Мне уже дважды везло, я и подумал, что такая удача слишком хороша, чтобы продолжаться и дальше.

Коридор еще раз повернулся, и я опять мог заглянуть в окно. Я угадал правильно — был вечер, отблески заходящего солнца лежали на мостовой и на стене. Ночь, как известно, — друг беглеца, но я даже не думал о том, что буду делать в незнакомой местности, если выйду из укрепления. Два шага за один раз не делаются — и я думал только о том, что должен сделать сию минуту.

Передо мной была широко раскрытая дверь во двор. Я все еще слышал позади голоса ссорящихся, но пытался теперь уловить звуки снаружи. Оттуда донесся резкий, высокий звук, но это кричал каз, а не человек.

Я встал в глубине двора, держа меч в руке. Налево был навес, где стояли казы, их треугольные морды с жесткой, торчащей вверх шерстью, качались из стороны в сторону. Из их пасти свисали изжеванные листья, из чего я понял, что им только что задали корм.

На миг я задумался над возможностью взять одно из животных, но с сожалением отказался от этой затеи. Мыслеуловитель работает с животными, даже чужой породы, лучше, чем с гуманоидами, это верно, но концентрация сил, которая потребуется для контроля над животным, возможно, неуправляемым, была сейчас мне не по силам.

Я должен был рассчитывать только на себя, на свои физические возможности.

Здание, из которого я вышел, отбрасывало длинную тень. Я не мог видеть других ворот, но попытался добраться до самого темного места между двумя тюками корма для казов, и это мне удалось.

Отсюда я видел много лучше. Направо виднелись широкие ворота, крепко запертые. На них было что-то вроде клетки. Я уловил в ней движение и тут же присел за тюк. Часовой! Я ждал окрика, стрелы из лука или вообще какого-нибудь знака, что меня видели.

Вряд ли я прошел незамеченным. Но прошло несколько секунд, и ничего не произошло. Я начал думать, что часовой обязан смотреть в ту сторону стены, а не во двор.

Я прикинул, как мне двигаться: сначала под прикрытием тюков, затем позади навесов; я медленно пошел, хотя каждый нерв во мне требовал скорости, но бег мог привлечь внимание, а, продвигаясь ползком, я сливался с тенью.

Проходя мимо загона, я сосчитал животных в надежде получить некоторое представление о численности гарнизона. Здесь было семь верховых животных, четверо использовались как вьючные. Но это ничего не давало, поскольку в гарнизоне могли быть и пехотинцы. Однако малое число верховых животных в загоне, явно построенном для гораздо большего количества, указывало на то, что в резиденции остался лишь основной костяк, а это означало также, что Озокан и его подчиненные уехали.

Вдруг во дворе появился мужчина. На плечах он нес коромысло с ведрами воды, которые он опорожнил в каменный желоб.

Вода медленно стекала по желобу в стойла казов.

С пустыми ведрами он пошел дальше. Я в своем укрытии почувствовал внезапный подъем духа: как раз в это время человека охватило столь сильное желание, что оно дошло до меня совершенно отчетливо.

Страх в нем уступил место решимости, а решимость была так сильна, что я смог уловить это. Возможно, он отличался от своих товарищей какой-нибудь мозговой извилиной, которая делала его более открытым для моего дара эспера.

Это был третий подарок судьбы за сегодняшний день.

Я был уверен, что этот человек будет действовать, отложив свои обязанности, но пользуясь ими как прикрытием

для своих целей. И наступил момент, когда требовалось немедленное действие, иначе он может не успеть. С коромыслами и пустыми ведрами он открыто зашагал вдоль стены, а я скользил за ним, потому что он шел как раз туда, куда мне хотелось.

В другом конце двора был колодец. Из центра здания тянулось крыло. Оно острым углом огибало колодец, как будто каменный блок протягивал руку, чтобы укрыть источник драгоценной воды.

В крыле было много узких щелевидных окон и дверь. Человек, за которым я шел, не остановился у колодца, а быстро огляделся по сторонам и прислушался. Видимо, успокоенный, он быстро вошел в дверь крыла. Я подождал немного и последовал за ним.

Тут было нечто среднее между арсеналом и складом. На стенах висело оружие, разные приспособления лежали аккуратными кучками. Отчетливо пахло зерном и другой пищей для людей и животных, позади одного тюка с провизией валялись ведра и коромысло. Смесь страха и желания у моего гида точно вела меня по следу.

Я прошел в другую дверь, полускрытую мешком с зерном, и вышел на узкую лестницу, достаточно крутую, чтобы у человека, посмотревшего вверх, закружилась голова. Здесь я остановился, услышав шаги. Сжигаемый нетерпением, я ждал. Когда все затихло, я медленно двинулся вниз, с усилием ставя ноги и боясь, как бы мое измученное тело не подвело меня.

К счастью, спуск был коротким. Внизу оказался проход, шедший в одном направлении. Здесь было темно, и я не видел ни искорки света, которая указывала бы на то, что мой гид пользуется фонарем или факелом. Видимо, он хорошо знал дорогу.

Я ничего не видел и не слышал. Затем по линии нашей мозговой связи пронесся взрыв облегчения, который засиял в моем мозгу, как фонарь перед глазами. Он достиг своей цели, он вышел из форта, чтобы найти безопасное место. И я не думал, что он задержится у выхода.

Я пошел быстрым шагом, чтобы найти этот выход. В темноте я больно ударился об острый выступ, но не упал, и в следующий момент вытянул руки, чтобы пользоваться ими вместо глаз. Передо мной оказался пролет другой лестницы, вверх по которой я пополз на руках и коленях, не будучи уверенным, что осилю ее иным способом.

Время от времени я останавливался проверить, нет ли каких-нибудь признаков выхода. Наконец, я нашел люк и толчком открыл его. Там тоже не было света. Я как бы вошел в погреб или провал в скалах, который вряд ли был естественным, скорее, он был сознательно сделан под естественный, чтобы скрыть этот люк. В стране, где по всякому пустяку затевались войны, такая нора была необходима в любой крепости. Я подумал, что никому она не была нужнее, чем мне.

Я полностью сконцентрировался на том, чтобы меня не заметил человек на стене. Выход скрывался скалах, и единственный способ пройти через него — ползти на животе. Я подумал, что мог бы набросать чертеж этих скал, поскольку они показались мне частью более древней разрушенной крепости.

Того дезертира, который прошел через эту дыру, не было и в помине, но я все-таки двигался с осторожностью. Наконец, я вышел из укрытия.

Наверное, развалины тут кончались.

Теперь я мог оглядеться.

Небо пыпало тем жутким светом, которым окрашивался закат на этой планете. В этом свете форт казался темным пятном, уже скрытым тенями, придававшими ему еще более мрачный вид. Форт состоял из одного внутреннего здания и внешней стены. Он оказался меньше, чем я думал. Пожалуй, это было не укрепление, а, скорее, пограничный пост, охраняющий и защищающий землю, поскольку вокруг не было ни жителей, ни возделанных полей.

Это был солдатский лагерь, а не убежище для фермеров, каким мог бы быть замок.

Между двумя рядами холмов проходила дорога, ведущая в неведомую равнинную местность. По-видимому, она связывала два центра — этой области и соседней, возможно, даже Ирджара. Этим и следовало руководствоваться.

Мое путешествие сюда прошло, можно сказать, вслепую, и я не имел представления, где находится порт — на севере или на юге отсюда.

Однако по дороге я идти не мог. Впервые я подумал, что мое удивительное везение кончилось: у меня был меч, но не было пищи, воды и защиты от непогоды. И энергия, порожденная моей волей, которая так долго поддерживала мое истерзанное тело, угасала.

Форт и развалины, из которых я вынырнул, находились на гребне холма. Проход, через который я прошел,

должен был бы сообщаться с подземным ходом, но я вышел на высокое место, и часовой мог легко заметить меня. Я заставил свои ноги двигаться вперед, пока можно было, потом полз, извивался, перекатывался, одним словом, делал все, что мог, лишь бы двигаться.

Мне еще повезло, что методы допроса помощников Озокана причиняли сильную боль, но не калечили тела, так что сейчас оно могло делать необходимые усилия.

Но я впал в какое-то оцепенение, верх взяла та часть мозга, которая не могла сознательно понимать, планировать или жить, а лежала глубоко под всем этим.

Дважды я вдруг замечал, что бреду по более гладкой дороге и что какой-то скрытый сигнал предупреждает меня о возможной опасности. Оба раза я оказался способным снова сойти с дороги и идти там, где кусты и скалы могли укрыть меня. Один раз мне показалось, что меня высматривает какой-то ночной хищник. Но, видимо, это создание не сочло меня подходящей добычей и исчезло.

Луна сияла так ярко, что ее кольца сверкали в небе огнем. У этой Луны всегда было два кольца, но через определенное количество лет появлялось третье. Я смотрел на них без удивления, а только с благодарностью, потому что их свет освещал мне путь.

Уже светало, когда я прошел через ущелье между холмами. Рот у меня пересох, как посыпанный пеплом, сжигавшим язык и внутреннюю поверхность щек. Только тренированная воля заставляла меня двигаться, и я боялся отдохнуть, потому что потом мне не удалось бы не только идти, но даже ползти, а мне необходимо было миновать то место, где дорога вела только в одном направлении — в западную сторону. Потом — я обещал своему телу — я отдохну в первой же попавшейся норе.

Кое-как я прошел этот путь. Холмы остались позади. Я вильнул с открытого пространства в кусты и продирался в них до тех пор, пока не почувствовал, что дальше ползти некуда. Последний толчок просунул мое избитое и исцарапанное тело между двумя густыми кустами. Я вытянулся и уже не помнил, что было затем.

Река, драгоценная река обливала меня водой, давая новую жизнь моему высохшему телу. И был гром, удары воды о пороги реки. Я не решился пуститься вплавь по дикому течению, потому что меня разбило бы о скалы. Вода, грохот...

Не было никакого потока. Я по-прежнему лежал на твердой поверхности, но я был мокрым, и вода лилась всюду, образуя сплошную завесу дождя. Гром действительно грохотал, но в небе.

Я приподнялся и стал слизывать воду, лившуюся по моему лицу. Над холмами сверкали стрелы молний. Наверное, был еще день, но такой темный, что трудно было что-нибудь разглядеть. Я поднял голову и раскрыл рот, чтобы дождь напоил меня.

Громовые раскаты неслись отовсюду с затянутого тучами неба, которое разрывали жуткие вспышки молний, и при свете этих молний через щель между кустами я увидел отряд всадников, ехавших к востоку, как будто их гнал шторм. На них были плащи с капюшонами.

Отряд растянулся длинной вереницей, так как уставшие животные отставали, пена вырывалась из их пасть. Весь вид этой компании говорил о том, что их гонит какая-то неотложная необходимость. Когда они проезжали мимо меня, я почувствовал их эмоции — страх, злобу, отчаяние, которые были так сильны, что меня как бы ударило.

Под плащами я не мог видеть цветов или геральдических знаков, указывавших, чье походное знамя плещется над их головами, но я был уверен, что это люди Озокана. И, значит, они охотятся за мной.

Мое тело так болело, что я едва поднялся.

Первые неуверенные шаги были для меня пыткой. Наверное, меня распустила и избаловала жизнь Свободного Торговца, вот мне и трудно жить в условиях дискомфорта. Но я все-таки снова двигался в тумане, который так плотно окутал меня, что мне казалось, будто я попал в охотничью паутину краба-паука с Тайдити.

Ручьи быстро бежавшей воды прокладывали себе путь в земле: с небес выпало столько дождя, что вода не могла уже впитываться почвой и бежала по поверхности. Время от времени я пил, не думая о том, что в ней могут быть какие-нибудь чуждые элементы, вредные для меня. Но если я имел воду, то пищи не было, и воспоминания о жирной массе, которую я так неохотно ел — когда это было? прошлой ночью? две ночи назад? — преследовало меня, принимая пропорции авакианского банкета с его 25-ю церемониальными блюдами. Через некоторое время я нарывал листьев с кустарника и стал жевать их, выплевывая мякоть.

Время теперь не имело значения. Сколько дней лежало позади — я не знал и не хотел знать.

Ярость дождя утихала. Что-то слабо осветило небо, но это еще не было светом.

Свет? Я внезапно понял, что твердо иду к свету. Не к желтым фонарям крепости или Ирджара...

Лунный шар... серебристый, зовущий.

Только там был такой шар-лампа. Последний предупреждающий шепот в моем мозгу быстро увял. Лунный шар...

Г л а в а 7. Майлин

По воле Моластера у меня есть власть Певицы и все, что с ней связано: дальнее зрение, всестороннее зрение, растягивание Кольца. Иногда это отягощает жизнь, когда внутреннее желание входит в противоречие со всем этим.

Я желала только одного: оставаться на ярмарке с моим маленьkim народом, а, проснувшись от первого ночного сна, поняла, что пришел зов, хотя не знала, откуда и от кого. Я услышала, как скулил и хныкал мой маленький народ, который чувствителен к влиянию власти, потому что сильное принуждение заденет также и их, принесет недовольство и страх.

Моя первая мысль была о них. Я накинула плащ и пошла, водя жезлом вверх и вниз, чтобы они смотрели на меня и забыли страх. Когда я дошла до того места, где мы положили барска, я увидела, что животное на ногах. Оно стояло, чуть опустив голову, как бы готовясь к прыжку. Его глаза горели желтым огнем, и в них жило безумие.

— Послание,— сказал Малик, подходя ко мне.

— Да,— согласилась я,— но не от языка или мозга Древних. Если они не взывали к власти, то этот ответ не им, а мне!

Он серьезно посмотрел на меня и сделал жест, частично подтверждавший мои слова.

Мы были кровными родственниками, хотя и не близкими, но Малик не всегда был одного мнения со мной. Он часто предостерегал меня от того, что считал безрассуждеством. Однако он не мог не верить Певице, которая говорит, что получила сообщение, так что теперь он ждал.

А я взяла жезл в ладони и медленно поворачивала его, потому что теперь мой маленький народ успокоился и страх больше не возникал, потому что был отгорожен от их мозга барьерами власти. Я направляю жезл на север, на юг, на запад — жезл не двигался в моем слабом захвате. Но когда я повернула его на восток, он сам выпрямился, указывая точное направление. Он стал горячим, требовательным, и я сказала Малику:

— Это требование Долга. С меня. Нужна расплата.

При требовании Долга нельзя колебаться, потому что данное и взятое должны быть уравновешены на весах Моластера.

Для Певицы это еще более непререкаемо, чем для других, потому что только так власть питает и хранит вспыхнувший свет.

Я спросила Малика:

— Как насчет инопланетника и Озокана, которые составляли темные планы?

Малик слегка замялся.

— Озокан состоит в кровном родстве с Селифом, который...

— ...который был избран по храмовому жребию представлять лордов в суде ярмарки в этом году. И не говорил ли также инопланетник Слэфид о другом родственнике Озокана, об Окерре, капитане стражи? Но все-таки никто не может ломать все законы и обычаи.

Моя уверенность увяла, потому что Малик не слишком быстро согласился со мной. Я видела, что он смущен, хотя и не опускал глаза. Он ведь был Тасса, и между нами всегда были правда и откровенность.

Я сказала:

— Есть что-то, чего я не знаю?

— Есть. Вскоре после полуденного гонга стражники взяли инопланетника Крипа Ворланда отвечать на жалобу Отхельма, продавца животных. На отряд напали всадники из-за границы ярмарки. Произошла схватка, и инопланетник исчез. Думают, что он вернулся к своим, поэтому глава жрецов приказал закрыть ларек Торговцев и их самих удалить с ярмарки.

— И ты мне этого не сказал?

Я не рассердилась, разве что только на себя: я не думала, что Озокан решится действовать. Я должна была бы лучше разобраться в нем и понять, что он из тех, кто готов на все и не думает о последствиях своих импульсивных действий.

— Наиболее разумно предположить, что он вернулся к себе на корабль,— продолжал Малик.— Все знают, что Свободные Торговцы держатся друг за друга. Вряд ли они верят в справедливость суда.

— Тогда это нас не касается,— чуть резче сказала я.— Вернее, не касается Тасса. Я знаю — мы связаны клятвой не вмешиваться в дела равнинных жителей. Но это мой личный долг, и я прошу тебя, по праву кровного родства, чтобы ты нашел капитана «Лидиса». Если Крипа Ворланда нет среди экипажа, расскажи капитану обо всем, что произошло.

— Мы не получили ответа от Древних,— возразил он.

— Я беру это на себя и отвечу за это перед весами Моластера.

Я дохнула на мой жезл, и он засиял серебряным светом.

— Что ты хочешь делать? — спросил Малик.

Но я знала, что он уже успел угадать ответ.

— Я пойду искать то, что должна найти. Но для моего ухода должна быть уважительная причина. Я не сомневаюсь, что теперь за мной будут следить глаза и уши и каждый мой приход или уход будет отмечаться.

Я медленно повернулась и посмотрела на клетки.

— Итак, мы ставим их в фургоны, а я беру Борбу, Ворса, Танталу, Симлу и этого.

И показала на клетку барска.

— Мы скажем, что они больны и я боюсь, как бы они не заразили остальных животных, и поэтому я вывозжу их на некоторое время подальше.

— А этого зачем? — Он указал на барска.

— Для него эта причина как раз правильна. Может быть, на открытой местности его мозг поправится и можно будет коснуться его. А здесь ему все напоминает о прошлых мучениях.

Тень улыбки скользнула по губам Малика.

— Ах, Майлин, ты все еще не отказалась от своего плана? Ты по-прежнему думаешь о том, чтобы стать первой, единственной, кто принял барска в свою компанию?

Я тоже улыбнулась.

— Я терпелива, и у меня сильная воля. Я знаю, что буду командовать барском. Не этим, так другим, не сегодня, так завтра.

Я знала, что он считает это безрассудством, но с теми, кому приходит сообщение, никто не спорит, если это

сообщение касается уплаты долга. Так что Малик впряжен казов в ярмо фургона и помог мне разместить там тех, кого я выбрала. А клетку барска поставили отдельно и закрыли экраном. Как ни истощено было это создание, оно все еще следило за нами и рычало, когда мы приближались, и мои мысли не могли проникнуть в его мозг и победить безумие.

Мы поели, послали Уджана за жрецом, который присмотрел бы за нашей палаткой, пока Малик пойдет по моему поручению на «Лидис». Малик требовал, чтобы я подождала его возвращения, но во мне росло ощущение необходимости скорейшего отъезда, и я поняла, что ждать нельзя, нужно ехать.

Я уже была уверена, что инопланетник не среди своих, что он где-то в другом месте и в страшной опасности, иначе послание о долгне не навалилось бы на меня так резко и без предупреждения.

Фургон шел не так быстро, да еще я должна была сдерживать шаг казов, пока мы были на виду у всех, потому что нельзя трясти больных животных, у любого наблюдателя возникнут подозрения. Все во мне требовало скорости и даже больше чем скорости. Я пустила казов легким шагом, когда проехала последний ряд палаток.

Кто-нибудь мог спросить, куда я поехала, хотя я осторожно объяснила причину своей поездки жрецу и Уджану.

Те, кого я выбрала сопровождать меня, хотя и ехали теперь в клетках, имели более острый ум и большую агрессивность, чем остальные. Борба и Ворс были из горных лесов. Они были длиной в четыре пяди, их тонкие хвосты были такой же длины, что и тело, мех черный. У них были длинные лапы с очень острыми когтями, которые они обычно прятали, но при случае выставляли, как лезвия мечей. Головы их увенчивались пучком серо-белых жестких волос, который плотно прижимался к черепу, когда они готовились к бою.

Они были по природе любопытны и бесстрашны, открыто шли на врага куда крупнее их и часто оказывались победителями. Их редко видели в низинах, и потому сейчас они вполне могли сойти за редких и ценных животных, которых мы боимся потерять.

Тантала выглядела более опасной: чем была в действительности, хотя иногда ее разбуженная ярость не утихала долго и делала ее более проворной в атаке, чем можно было предположить, особенно по ее виду. У нее было

жирное тело с тупоносой мордой, маленькими закругленными ушами, с обрубком хвоста, обычно прижатого к бедру. Она была вдвое шире глассии, с мощными плечами, потому что ее любимая пища на воле находилась под большими камнями, которые приходилось скидывать, прежде чем обедать. Ее желтоватый мех был такой грубый, что больше походил на перья, чем на волос. Она была некрасива, неуклюжа. Когда она участвовала в шоу, зрители удивлялись, как такое, казалось бы, неуклюжее животное может делать столь ловкие штуки.

Симла была сродни барску, но ее шерсть была очень короткой и плотно прилегала к коже. Издали казалось, что у нее вообще нет шерсти, только голая, бесцветная кожа...

Хвост у нее был круглый и очень тонкий, как кнут. На ногах, казалось, совсем не было мышц, только шкура на костях. Такой же выглядела и голова, так что были видны черепные швы. Симли была некрасивая, как Тантала, но в противоположность неуклюжей на вид Тантале она производила впечатление быстрой и выносливой. Так оно и было, поэтому она издавна использовалась для состязаний в беге.

Я чувствовала легкое недовольство маленького народа: они не понимали смысла этой поездки. Я передала им ощущение опасности, необходимости и осторожности, и они отозвались каждый по-своему.

Как только мы потеряли ярмарку из вида, я повернула клетки таким образом, чтобы их обитатели могли видеть местность и пользоваться собственными чувствами как гидом. Ведь их глаза видели больше, чем человеческие, носы извлекали из ветра сведения, которых мы и не замечали, уши слышали то, что мы упускали,— и все это было к моим услугам.

Симла была не в духе — не потому, что сидела рядом со мной в лучах утреннего солнца, а из-за барска. Остальные не были близки к его роду и перестали обращать на него внимание, как только поняли, что он не может повредить им. Но к роду Симлы он был достаточно близок, так что она беспокоилась о нем, и я успокаивала ее, потому что безумие — нечто столь ужасное, столь чуждое, что вызывает панику в тех, кто сталкивается с ним.

Про людей, больных сумасшествием, на Икторе говорят, что их коснулась рука Умфры, первобытной власти.

Такому больному никто не сделал зла.

Их отдают под присмотр жрецов и отправляют далеко в горы, в некую Долину.

От воспоминаний об этой Долине мой мозг содрогнулся. Нанести вред сумасшедшему или убить его — значит, принять в собственное тело болезнь, которая жестоко мучает жертву — так думают жители равнин.

Но если животные доходят до безумия, их убивают, и я думаю, что это лучше, потому что на Белой Дороге нет ни страдания, ни печали. Они поднимаются к великой системе Моластера и остаются там под присмотром.

Я боялась, что мне придется поступить так с барском, но я все еще оттягивала этот последний шаг.

Как сказал Малик, это было моим давним, заветным желанием — присоединить редкого независимого скитальца к нашей группе. Возможно, я гордилась собственным могуществом и хотела увеличить ту небольшую славу, которую уже имела, как умеющая хорошо работать с маленьким народом.

Мы переправились через реку вброд и не встретили на том берегу никого, кроме нескольких запоздалых ярмарочных фигляров. Встретившись с ними, я из осторожности сказала, что болезнь моих животных заставила меня выехать из дома.

Но после полудня я свернула с дороги на тропу, тоже ведущую на восток, чтобы какие-нибудь прохожие не стали удивляться, чего ради я еду так далеко искать спокойного места для больных животных.

Перед заходом солнца мы приехали на луг к ручью и здесь разбили лагерь. Я распрягла казов, чтобы они паслись, и остальным дала побегать на свободе. Они с удовольствием все обнюхали, поплескались в ручье, но далеко не уходили. Барск остался в фургоне один.

Потом все мои спутники были накормлены и улеглись спать. Все было хорошо, и я смотрела, как встаёт луна. Третье кольцо было уже более заметно.

Еще одна или две ночи — и оно засияет и останется на некоторое время. Жезл в моих руках вбирал его свет и делал его ослепительным. Мне страшно хотелось направить читающий луч, но я здесь была одна, а тот, кто читает такой луч, должен, образно выражаясь, выйти из тела, а связь так увлекает, что ему одному нелегко прийти в себя, и я побоялась. Но это желание съедало меня, и я вынуждена была встать и походить взад-

вперед, чтобы успокоить нервы. Потом я снова взяла жезл. Он твердо показывал на восток.

Наконец, я решилась воспользоваться Песней и призвать сон, потому что тело может взять верх над мозгом только в случае крайней необходимости. Певица рано познает искушение забыть, что тело сильно и может противиться.

Итак, я спела четыре слова на пять тонов и открыла свой мозг от духу.

Я слышала чириканье и писк в траве и видела утренний туман. Я еще раз выпустила маленький народ, пока готовила еду и запрягала казов.

Я накормила барска, и он спокойно лежал на своей подстилке. Прикосновение к мозгу показало, что он слабеет, возрастает летаргия, как будто ярость, съедавшая его вчера, повредила ему.

Я размышляла, так ли уж плоха эта слабость, если она дает мне возможность успокоить и, возможно, довести эти импульсы до нормального состояния. Но проба показала, что время для этого еще не настало и неизвестно, настанет ли.

Мы снова двинулись в путь. Тропа, по которой мы ехали, становилась все более неудобной. Я боялась, что дальше будет такой участок, что фургон не пройдет, и хотела даже вернуться и поискать другую дорогу.

В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, и мы все его заметили. Я знала, что это не предупреждение о дурном, а, скорее, предзнаменование, что Три Кольца помогут тому, кто откроет свой мозг их могуществу.

Мы шли по холмам. Хотя эта местность была мне незнакома, я знала, что в этом направлении лежали владения Осколда. Хотела бы я знать, неужели у Озокана хватило ума привезти сюда пленника — разве что слишком большая дерзость такого поступка скроет его следы, ведь никто не поверит, что он тайно привез пленника в самый центр владений его отца. Но если Осколд сам участвовал в этом? Тогда все принимает другую окраску, потому что Осколд — человек явно умный и хитрый, и если он готов пренебречь законами и обычаями, значит, у него в резерве мощное оружие, которое смутит врага.

Я вспомнила скрытую угрозу в словах инопланетника Слэфива, что о Тасса известно больше, чем нужно для нашей безопасности. Я надеялась, что наше предупреждение расшевелит Древних, заставит их принять контрме-

ры. Среди равнинных жителей всегда ходило много слухов о нас.

Правда, мы жили здесь раньше их и когда-то были великим народом — как они понимают величие,— прежде чем научились другим способом измерять могущество и развитие. Мы тоже строили города, от которых теперь остались только разбросанные камни в покинутых местах. Наша история знала взлеты и падения. Люди либо прогрессируют, либо разрушают сами себя и погружаются в туманное начало.

Волею Моластера мы прогрессируем по ту сторону материальности, и для нас теперь споры и схватки новоприбывших то же самое, что суeta нашего маленького народа, да и надо сказать, маленький народ движим простыми нуждами и идет своим путем честно и открыто.

Весь день постоянное влияние Трех Кольц действовало на нас. Мой маленький народ выражал свое возбуждение криком, лаем или другими звуками, которые заменяли им речь. Один раз я услышала, что и барск подал голос, но это был печальный вой, полный душевной боли. Я послала мысль — желание спать,— чтобы успокоить его. Симла предупредила меня, что вскоре что-то случится.

Я оставила фургон, вылезла и пошла пешком за Симлой по еще не побитой морозом траве через кустарник на вершину холма, откуда была видна восточная дорога. По ней ехал отряд всадников под предводительством Озокана. Он ехал без обычной пышности, просто взглядывая небольшой отряд, не было ни знамен, ни горна, будто он хотел проехать по этим диким местам как можно более незаметно.

Я проводила их взглядом и вернулась к фургону. Мои казы не были в настроении надрываться и шли ровным, неменявшимся шагом. В больших переходах они легко могли обогнать таких быстрых верховых животных, как у людей Озокана, но на рывок они не были способны, и мне приходилось мириться с этим.

Ночью мы пришли к холмам. Я спрятала фургон и сама прошла вперед, чтобы разведать дорогу.

Я нашла только одну тропу, где мог бы пройти фургон, и она вела к тракту. Мне очень не хотелось снова ехать к нему: слишком открытое место, где какому-нибудь лорду может прийти дурацкая мысль поставить пост.

Я пустила Симлу, и она быстро нашла два поста с часовыми.

Здесь могли не поверить моим причинам для столь далекого пути. Опасно это или нет, но я должна была этой ночью призвать власть, потому что ехать наугад было явной глупостью.

Я послала Борбу и Ворса искать то, что нам нужно — безопасное и уединенное место не очень далеко от дороги. Они побежали сначала вдвоем, а потом разделились. Борба нашла требуемое. Фургон мог остановиться на некотором расстоянии от того места, спрятанный густым кустарником и накиданной сверху травой.

Казов я отпустила пастись на лугу.

Борьба уселись на одного из них — не потому, что они могут заблудиться, а потому, что здесь было полно воды в озерке и росли сочные плакены по колено высотой. Барска я погрузила в глубокий сон, а остальных взяла с собой.

Мы поели из взятых мною запасов, потому что телесная сила должна быть опорой силе мысли, которая мне понадобится, когда взойдет Луна.

Затем я выбрала «стражей» из маленького народа, и они послушно растаяли в темноте.

Я как могла успокоила свои мысли, хотя Кольца действовали в обратном направлении.

Спокойствие, чтобы усилить подъем, когда настанет время!

Я начертила жезлом защиту и повторила рисунок на ровном песке за озерком, отметив белыми камнями вершины изогнутых деревьев. Лунный шар-лампу я поставила на плоский камень, чтобы его лучи освещали этот участок. Затем я запела Песню Защиты, глядя, как из моих камней поднимается по спирали видимая энергия.

Потом я запела Мольбу и закрыла глаза от внешнего мира, чтобы лучше видеть внутренний.

Когда вызывают Власть с таким слабым ощущением проводника, как было сейчас у меня, то принимают все, что видят, не удерживая и не отбирая, а только запоминая кусочки и обрывки того, что позднее можно собрать воедино.

Так было и со мной. Я как бы висела в воздухе над маленькой крепостью и смотрела внутрь — не телесными глазами, а мыслю.

Я увидела там Озокана и инопланетника Крипа Ворланда, я видела, что делали с инопланетником по приказу Озокана. На заре приехал всадник. Озокан и его люди оседлали верховых животных и уехали.

Я не могла добраться мыслью до инопланетника: между нами стоял барьер. Сейчас у меня не было времени, и, кроме того, я не решалась тратить силу — это могло мне дорого обойтись. Я видела, что дух его силен и победить его нелегко.

Единственное, что я могла для него сделать,—это оказать некоторое влияние на его путь, чтобы судьба помогла ему, а не мешала, хотя главные усилия должен был сделать он сам.

Затем я вернулась обратно. Рассвело, и моя лунная лампа бледнела и гасла. Но теперь я получила ответ: никуда не двигаться, а ждать здесь.

Иной раз ждать бывает много труднее.

Прошел долгий день. Мы спали по очереди, мой маленький народ и я. Мне страшно хотелось знать, достаточно ли я помогла тому, кто находился в далекой крепости, но я хотя и Певица, но не из Древних, которые могут видеть или послать приказ на расстояние в половину мира.

Я заходила в фургон заботиться о барске. Он проснулся, поел и попил, но только потому, что моя воля принуждала его к этому. Мозг его стал теперь апатичным и не мог позаботиться о нуждах собственного тела, если бы я не поощряла его к таким действиям. «Малик был прав»,— печально думала я. Ничего не оставалось более, как отпустить его на Белую Дорогу.

Однако я не могла взяться за это, как будто надо мной висел какой-то приказ, которого я не понимала.

Пришла ночь, но Луну закрывали темные тучи, которые собирались вместе и плели широкие сети, душившие звезды,— те солнца, что питают своим светом неведомые нам миры. Я снова подумала о возможности побывать в чужих мирах, повидать чужих животных и людей, больше узнать обо всех чудесах драгоценных грез Моластера.

Я тихонько пела, но не Великие Песни Власти, а те, что приветствуют солнце, усиливают волю, питают дух. Мои маленькие существа собирались вокруг меня в темноте, и я успокаивала их сердца и отгоняла тяжелые мысли.

Перед рассветом разразилась гроза, поэтому заря не рассеяла гнетущий мрак, висевший над холмами. Мы нашли укромное место в нашей ложбинке под нависшей скалой и спрятались там, пока гром прокатывался по вершинам холмов и летели стрелы молний.

В таких мухах неба время и люди гибнут, а власть мысли растет. Мне было тепло от прижавшихся ко мне мохнатых тел, я тихонько напевала, чтобы им было спокойно, и радовалась, что это занятие отгоняет мое собственное беспокойство.

Наконец, гроза утихла. Меня коснулось сообщение — не отчетливое послание, а, скорее, намек на качавшийся туда-сюда рисунок.

Я пошла вместе с маленьким народом к озерку, сняла с камня лунную лампу и спустилась ниже в долину, где трава была менее густой и обнажились камни. Я поставила на один из них лампу и снова зажгла ее, как маяк, для кого-то.

Я не знала еще, для кого именно, но во мне росла уверенность, что тот, кого я хотела спасти, находится в достаточно трудном положении, несмотря на удачу, которую я для него плела.

Симла зарычала и вскочила, оскаливая зубы. Борба и Ворс подняли головы и прижали хохолки, готовясь к бою, а Тантала раскачивалась, припадая на широкие передние лапы, и в ее предостерегающем рыке было больше вибрации, чем звука.

По склону карабкалась человеческая фигура.

Она хваталась за кустарник, ползла на коленях, упорно продвигаясь вперед, пока, наконец, не упала, обессиленная, облепленная грязью, в круге света лунной лампы. Я схватила человека за плечо, напрягая силы, чтобы повернуть массивное тело.

Лицо его было заляпано грязью, исцарапано, избито, но я узнала того, кого надеялась увидеть.

Инопланетник вырвался от Озокана. Теперь я была готова заплатить свой долг, но как?

Похоже, что он попал из одной опасности в другую, не менее страшную. Мы находились на границе владений Осколда, где все подчиняется его приказам. Крип Ворланд был в таком глубоком обмороке, который я не могла прозондировать мыслью. Он спал, как барс, и, возможно, это было для него сейчас самым лучшим.

Глава 8. Крип Ворланд

В моих ушах звучала песня, низкая, монотонная, как ветер, который так редко ощущает на себе рожденный в космосе. Может, Крип Ворланд и умер в каком-то тайном месте, но теперь его снова возвратили к жизни, соединив вместе тело и дух.

Когда я открыл глаза и огляделся, я увидел себя в странном обществе. Однако странность эта не удивила меня. Можно подумать, что я надеялся увидеть всех их — лицо девушки с серебряными волосами, выбившимися из-под капюшона, мохнатые морды с блестящими глазами, внимательно поглядывавшими вокруг.

— Вы — Майлин?

Мой голос удивил меня — это было хриплое карканье.

Она рассеянно кивнула и повернула голову, взглядавшую вдаль, будто чего-то боялась. Все другие головы повернулись тоже и зарычали низко и грохочуще, каждая на свой лад. Мое сонное довольство исчезло, проснулись опасения.

Она подняла руку, и жезл в ее пальцах засветился. Она осторожно прижала его к ладони другой руки. Она не двигала его, но он сам повернулся и показал то направление, в котором она смотрела.

Как бы по сигналу мохнатые создания исчезли во мраке за пределами освещенного места, на котором я лежал. Майлин снова подняла жезл и указала им на лампу, которая тут же погасла. Затем Майлин подошла ко мне. Ее плащ взметнулся, как крылья, и накрыл нас обоих.

— Тихо! — выдохнула она почти беззвучно.

Я стал напряженно вслушиваться. Свист ветра, журчание воды где-то неподалеку, другие звуки такого же рода и больше ничего — кроме биения моего сердца.

Мы ждали — не знаю, сколько времени, но, кажется, очень долго. Затем она сказала — может, мне, а может, просто подумала вслух:

— Да. Они охотятся.

— За мной? — прошептал я.

В сущности, в подтверждении я не нуждался.

— Да. Слушай, — быстро продолжала она. — Более чем вероятно, что подчиненные Озокана ищут и идут с двух сторон. И я не знаю, как нам пробиваться сквозь сеть, которую они для нас раскинули.

— Это же не твоя забота...

Кончики ее пальцев крепко прижались к моим.

— Мой долг, человек со звездных путей, моя и расплата, так говорят весы Моластера.

Затем она повторила еще раз:

— Весы Моластера.

Помолчав, она зашептала снова:

— А если я дам тебе другую кожу, Крип Ворланд, чтобы обмануть врагов?

— Что ты имеешь в виду?

Хотя нас покрывал плащ и под ним было темно, мне показалось, что ее глаза искрятся морозным светом, как глаза зверя отражают свет факела в ночи.

— В мой мозг пришел ответ Моластера.

Она выглядела смущенной своей откровенностью, и я видел, как она вздрогнула.

— Но ведь ты не Тасса,— тихо протянула она.

Она замолчала, но затем заговорила с прежней уверенностью:

— Будет так, как ты захочешь! Что выберешь, то и будет! Так слушай, инопланетник. Я не думаю, что у нас есть хоть один шанс избежать тех, кто обыскивает эти холмы. Я читаю в их мыслях, что они хотят твоей смерти и убьют сразу же, как только найдут.

— Не сомневаюсь,— сухо ответил я.— Хватит ли у тебя времени уйти отсюда? Хотя меня не учили сражаться мечом, но...

Видимо, это показалось ей забавным, потому что у нее вырвалось нечто вроде смешка:

— Ох, и храбрый звездный скиталец! Однако мы еще не дошли до такой крайности. Есть другой путь, очень необычный, и ты, может быть, предпочтешь пасть от мечей Озокана, чем идти по этому пути.

Возможно, мне почудился вызов в том, что было всего лишь предупреждением, и я отреагировал на ее слова:

— Покажи мне этот путь, если считаешь, что он спасет меня.

— Он состоит в том, что ты можешь обменяться телами...

— Что?

Я хотел вскочить, но толкнул ее, и мы оба покатились по земле.

— Я не враг тебе!

Ее руки уперлись мне в грудь, задев мои синяки и заставив меня поморщиться от боли.

— Я сказала — есть другое тело, и именно это я имела в виду, Крип Ворланд!

— А как же мое тело?

Я не мог поверить, что она говорит серьезно.

— Люди Озокана возьмут его и станут о нем заботиться.

— Спасибо! — сказал я.— Значит, либо я потеряю жизнь в своем теле, либо они убьют мое тело и оставят мой дух в другом месте!

Полнейшая глупость того, что я сказал, заставила меня несколько истерически засмеяться.

— Нет! — возразила Майлин.

Она откинула плащ.

Мы сидели друг против друга, и я видел ее лицо, но не мог понять его выражения, хотя поверил, что она говорила вполне серьезно и именно то, что думала.

— Они не повредят твое тело, если ты уйдешь из него. Они будут считать, что ты под плащом Умфры.

— Значит, они отпустят мое тело? — пошутил я.

Мои мысли были в беспорядке, поскольку в этой авантюре не было, по всем признакам, ничего стандартного. Я решил, что это один из тех ярких снов, которые иной раз посещают спящего и погружают его во внутреннее пробуждение, так что ему кажется, что он не спит, когда совершает невозможные подвиги. В таком реальном сне все кажется возможным.

— Твое тело не может остаться незанятым, потому что два духа переходят из одного тела в другое. Так и должно быть, чтобы мы могли снова потом взять твое тело и произвести обратный обмен.

— Так они оставят его здесь? — продолжал я следовать этой фантастической линии.

— Нет, они отнесут его в Храм Умфры. Мы пойдем следом за ними в Долину Забвения.

Она отвернулась, и я почувствовал, что эти слова имеют для нее какое-то значение, для меня же они не значили ничего.

— А где я буду находиться, когда мы поедем за моим телом?

— В другом теле, возможно, даже более пригодном для того, что может произойти.

Конечно, это был сон. Я больше не спрашивал, не интересовался, что еще может случиться.

Правда, я все это видел не во сне — и свой побег из крепости, который сложился так удивительно удачно, и кошмарное путешествие по холмам, и появление здесь.

Может, и предшествующее тоже было сном — никто не похищал меня с ярмарки, я сплю себе спокойно на своей корабельной койке и все это вижу во сне. Во мне проснулось страстное любопытство: хотелось знать, как далеко заведет меня этот сон, какие новые удивительные события произойдут со мной.

— Пусть будет так, как ты хочешь, — сказал я.

Я засмеялся, зная, что ничего этого не будет, когда я проснусь.

Она снова посмотрела на меня, и я опять увидел в ее глазах те же искры.

— Ты и в самом деле из сильной расы, звездный скиталец. А может быть, ты видел в космосе так много забытых дорог, что потерял способность удивляться тому, что может или должно случиться? Но тут дело не в том, чего желаю я. Это должно быть твоим желанием.

— Пусть будет так.

Во сне мне хотелось сделать ей приятное.

— Оставайся здесь и жди.

Она взяла меня за плечи и потянула назад, чтобы я лежал, как тогда, когда я только что оказался в этой части сна. Я лежал и гадал, что будет. Может, я прошнусь на «Лидисе» на своей койке? Не все сны интересны слушателям, но этот сон был так необычен, что, если я его вспомню, когда проснусь, то обязательно расскажу его. А пока я лежал на траве, смотрел на небо, вдыхал запахи лесной местности и слышал ветер и журчание воды.

Я закрыл глаза и захотел проснуться, но не мог: сон продолжался, такой же яркий и живой. Что-то зашевелилось рядом, я повернул голову и открыл глаза. Мокнатая голова пристально смотрела на меня. Мех был черный, а торчавший вверх гребень серый. Казалось, животное носит шлем из черного металла с серым пером, вроде тех, что носят морские бродяги на Ранкине.

Морские бродяги Ранкина... Мои мысли путались, плывли, но они явно не были частью сна — этого или какого-нибудь другого. Я действительно был на одном из их плавучих торговых плотов и менял стальные наконечники гарпунов на жемчужины. Аадап, Ранкин, Тир,

Ворф — я знал эти миры. Я перебирал их в памяти, как бусины на нитке. Теперь они кружились, кружились... Нет, это я кружился.

Память исчезла. И, наконец, закрылось все сознание.

*«Айе, айе, беги на четырех ногах,
Глубже вдыхай сообщения ветра,
Будь мудрым и быстрым,
Сильным и справедливым.*

*Подними голову и приветствуй Луну,
Волею Моластера и Закона Квита
Силы твои удваются.*

*Поднимайся выше в горы, бегун!
Приветствуй солнце после ночи,
Потому что это заря твоего рождения!»*

Я открыл глаза и вскрикнул: мир изменился!

Появились странные цвета, все предметы так изменились, что меня охватил ужас. И я услышал не свой крик, а какой-то испуганный вой.

— Не бойся, обмен прошел хорошо. Я могла только надеяться, но все прошло хорошо. Ты прошел через все и пришел к цели.

Непонятно, услышал ли я эти слова или они просто сформировались в моем мозгу.

— Нет!

Я попытался издать тот вопль, который тщетно выбивали из меня люди Озокана, но у меня снова вырвалось что-то вроде лая.

— Чего ты боишься?

Голос звучал удивленно, даже раздраженно.

— Я же тебе сказала и опять повторяю, что обмен прошел прекрасно и как раз вовремя: Симла говорит, что они идут. Лежи пока.

Лежать пока? Обмен? Я хотел поднести рыку ко все еще кружившийся голове, но она не поднялась, хотя мышцы повиновались сигналам моего мозга. Я взглянул на нее: это была лапа, покрытая красным мехом, прикрепленная к длинной тонкой ноге, а нога — к телу... Я был в этом теле! Нет, этого не может быть, это неправда! Я дико боролся с этим кошмаром.

Я должен проснуться! От такого сна человек может сойти с ума! Я должен проснуться, проснуться!

— Выпусти меня! — кричал я, как ребенок, запертый в страшном темном чулане, но из моего рта выходили не слова, а жалобный визг.

Я смутно сознавал, что эта паника ведет меня в темноту, из которой я могу не вернуться вообще.

Я боролся, как никогда раньше,— не с внешним врагом, а с тем ужасом, который был вместе со мной в этом ужасном теле. Я почувствовал мимолетное прикосновение к своей голове и увидел глаза, смотревшие на меня с тревогой с кремовой остроконечной мордочки. Высунулся язык и лизнул меня.

Это прикосновение успокоило мои взволнованные чувства и каким-то образом отвело меня от бездны безумия. Я замигал, стараясь лучше разглядеть своего компаньона, и нашел, что небольшая сосредоточенность меняет дело: искашение исчезло, исправилось. С каждой секундой я видел все яснее и яснее. Меня облизывали, и это принесло мне чувство комфорта.

Я решил встать. Меня качало из стороны в сторону: стоять на четырех ногах не то же самое, что на двух. Я поднял голову. Мой нос погрузился в запахи. Они так плотно набились в ноздри, что я не мог дышать. Однако я все-таки вдохнул воздух, и запахи начали приносить сообщения, которые я понимал только частично.

Я попытался передвигаться, как человек на четвереньках, и зашатался. Животное, которое лизало мою голову, прижалось ко мне плечом и поддерживало меня до тех пор, пока я не смог стоять не качаясь.

Еще мне надо было учиться видеть своим новым зрением, но я никак не мог этого сделать, потому что позади началось волнение.

Животное у моего плеча зарычало, и я услышал ответное громыхание из кустов чуть подальше.

В этом рычании так ясно слышалась угроза и опасность, что я поднял голову как можно выше, чтобы видеть, кто там идет.

Искажение оставалось, меня сбивало с толку изменение объема, и запахи брали верх над всем.

Однако я сумел разглядеть Майлин, стоящую спиной к нам. Длинные складки ее плаща тянулись по земле. Напротив Майлин стояла группа людей. Двое были верхом и держали на поводу казов, а трое были пешими, с блестящими мечами в руках.

Я почувствовал, как мои губы оттянулись, обнажив зубы — бессознательная реакция на запах людей, так как я теперь открыл, что у эмоций свой запах, а здесь чувствовалась ярость, жестокий триумф и опасность. Рычание животного рядом со мной стало громче.

— Веди к нему! — сказал один из людей.

Бессмысленные, казалось бы, звуки облекались в слова. Может быть, я читал их через мозг Майлин, которая не выражала ни удивления, ни страха?

— То, что вы оставили от него, лежит там.

Она повернула голову, указывая глазами на то, что они искали. Кто-то сидел, вернее, полулежал на земле. С отвисшей губы стекала слюна. Я моргнул и плотно зажмурился, не желая видеть, но когда снова открыл глаза, увидел то же самое.

Кто из людей видел себя не в зеркале, а так, будто их тело живет отдельно от разума, от их сущности? Я счел бы такое немыслимым. А теперь я стоял на четырех лапах и смотрел чужими глазами на себя!

Майлин подошла к этому полувалявшемуся телу, взяла его за плечи и подняла.

Похоже, моя оболочка была именно только оболочкой, которую ничто не одушевляло. Она жила, эта шелуха, так как я видел, как поднимается и опускается грудь под рваной туникой. Когда Майлин поднимала его, он стонал и скулил. Я зарычал: один из меченосцев остановился и уставился на меня.

Майлин что-то громко сказала.

Я угадал, что она сказала это мне, а не тому волочащемуся существу, которое она, наконец, поставила на ноги и поддерживала, потому что оно явно собиралось снова упасть.

Ее приказ был усилен находившимся рядом со мной животным, которое нежно ущипнуло меня за ухо и от которого шло телепатическое предупреждение.

Майлин заставила тело — я больше не мог думать о нем как о своем — сделать несколько неровных шагов, а люди смотрели на странное, бессмысленное, неохотно двигавшееся создание.

— Ваша работа, оруженосцы? — спросила их Майлин. — Таким оно пришло ко мне, а вы знаете, кто я.

По-видимому, они знали и глядели на нее с опаской, даже со страхом. Я видел, что двое сделали жест, как бы отгоняя дурную судьбу.

— Итак, я накладываю ваш долг на вас, люди Осколда. Она внимательно посмотрела на них.

— Это существо — под плащом Умфры, вы не отрицаете этого?

Один за другим они неохотно кивнули.

Меченосцы вложили мечи в ножны.

— Тогда делайте с ним то, что полагается делать.

Они переглянулись, и я подумал, что они станут возражать. Но даже если они и были к этому склонны, страх перед Майлин подавлял протесты. Один из них поднял каза и привязал к его спине чудовище, которое больше не было человеком. Затем они повернули на юг.

Что это? Почему так?

Из моего рта вырвалось только тявканье, но Майлин, видимо, читала мои мысли. Как только воины уехали, она быстро подошла, встала передо мной на колени, взяла в руки мою голову и сказала, глядя мне в глаза:

— Наш план сработал, Крип Ворланд. Теперь дадим им немного отъехать и поедем следом.

Что это?

Я старался думать, а не издавать звериные звуки.

— Что со мной сделали и зачем?

Она снова поглядела мне в глаза, и ее поза выражала недоумение.

— Я сделала то, что ты пожелал, звездный скита-лец, я дала тебе новое тело и постаралась спасти старое, чтобы ты не истек кровью под ударами мечей.

Она медленно покачала головой.

— Итак, ты не верил, что это возможно сделать, хотя и дал свое согласие, однако дело сделано и теперь лежит на весах Моластера.

— А мое... то тело — я получу его обратно? Кто я теперь?

Она ответила сначала на второй вопрос. Тут была лужица, в темноте напоминавшая блюдо с водой. Майлин взяла меня за загривок, подвела к луже и провела над ней жезлом. Вода успокоилась, и я посмотрел в нее, как в зеркало. Я увидел голову животного с густой гривой между ушами, сбегающие вниз плечи, красный с золотым отливом мех.

— Барск!

— Да, барск,— сказала она.— А твоё тело они обязаны взять и поместить в убежище, иначе рано или поздно

встретятся с темными силами. Мы пойдем за ними и в Долине Забвения вернем тебе твоё тело. Спасвшись от Осколда, ты снова сможешь стать самим собой и пойдешь, куда захочешь.

Она говорила правду. Она знала. Я уцепился за последнюю ниточку надежды.

— Это сон,— сказал я себе, а не ей.

Ее глаза снова встретились с моими, и в них было то, что оборвало эту нить.

— Это не сон, звездный странник!

Она встала.

— А теперь поедем, но не слишком быстро, чтобы никто ничего не заподозрил. Осколд не дурак, и я думаю, что это Озокан своим безрассудством толкнул отца на такую глупость. Я спасла тебя единственным способом, который знаю, Крип Ворланд, хотя, по-твоему, это плохо.

Я пошел за ней из ложбины как преданное ей животное, потому что обнаружил, что, хотя в теле барска живет человеческая сущность, я теперь настроился на новый лад в созвучии с той формой, которую носил, и смотрел на мир уже более правильно. Те четверо, что шли со мной, были не слугами, идущими за хозяйкой, а чем-то большим — компаньоны разных пород были в союзе с той, которая понимала их, и они полностью ей доверили.

Мы подошли к одному из фургонов, какие я видел тогда, в палатке с клетками.

Мои спутники доверчиво прыгнули в него, открыли лапами неплотно прикрытые дверцы клеток и улеглись там.

Я остался на земле и зарычал. Клетка!

Я в этот момент был больше человек, чем животное, с меня было достаточно клетки в башне Озокана.

Майлин мягко улыбнулась.

— Ладно, Джорт. Это имя я дала тебе потому, что на древнем языке оно означает «Тот, кто является большим, чем кажется»; оно было прославлено, как боевое имя Иимбера из Иитхэмена, когда он выступил против Ночных Болов. Садись рядом со мной, если хочешь, и я расскажу тебе об этом нашем герое и его деяниях.

Меньше всего на свете мне хотелось сейчас слушать фольклор Ииктора, когда я слепо ехал в будущее, казавшееся таким далеким, что только усилием воли я мог думать о нем. Однако я сидел рядом с Майлин и

изучал мир своими новыми глазами, которые все еще приносили мне странные сведения.

Потом я начал понимать, что в желании Майлин рассказать было не только намерение отвлечь меня от моего бедственного положения. Она мысленно говорила, и способность моего мозга воспринимать становилась все сильнее и активнее. Возможно, те телепатические способности, которыми я пользовался в своем человеческом теле, все еще работали.

Надо сказать, что я оценил ее рассказ. Речь шла об Иикторе, но не о сегодняшнем, а о древнем, о куда более сложной цивилизации, когда-то существовавшей здесь. Тасса были ее последними представителями. Многое из того, что она говорила, лежало за пределами моего понимания; упоминания о незнакомых событиях и людях вызывали во мне желание пройти к двери, которая изображалась, и увидеть то, что лежало за ней.

Фургон шел не по тропе, а более открытым путем через дикую местность. Мы были у восточных склонов ряда холмов, которые составляли барьер между владениями Осколда и равнинами Ирджара. Но возвращаться в порт в моем теперешнем облике я совершенно не желал.

Мейлин продолжала уверять меня, что наша окончательная цель — таинственное убежище среди высоких холмов, куда было отнесено мое тело. Она объяснила мне, что по местным верованиям умственные расстройства вызываются некими силами, такие люди становятся священными, и их надо поместить как можно скорее под опеку жрецов, умевших о них заботиться. Но мы не могли подойти слишком быстро к этому месту, чтобы люди Осколда не заподозрили какой-нибудь хитрости — она говорила мне об этом и раньше.

— А каким образом ты сделала меня барском? — спросил я наконец.

Она помолчала, и, когда заговорила снова, ее мысли были настороженными и отчужденными.

— Я сделала это, хотя давно дала клятву, что не сделаю. За это я отвечу в другое время и в другом месте перед теми, кто имеет право требовать от меня ответа.

— Зачем же ты сделала это?

— На мне лежал долг, — ответила она еще более отчужденно. — Моя вина, что ты попал в такое положение, и я должна помочь тебе.

— Но причем тут ты? Это дело рук продавца животных...

— Я тоже виновата. Я знала, что у тебя есть враг, а может, и не один, и не предупредила тебя. Я считала, что дела других не касаются Тасса. И за это я тоже должна отвечать.

— Враг?

— Да.

Она рассказала, что Озокан приходил к ней с человеком по имени Гек Слэфид с корабля Синдиката и уговаривал ее завлечь Свободного Торговца в раскинутые ими сети. Хотя она открыто и не поступила по их желанию, однако считает, что ее любопытство послужило их целям. С этого началась цепь событий, приведших к моему похищению.

— Это неправда. Это была случайность, пока...

— Пока я не соткала для тебя лунную паутину? — перебила она. — Ах, теперь тебе это кажется величайшим вмешательством. Но, возможно, когда будущее откроется перед нами, а потом станет прошлым, ты найдешь, что я сделала для тебя то, что принадлежит только Тасса.

Она замолчала, и я почувствовал, что ее мысли ушли за барьер, через который я не мог пройти. Ее тело сидело здесь, но глаза смотрели внутрь. Она ушла, и я не мог последовать за ней.

Казы беззаботно шли вперед, словно в их мозг были вложены директивы, которым они следовали, как навигатор по карте, с постоянной скоростью.

Над нами сияло жаркое солнце. Я стал изучать свое новое тело, к которому пока не вполне привык, — наверное, потому, что все еще не мог внутренне поверить в случившееся.

Глава 9

Мы ехали так два дня, останавливаясь на ночлег в укромных уголках. Я начал привыкать к своему телу и нашел, что у него есть некоторые преимущества. Тот, кто путешествует на четырех лапах и смотрит на мир глазами животного, быстро осваивает уроки. Майллин время от времени впадала в состояние прострации, но в промежутках много рассказывала — то легенды, то о своей скитальческой жизни. Я обратил внимание, что она редко

упоминала о своем народе в настоящем времени, больше говорила о прошлом.

Я задавал ей вопросы, но она легко и ловко избегала ответов. Я пытался поставить ей ловушку, но думаю, что она знала о моих намерениях и ускользала.

На третье утро, когда мы залезли в фургон, она слегка нахмурилась.

— Теперь мы входим в страну деревень и людей. Возможно, нам придется обратиться к мастерству маленького народа,— сказала она.

— Ты имеешь в виду — давать представления?

— Да. Дорога в Долину одна, здесь нет обходных путей. И мы сможем кое-что узнать о тех, кто проходил тут перед нами.

Мысль, что мое тело ехало впереди, приводила меня почти в шоковое состояние. Это ощущение трудно выразить словами. Майлин все время успокаивала меня, утверждая, что те, кто везут это безмозглое существо, будут бережно хранить искру жизни в нем, потому что в их суеверном представлении всякая небрежность будет иметь роковые последствия для них.

— Я тоже буду участвовать в вашем спектакле?

Она ласково улыбнулась.

— Если захочешь. Если ты согласен, то на твою долю придется очень большая часть, потому что, насколько мне известно,— а мне известно немало — никто еще не показывал барска.

— Но ты мечтала показать.

— Да, я мечтала.

— А что случилось с разумом...

— С разумом того, чье тело ты теперь носишь? Он поврежден. Еще день-два — и я должна была бы из сострадания послать его по Белой Дороге.

— Но сейчас он в моем теле?

— Он чуть жив. Он не страдает, а только слегка поддерживает искру жизни до тех пор, пока ты не вернешься.

— Значит, ты делала такие обмены и раньше?

Я прямо подошел к тому, что давно пытался узнать. Она посмотрела на меня.

— У каждого свои секреты, Крип Ворланд. Я же сказала тебе — это мое бремя, и не тебе, а мне придется отвечать за то, что случилось.

— И ты будешь отвечать?

— Буду. Теперь давай посмотрим на то, что перед нами. По этой дороге мы в середине дня придем в Иим-Син.

Мы были ниже дорожной насыпи, и казы повернули вверх.

— В Иим-Сине есть храм Умфры,— продолжала Майлин.— Мы там остановимся и, если удастся, узнаем о людях Осколда, хотя они могли проехать и другой дорогой с западной стороны гор. В эту ночь мы дадим представление, так что подумаем о том, чем барск может ошеломить мир.

Я охотно согласился с ее словами, поскольку целиком зависел от нее. Мы принялись работать над представлением, чтобы я выглядел, как хорошо выдрессированный зверь.

Когда мы подъехали к полям, уже убранным, и спустились с холмов, Майлин остановилась. Я сошел со своего места рядом с ней и пошел в клетку, такую же, как и у остальной компании.

Животные дремали. Двое были по своей природе ночных, а Тантала была ленива, когда была сыта. Я увидел, что мое новое тело имело свои привычки, которые тут же проявились: я свернулся, уткнув нос в хвост, и уснул, а фургон катился вперед.

Запахи изменились, стали острыми, бьющими в нос. Я услышал голоса — это вокруг фургона собралась толпа. Слышались пронзительные голоса детей. Видимо, мы были в Иим-Сине.

Это была деревня фермеров, с двумя гостиницами и храмом — приютом для тех, кого отправляли в Долину. Часто те, кто имел там родственников, приезжали посмотреть на них. Все знали, что иногда жрецы Умфры делали чудеса и вылечивали некоторых своих подопечных, поскольку не все, попавшие сюда, были безнадежно больными.

Поля в этой холмистой местности были малы и небогаты, но на них выращивался крупный виноград, из которого делалось любимое в городах вино. Фермеры процветали — по крайней мере их местные лорды.

Сейчас лордов здесь в окрестностях не было, были только судебные приставы и надсмотрщики в двух башнях у дороги, по которой мы проехали.

Я старался понять, что кричат люди, но они говорили на местном диалекте, а не на языке ирджарских купцов.

Вспомнив об Ирджаре, я задумался. Хотел бы я видеть, что случилось там после моего похищения. Обратился ли капитан Фосс к начальству ярмарки? Надо полагать, кто-то из руководства ярмаркой или из их подчиненных участвовал в моем исчезновении, иначе оно бы вряд ли произошло. И что они сделали с Лалферном? Тоже захватили и убили?

Почему я был настолько важным, что они пошли на такой риск? Ведь Озокан должен был знать, что я просто не могу выдать им то, что он хочет. И Фосс тоже не может меня выкупить за требуемую цену.

Майлин потянула за одну ниточку, которая могла дойти до клубка — участия в игре Гека Слэфида. Но война не на жизнь, а на смерть между Свободными Торговцами и Синдикатом ушла в прошлое. Почему она ожила снова? Я читал все записи прошлых лет, когда борьба была жестокой и переносилась с планеты на планету. Теперь же Синдикат имел в основном дело с внутренними планетами и иной раз впутывался в их политику — когда с пользой для себя, а когда и нет. Но что могло их интересовать на Икторе?

Фургон подъехал к стоянке. Запах, вернее сказать, вонь для носа барска усилилась. Я выглянул из-за занавески на окружающее. Но теперь я носил шкуру того, о смертельной опасности которого ходили легенды.

Борба и Ворса выгляднули из своих клеток. Симла проскулила приветствие, на которое мои голосовые связки ответили октавой ниже. Их мысли доходили до меня отрывочными выражениями:

- Марш-марш...
- Стук-стук... — Это Тантала.
- Вверх-вниз...

Они предвкушали свое участие в представлении.

Видимо, они рассматривали свое появление на сцене как развлечение и радовались.

- Много запахов, — постарался ответить я.
- Много запахов — много людей, — пролаяла Симла.
- Марш-марш! — хором сказали глассии. — Хорошо!

Их легкие вскрикивания сливались в пронзительный писк.

- Пища, — ворчала Тантала. — Под камнями пища. Она фыркнула и снова задремала.

— Бегать,— задумчиво размышляла Симла.— Бегать по полям — хорошо! Охотиться — хорошо! Мы вместе охотимся...

Инстинкт моего тела ответил ей:

— Охотиться — хорошо!

И я был с этим согласен.

Майлин открыла заднее полотнище фургона и влезла внутрь. Мужчина из жителей равнин, одетый в черную мантию с перекрещивающимися белыми и желтыми штрихами на спине и груди, подошел к ней, улыбнулся и заговорил на деревенском диалекте, но через мозг Майлин смысл его слов доходил слабо.

— Нам очень повезло, Госпожа, что ты выбрала этот сезон для посещения. Урожай был хороший, и люди собираются устроить благодарственный праздник. Старший брат скажет, когда будет удачное время для праздника. Он откроет западный двор для тебя и оплатит все издержки, так что твой маленький народ может порадовать всех своей ловкостью.

— Старший брат действительно творец счастья и добра в этой благословенной деревне,— ответила Майлин несколько официально.— Не позволит ли он выпустить мой маленький народ побегать и размять лапы?

— Конечно, Госпожа. Если тебе что-нибудь понадобится, позови кого-нибудь из братьев третьего ранга, и они будут служить тебе.

Он поднял руку. В его пальцах были зажаты две плоские дощечки из дерева, и он глухо щелкнул ими. У задней стены фургона показались две головы. Коротко стриженые волосы и выжженная на лбу рука Умфры говорили о том, что это жрецы, хотя они были еще совсем мальчиками.

Они широко улыбались и, по-видимому, были очень рады служить помощниками Майлин. Она открыла клетку Симлы. Кремовая вензеса выскочила и радостно помахивала хвостом, пока Майлин надевала на нее ошейник, украшенный драгоценными камнями. Борба и Ворс также были наряжены и выпущены. На Танталу, кроме ошейника, было надето что-то вроде лобного украшения, вышитого красными нитками, которое проходило между ушами.

Похоже, что животные были давними друзьями молодых жрецов, потому что жрецы здоровались с ними, называя каждого по имени, и так серьезно, что было ясно:

маленький народ Майлин был для них больше чем животными.

Затем Майлин протянула руку к щеколде моей клетки. Старший жрец шагнул вперед, чтобы получше рассмотреть меня.

— У тебя новый мохнатый друг, Госпожа?

— Да. Иди сюда, Джорт.

Когда я прошел через открытую дверь, жрец вытаращил глаза и прошептал:

— Барск!

Майлин надевала на меня ошейник, сшитый ею на нашем последнем привале,— черная полоса с рассыпанными по ней сверкающими звездами.

— Барск,— ответила она.

— Но ведь...— хотел было возразить ошеломленный жрец.

Майлин выпрямилась, все еще касаясь моей головы.

— Старший брат, ты знаешь меня и моих маленьких созданий. Это действительно барск, но он более не пожиратель плоти и не охотник, а наш товарищ, как и все другие, которые путешествуют со мной.

Он смотрел то на нее, то на меня.

— Ты вправду из тех, кто делает необычные вещи, Госпожа, но это удивительно — чтобы барск пошел по твоему зову, позволил тебе положить руку ему на голову. А ты даже дала ему имя и приняла в свою компанию. Но раз ты говоришь, что он больше не встанет на путь зла, каким идет его род,— люди поверят тебе, потому что таланты Тасса, как законы Умфры, постоянны и неизменны.

Он посторонился, чтобы мы с Майлин вышли из фургона. Молодые жрецы держались в стороне. Их изумление выражалось еще более открыто, чему у их начальника.

Они пригласили нас пройти вперед.

Другие животные подбежали к нам. Симла дружески лизнула меня в шею и пошла рядом со мной. Мы вышли из двора, где стоял фургон, через двухстворчатые ворота в другое огороженное место. Там была мостовая из черного с желтыми прожилками камня. Двор был пуст, только вдоль стен, куда не доходила мостовая, тянулись виноградные лозы и деревья. Далеко слева был фонтан, вода из которого лилась в каменный бассейн.

Одно из животных бросилось к бассейну и стало лакать воду. Я последовал его примеру.

Вода была холодная и очень вкусная.

Тантала сунула в бассейн не только свою тупую морду, но и передние лапы и зашлепала ими.

Я сел и огляделся вокруг. В другом конце двора были три широкие ступени, которые вели к портику с колоннами.

Дверь была покрыта искусственной резьбой с вытянутым рисунком. Это был вход в здание. Я подумал, что это, вероятно, центральная часть храма.

Во всей стене не было ни одного окна, только резные панели из чередующегося белого и желтого камня оживляли черноту стен.

Майлин командовала мальчиками-жрецами, которые принесли из фургона несколько ящиков и поставили у ступеней. Я заметил, что жрецы продолжали поглядывать на меня с некоторым страхом. Когда они закончили, Майлин со словами благодарности отпустила их и села на нижнюю ступеньку. Я немедленно подбежал к ней.

— Ну?

У меня была только одна мысль: узнала ли она что-нибудь о людях Осколда и о том, что они несли с собой.

Майлин взяла в руки мою голову и повернула, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Согласись, звездный странник, что я хорошо знаю пути народа Ииктора. У них есть правила, которые они не нарушают, даже когда им нечего опасаться. Можно надеяться, что Осколд и его люди этому правилу не изменят и тем или иным путем принесут в долину то, что принадлежит тебе.

— Ах, Госпожа, значит, это правда? — раздался голос позади.

Я вздрогнул, потому что впервые «услышал» слова, которые до сих пор понимал исключительно через посредничество Майлин.

Я вскочил и невольно зарычал, посмотрев наверх, на ступени.

Там стоял мужчина в мантии жреца. Он был стар, чуть сгорблен и опирался на посох, который, скорее, был официальным жезлом, потому что почти доходил до его лысого черепа. Его лицо было открыто, лицо человека, видевшего так много печали, что она окрасила его под старость в серые тона.

Но сейчас он улыбался, и в его улыбке была мягкость, говорившая о том, что главной его добродетелью было сострадание.

— Ты действительно сотворила чудо.

Он опустился на одну ступеньку и взял Майлин под руку, приглашая подняться.

Отчуждение, которое всегда было между Майлин и равнинными жителями, исчезло, в ее тоне звучала почтительность, когда она ответила:

— Да, Старший брат, я привезла барска. Джорт, покажи свои манеры.

Это был первый из приказов, которые мы отработали, и он был показан стражу Храма: я трижды поклонился и зарычал низким тоном. По-прежнему улыбаясь, жрец вежливо поклонился мне в ответ.

— Да будут с тобой любовь и заботы Умфры, брат с верхних дорог,— сказал он.

У Свободных Торговцев мало верований, и мы редко выражаем их даже в своем кругу. Для присяги королю, при выборе постоянного спутника жизни, при усыновлении ребенка у нас были клятвы и были силы, к мудрости которых мы взвывали. Я думаю, что каждый разумный человек признает, что есть что-то высшее.

Иначе он рано или поздно погибнет от своих внутренних страхов духа. Мы уважаем чужих богов, потому что они — искаженные человеком образы того, кто стоит за неопознанным окном в неизвестное. И теперь в этом человеке, посвятившем свою жизнь служению такому богу, я увидел того, кто ее понимал. Вероятно, это и была истина, хотя и не та, в которую верил мой народ.

Я забыл, что на мне шкура зверя, и склонил голову, как сделал бы это перед тем, кого глубоко уважал.

Когда я поднял голову и еще раз взглянул на него, то увидел, что улыбка исчезла с его лица. Он внимательно смотрел на меня как на что-то новое и захватывающее.

— Что мы знаем о барске? — сказал он как бы про себя.— Очень мало и в основном плохое, потому что смотрим на него сквозь завесу страха. Возможно, теперь мы узнаем больше.

— Мой маленький народ совсем не похож на своих диких собратьев,— быстро ответила Майлин.

Я понял ее недовольство и одновременно предупреждение в короткой мысли, которую она бросила мне: она предупреждала, что у этого человека есть что-то от внутреннего зрения и возбуждать в нем подозрения не следует.

Я залаял, поймал насекомое, жужжавшее над моей головой, и побежал к другим животным, к бассейну, на-деясь этим исправить свою ошибку.

Майлин осталась с жрецом. Их тихий разговор не доходил до моих ушей, потому что она оборвала мысленный контакт со мной, и это мне не нравилось, но я не осмеливался подслушивать каким-нибудь другим способом.

Ранним вечером мы дали представление для всех жителей деревни, которые могли поместиться во дворе, а затем повторили его еще раз для остальных. Портик храма служил нам эстрадой, мальчики-жрецы помогали Майлин сделать нужную бутафорию. Они делали это с таким умением, что я догадался — это им не впервые. Но я не знал, что вся труппа показывала на ярмарке, хотя было видно, что действия спектакля менее отработаны.

Теперь в барабан била одна Тантала, а Борба и Ворс маршировали и танцевали.

Симла прыгала на задних лапах по серии наклонных брусьев, лаем отвечала на вопросы публики и играла на маленьком музыкальном инструменте, нажимая передними лапками на широкие клавиши. Я вставал на задние лапы, кланялся и делал другие маленькие трюки, которые мы запланировали. Я думаю, что моего появления было достаточно, потому что крестьяне были поражены и испуганы.

Я все больше удивлялся страшной репутации хозяина моего тела.

Когда представление было закончено, мы вернулись в свои клетки, и на этот раз я не протестовал против такого дома. Я полностью вымотался, как будто весь день работал, как человек.

Я узнал, что сон барска не похож на человеческий. Барск не спит всю ночь подряд, а дремлет, часто просыпаясь. Проснувшись, я лежал, бодрствующий и бдительный, и энергично узнавал носом и ушами обо всем, что происходило за занавесками фургона.

Во время одного такого пробуждения я услышал движение в передней части фургона, где спала Майлин в плохую погоду или когда по каким-то причинам нельзя было спать на воле.

Свет был слабый, как будто бледное отражение лунной лампы пробивалось сквозь щель между занавесками.

Щеколда моей клетки не была закрыта.

Я открыл дверцу и вышел, хотя знал, что в деревне делать это опасно. Я обнюхал дверь и заглянул в щель.

Майлин сидела на кровати, скрестив ноги и закрыв глаза. Похоже, она спала, но ее тело качалось взад и вперед, как бы в такт музыке, которой я не слышал.

Читать в ее мозгу я не мог, так как натолкнулся там на плотный барьер, как человек с разбегу налетает на стену. Ее губы были полураскрыты, из них выходил слабый шипящий звук. Поет? Я, правда, не был уверен, песня это или какое-то заклинание, а то и жалоба. Ее руки лежали на коленях, серебряные палочки образовывали мост между ее указательными пальцами, и из него струился слабый свет.

Воздух вокруг меня был как бы наэлектризован. Моя грива стала жесткой и поднялась дыбом, шкура вздрогнула, закололо в носу. У нас, живущих на космическом корабле, был свой род энергии, но мы никогда не отрицали, что в других мирах есть такие ее виды, которые нам недоступны, и мы не можем их контролировать, поскольку искусство такого рода является прирожденным, а не приобретенным.

Это была как раз такая энергия, но я не знал, призывает ли Майлин ее к себе или посыпает куда-то. В эту минуту я отчетливо понял, насколько Майлин чужая, гораздо более чужая, чем я думал.

Она замолчала, и наэлектризованность воздуха стала убывать. Наконец, Майлин со вздохом опустила голову, встрепенулась, как бы просыпаясь, легла и положила потускневшую теперь палочку под голову. Свет исчез. Я был уверен, что Майлин спит.

Утром мы уехали из Иим-Сина, провожаемые добрыми пожеланиями и просьбами приезжать еще. Мы поехали по дороге, все время поднимающейся вверх. Это были уже не холмы, а горы. Воздух был холодный, и Майлин надела плащ. Когда я сел на свое место рядом с ней, я заметил, что моя толстая шкура не нуждается в дополнительной одежде. Запахи возбуждали, и я чувствовал большое желание соскочить со своего места и бежать по поросшим лесом склонам в поисках чего-то.

— Мы въезжаем в страну барсов,— сказала Майлин.
Она улыбнулась.

— Но я не советовала бы тебе, Джорт, знакомиться с ними, потому что, хотя здесь и родина некоторой

части тебя, ты быстро окажешься в невыгодном положении.

— Почему все так удивлены, что в твоей труппе находится барск? — спросил я.

— Потому что барсков знают только с одной стороны. Это звучит загадочно, но, видимо, так оно и есть. Немногочисленные жители высоких склонов — кроме Тасса — убивают барсков, которые, в свою очередь, терпеливо и ловко преследуют их. О барске существует множество легенд, его наделяют почти такой же силой, какую приписывают Тасса. Многие лорды жаждут иметь барска в клетке только для того, чтобы узнать, действительно ли он либо вырывается на волю и потом мстит людям и скоту, либо умирает по своей воле. Дело в том, что барск не терпит никакого ограничения своей свободы. Дух, который жил в твоем теле, как раз и желал умереть, когда произошел обмен.

Я вздрогнул.

— А если это ему удастся?

— Нет,— твердо сказала Майлин,— он не может, при обмене ему поставлены ограничения. Твое тело не умрет, оно не будет пустой оболочкой, когда мы его найдем. А теперь,— она перешла к другой теме,— тут есть сторожевой мост Мотревека. Но большая часть людей сейчас собирает урожай на склонах гор. Нас не задержат, но лучше, если часовой увидит тебя в клетке.

Я неохотно отправился в клетку. Майлин обменялась приветствиями с двумя вооруженными людьми, вышедшими из небольшого домика у дороги. Один из них приподнял заднее полотнище фургона и заглянул внутрь. Я забился в глубину клетки, чтобы он меня не заметил, и снова подумал, что они знают Майлин, что она бывала когда-то здесь.

Мы еще раз остановились на ночлег на открытом месте. Майлин сварила котелок какого-то супа, от которого шел такой соблазнительный запах, что мы все собрались у костра и жадно принюхивались.

Должен признаться, я лакал свою порцию далеко не с лучшими манерами, чем это делал бы настоящий барск.

Во время дневного путешествия меня томило ожидание, так как мы уже были близки к цели.

Но когда я устроился на ночь в своей клетке — Майлин по каким-то причинам считала, что там безопас-

нее, чем если бы мы спали вне фургона,— я немедленно уснул и на этот раз спал, не просыпаясь.

С первыми лучами солнца мы встали, утолили голод чем-то вроде хрустящего печенья с кусочками сущеного мяса, и фургон двинулся. Теперь дорога стала круче, так что казы с видимым усилием налегали на упряжь. Мы остановились и дали им передохнуть, а Майлин подложила под колени небольшие камни, чтобы фургон не скатился назад. Мы не останавливались до самого полдника и снова поели печенья и попили воды.

Ближе к вечеру мы достигли вершины горы. Теперь дорога пошла вниз между двумя холмами. То, что лежало внизу, скрывалось в тумане, время от времени туман расходился, и создавалось неопределенное впечатление бездны.

— Долина,— сказала Майлин безликим, лишенным эмоций голосом.— Оставайтесь в фургоне, нам надо точно придерживаться дороги. Тут есть запретные места и охрана, которую не так просто увидеть.

Она снова дала команду казам, и фургон пополз вниз, в туман и тайну.

Глава 10. Майлин

«Смотри незатуманенными глазами на свои желания»,— говорили Древние в кругу Тасса. Можно не сомневаться, что все их мысли были светлы, мотивы открыты и они движимы каким-то скрытым принуждением, подобно тому как мой маленький народ повинуется моему жезлу, когда мне нужно поднять его энергию.

Но проснулось ли мое скрытое желание, когда я оставила Ирджар, часто ли я говорила себе и Малику, что я только повинуюсь закону Весов? Если так, то оно действительно было глубоко скрыто.

Может, это вспышка жизни, после того как я нарушила клятву и пересадила инопланетника из его собственного тела в тело барска, и это действие посеяло семена?

Может, кто-то из нас считает некоторые указания Моластера слишком далекими для нашего понимания? Для Древних такой аргумент — святотатство. Они считают, что каждый ответственен за свои действия, хотя иногда они принимают во внимание мотивы наших действий, если эти мотивы достаточно сильны.

Но мысль уже была близка к осуществлению в Инн-Сине, я это знала и, однако, отказалась от нее. Когда жрец Оква разговаривал со мной наедине, он сообщил мне плохие известия и оставил меня обдумывать это в отчаянии и бессильной ярости. И когда мы поехали к Долине, где было похоронено столько надежд, я все время боролась с искущением, хотя и не могла поверить, что ничего не может быть хуже.

В то время мне было очень трудно думать о тяжелом положении Крипа Ворланда, и я решила, что, как только мы найдем то, что ищем, я быстро произведу обмен, чтобы обмануть этот соблазн. Но сама я не могла не думать о том, кто находится здесь и чьи дни явно сочтены.

Мы спустились к Долине через холодный туман в ту ее часть, где принимали прибывших. Я отвечала на вопросы инопланетника так кратко, как только могла, потому что все еще боролась с собой.

Перед восходом солнца мы въехали в предназначенный для посетителей внешний двор главного Храма.

Стражник-жрец подошел поздороваться с нами. Я знала его в лицо, но не помнила имени — иногда бывает нечто вроде милосердного забвения — этот человек приветствовал меня здесь в разных обстоятельствах, о которых я старалась не вспоминать.

Я попросила разрешения поговорить с Оркамуром, но мне сказали, что он занят и не может принять меня. Мы поставили фургон во второй двор, я распрягла казов и накормила маленький народ. Крип Ворланд мысленно задавал мне вопросы, и на некоторые я не могла ответить.

Мы зажигали в фургоне лунные лампы, когда пришел жрец третьего ранга и сказал, что Оркамур хочет меня видеть. Крип Ворланд изъявил желание пойти со мной.

Он думал только о том, чтобы найти свое тело и соединиться с ним. Но я сказала, что должна подготовить Оркамура к тому, что случилось, и осторожно объяснила все, чтобы наша история не показалась ему диким бредом. Инопланетник согласился.

Не окрепла ли во мне вера, что я нуждаюсь только в одном действии, и тогда большая часть груза, который я так давно несу, отпадет? Если это так, то я все еще имела мужество сопротивляться.

Оркамур немолод, ноша его тяжела и с годами не уменьшается. Он не похож на Тасса с их стройными, долго-

вечными телами. Каждый раз, когда я вижу его, он кажется еще более сморщенным, призрачным.

Однако в нем горит такое сильное пламя воли и необходимости откликаться на нужду, что дух его рос, в то время как плотская оболочка ссыхалась. С первой же минуты видишь только дух, а не одевающую его человеческую форму.

— Добро пожаловать, сестра!

Его голос сегодня был усталым и тонким, как флейта.

Я наклонила голову над своим жезлом.

Мало кому Тасса выражают такое же глубокое почтение, как своим Древним. Но Оркамур заслужил признательность всего Иктора.

— Старший брат, мир и благо тебе!

Я сделала три знака своим жезлом.

— Мир и благо тебе! — ответил он.

На этот раз его голос прозвучал глубже, сильнее, он как бы победил усталость своей волей.

— Однако нам не нужны успокаивающие слова, сестра. Я не могу сказать тебе, что все идет хорошо.

— Я знаю. Я проезжала через Инн-Син.

— Надо ли было приезжать, сестра? Ты ничего не сможешь сделать, а иной раз, когда смотришь на обломки крушения, все прошлые печали схватывают сердце. Лучше вспоминать живого в расцвете сил, чем без расцвета и без зрелости.

Мои руки сжались на жезле, и я знала, что Оркамур видит это, но с ним я не стала остерегаться. В свое время он видел и большую, и меньшую потерю самообладания.

— Я пришла по другому делу,— решительно перевела я разговор.— Это...

Я быстро рассказала Оркамуру об инопланетнике.

Это можно было сделать, потому что Оркамур был тем, кем был, и он не нашел бы в моих действиях что-то такое, что уронило бы меня в его глазах.

Жрецы Умфры и Тасса ближе друг к другу, чем мы и жители равнин.

Когда я закончила, он посмотрел на меня без большого удивления.

— Путь Тасса — не путь человеческого рода,— сказал он.

— Я и сама знаю,— вырвалось у меня.

Все, что я вытерпела, пока ехала от Иим-Сина, сказалось в этом резком ответе. Я тут же начала просить прощения, но он отмахнулся.

— Ты должна была подумать о цене, прежде чем это делать, сестра. Ваши нелегко смотрят на такое. Разве цена инопланетника выше твоей?

— Это был долг.

— За который он не должен был требовать у тебя оплаты, зная он все последствия. А теперь я должен сказать: люди Осколда ничего не приносили.

Я не очень огорчилась.

— Может быть, они сначала вернулись к Осколду за решением? Хотя фургон и медленно идет, мы ехали более коротким путем.

— А что, если его не принесут, сестра?

Я взглянула на жезл, который вертела в руке.

— Они же не могут.

— Ты надеешься, что они не могут,— поправил он меня.— Из всего, что ты рассказала, ясно, что Озокан попрал Закон ярмарки, захватив человека. Он впутал и своего отца, когда запер пленника в пограничный форт. За пленником охотились люди, носящие цвета Осколда, чтобы убить его в твоем лагере. Возможно, они собирались спрятать тело, и пусть потом враги доказывают преступление. Ты не подумала об этом, будь ты на месте Озокана?

— Если бы я была с мозгом жителя равнины — подумала бы. Но тот, кто был...

— ...кто был под плащом Умфры?

Оркамуру не надо было читать в моем мозгу, чтобы продолжить мою мысль.

— Если человек нарушил один закон, ему легче нарушить и другой.

— На ярмарке они нарушили человеческий закон. Но осмелятся ли они нарушить закон Умфры?

— Ты рассуждаешь, как Тасса,— сказал он уже более мягко, как говорят с чужими.— У вас не много Уставных Слов, и ваши смертные правила так неизбежны и надежны, что редко оказываются под угрозой. Только, сестра, как насчет твоих собственных действий под Луной Трех Колец?

— Да, я нарушила Закон, и я за это отвечу. Возможно, основание для действия перевесит само действие. Ты знаешь суд моего народа.

— Однако ты нарушила закон с открытыми глазами и не от страха за себя. Страх — великий бич, которым

силы мрака мучают людей. Если страх очень велик, ему не могут противостоять ни человеческие, ни божеские законы. Я кое-что слышал об Осколде. Он сильный человек, но грубый. У него только один наследник Озокан, и это погибель для юноши, потому что отец слишком его балует. Как ты думаешь, Осколд спокойно примет объявление его сына вне закона?

— Но как он надеется скрыть?..

— Люди могут сказать о том, что они знают, но ведь нужно еще и доказать сказанное. Полным доказательством злого дела Озокана является тело инопланетника.

— Нет!

Конечно, я должна была об этом подумать.

Как я была слепа!

— Сестра, чего ты хочешь на самом деле?

Он снова коснулся моего мозга и увидел то, чего я не желала ясно увидеть сама.

— Я клянусь дыханием Моластера, я не...

Я оборвала свое бормотание и снова овладела собой.

Оркамур спокойно смотрел на меня, и правда, или то, что теперь было правдой, стала ясной для нас обоих.

— И ты думала, сестра, что такое может быть? Говорю тебе: не тело делает человека человеком, а то, что живет в нем. Нельзя заполнить пустой каркас и ожидать, что в нем оживет прошлое и все будет, как раньше. Многое могут сделать Тасса, но вернуть умершему жизнь не могут и они.

— Я не думала об этом.

Я отрицала мысль, ранее скрытую, а теперь ясно видимую в моем мозгу.

— Я спасла жизнь инопланетнику. Они безжалостно убили бы его.

— И что он выбрал, когда ему все разъяснили?

— Жизнь. В последнем вопросе большей частью цепляются за жизнь.

— И теперь ты хочешь предложить ему новую жизнь в новых условиях?

— Я могла бы, это нетрудно. Крип Ворланд был просто убит, когда осознал себя Джортом. Будет ли он стремиться снова обрести человеческое тело, если будет доказано, что его собственное тело нельзя вернуть? Нельзя вернуть...

Я сжалась против искушения.

— Я не сделаю такого предложения, пока не буду уверена, что тело пропало,— обещала я.

— Но ты скажешь ему об этом сейчас?

— Я скажу только то, что его тело еще не прибыло в Долину. Это ведь правда?

— Мы всегда должны полагаться на милосердие Умфры. Я отправлю посланника на западную дорогу. Если они в пути, мы будем готовы. Если нет — могут быть какие-то известия...

— Спасибо, Старший брат. Можно мне...

— Хочешь ли ты этого на самом деле, сестра?

Доброта и великое сострадание снова согрели его голос.

Какое-то время я не могла решиться. Возможно, Оркамур был прав — мне не следует смотреть на того, один вид которого терзает мое бедное сердце, я откажусь пройти эти несколько шагов до внутренней комнаты, до нее далеко, как до звезд, которые знал Крип Ворланд. Крип Ворланд, если бы я знала, смогу ли я выполнить свое решение, отогнать желание?

— Сейчас я не могу сказать,— прошептала я.

Оркамур поднял руку для благословения.

— Ты права, сестра. Может быть, Умфра вооружит тебя своей силой. Я пошлю посланника, спи спокойно.

«Спи спокойно! Хорошее пожелание, но не для меня»,— подумала я.

Я возвратилась к фургону.

Инопланетник ждет известия. Часть правды — вот и все, что я могу ему предложить. Правда — возможно, остальное было неправдой, а только предположением, может, посланец Оркамура встретит отряд, который мы искали, и все будет правильно — по крайней мере, для Крипа Ворланда. В этом мире много чего правильно для одних и неправильно для других. Я должна отогнать такие мысли.

Я была права насчет инопланетника и его вопросов. Он был вне себя от горя, что отряд Осколда еще не прибыл, и чуть-чуть успокоился, когда узнал о посланце.

Я побоялась слишком долго мысленно разговаривать, чтобы каким-нибудь образом не выдать то, что я только что узнала о самой себе. Так что я сослалась на усталость, пошла к своей постели и долго лежала, слушая, как он сопит и вертится в своей клетке.

Жрец на вершине храмовой башни возвестил приход зари. Я слушала пение, которое, как и власть Тасса, несло в себе власть их рода.

В этом месте, где печаль и отчаяние лежали на всем, как черное покрывало, слуга Умфры пел о надежде, о мире и сострадании. Этим пением осветился и мой собственный день.

Я выпустила мой маленький народ во двор, а два жреца третьего ранга с улыбками принесли нам пищи и воды. Крип Ворланд сидел рядом со мной, и каждый раз, когда я выглядывала из комнаты, я видела, что его глаза следят за каждым моим движением, как будто таким пристальным наблюдением он пытался поймать меня в ловушку.

Почему я так подумала? Такие мысли из ниоткуда несут зародыши истины.

— Крип Ворланд, сегодня, возможно....

Имя «Джорт» могло, как мне казалось, усилить его подозрительность. Он должен думать о себе как о человеке, лишь временно живущем в теле барска.

— Сегодня! — жадно подхватил он.— Майлин, ты была здесь раньше?

— Два раза.

Что-то развязало мне язык и заставило сказать правду.

— Здесь живет тот, кто считается моим родственником.

— Тасса?

Он, казалось, удивился, и я поняла, что он смотрит на мою расу с тем же страхом, какой питали к Тасса жители равнин.

— Тасса,— сказала я горько,— такие же люди, как и все. Мы истекаем кровью, если кто-нибудь поднимет против нас меч или нож, мы страдаем многими болезнями, мы умираем. Не думаешь ли ты, что мы недосягаемы для того, кто мучает других людей?

— Возможно, по дороге я так и думал,— согласился он,— хотя должен был бы знать, что это не так. Но то, что я видел у Тасса, позволяло мне думать, что они не похожи на остальных на Икторе.

— Есть опасности, подстерегающие только нас одних, наверное, и у тебя тоже есть такие, специфические для твоего народа. Звездные странники встречаются с опасностями?

— Их больше, чем я могу рассказать,— ответил он.— Но твой родственник — тот, кто получил убежище здесь,— зачем ему это? Ведь он может...

— Нет! — прервала я.

Объяснить, почему он под покровом Умфры, я не могла. Это слишком близко касалось плачевного положения самого Крипа Ворланда.

Те из нас, кто становился Певцом, должны были подвергаться определенным испытаниям, которые показывали, если ли у нас такой талант или нет. Мэквэ пострадал как раз в это время, но не по своей воле, а от несчастного случая, из тех, которыми наугад стреляет судьба. Мы передали то, что еще оставалось живым, в руки Умфры — не потому, что боялись, как большинство равнинных жителей, сумасшедших, а потому, что знали: здесь будут бережно обращаться с жизнью, которая осталась теперь в его оболочке. Ведь у Тасса не было теперь своего дома.

Когда-то мы имели дома и города. Затем выбрали другую дорогу, и не стало необходимости требовать определенного места для жизни кланов.

Древние оставались в тайных местах, где мы собирались на совет или в дни Поминовения. Мы скитались по своей воле и жили в наших фургонах.

Заботиться о таких, как Мэквэ, нам было нелегко. Он был не первым, кого мы доверили Умфре. К счастью, их было немного.

— Когда мы узнаем насчет...

Я очнулся от своих мыслей.

— Как только вернется посланный. Пойдем, я должна представить тебя Оркамуру.

— Он знает?

— Я сказала ему, так как это было необходимо.

Человек в теле барска не сразу встал.

Я с удивлением прочитала его эмоции, которые не поняла: стыд, это было так чуждо любому Тасса, что мое удивление росло.

— Почему у тебя такое ощущение?

— Я человек, а не барск. Ты видишь во мне человека, а этот жрец — нет.

Я все еще не могла понять. Это была та минута, когда двоим кажется, что они откинули особенности происхождения, но их тянет в разные стороны их прошлое.

— Для некоторых на Иикторе это может иметь значение, но не для Оркамура.

— Почему?

— Ты думаешь, что ты один в этом мире носишь шкуру, бегаешь и изучаешь воздух длинным носом?

— Ты уже делала это?

— И я, и другие. Слушай, до того, как я стала Певицей, способной дружить с маленьким народом, я тоже бегала по холмам в различных телах. Это часть нашего обучения. Оркамур знает об этом, как и те, кого мы посетили недавно. Мы иной раз обмениваемся знаниями. Видишь, я сказала тебе то, что ты можешь повернуть против Тасса, подбросив это, как головню в собранный урожай, чтобы погубить нас.

— И ты была животным?

Это было первым шоком в его мыслях, но затем, поскольку он был умным человеком и с более открытым мозгом, чем у привязанных к планете, он добавил:

— Но это действительно путь к обучению?

Я чувствовала, что часть его недовольства исчезла, и подумала, что мне надо было сказать об этом раньше. Теперь же я сказала, потому что это могло понадобиться: вполне может случиться, что опасения Оркамура сбудутся. Но Крип Ворланд не должен был знать сейчас, что случилось с Мэквэ, не должен был видеть его.

Через внутренний зал храма мы вышли в садик, где Оркамур давал отдых своему хилому телу, если не сострадающему мозгу. Он сидел здесь в кресле из дерева храна, глубоко врытом в землю для того, чтобы дерево снова жило и пускало ветви, защищающие сидящего от ветра.

Этот садик был местом глубокого мира и покоя, в чем нуждался тот, кто его создал. Оркамур приходил сюда не только для обновления духа, но и для приема тех, для кого свет померк с тех пор, как любимые ими попали под покров Умфры.

Здесь присутствовала сила, которую мы все называем по-разному и которая на расстоянии внушиает страх, даже ужас, так как очень редко она поднимается умирающей рукой над страдающим. А здесь было именно так, и всем, кто приходил сюда, становилось легче.

Оркамур повернул голову и посмотрел на нас.

Его улыбка больше, чем слова, сказала, что он рад нам. Мы подошли и остановились рядом с ним.

— Настал новый день, чтобы мы записали на него желаемое,— повторил он изречение из вероучения Умфры.— Справедливая запись извлечет из нас лучшее.

Он обернулся к Крипу Ворланду:

— Брат, Ииктор даст тебе большее, чем записано на эти дни.

— Да,— мысленно ответил инопланетник.

Оркамур знал внутренний язык. Без этого он не мог бы быть тем, кем был. Однако немногие из его расы развивали в себе этот дар.

— Всякому человеку дано учиться всю жизнь, и ученью этому нет границ. Однако он может отказаться от знания и тем лишить себя многого. Я никогда не разговаривал с инопланетником.

— Мы, как и все другие люди,— ответил Крип Ворланд.— Мы мудры и глупы, добры и злы, живем по закону или нарушаем его. Мы истекаем кровью от ран, смеемся шуткам, кричим от боли. Не так ли ведут себя люди во всех мирах?

— Справедливо. И, может быть, еще более справедливо для того, кто, как ты, повидал много миров и имеет возможность сравнивать. Но согласишься ли ты поговорить с привязанным к планете стариком и рассказать ему что-нибудь о том, что лежит под нашим небом и граничит со звездами?

Оркамур не смотрел на меня, но я поняла, что он хочет, чтобы я ушла. Почему он хотел остаться наедине с инопланетником, я не знала, и это меня немного смущало. Однако я вышла, так как не могла подумать, что в Оркамуре есть хоть что-нибудь злое. Вполне возможно, что им действительно руководило только любопытство. Он был так далек от мира в своем призвании, что временами забывал, что он тоже человек, с человеческими интересами.

Я, наконец, собралась с духом и сделала то, на что не решилась прошлой ночью: проводить Мэквэ. Говорить об этом мне не хочется. Возобновлять в памяти печали прошлого и переживать их снова — тяжелое и бесполезное дело. И я снова удивлялась, сколько делается в этом мире для безнадежных.

В полдень я снова пришла во двор, где оставила фургон. Маленький народ дремал в тени, но тут же вскочил и подбежал ко мне. Крипа Ворланда с ними не было. Я удивилась: неужели Оркамур разговаривал с ним все утро? Ведь у него были срочные и нелегкие обязанности.

Я подозвала одного из жрецов, которые приносили нам пищу, но он не видел барска и сказал, что Орка-

мур в комнате медитации, где его нельзя беспокоить.

Я встревожилась. Хотя жрецы Умфры не поднимут руку ни на одно живое существо, не подумав, отреагировать на неожиданное появление животного они могут по-разному.

Я вернулась в фургон, когда подошел второй жрец.

— Госпожа,— хмуро сказал он,— пришло послание с западной дороги, посланное с птицей. Те, кого ты ждешь, не приходили в городские ворота.

Я механически поблагодарила, но лишь малая часть моего мозга отреагировала на его слова.

Все мои мысли были заняты исчезновением Крипа Ворланда.

— Барск...— начала я.

Хотя почему, собственно, жрец, не занимающийся материальными делами храма, может знать о моих животных.

— Он был здесь. Я недавно его видел.

Он огляделся, как будто одним своим взглядом мог вызвать из-под земли зверя с красным мехом.

— Он шел с братом Офседом, и я обратил на это внимание, потому что я никогда не думал, что барск может идти с человеком.

— Когда это было, брат?

— Наверное, за два удара до полудня. Гонг прозвучал, когда я пошел искать тебя.

Как давно! Я позвала Симлу и мысленно поговорила с ней. Она коротко лизнула меня и бросилась к воротам.

— Похоже на то, брат, что мой барск удрал куда-то. Я должна его найти.

Я предупреждала Крипа Ворланда еще до того, как мы вошли в Долину, о ловушках, в которые может попасть тот, кто не знает местности или останавливается на открытых местах. Я никак не могла догадаться, почему он ушел из Храма. Сомнительно, чтобы он решился на такую глупость после разговора с Оркамуром. Симла легко могла бы найти его по следу, но барск мог уйти за это время очень далеко, при условии, конечно, что он не попадет в какую-нибудь западню на своем пути.

Мы с Симлой дошли до внешних ворот.

Меня окликнули, я нетерпеливо повернулась и увидела молодого жреца с гостевого двора.

— Госпожа, говорят, ты ищешь барска?

— Да.

— Он не мог далеко уйти. Он пил из бассейна, когда пришло послание. Странное дело...

Он замялся.

— Да?

— Можно подумать, что барск слушал наш разговор. Когда я это заметил, он залаял. А когда я снова обернулся, его уже не было.

Мог ли инопланетник понять их? Храмовые жрецы говорят между собой на высоком языке — в основном менто-обменном. В их разговоре иногда бывают два-три слова, а все остальные звучат мысленно.

— О чём вы говорили, когда барск как бы подслушивал?

Жрец отвел глаза.

— Старший брат спросил, где ты. Я ответил, что ты во внутренних покоях с нашим пациентом. Мы немного поговорили о нем. Затем Старший брат сказал, что ты ждешь тех, кто должен привести одного пораженного ударом, но они так и не появились. Потом он пошел, а я оглянулся — барск исчез.

Неужели Крип Ворланд бросился искать свое тело? Но почему же он не пришел ко мне?

Я погладила Симлу.

— Найди его, девочка!

Симла пошла вперед, а я за ней, смущенная, пораженная, не понимая, что могло случиться за то короткое время, пока я искала свою печаль и забыла о цели, которая привела меня сюда.

Г л а в а 11. Крип Ворланд

Я лежал на земле, а вокруг пахло землей, растениями, корнями и жизнью. Запах был густой, навязчивый. Не знаю, далеко ли я отошел от Долины, где дорога, вдоль которой я бежал, скрываясь, шла по холмам. Я лежал и лизал израненные лапы. Сейчас я был больше Джортом, чем Крипом Ворландом.

Человек? Был ли вообще человек, звавшийся когда-то Крипом Ворландом? Жрецы Умфры сказали, что с территории Осколда не выходил отряд с пустой скорлупой от человека. Зачем же тогда меня привели в Долину? Какой цели я должен был служить, каким желаниям — Майлин или своим?

Когда я услышал, о чем говорили между собой жрецы, во мне взметнулось подозрение, и я по-новому взглянул на беседу с Оркамуром в саду мира и покоя.

Мы говорили о внешних мирах, но в основном он хотел знать о людях, вышедших из этих миров, о том, что они делали до того, как стали звездными скитальцами.

Мне казалось, что он пытается понять, как я рискнул превратиться в барска ради спасения своей жизни — вроде бы я сделал шаг туда, откуда мог не вернуться, вроде бы я принял судьбу барска на веки вечные.

Когда Майлин говорила об обмене, в ее словах была логика. Она знала опасность, она прекрасно знала ее, ведь жрецы, которых я подслушал, говорили не только о моем без вести пропавшем теле, но также рассуждали о Майлин и о том, что неоднократно приводило ее в Долину. Был другой, который бегал в зверином теле, возможно, по ее приказу. И обратного обмена сделано не было. Итак, человеческая оболочка жила теперь в Долине, а о теле животного жрецы не упоминали. Может, этот несчастный сидит теперь в клетке среди ее маленького народа?

Эта удивительно выдрессированная труппа — может быть, все они или большая их часть были мужчинами и женщинами, а не животными? Не таким ли способом Тасса набирали животных для шоу?

Возможно, и то название, которое они давали своим превращенным — «маленький народ» — полностью соответствовало истине.

Ей давно хотелось присоединить барска к группе, она сама признавалась. И я попался в ловушку с наивной доверчивостью ребенка. Может, она действовала на меня какой-то силой, когда мой мозг был смущен и растерян? Но сейчас важно не то, что случилось и чего нельзя изменить, а то, что еще можно сделать. Где мое тело, мое человеческое тело? Да и живо ли оно вообще? Я должен найти его, обыскав земли Осколда. Правда, я не имел никакого представления о том, что я буду с ним делать, если найду, но горячее желание найти его захватило меня вопреки разуму и логике. Возможно, я уже был не в своем уме...

Теперь меня донимали голод и жажда. Я услышал запахи фермы и человека. Я встал, вздрогнул от боли в лапах, и стал пробираться между кустами.

Наверное, теперь во мне было больше от животного: человеческое знание было бы только помехой в моем охотничьем мастерстве.

В тусклом двойном свете я скользил от тени к тени вдоль стены из небрежно сложенных камней. Мои ноздри улавливали и классифицировали сведения.

Мясо... С моего языка закапала слюна, а брюхо заурчало. Запах мяса.

Я скорчился в кустах, заглядывая в открытый двор фермы. Там стоял каз, переступая тяжелыми ногами. Были также четыре форса — домашние животные, длинная шерсть которых шла на изготовление зимней одежды, прочной и очень теплой.

Они недовольно поворачивали длинные шеи, изгибало головы под странными углами и поглядывали на стену. Один из форсов глухо и тревожно зарычал: если я почуял его, то, по всей вероятности, и он узнал о моем присутствии. Но ни одного из них я не мог взять — они были в полтора раза больше меня. Довольно близко от моего укрытия бродила птица с длинными ногами и острым клювом, который все время что-то склевывал с земли. Птица приближалась ко мне и, видимо, не чувствовала опасности. Я выскочил из-за куста и схватил ее. Она завертелась с такой скоростью, какой я от нее не ожидал, и больно клюнула меня, едва не лишив глаза.

Только быстрое отступление спасло меня от новой атаки птицы. Я отскочил, понимая, что легко мог лишиться зрения. По всей вероятности, барски были достаточно хитрыми охотниками, но я-то был не барском, а Крипом Ворландом.

Животные подняли шум, и мне пришлось спасаться бегством. Только болевшие лапы и утомленные легкие заставили меня остановиться.

Мне повезло, что я был не в человеческом теле, потому что ночь не ослепила меня. Я видел в темноте, как днем. Вероятно, ночи и были днями для барска. Перед рассветом я жадно съел, конечно, не как лакомство какое-то змееподобное существо, которое извлек из щели между камнями в русле ручья. Затем я отыскал дупло в поваленном дереве, забрался в него и уснул, просыпаясь время от времени, чтобы лизать лапы в надежде, что они смогут нести меня дальше.

Я решил, что лучше перенести путешествие с дневного времени, когда меня могут увидеть, на ночь, что было более естественно для барска.

Я дремал в дневные часы и ковылял дальше, когда всходила Луна.

Три Кольца вокруг лунного диска ярко сияли в эту ночь. Я поднял голову и, не успев сдержать порыв, завыл низким воем, который был как бы эхом звучавшего во мне крика. Этот крик был не просто приветствием ночного бегуна, обращенным к небесному страннику. Что-то было в этом удивительном зрелище, привлекающем и удручающим взгляд, и я понимал, почему жители Ииктора приписывают этому феномену психическую силу.

Луна Трех Колец означала могущество, власть, но я жаждал только одной власти, той, которая вернет мне мое тело. Я вернулся к ручью и снова принялся за охоту — несколько более успешно, потому что на этот раз напал на теплокровное животное, пришедшее на водопой. Я пировал, как Джорт, отогнав на время еды человеческую память.

Затем я вдоволь напился и стал оглядываться вокруг, ища дорогу, вдоль которой следовало идти.

Я пошел по тропе, шедшей с востока на запад через лес, потому что кустарник вдоль главной дороги кончился и появилось открытое пространство.

Земля Осколда не была густо заселена, по крайней мере в этой части. До наступления зари я прошел мимо второй кепости, такой же, как и та, где я сидел, только при этой был поселок, впрочем дома, вернее хижины, были построены кое-как и явно имели временный характер. Это был лагерь с бараками для тех, кого не могли вместить стены. С восточной стороны расхаживали часовые и было привязано несколько рядов верховых казов. Мне показалось, что силы Осколда были в боевой готовности, как бы ожидая вторжения врага. Я прошел довольно близко от одного каза. Он принял меня и заорал, и его собратья тут же подхватили вопль. Люди закричали и осветили фонарями ряд хижин. Я поспешил юркнуть назад.

Если внешние границы области были пустой землей, нетронутой плугом, то в той местности, куда меня вела дорога, было не так, и действительно разумно было идти ночью, а не днем.

Миновав лагерь, я дошел до деревни и прошмыгнул через поля. Урожай почти везде был убран. Когда я

кralся мимо фермы, меня испугало тявканье охотничьей собаки, в которой звучало предупреждение. Другие животные подняли тревогу и всполошили всю деревню, и я опять увидел свет фонарей, услышал крики людей и дикий лай собаки.

Реакция населения Иим-Син и слова Майлин уверили меня, что барск — редкое и опасное животное. Допустим, меня увидят или какой-нибудь фермер спустит собак на странного нарушителя границ. Что тогда? Идти в густонаселенную местность было самоубийством.

Я ходил в чаще и выбирал место для дневного сна, слыша скрежет в собственных мыслях. Но ведь где-то в землях Осколда был ответ на вопрос о судьбе моего тела, и я должен был найти его!

Наученный горьким опытом, я не рискнул охотиться на фермерских землях. Но диких животных было мало и они были пугливы. Поиск пищи привел меня, наконец, к огороженному полю.

В эту ночь на небе не сверкали Кольца, все было затянуто тучами. Это придало мне храбрости еще раз попытаться завладеть домашней скотиной.

На поле были фоду. Я уже знал, что Майлин везла их сущеное мясо.

Они были достаточно малы, величиной примерно с Танталу. По всей вероятности, когда-то у них и Танталы были общие предки, но одомашнивание и направленная селекция сделали их более толстыми, на более коротких ногах, явно более глупыми. Для меня было только одно затруднение: они спали, сбившись в кучу, и все стадо могло испортить мне охоту.

Я крался вдоль стены, осторожно нюхая воздух, — не пахнет ли собаками, но пролетавший ветерок доносил до меня только запах спавших фоду.

Если бы у меня был напарник, все было бы очень просто: один пошел бы по ветру. Долго ждать не пришлось: куча спавших зафыркала, распалась по сторонам, заворчала. Я кинулся на визжащее животное, схватил его и поднял, несмотря на его сопротивление. Перебраться через стену с таким грузом было нелегко, но голод — лучший помощник, и я в конце концов утащил добычу в кучу камней на берегу, которая могла служить мне крепостью, хотя я не думал, что меня станут тут осаждать.

Я утолил голод, а затем из осторожности прошел вниз по ручью, чтобы запутать следы, по которым ограбленный фермер может пустить собак.

Через ручей был перекинут мостик, и под его аркой я вышел на берег и вылизал воду из своего меха.

Занимаясь этим, я услышал глухой стук копыт.

Я неподвижно скорчился в темноте.

Стук копыт слышался с двух сторон, и скорость, с которой ехали всадники навстречу друг другу, говорила о том, что они спешат. Я подумал, что они проедут близко от меня, и прислушался: какие-нибудь слова, которыми они перекинутся, смогут объяснить мне их спешку.

Топот замедлился, оба всадника придержали своих казов. Я приподнял голову, прячась у края моста, в надежде услышать что-нибудь важное.

Я не знал никаких диалектов, кроме ирджарского, но мысли жрецов Умфры были для меня так же ясны, как слова на базике. Однако теперь трудно, особенно трудно было надеяться на такую удачу.

Всадники остановились. Я услышал тяжелое дыхание казов и человеческие голоса. Не слова — те были всего лишь бессмысленной серией звуков, как любая человеческая речь показалась бы настоящему барску,— а мысли. Я сильно напряг способности эспера, чтобы подслушать их.

— Посылают на помощь...

Удивление, некоторая горечь.

— Осмелится после этого...

Отчаяние, интенсивное, как мозговой удар.

— Должны... охотились... инопланетник... и требовали полностью объявить вне закона.

— Напрасно. Наш лорд вернул им человека... предложил заплатить... больше он ничего не может сделать.

Эмоции этих двоих на мосту были так сильны, что их отрывочные мысли становились все яснее и яснее для меня.

— Надо бежать...

— Сумасшествие! Нашему лорду уже противоречат в Совете и из Иимайка, и из Иимока те, кто всегда зависел от него. Нас поддержит вся граница. Кто станет защищать его, если его объявит вне закона?

— Пусть они сами решают...

— Решит он! Те же слова и услышишь. Если инопланетники имеют власть, то объявление вне закона может состояться. Они имеют право отказаться от платы и тре-

бовать другого. Ведь они получили назад не человека, хотя ты его так и назвал. Ты же его видел...

Словесного ответа не последовало, только эмоции — гнев, страх. Затем крик человека, подгонявшего животное. Каз, который шел с запада, понесся диким галопом. Другой всадник не спеша направился к западной границе.

Я опустил голову на лапы, слыша только журчание воды. Человек может лгать языком, но его мысли говорят правду. Теперь я узнал, причем чисто случайно, что мое тело, которое я искал, не находится больше на землях Осколда, а вернулось к моим товарищам на корабль. У меня не было никаких сомнений, что всадники говорили обо мне.

Теперь моей целью был Ирджар, порт.

Мое тело на «Лидисе», там наш врач сделает все, что можно, для этой безжизненной скорлупы. Допустим, я каким-то чудом доберусь до порта и корабля, даже до своего тела. Что я смогу сделать? Но у Свободных Торговцев открытый мозг.

Майлин не единственная из Тасса на ярмарке — там был Малик. Смогу ли я добраться до него, воспользоваться им для объяснения. Возможно, он тоже может произвести обмен. Так много сомнений и страхов стоит между мной и успехом, и большая часть их — чудовищна. Однако я цеплялся за любую возможность вернуть себе человеческий облик.

Назад, на восток, через холмы, вниз к равнинам Ирджара! Там красный мех барска будет очень заметен, но что делать — выбора у меня нет.

В глотке у меня пересохло, как будто я и не пил, ноги подкашивались, по шкуре пробегала дрожь. Но убежища здесь не было, и я вошел в воду и поплыл по течению к югу, а потом выбрался на восточную отмель.

Теперь не было надобности идти вдоль дороги и рисковать встречей с кем-нибудь. Темные холмы были неплохим ориентиром. Далеко за ними лежали равнины, где расположены Ирджар и порт. Я быстро проносился по открытым полям или бежал рысцой по заросшим лесом местам. Я обнаружил, что хоть барсов и считают горными животными, их удивительно малые тела при почти гротескно длинных ногах были идеально приспособлены для быстрого бега по ровной местности.

На заре я миновал ту самую крепость, где начались все мои несчастья. Там тоже, по-видимому, стоял особый

гарнизон. Люди разбили лагерь перед стенами. Я сделал большой крюк, чтобы обойти линию казов.

На бегу я размышлял о том, что узнал от тех всадников. Тот, кто ехал на запад, был, бесспорно, из свиты Осколда.

Не должен ли он собрать помощь для Озокана и его людей? Известно, что Осколд дорожил своим наследством, но, судя по реакции второго посланца, этому недавно пришел конец. Осколд предложил плату за мою гибель — иными словами, он пытался единственным на Икторе законным способом разрешить спор между своим сыном и Свободными Торговцами. Он предложил капитану Фоссу цену за члена экипажа.

Такая плата предлагалась за непреднамеренное убийство в мирное время, но почти никогда не принималась, если жертва имела близкого родственника, способного носить оружие, потому что кровная месть рассматривалась как более благородное решение. Но если у жертвы в клане оставались только женщины и дети, слишком юные для битвы, тогда плату принимали, и сделка фиксировалась в Храме Ирджара.

Возможно, поскольку я и экипаж «Лидиса» рассматривались, как клан инопланетников, предложение было сделано в надежде, что его примут. Я только удивился тому, что Осколд вернул мое тело.

С его стороны логичнее было бы убрать как можно скорее эту позорную деталь, свидетельствующую против его сына, а потом пойди докажи, кто виноват! А может, на них подействовал страх перед Умфрай?

Во всяком случае, было ясно, что капитан Фосс требовал полного наказания — чтобы Озокана объявили вне закона. Немилость распространялась широко, так что старые враги Осколда получили удобный случай скинуть как сына, так и отца. И земли Осколда были близки к состоянию осады. Хотел бы я знать, не пошел ли Осколд против всех законов и обычаев, посылая помочь сыну. Если так, то станут ли подчиненные Осколда продолжать поддерживать его?

Лояльность между лордом и его людьми была крепко спаяна, противостояла смерти и пытке, как говорилось в балладах. Но это работало в двух направлениях: лорд был также честен по отношению к тем, кто присягал ему в верности. Такое укрывательство сына могло, я думаю, расцениваться, как открытое нарушение клятвы, подвергающее его людей сильной опасности.

Я мысленно представил себе город Ирджар. Мне трудно было сосчитать, сколько дней прошло после моего похищения с ярмарки, так что я даже не был уверен, работает ли она еще. Я прибавил скорости. Что, если «Лидис» уже улетел? Эта мысль была так ужасна, что я постарался выгнать ее из головы.

Если «Лидис» все еще стоял в порту, может, и Малик также еще на ярмарке? А если нет? Я облизал все еще болевшие лапы и тихонько заворчал. А может ли барск снова стать человеком?

Что, в сущности, случилось с тем, кого по просьбе Майлин приютили жрецы Умфры? Может, он так долго был в теле зверя, что животное взяло верх и бегает теперь по холмам, не имея никаких связей с человеком? Мне хотелось опустить голову и завыть, как я выл на Луну. Однако я заглушил этот вой в горле.

Грис Шервин был со мной на шоу, он видел, как мы привезли барска, он слышал мой рассказ о том, что произошло в палатке продавца животных, он сможет открыть свой мозг. Если барск придет к нему теперь, он будет способен к какому-то контакту.

Мы все имели способности эспера — одни больше, другие меньше. Лучшим эспером на борту «Лидиса» был Лилж, только бы мне суметь подойти к нему достаточно близко. Нет, Крип Ворланд еще не был побежден. По этим холмам я мог идти как днем, так и ночью.

Я выкопал из мягкой земли несколько мелких животных и съел, но их едва хватило, чтобы только чуть-чуть притупить чувство голода. Я поднимался все выше и выше. Захватывало дух от морозного воздуха, застывшая, покрытая снегом почва терзала натруженные лапы. Я лизал снег, чтобы утолить жажду, и с тоской вспоминал реку, где мог напиться власте.

К полуночи я прошел через перевал и мог бы спуститься в долину, но я так устал, что вынужден был поспать в укромном месте.

Когда я проснулся, солнце пригревало мою покрытую густой гривой спину. Прищурившись от яркого света, я огляделся и потянул носом.

Сильно пахло человеком.

Слабое шарканье по твердой поверхности — такое могли производить только сапоги. Кто-то шел справа от меня внизу, стараясь производить как можно меньше шума.

Я нагнулся, коснулся мордой передних лап и посмотрел вниз. Человек — нет, люди, потому что я увидел второго, ползущего в гору почти рядом со мной. Поверх кольчужной рубашки на них были грубые плащи со странными цветными пятнами.

Я подумал, что только острый глаз животного может разглядеть их на расстоянии, если они не будут двигаться. Не удирают ли? Это враги? Неважно, кто они, лишь бы не нашли меня!

Я начал медленно отползать в кустарник. Куда они направлялись, я не мог угадать, потому что поблизости не было ни крепости, ни поста. Но решимость их была очевидна.

Мне придется снова повернуть на юг, так как поднимавшиеся по холму были частью отряда, находившегося внизу, а я знаю только то, что Ирджар где-то на западе.

Я лег и стал ждать ночи. Под тремя Кольцами Луны я пустился во весь дух.

Так как всю ночь я попеременно то бежал, то шел, я был вынужден остановиться, потому что лапы нестерпимо болели. Я остановился возле озерка, где мне удалось и закусить, потому что какая-то птица, обманутая моей неподвижностью, оказалась слишком близко ко мне. Это была отличная еда, лучшая, какую я ел после фуду. Напоследок я даже сгреб все косточки.

Затем я зарылся в кустарник, но спать мне пришлось недолго. На этот раз я сначала услышал звук, а не запах: это были собаки с фермы, и они охотились за кем-то, кто бежал в моем направлении.

Когда я был человеком, на этих холмах за мной охотились последователи Озокана, теперь я зверь и снова вижу охоту. Лай собак, наверное, должен наводить ужас на того, за кем они гонятся. Я спокойно прислушивался, полагая, что их дичь — это не я.

Из кустов выскочило длинноногое животное и помчалось крупными прыжками. Я узнал его: дикое жвачное с равнины. Его мясо сушат на зиму, и оно считается отличной добавкой к меню.

Охота, видимо, началась недавно, потому что животное бежало легко. Но свора была нетерпелива и молча бежала по горячему следу, лишь изредка взлаивая.

Я опять двинулся к югу, далеко обходя тропинки, по которым пробежало преследуемое животное; хорошо, если собаки будут поглощены своей первоначальной целью

и не обратят внимания на мой след. А может, они тоже боятся барска?

Меня тревожило, что я приближался к открытой местности. Там не было ни скал, ни кустарника, ни деревьев, негде было укрыться от глаз охотника, кругом были голые поля, где на фоне серо-желтого живища мой красный мех будет отлично виден.

Я почувствовал запах воды и вспомнил о ручье, вытекавшем из того озерка, где я пил и омывал лапы. Не пойти ли мне по ручью, чтобы сбить след? Я знал об этом по тем пленкам, которые, бывало, рассматривал для собственного удовольствия. Но такие охотничьи воспоминания, ценные с точки зрения человека, вряд ли могли быть полезными в моем теперешнем положении.

Однако лучшего решения я не видел, поэтому вошел в воду и пошел по течению.

Я не успел далеко уйти, как услышал глухой шум в том месте, где раньше лежал. Этот шум прозвучал реальной угрозой.

Случилось самое худшее: собаки взяли след и, к моему несчастью, решили, что я — лучшая добыча.

Меня охватила паника, которая вела к гибели.

Я перестал соображать и бросился бежать, как то равнинное животное, только бы оставить свору позади. Но мои силы уже были подорваны, и я знал, что далеко не убегу. Я перескочил через ограду, помчался по полю и...

Под моими отяжелевшими лапами уже не было почвы. Я был в воздухе и падал...

Г л а в а 12

Вокруг меня взметнулся песок, мое тело удалилось о землю с такой силой, что у меня прервалось дыхание, и я некоторое время ничего не чувствовал. Потом до меня смутно донесся дикий лай собаки. Я попытался встать. Все поплыло перед глазами, но постепенно зрение прояснилось настолько, что я мог увидеть, что упал в каменный колодец. Человек мог бы выбраться из него, цепляясь за неровности стен, но четыре лапы с прямыми когтями были тут бесполезны.

Я откинул голову назад и зарычал.

Этот рык, усиленный земляной воронкой, которая держала меня, заставил свору на некоторое время замол-

чать. Как бы не были возбуждены преследованием собаки, никто из них не осмелился прыгнуть вниз, ко мне, так что они изливали свою злобу только в лае.

Затем их отшвырнули в сторону, и я увидел смотревших на меня людей. Один в изумлении отшатнулся, другие уставились на меня. Один поднял лук, и я подумал, что мне не увернуться от стрелы.

Но человек, стоявший рядом со стрелком, с гневным окриком ударил по луку.

Некоторое время я лежал, задыхаясь, а собаки и один человек следили за мной. Остальные люди исчезли. Затем раздался глухой стук, и на меня упала масса веревок. Я вскочил. Именно этого они и ждали. Сеть была мгновенно вытянута, и я, беспомощный, был вытащен из колодца.

Собаки бросились на меня, но были отогнаны хозяевами, а меня бросили в телегу, привезли на ферму и заперли, связанного, в темном сарае.

Там пахло животными и человеком. Я тяжело дышал, во рту пересохло. Хотя бы несколько капель воды... Но шли часы, а к сараю никто не подходил.

От падения в колодец болело все тело, но главным была потребность в воде. Я сделал слабую попытку послать мысль, хотя и опасался, как бы суеверные местные жители немедленно не убили меня.

Разум вокруг меня был. Но как я ни старался из всех моих слабых сил вложить в один из них мысль о моей жажде, о моей беспомощности, здесь не было никого, кого можно было бы удержать достаточно долго, чтобы довести до него мое желание.

Я впал в апатию, неспособный более к борьбе.

Возможно, они даже сочли меня мертвым, когда, наконец, вошли в сарай. Сколько прошло времени, я не знал, но на улице уже стемнело. Меня снова швырнули в телегу. Мы ехали через мостик.

Услышав запах воды, я поднял голову и заскулил, но тут же получил жестокий удар и потерял сознание.

Дневной свет бил мне в глаза, а мои уши оглохли от криков, которых я не понимал. Телега остановилась. Двое мужчин стояли возле меня и рассматривали меня.

— Воды... — пытался я выговорить.

Но из моей широко разинутой пасти вырвался только отчаянный хриплый визг.

Один из мужчин подошел ближе и сказал на ирджарском наречии, на котором я тоже когда-то говорил:

— Барск... Девять весовых знаков.

— Девять?! — взорвался другой.— Ты видел здесь когда-нибудь барска? Да еще живого!

— Пока живой,— согласился первый.— Посмотрим, доживет ли он до завтра. А шкуру можно, конечно, выделать, но много я за него не дам.

— Двадцать.

— Десять.

Их голоса монотонно звучали, колыхались туманным занавесом, упавшим на мои глаза. Мне хотелось уплыть в темноту, которая обещала покой без страданий.

Но меня снова вернули к жизни, когда стащили с телеги и отнесли в более темное место, где сперло дыхание от зловония плохо содержавшихся животных. В моей памяти, как искра, мелькнуло забытое. Я когда-то уже чувствовал подобную вонь. Где? Когда?

Железные тиски вокруг моего горла, жесткие, душающие. Я слабо пытался скинуть их, разгрызть, но меня втолкнули в маленькое темное помещение.

Я оказался в тесной тюрьме, крышка которой захлопнулась. Два отверстия в стенке давали немного света и очень мало воздуха. На полу было немного вонючей соломы — видимо, не один я был пленником. И пахло здесь не только другими телами, но и мыслями, наполненными страхом, ненавистью и отчаянием.

Я кое-как свернулся, положил голову на лапы, ища какое-то облегчение в том, чтобы отключить память, мысли, все окружающее. Я тянул существование, но уже не жил.

Воды здесь не было. Я думал или смутно грезил о воде, о том, как я шел по ручью, и вода бурлила вокруг моих ног, приглаживая мех, и мне казалось, что все это было сном, что никакого мира не существует вне этого тесного ящика.

Время исчезло, остались только вечные муки.

Над головой раздался щелчок. Верх ящика поднялся, впустив воздух и свет. Я хотел, было, поднять голову, но что-то тяжелое ударило меня по шее, придавив к вонючему полу. Я не видел, кто стоял надо мной.

— Он скоро сдохнет. И это вы предлагаете моему лорду?

— Это же барск. Ты когда-нибудь видел вблизи живого барска, господин?

— Живой? Он вот-вот подохнет, я же сказал. А его шкура ничего не стоит. Ты просишь пятьдесят весовых

единиц? Ты созрел для Долины, если запрашиваешь такую цену.

Давление на мою шею исчезло, и крышка тут же захлопнулась.

«Скоро подохнет,— звучало в моих ушах.— Барск... скоро подохнет...»

Барск — животное. Но я не животное, я — человек! Они должны знать, они должны выпустить меня. Я человек, а не животное. Искра жизни, которая еще мерцала, готовая угаснуть минутой раньше, теперь загорелась снова. Я хотел прислониться к стенке ящика, чтобы сражаться за свою свободу, но ничего не вышло. Мускулы сводило судорогой, все силы покинули меня.

— Человек!

Я не мог произнести никакого звука, кроме тихого визга, но мои мысли устремились в мир по ту сторону клетки.

— Здесь умирает человек, не животное, человек!

И мысль, отчетливая и сильная, слилась с моей.

Я вцепился в нее, как вышедший из корабля в космос для ремонта цепляется за свой спасательный трос.

— Помогите умирающему человеку!

— Где?

Вопрос пришел такой ясный, что его сила подняла энергию моего мозга.

— В клетке, в теле барска — человек, не животное.

Я пытался удержать этот мысленный трос, который, казалось, выскальзывал из моего захвата, как будто корабельный трос из смазанных маслом перчаток.

— Человек — не животное!

— Думай, держи мысль! — пришел приказ.— Меня надо вести, так что думай!

— Человек, не животное...

Я не мог держать линию связи, она ускользала. Я снова попытался из последних сил.

— Человек, не барск — в клетке. Не знаю, где, но в городе.

— В Ирджаре?

— В клетке, как барск. Не барск — человек!

Мне не хватало дыхания, тьма накрыла меня так плотно, что буквально раздавливала мое тело.

— Я человек...

Я цеплялся за эту мысль, боролся, но тьма наваливалась еще плотнее, и я отбивался от небытия.

— Здесь!

Сквозь тьму снова пришел этот ответный мозговой удар, быстро и остро зашевелился во мне, но я уже мог слышать, здесь была только тьма и конец всякой борьбы.

Далекий свет и ничего не означающие слова.

Затем две руки приподняли мою голову.

Я смутно увидел лицо.

— Слушай,— пришел в мой мозг приказ,— ты должен помочь мне. Я сказал, что ты из моего маленького народа, что ты дрессированный. Ты можешь подтвердить это?

Подтвердить? Ничего я не могу подтвердить, даже то, что я человек, а не зверь, бегающий на четырех ногах и загрызающий по ночам добычу.

Вода полилась на мой распухший язык, в пасть, но я не смог проглотить ее. Затем руки снова взяли мою голову, глаза встретились с моими.

— Джорт, выполняя приказ!

Когда-то это что-то означало, но я не мог вспомнить. Кто-то дал мне это имя и...

Я кивнул головой и попытался поднять передние лапы. Там были ступеньки, и на них человек в черной с желтым мантии. Он смотрел на меня.

Значит, я должен поклониться и сделать все, что мы вместе планировали. Кто это — мы?

— Это мое животное.

— Это не доказано, господин.

— Я отдам тебе то, что ты заплатил за него. Или мне позвать уличного стражника?

Руки все еще держали мою голову. В мой рот снова полилась вода, и я смог глотнуть. Но руки не выпускали меня.

— Соберись с силами. Мы скоро уйдем.

Голоса над моей головой стерлись. Затем руки подняли меня и понесли. Я взвигнул и зажмурился от яркого света. Тот, кто нес меня, спустил меня на мягкий мат, и я растянулся, не в силах двигаться. Поверхность подо мной качнулась, двинулась, я услышал стук колес по булыжной мостовой.

Мы ехали в фургоне, и запах города душил меня. Я не пытался смотреть по сторонам — у меня не было на это сил.

Грохот, скрежет, опять грохот... Фургон остановился.

— Дрессированное животное...

Полотнище в задней части фургона отдернулось и снова закрылось. Фургон двинулся.

Воздух посвежел. Фургон еще раз остановился. Кто-то сошел с переднего сиденья, подошел ко мне и опустился на колени.

Мою голову снова подняли и влили в рот жидкость — на этот раз не просто воду, а с какой-то кислой и острой добавкой. Я открыл глаза.

— Майлин,— мысленно сказал я.

Но это была не женщина Тасса, толкнувшая меня в это безнадежное приключение, это был мужчина, который был с ней на ярмарке. Память слабо пробивалась сквозь навалившиеся сверху тяжелые события.

— Я Мелик,— пришел ответ.— Теперь отдыхай, спи и ничего не бойся. Мы вовремя вырвались.

Смысл его слов полностью дошел до меня, потому что я послушался его приказа и заснул, и это не было оцепенением от приближающейся смерти.

Когда я проснулся, то увидел недалеко от себя костер. В языках пламени было что-то успокаивающее. Человек и огонь — его древняя защита и оружие, он с давних времен связывался в нашем представлении с безопасностью, он поднимает нам дух, когда мы смотрим на него.

Позади костра был другой свет. Увидев это, я зарычал, но тут же смолк. Когда я проснулся, я в первый момент был Крипом Ворландом, и как тяжело было снова оказаться Джортом.

На мое рычание пришел ответ из тени, до которой не доходили ни свет костра, ни лучи лунной лампы. Мой нос сказал мне, что здесь много живых существ.

Человек вошел в свет костра с котелком в одной руке и с кувшином в другой.

Он шел вдоль ряда чашек, стоявших на земле, и наливал в каждую из котелка. Он подошел ко мне.

— Малик из рода Тасса,— мысленно сказал я.

— Крип Ворланд из рода инопланетников.

— Ты знаешь меня?

Он улыбнулся.

— Здесь только один человек в теле барска.

— Но...

— Но меня не было, когда ты надел меховую шкуру, хочешь ты сказать? Ты воспользовался властью Тасса, мой друг. Неужели ты думаешь, что это пройдет незамеченным?

— Я ею не воспользовался! — возразил я на это.

— Ты не думал об этом пути,— с готовностью сказал он.— Однако это пошло на пользу тебе.

— Вот как? — отозвался я.

— А разве нет? Не думаешь ли ты, что остался бы жив после встречи с воинами Осколда, если бы Майлин не сделала для тебя все, что могла, и притом очень своевременно?

— Но дальше...

Он присел на корточки, так что я, сидя, был чуть выше его.

— Ты думаешь, что она воспользовалась тобой для своих целей?

— Да,— правдиво ответил я.

— У всех рас есть свои нерушимые клятвы. Так вот, я клянусь тебе: то, что она сделала в ту ночь, она сделала исключительно для тебя, спасая твою жизнь.

— В ту ночь — возможно. Но затем? Мы пришли в Долину, моего тела там не было, но было другое...

Он, казалось, не удивился, да я и не думал, что Тасса покажет свои эмоции, как это делают другие расы. Он некоторое время молчал, а потом спросил:

— Почему ты так решил?

— Она говорила мне о каких-то опасностях, но у нее были свои причины привести меня в Долину, и это было не для моего, а для ее блага.

Он медленно покачал головой.

— Послушай, инопланетник, она не послала бы тебя ни в одну опасность, которой не попробовала бы сама. Если бы ты не убежал по своей воле, ты не оказался бы в такой беде. Ни один Певец из Тасса не получает возможность призывать власть, пока не побывает в меховой шкуре или в оперении. Майлин пошла этим путем еще до того, как твой звездный корабль приземлился в порту Ирджара.

— А тот, что в Долине?

— Разве я не говорил, что на пути не бывает никаких опасностей? Мы не убиваем живых существ в нашей зоне, но это не значит, что смерть обходит всех стороной. Мэкэ был в теле животного, а лорд пришел охотиться без нашего разрешения и послал роковую стрелу. Это был один шанс из десяти тысяч, потому что никто не ходил по нашей святой земле, и мы не остеггались.

— А что касается тебя, то подумал ли ты, что Майлин придется расплачиваться за то, что она использовала нашу власть для помощи чужаку? Она искренне верила, что люди Осколда принесут твое тело в храм, и все будет хорошо. Помни это.

— Но мое тело в Ирджаре.

— Да. Теперь нам нужен новый план, и я не отрицаю, что нужно торопиться. Твои друзья ничего не поймут и в своем неведении будут лечить твое тело и тем убьют его.

У меня мороз пробежал по коже.

— Нам надо идти в Ирджар...

— Не сразу. Сейчас мы выехали из города только потому, что мне удалось уехать с тобой подальше от населенных мест. Майлин знает или скоро узнает, где мы. Она приедет сюда, потом пойдет к твоему капитану и расскажет ему все, если он из тех, кто может поверить необычному рассказу. Затем мы контрабандным путем доставим тебя в порт, и Майлин исправит то, что было сделано.

Он нахмурился.

— Не знаю, что обо всем этом думают Древние, потому что это — нарушение Уставных слов и дает в руки тех, кто не из рода Тасса, тайное оружие, о котором мечтают наши враги.

— Разве равнинные жители не знают, что вы можете меняться телами?

— Нет. Подумай — эти люди не имеют понятия о духе, они знают лишь тело и мозг. Расскажи невеждам, что в этом мире живут такие, кто может превращать человека в животное, а животное в человека, и представь себе, что случится.

— Страх побуждает людей к убийству.

— Именно так. Начнется такая охота, что Тихие Места утонут в крови. Мы уже знаем, что говорят о нас, от того инопланетника Гека Слэфика, который собирался использовать это знание, как рычаг для торга. То ли он выудил эту информацию у Озокана, то ли еще у кого-то — мы не знаем. Думаю все-таки, что не от Озокана, иначе песня Майлин не спасла бы тебя от гибели, его слуги убили бы тебя в любом облике — барска или человека. Никаких намеков насчет этого от местных жителей пока до меня не доходило. Теперь наши Древние идут мыслью. Мы идем по узкому, осыпающемуся краю земли над бездной.

— Здесь идут сражения, соседи Осколда пошли против него. Если один лорд поссорился с другим, не выиграете ли вы время? — спросил я.

Я рассказал ему о посланцах, которых видел на холмах.

— Да, его соседи видят шанс скинуть Осколда, но как ты полагаешь, не ухватится ли он за возможность оторвать их от своей глотки и кинуть на Тасса? Может случиться, что такого лорда поставят во главе объединенной армии. Вот поэтому я и думаю, что Гек Слэфид хранит свои сведения при себе. Если бы Озокан узнал о нас все, это знание послужило бы ему лучше всякого иноземного оружия. Он объявил бы «священную войну» общему врагу и объединил бы под своей властью всю страну.

— Если вы обменяете меня обратно, я улечу с этой планеты и клянусь, что никто здесь не услышит об этом от меня.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Древние позаботятся о том, чтобы языки зря не болтали. Конечно, чем скорее мы проведем обмен и отправим тебя с Ииктора, тем будет лучше. Сейчас Озокан и его приспешники объявлены вне закона. Они могут жить только набегами, и ни одна рука не поднимется, чтобы помочь им. Рано или поздно люди объединятся, выследят его и прикончат.

Не знаю, какие оправдания получил Осколд от своего сына и поддерживает ли он его, хотя бы тайно. Если он предполагает это сделать, он должен действовать очень тайно, иначе его собственные люди скажут ему, что он нарушил клятву, и оставят его.

Объявление вне закона — не пустяк, и те, кто помогают такому отверженному, сразу же сами становятся проклятыми. Достаточно клятвы трех свободных арендаторов, чтобы осудить человека. Осколду хватает забот и с теми, кто вторгается в его земли.

— Теперь, значит, мы будем ждать Майлин?

Я вернулся к своим делам. Ссоры феодальных лордов не касались моего будущего, по крайней мере, я считал так.

— Будем ждать Майлин. Затем она поедет в Ирджар к твоему капитану. Как я уже говорил, многое зависит от того, насколько открыт его мозг. Возможно, ты передашь с ней что-нибудь, что подтвердит ее слова — скажем, о каком-нибудь инциденте, о котором известно только тебе

и вашим, а на Иикторе никто не может о нем знать. Если он примет ее рассказ, мы договоримся о дальнейшем.

У Свободных Торговцев открытый мозг, они повидали так много в самых разных мирах, что не могут сказать: «Такого не бывает!» Но это дело настолько исключительное! Может ли вера простираться так далеко? Намек Малика был неплох. Я подумал над тем, что могло бы подтвердить рассказ Майлин и послужить мне на пользу.

Когда время становится главным фактором в жизни, оно может быть таким же тяжелым бичом, каким подгоняют рабов — гребцов на Корфу. Малик занимался животными, а у меня были только мысли, острые, как шипы. Они гоняли меня с места на место мимо костра.

Пища и питье, что давал мне Малик, видимо, содержали не только питательные вещества, но и стимуляторы, потому что я чувствовал удивительную бодрость впервые с тех пор, как оставил долину для напрасных поисков.

Малик покончил со своими обязанностями и сел перед огнем, повернув вниз лунную лампу. Я сел рядом с ним, желая уйти от всего, что давило на меня.

— Почему Тасса выбрали бродячую жизнь? — неожиданно спросил я.

Он посмотрел на меня, а его большие глаза, казалось, стали еще больше.

— А почему вы хотите путешествовать от мира к миру, не имея своего дома? — ответил он вопросом.

— Потому что я рожден и воспитан для такой жизни. Ничего другого я не знаю.

— Теперь знаешь, — сказал он. — Мы, Тасса, также рождены и воспитаны для такого образа жизни. Когда-то мы были равнинным народом, родственным тем, кто живет на равнинах. Затем наступил момент выбора. Нам был показан другой путь развития. Но все в мире чего-то стоит, и за новый путь пришлось платить. Это означает, что надо было порвать собственные корни и отвернуться от всего, чтоказалось безопасным и нерушимым.

Нас более не окружают стены, мы тесно сплотились своим кланом. Мы держимся в стороне от жизни других людей. Теперь равнинные жители смотрят на нас, как на бродяг, не имеющих крова. Они не понимают, почему мы не нуждаемся в том, что им кажется ценным и сейчас, и для будущего. Они сторонятся нас. Время от времени они смотрят на то малое, что дал нам наш выбор, и держат нас в страхе, хотя и сами боятся нас.

Мы участвуем во всей жизни, а они — нет. Ну, не совсем во всей жизни — кое в чем мы не принимаем участия: в росте дерева, в появлении листьев в сезон, в созревании плодов. Но мы можем взять птичьи крылья и изучать небо по примеру крылатых созданий, можем надевать меховую шкуру и бегать на четырех лапах. Ты знаешь многие миры, звездный странник, но никто из вас не узнает жизнь Иктора, как знает ее Тасса.

Малик умолк и уставился в огонь, поддерживая его время от времени хвостом. Между нашими мыслями возник барьер.

Хотя у Малика не было того отрешенного взгляда, какой я видел у Майлин однажды ночью в фургоне, я подумал, что он близок к такому же отрешенному состоянию.

Ночной воздух доносил до моего носа массу сведений. Через некоторое время я прошелся в темноте вокруг лагеря. Большая часть маленького народа спала в своих клетках, но некоторые служили часовыми, и вряд ли кто-нибудь мог незамеченным подобраться к лагерю.

Майлин приехала перед восходом солнца. Я почуял ее запах раньше, чем до моих ушей донесся скрип колес фургона.

Позади меня раздались одновременно сигналы и приветствия. Малик очнулся от своего забытья у почти погасшего костра, и я подошел к нему. Мы стояли рядом, пока Майлин ехала по полутемному лагерю.

Она смотрела на меня. Не знаю, чего я ожидал — может быть выговора за свое глупое исчезновение из Долины, хотя я не считал, что оно было глупым, если принять во внимание то, что я знал или подозревал в то время. В конце концов, как могут Тасса понять, что означают их обычай для другого человека?

Но на ее лице была только тень усталости, как у человека, долгое времяостоявшего на часах без смены. Малик протянул ей руку, чтобы помочь сойти, и она со вздохом приняла помощь.

Я видел ее сильной, теперь она изменилась, но я не понял, как именно.

— На холмах всадники,— сказала она.

— Осаждают Осколда,— ответил Малик.

Он пригласил Майлин к костру, раздув снова умирающее пламя, вложил ей в руку рог, в который налил что-то из фляжки. Она медленно пила, останавливаясь

после каждого глотка. Затем, прижав рог к груди, она сказала мне:

— Время не терпит, Крип Ворланд. На рассвете я поеду в Ирджар.

Я думал, что Малик запротестует, но она даже не взглянула на него, а уставилась в огонь и потихоньку отпивала из рога.

Г л а в а 13

Было яркое утро. Крепкий, как вино, ветер освежал нос и глотку, солнечные лучи ослепляли, человек и животное чувствовали, как хороша жизнь. Еще до того как солнце осветило наш лагерь. Майлин села на верхового каза, которого Малик оседлал для нее, и поехала на запад. Мне очень хотелось бежать рядом с ней. Здравый смысл, останавливающий меня, был крепче любых брусьев клетки.

Когда Майлин скрылась из виду, Малик прошел вдоль клеток, открывая дверцы, чтобы их обитатели могли входить и выходить по желанию.

Некоторые еще спали, свернувшись меховыми шарами, другие моргали, просыпаясь. Вышли немногие. Симла толкнула дверку плечом и бросилась ко мне, пронзительно визжа в знак приветствия. Ее шершавый язык уже готовился ласково облизать меня, но Малик опустил руку на ее голову. Она сразу же посмотрела на него, припала к земле, потом взглянула направо и налево и исчезла в кустах.

— Что это? — спросил я Тасса.

— Майлин говорила, что на холмах люди. Может быть, они и не собираются нападать на Осколда. Где-то бродят объявленные вне закона.

— Ты думаешь, они нападут?

— Чтобы выжить, нужна пища, а достать ее они могут только одним способом, то есть силой. У нас очень мало запасов, но отчаявшийся человек будет драться за каждую крошку.

— Животные...

— Некоторые вполне могут быть мясом для такого отряда. Других просто убют, потому что люди, лишенные надежды, убивают ради убийства. Если придет беда, маленький народ может спастись бегством.

— А ты?

Он сделал приготовления, как будто считал, что на-бег вот-вот произойдет. На его поясе висел длинный нож, который у жителя Ииктора считался обычной частью одежды. Меча у него не было, но в лагере я видел боевой лук.

Теперь Малик улыбался.

— Я хорошо знаю местность, лучше, чем те, кто может напасть на нас. Как только наши часовые поднимут тревогу — налетчики найдут лагерь пустым.

Я догадался, что Симла была на страже.

— А ты, если хочешь... — продолжал Малик.

— Почему бы и нет?

Я бросился в кусты, по примеру Симлы, и пустил в ход нос, глаза и уши. Через несколько минут я оглянулся назад, на фургоны.

Их было четыре. На одном — поменьше и полегче остальных — приехала Майлин, три других Малик, видимо, привел из Ирджара.

Но кто же правил ими? Ведь Малик был один, если не считать животных.

Я задумался. Возможно, казы просто шли следом за тем фургоном, которым правил Малик.

Хотя клетки были вытащены из фургонов и расставлены вокруг костра, который все еще дымился, остальное имущество не было распаковано. Я смотрел, как Малик шел от фургона к фургону и что-то делал внутри каждого. Возможно, он снова собирал то, что можно взять с собой.

Я не мог понять, зачем Малик привез нас на эту опасную территорию. Я взбирался на холм, пока не нашел хорошо скрывавший меня кустарник. Хотя листья уже облетели, частая поросьль, по-моему, хорошо маскировала меня. Отсюда я хорошо видел лагерь и местность вокруг него. Дороги к лагерю тут не было, только следы колес фургонов все еще были видны на увядшей траве и на земле, и вряд ли можно было скрыть их сейчас.

Малик скрылся в одном из фургонов, не видно было и животных, вышедших из своих клеток.

Сцена выглядела спокойной, сонной, убаюканной ожиданием. Утихавший ветер донес до меня легкий запах. Я стал принюхиваться. Симла, видимо, скрывалась с южной стороны. На западе, надо думать, тоже была стражка.

Солнце плыло по безоблачному небу и грело совершенно по-летнему, хотя была уже середина осени.

Из фургона вышел Малик с коромыслом на плече. На крючках покачивались ведра.

Он спустился к ручью. Мне отсюда не было видно ручья. Я видел только вспыхивавшие тут и там на воде солнечные блики.

Затем громко залаяла Симла.

Я выскоцил из своего укрытия. Порыв ветра донес до меня предупреждение. Я прыгнул вниз, в густой кустарник и пополз, хотя он жестоко кололся. Единственный военный клич Симлы — и больше ничего. Ничего, только запах и звуки, которые человеческие уши не могли бы услышать, но барск слышал их, как фанфары. Я выскользнул из кустов, пробрался ползком в лагерь и подлез под ближайший фургон.

Малик, шатаясь, поднимался по склону от ручья. Коромысла и ведра исчезли. Он спотыкался и скользил, одна рука его была прижата к груди, а другую он откинул, как бы стараясь ухватиться за какую-то опору, но опоры не было.

Он упал на колени, дополз до клеток и медленно качнулся вперед. Между его лопатками дрожала от его тяжелого дыхания стрела. Он попытался оттолкнуться от земли, но тщетно.

Вскоре он затих.

Остававшиеся в клетках животные, как по сигналу, выскоцили и молча разбежались.

Возможно, они и скрывались от человеческих глаз, но не от моих ушей и носа.

Я полз, хотя такой способ передвижения был трудноват для тела барска. Кто-то поднимался с берега, пытаясь двигаться бесшумно, в чем, с моей точки зрения, мало преуспел.

Держась в тени фургона, я подбирался к костру. Малик не шевелился, но напавший на него был очень осторожен. Возможно, он не знал, что Тасса был в лагере один, не считая животных. Я коснулся мозга Малика. Он был еще жив, но уже не сознавал моего мысленного послания.

Я добрался до конца фургона. Здесь стояли клетки, но я не был уверен, что они достаточно высоки, чтобы укрыть меня. Может, мне лучше бежать открыто, изображая испуганное животное?

Пока я раздумывал, слева от меня мелькнула рыжая полоса. Симла? Что она тут делает?

Она не остановилась возле Малика, а свернула по направлению к тому, кто приближался к лагерю. Я вскочил и помчался за ней. Я еще не видел ее добычи, зато услышал человеческий вопль и в следующий момент увидел яростную битву человека и вензессы. Человек больше не кричал, а старался оттолкнуть ее зубастую пасть от своего горла.

Я прыгнул и рванул его, а Симла вцепилась ему в горло. В эти секунды я был больше барском, чем человеком, во мне кипела дикая ярость, которую, кажется, нельзя было потушить.

Раздался крик, что-то просвистело так близко от моего плеча, что меня как бы обожгло.

Симла все еще терзала свою добычу. Я прыгнул второй раз и опрокинул ее на землю своим весом.

— Оставь! — послал я мысленный приказ.— Беги!

Снова пролетела стрела. Запах крови распалял мою звериную ярость, но я боролся против этих эмоций.

— Оставь! Беги!

Я разинул пасть, чтобы схватить Симлу. Тогда она выпустила свою жертву, посмотрела на меня сверкающими красным блеском глазами и зарычала, как бы отгоняя меня от ее законной добычи.

— Беги!

Я снова бросился на нее. На этот раз она откатилась от мертвого тела. Она опять зарычала, но едва вскочила на ноги, как стрела вонзилась в том месте, где Симла только что лежала. Симла злобно щелкнула зубами над дрожащей в земле стрелой и бросилась со мной вверх по холму.

Они продолжали стрелять, и я бежал зигзагами, надеясь, что Симла последует моему примеру. Мы прибежали в лагерь и оказались всего в нескольких футах от Малика, который лежал там же, где и упал.

Симла обнюхала его голову и жалобно завыла.

— Вперед! — настаивал я.

Она обернулась и оскалила зубы, как бы собираясь броситься на меня. Затем красный свет в ее глазах погас, и она побежала за мной плечом к плечу между фургонами за пределы лагеря.

Я не имел представления куда скрылись остальные животные, но улавливал их смешанный запах и подумал, что

они пошли той же дорогой. Я даже не был уверен, сколько их и каких пород.

— Наверх! — приказал я Симле.

Она остановилась и оглянулась на лагерь. Ее обычно гладкий мех жестко топорщился на хребте, голова опустилась между сгорбившимися плечами; когда она, рыча, морщила нос, виднелись окрашенные кровью клыки. Она сделала было шаг или два в обратном направлении, но затем снова повернулась и на полной скорости повела меня в заросли.

Мы проделали немалый путь к вершине холма, пока, наконец, не остановились измученные.

Мы легли и стали следить за лагерем. Там были люди. Они пинали клетки, дверцы которых были открыты, тыкали мечами во внутренности фургонов, как бы выгоняя кого-то, кто мог бы там прятаться, из фургона Майлин выкинули ящики и разломали их, доставая запас печенья и сущеного мяса. По нетерпению и жадности, с какими они пожирали эти запасы, было ясно, что эти люди давно уже не видели пищи.

Они оттащили тело Малика в сторону и затолкнули под фургон. Двое людей прошли вдоль линии казов, которые фыркали, рвались с привязи и лягали всех, кто приближался к ним.

Пустые клетки не давали людям покоя: они толкали их, перевертывали, трясли, будто не верили, что они пусты, и старались что-то вытрясти.

В разгромленный лагерь приехали еще трое.

Один человек поддерживал другого в седле, а третий ехал сзади, прикрывая тыл. Теперь настала моя очередь зарычать. С тем, за кем так ухаживали, я встречался в пограничном форте. На лагерь напал отверженный отряд Озокана, и их вождь, видимо, недавно был крепко потрепан: его правая рука была привязана к груди, лицо было бледным и исхудальным.

Это был жалкий призрак того самонадеянного князька, который пытался диктовать свои условия Свободным Торговцам.

Разграбление фургонов продолжалось.

Люди вытаскивали содержимое ящиков и корзинок. Пища, видимо, была их первой заботой, и они жадно ели, а остатки складывали в седельные сумки. Затем некоторые пошли в юго-западном направлении и вернулись с верховыми казами. Некоторые казы хромали, и на всех

вообще лежал отпечаток тяжелого и долгого перехода.

Однако люди не спешили покидать лагерь. Они сняли Озокана с седла и положили на диван, вытащенный из фургона Майлин. Тот, кто поддерживал Озокана в пути, согрел на костре воду и взял на себя заботу о ране вождя. Похоже, что Озокан более не командовал, потому что по приказу другого человека грабители принялись наводить порядок в том разгроме, который они учинили. Он встал на колено у фургона, под которым лежало тело Малика, и внимательно осмотрел жертву. Затем по его приказу другие вытащили тело Тасса и унесли в кусты.

Я почувствовал, что рядом со мной напряглись мышцы Симлы, услышал ее почти беззвучное рычание.

Потом я послал ей мысль:

— Подожди.

Я не знал, смогу ли я удержать ее, но оценивал наше печальное положение. Майлин уехала в Ирджан и должна была скоро вернуться, а по всем признакам, отщепенцы не собирались скоро покинуть лагерь. Наоборот, они сложили все, что вытащили ранее, назад в фургоны, убрали с глаз долой разграбленные контейнеры.

Один прошел вдоль пустых клеток и не только поставил их в прежнем порядке, но даже закрыл дверцы на задвижки. Когда все было сделано, офицер огляделся вокруг и кивнул. Насколько я понимал, они старались, чтобы лагерь выглядел нетронутым. Это могло означать только одно: они считали, что Малик — это еще не все Тасса, и оставили западню для других. Знают ли они о Майлин? Может, они высledили ее накануне и теперь ждали, чтобы захватить ее?

Я понюхал воздух. Многие запахи были мне знакомы. Маленький народ, хотя и разбежался, но был недалеко. Мой нос обнаружил десять или двенадцать животных неподалеку от того места, где прятались я и Симла. Я попытался открыть им свой мозг и испытал слабый толчок. Животные не только собрались здесь все вместе, но и объединились в одной цели, чего я никак не предполагал у обычных животных, да еще разных пород. В их мозгах и мыслях не было и намека о побеге. Они думали только о сражении.

— Нет!

Я старался передать свою мысль от мозга к мозгу, но они противились мне. Я ведь не Майлин и не Малик, и не другой лидер, которого они признавали.

— Потом! — твердил я.

Я приходил в отчаяние, но не мог повлиять на них. При дневном свете, против сильных вооруженных людей мохнатая армия почти не имела шансов на успех.

Майлин!

Я мысленно нарисовал образ Майлин, какой я ее видел, облеченный властью, в рубинах и серебре, дирижировавшей своим маленьким народом на сцене.

— Вспомните Майлин! — посыпал я мысль.

Симла очень тихо заскулила — она вспомнила. А как другие? Доберусь ли я до них? Я почти закрылся от мира света, звука, запаха, держал только мир мысли, рисовал Майлин, стараясь заставить их ответить на этот рисунок.

— Майлин!

И они ответили! Я уловил облегчение и возбуждение в этом ответе и сосредоточился на том, что собирался выдать им сейчас.

— Майлин идет...

Усиление возбуждения.

— Нет еще...

Я поторопился поправить то, что могло вызвать роковое движение.

— Но скоро...

Нечто вопросительное.

— Скоро. Те люди внизу ждут Майлин...

Я шел ощупью, пытаясь быть твердым, сознавая, что могу совершить ошибку, которая пошлет их туда, куда им нельзя идти.

Гнев, подъем ненависти.

— Мы должны найти Майлин, пока она не пришла сюда!

Я, насколько мог, нарисовал мысленное изображение Майлин, но на этот раз едущую в лагерь.

— Найти Майлин до того, как она приедет!

Эта мысль покатилась, как морская волна, от одного маленького мозга к другому. Теперь я знал, что они пойдут, но не к лагерю и врагам внизу, а далеко обойдут опасное место и направятся к западным равнинам.

Я лежал на прежнем месте, продолжая наблюдать за лагерем. Хотя у меня не было военного опыта, я считал, что правильно интерпретирую действия врага.

Озокана поместили в фургон Майлин, его опекун и страж спрятались там же, остальные притаились в других фургонах или под ними. Один человек кормил и поил

казов. Еще один, посвящавшийся с офицером, исчез в западном направлении. Я подумал, что это разведчик.

Я сказал Симле:

— Оставайся здесь, следи.

Ее губы поднялись над клыками.

— Оставайся, следи.

Ее первое возражение погасло, она заворчала.

— Не сражаться, следить. Майлин идет.

Ее согласие было смазанным, нечетким, но таким, которое я мог бы получить от Майлин, от Малика или от другого человека. Мне оставалось только надеяться на то, что она останется в том же настроении, когда я уйду.

Моим первым объектом был разведчик. Я выполз из укрытия. Мне надо было далеко обогнать лагерь. Те, кто спрятался там, наверняка недоумевали, что случилось со сбежавшими животными, и, надо думать, наблюдали как за двуногими, так и за четвероногими путешественниками.

Я не видел у отверженной банды никаких собак и поэтому считал, что никому из нас ничего не грозит, если мы сами по глупости не обнаружим себя. Так что, когда между мной и лагерем лег порядочный кусок местности, я понесся так, как было естественно для моего длинного тела, взяв курс на запад. Я рассчитывал пробежать по холмам, пересечь дорогу тому разведчику, напасть неожиданно и достаточно далеко от лагеря, чтобы скрыть это действие от других бандитов.

Дважды я встретился с членами труппы Майлин и спрашивал их насчет разведчика, но оба раза получил отрицательный ответ.

Но я задерживался достаточно долго, чтобы внушить им необходимость скрываться, пока они не встретят свою хозяйку.

Малика убили около полудня. Майлин должна была вернуться в самом лучшем случае через два дня. Я надеялся, что тем, кто устроил засаду, может надоест пребывание в лагере.

Стратегия, с помощью которой я оставил животных вне опасности, могла сработать лишь бы только они не потеряли терпение и не вернулись в лагерь.

Продолжая свой личный поиск, я размышлял, что захват разведчика может иметь двойную выгоду. Если человек не вернется, они могут послать другого — еще одна добыча — или подумают, что им тут грозит опасность, и уйдут.

Я спустился к реке и увидел там следы, оставленные бандой, когда они ехали к нам. Я вволю напился, перевернул носом один из камней, достал тамошнего жителя из его норки и закусил.

На настоящую охоту не было времени, а тело требовало пищи.

Начало смеркаться, а я все еще бегал из стороны в сторону, подгоняемый запахом, а также глазами и ушами. Ход вражеского отряда легко прослеживался, хотя с тех пор прошло много часов.

Но меня огорчало, что я до сих пор не нашел следов разведчика.

Затем я вспомнил, что среди всех запахов один возникал снова и снова — запах каза. Я ошибочно связал его со старым следом, а ведь он был силен, как свежий. Я решил исследовать его поближе.

Пятно на влажной почве объяснило мне все. Оно сильно пахло казом, но отпечаток, оставленный здесь, не был сделан копытом каза и вообще не походил на след какого-либо животного. Я в отчаянии сунул в него нос и глубоко втянул запах.

Он был так силен, что почти забивал все остальные, потому что там было еще два запаха. Я снова принюхался. Сквозь сильный до зловония запах каза пробивался запах какой-то травы и человека.

Вроде бы человек, желавший избежать тех, кому запах служит сильным помощником, натерся травой, чтобы отбить собственный запах, а затем надел сверху что-то пахнувшее казом. Это могло быть ответом на загадку.

Значит, надо было следовать за этим «казом».

Все еще сомневаясь в своих способностях пользоваться инстинктом барска, я двинулся дальше в своих рассуждениях.

Возможно, животных нашей группы можно таким образом одурачить.

За этим стоял Озокан или офицер, принявший теперь командование. Они были умны и использовали этот способ в расчете как раз на то, что и делал я — на преследование.

Я побежал по следу, шедшему от этого неясного отпечатка. Запах был мучительно сильным, но я время от времени различал в нем другие запахи и не рисковал бежать за казом по прямой линии, потому что она то и дело пересекала ранние следы тех же самых казов,

по всей видимости тех, на которых ехали отверженные.

Сумерки сгостились. След каза по-прежнему вел на запад, теперь уже по более открытой местности, где было очень мало укрытий и преследователя легко было увидеть. Я сел и послал мысленный зов.

Первый ответ пришел с севера — либо Борба, либо Ворс.

— Существо пахнет казом, но не каз.

— Где оно? — попытался я спросить.

— Не каз? — ответили вопросом.

— Пахнет казом, но не каз, — повторил я еще раз.

— Нет, — был вразумительный ответ.

Я снова послал зов и получил слабый ответ.

— Каз, но не каз?

— Каз.. да...

Я повернул на юг. Может, это был фальшивый след, но я должен был проверить.

И тут я открыл, что тот, за кем я охотился, был мастером в этой игре, потому что я снова дошел до свежей и резкой вони каза. Я так обрадовался, что нашел искомое, что побежал и глубоко втянул в себя запах, прежде чем понял опасность.

Резкая боль заполнила мой нос. Я подскочил вверх, затем сунул нос в землю и стал тереть его лапами.

Гнусный запах так пристал ко всей голове, что мои глаза наполнились слезами.

Я катался по земле, зарывал в нее нос, скреб его, пока тупыми когтями не порвал кожу. Я не чувствовал больше никакого запаха, кроме этой вони, которая, казалось, стала частью моей плоти. Меня так тошило, что я крутился и терся головой о землю, пока наконец не заставил себя вспомнить, что надо делать. Я встал и меня вырвало.

Мой ум заработал не сразу. То ли тот, кого высматривал я, подозревал, что за ним идут, то ли принял предосторожности на всякий случай, но он залил свой путь какой-то тошнотворной жидкостью, которая убила такое важное для меня чувство, как обоняние. Мои глаза все еще слезились, но все-таки видели, в носу болезненно пульсировало. Но у меня оставались глаза и уши, и, возможно, помочь других животных.

Я снова послал зов. Откликнулись трое с близкого расстояния. Я сообщил:

— Каз — не каз — человек — злой запах...

Быстрое согласие всех троих. По-видимому, запах дошел до них также. Издалека ответил Борба:

— Идет человек.

Я еще раз обтер голову о землю. Глаза слезились, но видели. Ночь создана для активности барска, для меня тени не были густыми, как для человеческих глаз. Я остановился за скалой, прислушался и ждал, забыв о своем злосчастном носе.

Конечно, настоящий барск или другое животное удрало бы от такого оружия. Несчастье разведчика заключалось в том, что ему встретился ненастоящий барск.

Он шел медленно. По виду он походил не на человека, а на какой-то бесформенный тюк: скрывавшая его шкура каза свободно болтась на нем.

Я приготовился.

Время от времени он останавливался, вероятно, пытаясь разглядеть в темноте какие-то ориентиры.

Может быть, барск нападает с криком, я же молча метнулся вперед, нацелившись на ту часть приближавшейся округлой фигуры, которую я считал своей лучшей мишенью. Каким бы ловким он не считал себя, я победил его неожиданностью.

Глава 14

Я совершил убийство по образцу, показанному мне Симлой, и, задыхаясь, лег рядом с тем, кто еще недавно ходил, дышал и был человеком. Я смутно удивлялся, что не чувствую тяжести содеянного мной, как будто я куда больше барск чем человек. Я убил — но этот факт ничуть не задевал меня. Мы, Свободные Торговцы, пользовались оружием для защиты, но никогда не несли с собой войны, предпочитая при затруднительных обстоятельствах обходные пути.

Я видел мертвых и до того, как попал на Ииктор, но они в основном умерли своей смертью или от несчастного случая. Если же это было убийство, оно случалось только в результате ссоры между чужаками и отнюдь не касалось торговцев, и я не имел к нему никакого отношения.

Но в это убийство я был втянут, как, наверное, не вовлекались мои предки за целые века.

Однако, меня это не тревожило, и я даже был доволен хорошо проделанной работой. Правда, во мне шевельнулось опасение, что чем дольше я останусь в этом теле,

тем сильнее станет во мне звериное начало, пока, наконец, не останется только четвероногий Джорт, а двуногий Крип исчезнет.

Но сейчас не время было поддаваться страхам, и я поспешил отогнать тревожные мысли. Я предпочел обдумать то, что стояло непосредственно передо мной. Если я оставлю этого разведчика здесь, его может найти тот, кого пошлют за ним. Может, лучше ему исчезнуть совсем?

Мертвый!

Из кустов вышел один из длинноносых, большеруких животных, которых я видел бьющими в барабан на эстраде Майлар на ярмарке. На его спине сидел всадник, загнувший хвост колечком. Оба они уставились на разведчика, и от них исходила волна удовлетворения.

— Мертвый,— согласился я.

Большерукий зверь понюхал тело, выразил отвращение и отступил. Я посмотрел на останки и решил оставить все как есть.

На мягкой земле остались отчетливые следы. Оба существа посмотрели на меня с удивлением. Их вопрос ясно читался.

Оставить знаки — все против людей,— объяснил я.

Я вовсе не был уверен, что они поймут. Возможно, они повиновались лишь тогда, когда мое внушение совпадало с их собственными желаниями.

Они пристально посмотрели на землю, где я оставил свою подпись — отпечатки.

Затем маленький спрыгнул со спины своего товарища и поставил обе передние лапы с сильно расставленными пальцами рядом с ясными отпечатками.

Затем он встал на задние лапы и, склонив голову набок, осмотрел результат. Его отпечатки походили на следы маленьких человеческих рук.

Большерукий неуклюже прошелся взад и вперед, оставляя путанные следы своими ногами с длинными пальцами. Затем маленький вновь оседлал его.

Я осмотрел почву. Пусть теперь разведчика найдут. Запись вокруг него заставит их призадуматься: трое совершенно разных животных, похоже, сообща разделяли человека. Если враги поверят, что все животные из лагеря выступают против них, им придется дважды оглядываться на каждый куст, на каждое дерево. Они будут ждать нападения даже из-под листвы.

Трудно представить себе, что такая разношерстная команда могла бы объединиться против общего врага: это не в их природе.

Однако Тасса имеют власть, которая и так уже держала равнинных жителей в страхе. Поставленные вне закона были людьми достаточно отчаявшимися, чтобы убить Малика, возможно, теперь они решат, что против них действуют не только природные, но и сверхъестественные силы. А для людей, итак уже скрывающихся, такое соображение может оказаться гибельным и сломит их окончательно.

Первое время мы шли не только не прячась, а наоборот, оставляя полные следы трех животных, путешествующих вместе. Потом мы стали скрывать следы: пусть слеподопыты решат, что мы растаяли в воздухе.

Заря застала нас в ложбинке, где журчал ручей. Там были скалы, среди которых мы и укрылись. Мои товарищи задремали, как и я, но были готовы в любой момент проснуться. Мы находились к востоку от лагеря и достаточно близко к тому пути, которым должна была вернуться Майлин... Но как скоро мы могли надеяться ее увидеть?

Мой нос все еще был забит той вонью, и я ничего не мог уловить.

Это был необычный день — солнце скрывалось в облаках, но не было и намека на дождь, только туман закрывал горизонт.

Создавалось впечатление, что за пределами видимости были значительные и, возможно, опасные изменения, независимо от того, что сообщали мои глаза. Мне очень хотелось, чтобы у кого-нибудь из нас были крылья, и можно было бы поближе и лучше осмотреть местность.

Но если среди маленького народа и были птицы или какие-нибудь летающие создания, я их не видел. Так что наш обзор был ограничен. Самым удивительным в этот день был просто невероятный контакт с остальными разбежавшимися животными.

Они так соединили свои мозги, что фрагментарные сообщения быстро шли по достаточно широкой линии связи, и я надеялся, что эта линия перекроет весь путь, по которому может вернуться Майлин.

Там были парные комбинации вроде той пары, которая была в ложбине со мной — большерукие животные и их наездники. По-видимому, такое партнерство существовало не только на сцене, а оставалось и здесь. Отвечали все — Борба, Ворс, Тантала, те, кто барабанил на сцене, и те, кого я не мог опознать. Симла, видимо,

оставалась возле лагеря, как я и просил, поскольку от нее ответа не было.

В этот день я обнаружил, удерживая и читая мысли маленького народа, что он не равняет Тасса с равнинными жителями, а рассматривает последних как естественных врагов, избегает их и относится к ним презрительно и враждебно.

Тасса же, наоборот, принимались маленьким народом сердечно, как родственные и надежные товарищи.

Я вспомнил слова Майлин и Малика о том, что Тасса, готовившиеся стать Певцами, поселяются на время в тела животных. В чьем теле жила Майлин, когда бегала по холмам? Была ли она Борском, Симлой или кем-нибудь из тех, кто сейчас сопровождает меня? Имело животное выбор или назначалось? Или же это происходило случайно, как было со мной, потому что барск был болен и оказался под рукой?

В течение дня я дважды выходил на открытое место, скрываясь, как мог, и смотрел, нет ли каких-либо путешественников. При второй вылазке я заметил отряд, ехавший к холмам. Но эти всадники были под знаменем какого-то лорда, вооруженные, возможно, только что завербованные, и они были довольно далеко к югу. Я знал, что никого из нас они не смогут увидеть.

К ночи наше нетерпение возросло. Мы держались на ногах, ходили из стороны в сторону по линии, которую сами наметили. Мне пришлось оставаться с пустым брюхом, потому что я не мог унюхать дичь. Зато воды было достаточно, и я решил, что не умру, если и похожу голодным.

К полуночи пришло сообщение:

— Идет!

Я подумал, что только одна особа могла вызвать такое сообщение от тех, с кем я разделял ночное бдение.

— Майлин! — послал я в ночь настоятельный мысленный зов.

— Иду! — пришел ответ, тихий, шепчущий, если можно так выразиться о мысли.

— Майлин,— сообщил я по контрасту как бы криком.— Беда, берегись. Жди. Дай нам знать, где ты.

— Здесь.

Мысль прозвучала громче, и это было сигналом для нас выскоочить из кустов и травы.

Она появилась в лунном свете на своем верховом казе. После сумрачного дня, ночь была ясной, Три Кольца

горели во всем своем великолепии. На Майлин был плащ, голова покрыта капюшоном, так что мы видели не женщину, а всего лишь темную фигуру на раскачивавшемся казе. Я бросился к ней широкими прыжками.

— Майлин, беда!

— Что?

Ее мысленный вопрос снова спустился до шепота, как будто вся сила ушла из нее, и она держалась только усилием воли. Меня щипнул страх.

— Майлин, что случилось? Ты не ранена?

— Нет. Что произошло?

Ее вопрос прозвучал громче, тело выпрямилось.

— Люди Озокана напали на лагерь.

— А Малик? А маленький народ?

— Малик...

Я заколебался, не находя способа выразиться лучше.

— Малик умер. Остальные здесь, со мной. Мы ждали тебя. В лагере засада.

— Так!

Это слово прозвучало, как удар хлыста.

Ее усталости как не бывало.

— Сколько их там?

— Человек двенадцать. Озокан ранен, командование принял другой.

В моей злобе присутствовали ненависть и нечто обжигающее, а в той волне эмоций, что исходила от Майлин и теперь коснулась меня, были только холод и смерть. Это была настоящая бездна, и я невольно подался вперед, как будто увертывался от удара.

Лунный свет заискрился серебром на ее жезле, и из жезла полился свет, когда она подняла его перед моими глазами.

У меня закружилась голова. Майлин запела сначала низким бормотанием, которое входило в душу, пульсировало в венах, нервах, мускулах. Пение становилось все громче, западало в голову, изгоняло все, кроме стремления к цели, к которой она призывала нас, и делала из нас единое оружие, державшееся в ее руке крепче, чем меч в руках жителей равнин.

Я увидел, как ее серебряный жезл двинулся, и послушно пошел за ним, как и вся остальная мохнатая группа. Майлин и ее присягнувшие-на-мече выступили в поход.

Я ничего не помню из этого путешествия с холмов, потому что я, как и те, что шли со мной, был полон

только одним стремлением утолить жажду, вызванную во мне песней Майлин — жажду крови.

И вот мы тайно подползли к лагерю. Он выглядел пустынным, только казы били копытами и кричали в своих загонах. Но мы чуяли, что те, на которых мы охотимся, еще здесь.

Майлин снова запела — а может быть, во мне все еще звучало эхо ее прежней песни — и пошла вниз по склону, покачивая жезлом. Ночью жезл горел в лунном свете, и теперь, когда уже светало, он все еще сверкал, и из его верхушки капал огонь.

Я услышал в лагере крик, и мы кинулись туда.

Это люди обычно имели дело с животными, которых считали низшими существами: охотились на них, убивали, приручали. Но животные, которые не боялись человека, которые объединились, чтобы убивать людей — такого просто не могло быть, это противоречило природе, люди это знали, и поэтому необычность нашего нападения с самого начала выбила их из колеи.

Майлин продолжала петь. Для нас ее песня была призывом, поощрением, чем она казалась изгоям — не знаю, но помню, что двое людей в конце концов бросили оружие и покатились по земле, зажимая уши и издавая бессмысленные вопли. Так что расправиться с ними было нетрудно. Конечно, не всем нам везло, но мы узнали об этом только после того, как песня кончилась. Мы остались в лагере и подсчитывали потери.

Я как бы проснулся после яркого, страшноватого сна. Увидев мертвцевов, одна часть меня знала, что это сделали мы, но другая проснулась и отогнала все воспоминания.

Майлин стояла тут, не глядя на тела, а уставившись куда-то вдаль, как будто боялась смотреть на хаос, возникший вокруг нее. Ее руки безвольно повисли, в одной из них был жезл, но он больше не мерцал живым светом, а был тусклым и мертвым. Ее лицо было пепельно-серым, глаза смотрели в глубь себя.

Я услышал жалобный крик. К Майлин подлезла Симла. На ее теле была большая кровоточащая рана. Затем послышались крики и визг других равнинных животных, пытающихся добраться к своей хозяйке. Но она не видела их, глядя в пространство.

Майлин!

Страх закрался в мой мозг. Не было ли то, что стояло здесь, не обращая внимания ни на что, только пустой оболочкой женщины Тасса.

— Майлин! — снова мысленно закричал я.

Я собрал все свои силы.

Симла застонала, подползла к ногам Майлин и положила голову на ее пыльную обувь.

— Майлин!

Она шевельнулась почти неохотно, будто не хотела возвращаться из небытия, державшего ее. Ее пальцы разжались, жезл выпал и покатился в кровавую грязь, к мертвцам. Затем ее глаза ожили и взглянули на Симлу.

С отчаянным криком Майлин опустилась на колени и положила руку на голову вензессы. Я понял, что она снова вернулась к ним. Сейчас надо было перевязать раненых, посмотреть, что можно сделать для тех, кто остался жив в нашей группе. Из людей не выжил никто, а из маленького народа многие погибли.

Я нашел ведро у реки и принес воды, а потом приносил еще и еще, потому что Майлин варила из своих лекарственных трав питье для раненых.

Во время третьего такого похода мой нос, освободившийся наконец от захватившего его зловония, сказал мне об опасности. Человеческий запах, сильный и свежий, уходил в кусты. Я бросил ведро и обнюхал след, но дальше не пошел, потому что пришел мысленный оклик, приглашавший меня вернуться.

По-моему, лучше всего было как можно скорее идти по этому следу, но я все-таки вернулся. Видимо, кто-то прятался от битвы в фургонах, а даже один человек может из укрытия перестрелять нас из боевого лука. С этими мыслями я прибежал в лагерь. Прежде чем я успел сказать о своем открытии, Майлин обратился ко мне:

— Я должна сказать тебе...

— Майлин, там... — Я хотел прервать ее.

Почти величественно она отказалась слушать меня и продолжала:

— Крип Ворланд, я привезла из Ирджара плохие новости.

В первый раз за эти часы я вспомнил о Крипе Ворланде и его бедах, и меня испугала болезненность возвращения от Джорта к Крипу.

— Капитан «Лидиса» обратился к Закону Ярмарки, когда тебя увезли люди Озокана, а твоего товарища ударили и бросили, считая мертвым. Его нашли, и он рассказал о том, что произошло. Он опознал клан похитителей. Дело дошло до Верховного Правосудия, и был предъявлен иск Осколду, на земле которого нашли твое тело. Тело привезли в Ирджар и решили, что твой мозг разрушен пытками Осколда. Врач «Лидиса» сказал, что оказать тебе помощь можно только дома. И вот...

Майлин сделала паузу, ее глаза встретились с моими, но ничего не выражали, потому что она смотрела мимо меня на что-то большее, чем Крип Ворланд или Джорт.

— И вот,— начала она снова,— «Лидис» ушел с Иккотра с твоим телом на борту. Вот и все, что я смогла узнать, потому что в городе творится что-то странное и тревожное.

Что-то подсказывало мне, что она говорит правду.

Она говорила что-то еще, но все это уже не имело значения, и я не слышал, будто она говорила на другом языке.

«Нет тела!» Эта мысль билась в моей голове, звучала громче и громче, пока я не завизжал в том же ритме. Это были только удары, и я ничего не понимал. Теперь Майлин смотрела не в пространство, а на меня, и мне кажется, пыталась добраться сквозь этот грохот до моего мозга.

Но ничего не подействовало. Я не Крип Ворланд и никогда не буду им снова, я — Джорт.

Я слышал звуки, я видел Майлин сквозь красный туман, ее большие глаза, шевелящиеся губы. Ее команды доносились откуда-то издалека, заглушаемые грохотом. Я был Джортом, я был смертью, я охотник...

Затем я шел по следу, который нашел в кустах у реки. Свежий сильный запах наполнил мои ноздри. Убить... Только ради убийства стоит еще немного пожить. Нельзя быть беспечным — барск коварен...

Зверь с вековой хитростью овладел моим мозгом.

Пусть Джорт будет полностью Джортом.

Я отогнал, спрятал, как ненужные остатки того, что когда-то было человеком, и следил за выходом зверя на его извечное дело — охоту. Я различал три разных запаха, смешанных вместе. Не казы — эти люди шли пешком. Вокруг одного был тошнотворный запах, говоривший о повреждении тела. Троє направлялись к холмам.

Их можно выследить, но для этого потребуется хитрость. Туда носом, сюда носом, следить издали за всем, что может оказаться засадой.

Возможно, что человеческая хитрость все еще сочеталась во мне со звериной.

Похоже, они не могли подняться по более крутым склонам. Вероятно, раненому было трудно идти, потому что перед его следами шли более легкие следы.

Я нашел место, где они останавливались. Там валялись окровавленные тряпки, которые я пренебрежительно обнюхал. Однако они упорно шли вперед, к границам земель Осколда. Я шел по следу захватчиков, и у меня и мысли не было, что у меня отнимут добычу.

Мой мозг все время что-то дергало издалека, хотя я поставил барьер против этого и отказывался открыться зову. Я был Джортом — и Джорт охотился, и это было единственной реальностью. Вполне возможно, что Джорт не доживет до следующего дня, но если он умрет, то не один.

Выше и выше... Я дошел до места, где были срублены два молодых деревца, а затем пошел по следу только двух людей, а не трех. Двое несли третьего, и их шаг замедлился.

Я бросил след, потому что вошел в овраг между крутыми склонами и подумал, что моя дичь может быть в каком-нибудь укрытии. Я не тыкался носом ни во что пахнувшее, помня о трюке, который сыграл со мной разведчик.

Настала ночь, а я все еще не видел их. Я даже удивился их способности уйти так далеко с грузом — разве что они оставили лагерь еще до нашей атаки, и у них было больше времени, чем я предполагал. Луна помогала мне, то отчетливо выделяя пейзаж, то пряча его в тени, что скрывало мое продвижение.

Наконец, я увидел их. Двое стояли, прислонившись к скале. Затем один соскользнул на землю и сел, опустив голову на грудь и безвольно уронив руки между вытянутых ног. Другой тяжело дышал, но оставался на ногах. Третий вытянулся на носилках, издавая слабые стоны.

Я решил, что двое обессилены, но за третьим, стоявшим, следовало внимательно следить. Наконец, он пошевелился, встал на колени и поднес фляжку к губам лежавшего на носилках, но тот махнул рукой и с резким, раздраженным криком оттолкнул фляжку. Фляжка ударила о камень и разбилась.

На камне остались темные брызги. Тот, кто держал ее, хрипло заворчал, стал собирать осколки, затем поднял голову и дико огляделся, как будто искал в окружавшей их пустынной местности что-то, что могло бы избавить их от несчастья.

Все это время сидевший не шевелился.

Он медленно покачивал головой из стороны в сторону, как бы вглядываясь в темноту. Затем он встал, опираясь на скалу. Теперь Луна освещала его лицо, и я узнал в нем того, кто охранял Озокана с тыла, когда они вели своего раненого лорда в лагерь Тасса. Я узнал и другое: он выполнял волю своего лорда в тесной камере пограничного форта.

Крип Ворланд... Кто такой Крип Ворланд, что призывает Джорта-барска к мести? Неважно.

Главное — убить.

Поскольку я рассматривал их, как свою добычу, я вскочил на открытое место, издав боевой клич своей породы — глубокий грудной вой. Тот, кто лежал на носилках, скорее всего, был беспомощным, а двое других пусть сражаются за жизнь. Это был самый лучший путь.

Я прыгнул на стоявшего человека. Видимо, его отупевший мозг и уши не известили его о моем присутствии раньше, чем я всем своим весом ударил его в грудь, сбил с ног, а мои клыки нацелились куда надо.

Легкая добыча!

Я грыз его и рвал, затем вскочил и встретил второго. Он ждал, полусогнувшись, между мной и носилками. В его руке был меч, сверкающий в лунном свете. Человек закричал. Был ли это военный клич или призыв на помощь — какое мне дело?

Это не для моих ушей и меня не касалось.

Меч ожил, и мы закачались друг перед другом в сложном рисунке какого-то ритуального танца. Я все время заставлял человека вертеться и раскачиваться, и это помогало мне, потому что смертельная усталость сковывала его члены. Наконец мои челюсти сомкнулись вокруг его запястья, и меч выпал. За этим последовал быстрый конец.

Задохнувшись от этого танца смерти, я повернулся к носилкам. Тот, кого несли на них, теперь сидел. Может быть, страх поднял его ослабевшее тело и вернул ему энергию. Я увидел, как дернулась его рука, вспышка света мелькнула в воздухе и ударила между шеей и

плечом, уколола сильно и глубоко, как нож. Но поскольку человек не убил меня сразу, он не спас себя.

И вот я лежал среди своих мертвецов и думал, что скоро здесь умрет и Джорт, барск, который только частично был человеком. Это был хороший конец для того, кто не имел больше надежды вернуться назад по странной тропе, приведшей его в это время и место.

Г л а в а 15. Майлин

Весы Моластера. Давно — ночи и луны назад или дни и солнца — я вступила на этот странный путь в согласии с Весами Моластера. Но теперь они вышли из равновесия, как всегда бывает, и вместо добра мои усилия приносят зло, удивительно, как много зла таится в надежде на добро.

Я думаю, что Моластер оставил меня, и я брошена в прилив и не могу выплыть.

Видимо, я чересчур верила в себя и в свои беды, и теперь за это наказана.

Я стояла в лагере среди мертвых — и врагов, и моих маленьких существ — и смотрела вокруг, зная, что все это началось частично из-за меня, из-за моих действий, за которые должна была отвечать только я. Некоторые думают, может быть, и правильно, что мы всего лишь игрушки в руках великих сил и движемся туда и обратно не по собственному желанию.

Но если такая вера успокоит чье-то сердце и отгонит чувство вины, она не поддержит того, кто знает характер Певца. Я, например, отказываюсь в это верить.

Мой дух оплакивает маленький народ и Малика, хотя я знала, что Белая Дорога не тяжела для тех, кто в близком содружестве с нами. Иногда гораздо тяжелее возвращаться к этой жизни, чем пройти через ворота на дорогу, которая ведет куда-то в другое место. Мы не должны позволить себе горевать о тех, кто ушел: ведь они только снимают старые одежды и надевают новые.

Это относится и к моему маленькому народу. Но те, кто еще страдает... ах, как я тоже чувствую их боль, их лихорадку, их несчастья. Я должна также нести груз жизни и для другого — для того, кто убежал из лагеря с такой грозой в душе, какая бывает у человека, идущего на смерть. Я должна найти его, если смогу, потому что в глубоком долгу перед ним.

Я подозревала худшее — что в глубине души я желала именно такого конца. И если такие сильные желания взвешиваются на весах, они влияют на происходящее. Хотя я не воплощала эти желания в жизнь пением, могу ли я быть уверенной, что бессознательно я не влияла на будущее?

Я знаю, что могу предложить один выход человеку который был Крипом Ворландом из другого мира, и, если он его примет, то...

Я говорила моему маленькому народу успокаивающие слова, говорила им то, что должна была сказать, и пела над жезлом, хотя был еще день, а не ночь, поскольку не могли ждать темноты.

Затем я накормила и напоила тех, кто так долго были моими товарищами. После этого я села с Симлой и сказала ей, куда должна уйти и почему.

Солнце заходило, когда я вышла из лагеря.

Без силы моего жезла я не нашла бы след. Но когда Крип Ворланд входил в тело Джорта, жезл помогал этому и мог теперь найти его, куда бы он ни ушел по земле Иктора. Я взяла с собой рюкзак с продуктами, поскольку не знала, далеко ли придется идти, хотя я чувствовала, что Джорт близко.

Поразмыслив, я удержалась от того, чтобы искать его мыслью: может быть, он теперь закрыл свой мозг для меня, а может быть, мой зов отвлечет его как раз тогда, когда ему понадобится вся его ловкость и хитрость для спасения собственной жизни. Я была больше чем уверена, что он не просто бежал, куда глаза глядят, когда узнал всю правду, а скорее всего, ушел искать битвы.

Вполне возможно, что он намерен умереть в такой стычке.

Когда мы принимаем форму маленького народа, мы всегда знаем, что одновременно принимаем и свойственные им мерки. А когда человек находится в таком состоянии, в каком был Крип Ворланд, он реагирует в новой форме самым диким образом.

Из всех животных барск — самый хитрый, умный и свирепый, и эти три качества резко отличают эту породу от всей другой жизни на Икторе.

Только потому, что барск был болен от дурного обращения, я и пошла работать с ним, пока в мой лагерь не пришел Крип Ворланд.

Вот почему я была уверена, что создание, которое я ищу, стало на время диким охотником.

Он наверняка преследует какого-нибудь беглеца из банды Озокана. Среди убитых не было тела Озокана, возможно, теперь оно и служит приманкой. А сколько людей с ним? Я не знала общего числа напавших.

Все, кого мы застали в лагере, теперь покойники, но ведь захватчиков могло быть и больше.

Дорога вела к границам владений Озокана.

Настала ночь, и с ней пришла Луна, всегда помогавшая Тасса. Я запела — не словами, выводившими мою власть наружу, а внутренне, спрашивая, почему жезл не указывает направление. И я не устала, потому что жезл цвел и тем питал мой дух.

Когда поешь, не думаешь ни о чем, кроме цели, обра зующей ноты. Я шла с единственным желанием — найти потерявшегося. Если Моластер поможет мне хоть самую малость, все еще может окончиться хорошо.

Дорога вела меня вверх, но все вокруг было в темноте. Я не была более в устойчивом мире, луна воевала с тьмой — то та, то другая захватывала полосу земли. Я шла быстро, потому что тот, кого ведет песня и жезл, не может тащиться нога за ногу.

В предрассветные сумерки я вошла в долину, где господствовал запах смерти, устрашавшей дух. Я увидела тела трех людей. Двоих я не разглядела, потому что не знала их, а третий был Озокан. Когда я подошла к тому месту, где он лежал на грубых носилках, как будто ему так и полагалось по рождению, я увидела того, за кем пришла.

Я поискала мысль, боясь найти молчание мертвого тела. Но нет! Дух слабо мерцал, но все еще держался! Я успела как раз вовремя.

Воткнув жезл в грязную землю, я послала пламенную благодарность Моластеру, а затем осмотрела раны в красном мехе, таком близком по цвету к крови, что страшно было смотреть.

Серьезная рана была только одна, причиненная глубоко вонзившимся поясным ножом. Он так и торчал в ране. Я стала работать, как никогда еще не работала. По отношению к моим маленьким существам я действовала из любви и жалости, а здесь я должна была спасать разум, чтобы последний шанс для каждого из нас не был потерян.

И я победила смерть своими руками, своим знанием и властью песни.

Обычно мы боремся со смертью, не переходя последней баррикады. Среди Тасса не встретишь таких, кто посягнул бы на свободу другого и отрицал бы его право на Белую Дорогу, если тот уже сделал по ней первые шаги. Вытаскивать его обратно с дальнего пути — это значит повредить его будущему. Но в данном случае речь шла не о Тасса. Я встречала расы, которые разделяли наш взгляд на Великий Закон. Для некоторых из народов, я знала, смерть считается полным уничтожением, и они относятся к ней с ужасом, омрачающим их жизнь. Я не знала, как Крип Ворланд смотрит на смерть, но была убеждена, что он имеет право сделать свой выбор — видеть ли в смерти врага или брата. Поэтому я старалась для него, как ни для кого из своих.

Дух еще жил в нем, но останется ли он, смогу ли я удержать его — об этом я боялась думать.

Ранним утром я снова запела, на этот раз громко, призывая всю власть, которую могла собрать.

Под моим жезлом слабое биение сердца усилилось, и я уверила, что жизнь стала более крепкой. Наконец, я подняла безвольное тело. Оно оказалось легче, чем я думала. Я почувствовала кости под шкурой, как будто Джорт долгое время плохо питался.

Мы возвращались через холм, и я все время пела, борясь за жизнь существа, которую удерживала на земных путях.

Когда мы пришли в лагерь, маленький народ так обращался, что нарушил мою сосредоточенность своими криками и мыслями. Я опустила Джорта рядом с Симлой.

Она все еще была жива, на что я не надеялась. Я снова перевязала ее рану, но видела, что жить Симле осталось недолго. Я взяла обеими руками ее за голову, как делала часто, и задала ей вопросы. Она долго сидела так, а затем дала ответ. Остальные сидели вокруг и тихонько повизгивали. Ведь маленький народ — не Тасса, им нужно много мужества, чтобы дать такой ответ. Они не верят, как мы.

Я вызвала у Симлы самые лучшие воспоминания и пустила ее блуждать по ним, в то время как вся боль ушла из ее тела.

Симла была довольна и счастлива. И в наивысший момент ее счастья я дала ей освобождение согласно закону.

Но в меня будто вонзился меч, потому что память и горька, и сладка, и это стало добавкой к моей тяжести.

Я завернула останки Симлы — ту ее часть, которая больше не имела отношения ни к нам, ни, конечно, к той части, которая освободилась, и положила ее среди скал. Джорт крепко спал. Если возможно какое-нибудь выздоровление, то оно начнется. А у других не было столь тяжелых ран, чтобы им нельзя было помочь...

Затем я осмотрела лагерь, зная, что должна уйти и найти помочь, если смогу, и сделать это быстро, потому что, если пришел Озокан, могут прийти и другие.

Поев сама и накормив маленький народ, я занялась приготовлениями к отъезду.

Один из фургонов пришлось оставить, и я взяла из него все, что могло нам понадобиться.

Грабители многое уничтожили, но все, что осталось из пищи и лекарств, я погрузила. Клетки маленького народа я поставила в два фургона и удобно устроила их обитателей. Джорта я положила в передней части фургона и приказала казам отправляться. Фургоны следовали один за другим, так что последним фургоном не было нужды управлять.

Солнце светило неярко, потому что уже приближалась зима. Каждый сезон имеет свое очарование. У каждого времени года своя жизнь и энергия, и каждый сезон имеет какие-то свои преимущества перед остальными.

Для Тасса зима — время отдыха, встреч членов клана и духовного общения, время суда и обучения. И в этом году я, Майлин, предстану перед судом своего народа.

Но пока еще осень не ушла из страны.

Хотя искра жизни Джорта чуть тлела, она все еще не погасла.

Дважды издали я видела отряды всадников, но даже если они и видели мой маленький караван, они не обратили на нас внимания, потому что искали не меня. Может быть, это было и к лучшему, что мы ехали открыто, средь бела дня — ведь Тасса всегда были чужаками для равнинных жителей и известными бродягами, и наше ночное путешествие могло возбудить подозрения.

Казы, хорошо отдохнувшие в лагере и вдоволь накормленные и напоенные, уже много часов шли быстрым и ровным ходом, и я намеревалась проехать больше того расстояния, что обычно проходили за день. Я спешила,

потому что время было мне не другом, а страшным врачом.

Время от времени мы останавливались, чтобы я могла навестить мой маленький народ и осмотреть пострадавших. Больше всего мне недоставало сейчас Симлы. Она значила для меня больше, чем другие.

Эту связь нельзя объяснить словами.

Никто другой не мог заменить мне Симлу. Если бы я ушла из жизни раньше ее, она тоже чувствовала бы такую же пустоту.

Интересно знать, если Крип Ворланд снова получит свое тело, а дух барска вернется в свою законную оболочку, будет ли этот инопланетник считать себя объединенным с другой формой жизни. Никто из его рода не испытывал такого обмена.

Мы ехали обратно в Долину. Теперь я думала о Древних. Что случилось с нашим посланием из Ирджара? Малик говорил мне, что ответа не было. Придет время, которое я не могу и не хочу избежать, когда я должна буду предстать перед собранием, рассказать обо всем, что сделала, и обосновать сделанное. Однако, я не верю, что мои причины будут достаточно сильны, чтобы противостоять гневу Древних.

Я изгнала эти размышления из своего мозга, потому что темные мысли навлекают несчастья.

Вместо этого я собрала все, что могла для блага, и выбрала растущую песню, ибо рост — близкий родственник выздоровления и, может быть, один — часть другого. Казы по-прежнему шли к Иим-Сину, а я пела для маленького народа.

В такой песне вся энергия связана в единую волю-желание, но может и распасться, если понадобится.

Наступила ночь, и я увидела в темноте отблеск огня, указывавший на какое-то насилие.

За холмами лежала страна Осколда, мы сейчас ехали по равнине. Может быть, Осколд объявлял войну захватчикам, а, может, распространилась какая-то давняя ссора.

Я вспомнила разговоры, которые слышала в Ирджаре, о том, что в распри лордов вмешались инопланетники, и что «Лидис» ушел с планеты, чтобы избежать какой-то опасности.

Во время войны равнинных жителей Тасса, следяя древнему правилу, поднимались в свои высокогорные области в безопасные места. Так что я подумала, что,

возможно, и другие фургоны движутся в эту ночь. Однако я не рискнула послать мысль, чтобы проверить, так ли это. Я пела, питая крошечную искру жизни, излечивая то, что можно излечить.

Наверное, потому, что мы ехали под Луной Трех Колец, в песне было больше могущества, чем обычно. Я поняла это, когда повернулась на сиденье и подняла свою палочку над исхудальным телом барска.

Я почувствовала, как она ходит вверх и вниз, не касаясь ни кожи, ни меха, и изменяет всю энергию за одно движение.

Моя рука устала, во рту пересохло, горло саднило.

Я отодвинула жезл в сторону и наклонилась.

То, что было чуть мерцающей искрой, теперь горело ровно. Я слишком устала, чтобы посыпать мысль, но теперь знала, что это чуть не погибшее создание будет жить. И с возвращением жизни, наверняка, будет принято и то, что я могла ему предложить.

Мы остановились у поворота на главную дорогу в Иим-Син. Я выпустила трех животных, которые хотели побегать, и занялась оставшимися.

Борба прибежала с сообщением, которое немедленно выгнало меня из фургона на дорогу.

Мой нос не мог ощущать того, что было ясно написано для моего маленького народа, но мои глаза видели, что по этой дороге проехали большие отряды всадников.

Я не слышала запахов, как мои животные, но зато улавливалась в воздухе что-то другое. Здесь проехали опасность и злоба, причем проехали недавно. Ехать за ними сейчас могло быть опасно.

Однако выбора у меня не было. Что выслеживают эти люди? Всем известно, что эта дорога ведет только в Долину, а этого места осторегались. Я не могла поверить, что какой-нибудь всадник поедет туда добровольно.

Была только одна причина, которая могла объяснить такое безрассудство и пренебрежение к обычаям. Долина имела два выхода, с запада, с той дороги, где мы сейчас находились, и с востока, где путь шел через земли Осколда. Неужели кто-нибудь из его врагов, движимый безумной ненавистью, решил ввести своих людей в Долину, чтобы выйти затем в центр владений Осколда?

Для вождя такое оскорбление обычаев было почти невероятным, однако во время диких войн творилось и худшее,

что потом удивляло людей, оглядывавшихся назад и неспособных поверить, что такое было. Людей вело безудержное желание победы над врагами, и они сметали все, что случайно попадалось на их пути.

Я думала о тишине и покое Умфры и о тех, кто хранил этот покой несчетные годы и теперь не мог поверить, что кто-то смутит его. Они могли оказаться в роли насекомых под чьими-то неосторожными ногами.

Конечно, всего этого могло и не быть.

Да у меня и не было другого пути, так что я собрала свою компанию, накормила и напоила, и мы стали ждать Луны. В эту ночь мне нужна была Луна, она поднимала и укрепляла мой дух, давала мне силу.

Луна взошла, ее не закрывали облака, но ее свет тускнел от огней внизу. Я увидела это и закусила губу: огонь поднимался от Иим-Сина, и такие красные цветы выращивала только война.

То, чего я боялась, действительно случилось.

Я снова запрягла казов и выехала на дорогу.

По ее гладкой поверхности мы ехали быстро.

А, собственно, зачем торопиться? Приехать в горящие развалины разграбленного Иим-Сина? У меня был свой род оружия, но оно не для таких баталий.

Можно было свернуть с дороги. Впереди была некая точка, от которой я могла добраться до безопасной высокогорной области. Если весь Ииктор сошел с ума — здоровым лучше собраться вместе и отсидеться, пусть остальные уничтожают друг друга.

Позади послышалось то, за чем внимательно следили мои уши — слабое движение на мате. Я оглянулась. Глаза барска были открыты, но никаких признаков интеллекта в них не было.

Меня кольнул страх — неужели Джорт действительно взял верх, а человек ушел в небытие? Иногда случалось, хоть и очень редко, что человек не мог пересилить звериную породу.

— Крип Ворланд! — мысленно окликнула я его, резко, как призыв к оружию, со всем своим мастерством.

Его глаза были пустыми, в них ничто не жило, как будто я снова смотрела на барска, которого отобрала у Отхельма, на животное, глубоко пораженное бедствиями и уже уходившее из жизни.

— Крип Ворланд! — еще раз послала я призыв в его мозг.

Его голова шевельнулась, как будто он хотел избежать удара. Он и в самом деле отступил, его мозг был теперь так же далек от меня, как его жизненная сила была далека от прежней.

— Крип Ворланд!

Я подняла жезл, подставила под лунный свет и опустила на голову барска.

У него вырвался крик боли и ужаса, такой плач, какого я никогда не слышала ни от одного животного, и мой маленький народ ответил ему каждый на свой лад.

Барск пытался встать, но я положила руку на его плечо, стараясь не касаться раны, и под давлением он снова лег.

— Ты — Крип Ворланд!

Я выпускала каждое слово, как стрелу из лука, вбивая в его мозг и крепко удерживая, чтобы они не выскочили.

— Ты — человек!

Он снова взглянул на меня глазами животного, но в них уже было что-то иное.

Отвечать он не пытался. Если его оставить в покое, он снова уйдет. Я не могла допустить этого, потому что не была способна вернуть его к жизни вторично.

— Человек, — повторила я. — И пока человек жив, живо и его будущее. Клянусь тебе...

Я поставила пылающий жезл между нами и увидела, как его взгляд переходит из жезла на меня и обратно.

— Я клянусь тебе властью этого жезла, а меня такая клятва связывает больше, чем жизнь или смерть, что еще не все потеряно!

Достаточно ли он готов принять эти слова, понять их, а, поняв, поверить? В это время и в этом самом месте я ничего больше не могла сделать, остальное зависело только от него самого. А что я знала о движущих силах инопланетника и могла ли указать ему ту или иную дорогу?

Долгую минуту я боялась, что все пропало, что он понял, но не поверил.

Что осталось?

Его мысль-речь была очень слабой, я с трудом ухватила ее.

— Все!

Я торопилась поддержать и укрепить контакт.

— А что все?

— Временно — новое тело, человеческое тело. В нем ты сможешь беспрепятственно отправиться в Ирджар. Там ты

либо последуешь в космос за своим кораблем, либо найдешь способ вызвать его обратно за тобой.

Примет ли он это?

— Какое тело?

Меня подбодрило, что его мысль окрепла. Он больше не отталкивал контакта со мной, как было сначала.

— Оно ждет нас.

— Где?

— На холмах.

Я надеялась, что говорю правду. Я должна верить, что это правда, или все пропадет. Он посмотрел мне в глаза.

— Ты, видимо, имеешь в виду то...

Контакт снова ослабел, но на этот раз не по его воле, видимо, ослабло тело.

— Да. Но ты серьезно ранен, тебе надо спать.

Я была уверена, что пока он так слаб, надо отложить решение или немедленные действия. Он снова положил голову на мат, закрыл глаза и уснул. Фургон ехал дальше. Мне было не до сна. Я не могла подвергать опасности маленькие жизни, тесно связанные с моей. Один раз я воспользовалась ими, приняла их помощь. Теперь же надо было отправить их в безопасное место.

Как только мы доедем до поворота в наше высокогорье, мы разделимся. Я вложу в мозг казов программу их движения на день-два. Затем — конечно, если Тасса не уловят сигнал бедствия, который я также пошлю — животные могут уйти в пустынные места для безопасности. Это было лучшее из того, что я могла сделать для них.

Все шло так, как я планировала. Я оставила один фургон, а остальные два отправила, вложив приказ в мозг казов. Через несколько часов он мог ослабеть, но я дополнительно включила маленький механизм, который заставит их держать направление к возвышенности и известит Тасса, что животным нужна помощь. Они были в незакрытых клетках, и я оставила им пищу и воду.

Я долго смотрела вслед фургонам. Когда они скрылись из виду, я вернулась в свой фургон.

Джорт все еще спал. Нас везли два самых лучших каза, приспособленных к тяжелой дороге. Я посмотрела на далекий огонь. Он несколько потускнел. На заре следующего дня мы попадем в опасность, но в чем она заключалась — я не пыталась угадать.

Глава 16

Как всем Тасса, возвышенные места мне нравились больше, чем равнины, где иногда трудно дышать, где столько пыли от земли и от людей с тупым мозгом и тяжеловесными мыслями. Я не знала, откуда пришла наша раса, наша история, которая так длинна, что ее начало затянуто туманом.

Некоторые считают, что мы, возможно, и не с Ииктора, а происходим из другого мира, и на этой планете мы чужаки, как тот инопланетник, что едет со мной. Но если это и так, мы здесь уже так давно, что даже легенды о нашем прибытии сюда давно исчезли.

Когда мы еще жили под крышами, наши города располагались в горах, поэтому мы без затруднений остались наверху, когда другая раса пришла из-за морей и поселилась здесь в равнинах. Для них были низины, а для нас — высокие места.

Теперь, когда фургон поднимался в Ин-Син, моему сердцу стало чуть-чуть легче, как бывает с каждым странником, когда он входит в страну, где его рады видеть.

Но одновременно возрос и страх.

Будь здесь Симла, она могла бы разведать все, была бы моими глазами и ушами, но никто не мог заменить мне ее.

Солнце вставало, но было скрыто вершинами холмов, так что для нас не было ни полного света, ни тепла. Я поела, не останавливая фургона, но больше не пела, потому что вся моя сила упала после всех призывов, которые я сделала за последние несколько часов, а то, что осталось, могло понадобиться в качестве оружия. Мы все еще видели следы отряда, который прошел перед нами.

На склонах холмов были виноградники.

Их листья завяли и покраснели. Но не было ласкового ветерка, шевелящего листья, только запах гари.

Я уже угадывала, что найду в Ин-Сине.

Дым все еще тянулся из куч золы. Из зернохранилищ валялись маслянистые клубы.

Я намочила шарф и завязала нос и рот, глаза слезились.

Огонь пощадил только храм Умфры, но большие ворота криво висели на петлях, и было видно, что их протаранили. Иим-Син был захвачен внезапно, но горстка его

обитателей ухитрилась добраться сюда в надежде, что святыню не тронут.

Эти убийства и разрушения были так бессмысленны, как будто сделавшие их были оболочками людей, причем куда более скверными, чем любой человеческий дух, обитающий в этих оболочках.

Каким же может быть человек, когда он откидывает всякий контроль над зернами жестокости и зла, живущими в нем? Я — Певица, и для получения своей силы сама прошла через много проверок и испытаний. Я из рода Тасса — народа, давшего обет мира. То, что я увидела в Иим-Сине, превосходило всякое понимание. Меня трясло и тошило, я не могла поверить, что это сделали те, кого все еще называли людьми.

Если такое случилось в Иим-Сине, то что же с Долиной? Правда, в Долине была стража, готовая грудью защитить тех, кто жил там. Может быть, стражники увели их, чтобы спасти от убийц?

Я пошла обратно к фургону и дала приказ казам. Джорт поднял голову и взглянул на меня.

— Что случилось?

Я откровенно рассказала о том, что нашла здесь, и добавила, что смерть, наверное, идет теперь перед нами.

— Кто? Почему?

— Ничего не могу сказать. Предполагаю только, что враги Осколда идут на него через Долину.

— Я думал, что Долина и ее Дороги священны и не-прикасновенны...

— Во время войны богов забывают или оскорбляют. Так бывает часто.

— Но как могли равнинные жители сделать такую вещь только ради того, чтобы потихоньку напасть на лорда? — настаивал он.

— Я думала об этом, но не нашла ответа. Прошлой ночью на равнине пылали пожары. Я предполагаю, что это не просто вторжение на земли Осколда. Конфликт распространился гораздо шире, и, может, уже вся страна в огне и крови. То, что я видела здесь, не отвечает здравому смыслу. Объявленный вне закона может совершать такие действия, но его банда не столь велика, чтобы напасть на городок, да и кто эти отщепенцы? Ведь Озокан и его люди умерли.

— Но мы пойдем туда, в Долину?

— Я поклялась тебе,— устало ответила я.— Я сде-
лаю все, что могу, чтобы дать себе возможность как-
нибудь исправить сделанное. Смогу ли — ответ на это в
Долине.

— Ты хочешь предложить мне тело Мэквэ?

Меня не удивили его слова. Он неглуп, и сложить два
и два не так уж трудно.

— Да, тело Мэквэ, если ты согласишься. Затем ты
сможешь пойти в Ирджар, и я пойду с тобой. Мы все
расскажем, на твой корабль сообщат, и он, конечно, вер-
нется.

— Очень уж много «если»,— прокомментировал он.—
Скажи, Майлин, почему ты отдаешь мне его тело?

— Потому что оно единственно возможное,— медлен-
но сказала она.

— У тебя нет других причин? Например, желания,
чтобы Мэквэ снова жил?

— Мэквэ умер. Осталось только то, что поддерживает
пока жизнь — тусклый образ.

— Значит вы, Тасса, отделяете человека от тела?

Я не совсем поняла, что он хотел сказать.

— Ты — Крип Ворланд,— ответила я.— Разве ты чув-
ствуешь себя менее Крипом, раз находишься в другой
внешней оболочке?

Он молчал, обдумывая. Я надеялась, что правильно
ответила на его мысль. Если он согласится, что главное — не тело, а то, что в нем живет, тогда обмен не
будет таким тяжелым для него.

— Значит, вашему народу все равно, какое тело вы но-
сите?

— Конечно, нет! Я была бы безумной, если бы утверж-
дала подобное. Но мы верим, что внутренняя часть не-
измеримо выше внешней, она и составляет нашу истин-
ную сущность, а внешняя часть только одежда для глаз
и чувств. Прежняя оболочка Мэквэ все еще жива, но
то, что было Мэквэ, ушло из оболочки и от нас. Я пред-
лагаю тебе бывшее его тело, чтобы ты опять стал чело-
веком.

— Тасса,— поправил он меня.

— А разве это не одно и то же?

— Нет! — резко возразил он.— Мы очень разные. Как
Джорт, я узнал, что остаток законного обитателя все
еще живет в этом теле и может влиять на меня. Но по-
лучится ли так, если я попробую другое переключение?

Не стану ли я Крипом-Мэквэ вместо Крипа Ворланда?

— Кто руководит Джортом — человек или барск?

— Человек, я надеюсь... теперь,— нерешительно ответил он.

— Разве Крип Ворланд не останется Крипом Ворландом, независимо от тела, в котором он живет?

— А ты уверена...

— Есть ли что-нибудь в любом мире под любым солнцем, в чем можно быть уверенными?

— Только в смерти.

— А вы, инопланетники, уверены в смерти? Вы верите, что она — конец, а не начало?

— Кто знает,— сказал он.— Вряд ли мы можем получить правильный ответ на вопрос, какой хотели бы задать. Итак, ты предлагаешь мне тело, близкое к моему пропавшему. Ты сказала, что потом мы поедем в Ирджар. Но, похоже, нам придется иметь дело не только со своими собственными заботами, но и с войной, лежащей между нами и Ирджаром.

— Крип Ворланд, разве я обещала тебе, что все будет легко и просто?

— Нет,— согласился он.— Но как ты вообще можешь обещать мне тело, если те, что идут перед нами, расправляются с Долиной, как и с Иим-Сином?

— В Долине есть стражники, а здесь их не было. Они могут защитить тех, кто там живет. Я предложила тебе лучшее из того, что могу, большего не может сделать никто — ни человек, ни Тасса.

— Согласен.

Он, видимо, только сейчас заметил отсутствие остальных членов нашей компании, потому что спросил:

— А где животные?

— Я послала их туда, где, как я надеюсь, мой народ встретит их. Если же этого не случится, они будут бродить по своей воле.

После паузы он сказал:

— У всех вас изменилась жизнь после той прогулки на ярмарке в Ирджаре. Я никогда не поверил бы этой истории, если бы не пережил ее сам.

— Материал для легенды,— согласилась я.— Говорят, что если глубже покопаться в любом древнем скандале, то в нем обязательно найдешь зернышко истины.

— Майлин, кем для тебя был Мэквэ?

Я была застигнута врасплох, и он, видимо, почувствовал это. Неожиданность вырвала у меня правду.

— Он был спутником моей жизни и моей родной сестры Мерли. Когда он ушел от нас, я боялась, что она последует за ним. Она до сих пор отворачивает лицо от полноты жизни.

— Скажи, вернется ли эта связь с возвращением Мэквэ?

Второй его вопрос был так же остр, как и первый.

— Нет. Ты будешь носить тело Мэквэ, но ты не Мэквэ. Однако, увидев тебя, она, может быть, примирится с правдой и снова выйдет из тьмы к свету.

Наконец мое несчастное, раздражающее желание было высказано словами:

— Но твой народ узнает, что я не тот, кем кажусь?

Он, видимо, не слышал моих последних слов. Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

— Не думаешь ли ты, что скроешь от Тасса свою истинную сущность, Крип Ворланд? Всякий узнает тебя с первого взгляда. Я должна сказать тебе, что они этого не одобрят. Я нарушила все наши священные Законы, отдавая тебе жилище Мэквэ даже на время. Они не могут предотвратить эти действия, но я за них отвечу.

— Тогда зачем...

— Зачем я это делаю? Надо ли спрашивать, инопланетник? Я поклялась самой сильной клятвой своего народа, что сделаю для тебя все, что в моих силах. Не могу сказать, почему все это свалилось на меня, но тот, кто несет груз, ниспосланный Моластером, не должен жаловаться.

Больше он ни о чем не спрашивал, и я была рада, что он погрузился в свои мысли, потому что я занялась своими. Я сказала ему чистую правду.

Он будет в теле Мэквэ, но Мэквэ не станет.

Однако, как зверь частично влияет на вселившегося в его тело человека, так и Мэквэ в какой-то степени повлияет на него. Тем более, что этот инопланетник восприимчив к власти экспера.

Мэквэ был Певцом второй степени. Он должен был по своим знаниям подняться выше, когда его убили в облике животного. Это было молодое животное, еще ни разу не использованное для обмена, и после тяжелого ранения оно впало в каталепсию, так что мысленные приказы не достигали мозга.

Но животная часть не могла полностью овладеть всем человеческим мозгом, как и человек не может полностью

обладать животным. Значит, осталось в Мэквэ, может быть, даже большая его часть. Даже Древние не знают, насколько полным бывает обмен.

Во всей нашей истории не было случая, чтобы человек вернулся в человеческое тело, но не в свое тело. Допустим, что этот остаток в теле Мэквэ проснется и повлияет... Я не уверена в этом, но надеюсь, что даже часть Мэквэ может осветить на время дни Мерли и заставит ее вернуться к нам.

Я смотрела на спины казов и на дорогу, но не видела ничего, кроме лица Мерли и обмена, который может привести к тому, что Мэквэ — часть Мэквэ — какое-то время будет рядом с ней!

Даже если то, о чем я мечтала, не произойдет, я все равно сдержу клятву — мы поедем в Ирджар и постараемся сделать обмен, если это удастся.

Я думала о Долине и о том, что могло там случиться в эти дни. По всем признакам, те, кто покончил с Иим-Сином, должны уже достичь Долины, а мы двигались медленно. Мы проезжали участки, где когда-то стояли часовые и спрашивали путешественников о цели их приезда. Теперь там часовых не было, и я не останавливалась искать их. И не торопилась со спуском, чтобы не приехать как раз во время сражения.

Стража Долины может не разобраться, кто друг, а кто враг. И кто знает, возможно, какая-то доля здравого смысла заставит всадников вернуться. Мы остановились в пустынном месте. В горном потоке бурлила вода. Я распрягала казов, чтобы они паслись и отдыхали.

— Никаких других следов? — спросил инопланетник, когда я принесла ему воды.

— Кроме них, никто не ехал этим путем. Но кто они и зачем они здесь...

Я покачала головой.

— Ты могла бы своей властью ограничить их.

— Ты можешь посыпать мысль. А владеешь ли ты телепортацией или чем-нибудь подобным?

— Нет. Есть такие, кто владеет, но я еще не встречал ни одного. Но я думал, что Тасса...

— ...могут совершать еще более удивительные действия? Иногда да, но для этого должно быть подходящее место и время. Имея и то, и другое, я могу послать читающий луч и частично увидеть будущее — вернее сказать, усредненное будущее.

— Усредненное? Разве оно разное?

— Да. Потому что оно зависит от действий. Разве человек всегда думает одинаково — сейчас и через час, сегодня и завтра? То, что кажется правильным и разумным сейчас, позднее выглядит иначе. Следовательно, можно прочесть только будущее в широком смысле. Но наше положение к будущему меняется из-за необходимости встречаться с тем или иным кризисом. Я могу сказать тебе о судьбе нации, но не о судьбе отдельного ее члена.

— Но ты сказала бы о возможном пути Долины?

— Возможно, будь у меня правильное время, а у меня его нет. Долина слишком далека.

— Ну, скоро мы узнаем это на себе,— сказал он.— Когда я встретил тебя в этой ложбине? Давно это было? С тех пор я потерял счет дням.

Я покачала головой.

— Дни, носящие числа, не касаются Тасса. Мы давно перестали иметь дело со счетом дней. Мы помним, что произошло, но в какой именно день — не знаем.

Будь Крип Ворланд сейчас человеком, он бы расхохотался.

— Вы совершенно правы, Госпожа. Того, что произошло со мной на Иикторе, вполне достаточно, чтобы забыть счет дням. Но когда я пришел из крепости Озокана в ваш чистый лагерь, я думал, что вижу какой-то очень живой и неприятный сон, и я был склонен время от времени возвращаться к этой уверенности, потому что это могло объяснить случившееся, и это легче, чем думать, что я наяву жил и живу здесь.

— Я слышала, что в иных мирах есть методы, чтобы вызывать такие сны. Возможно, ты испытал их и поэтому готов поверить в такие и здесь. Но если ты спал, Крип Ворланд, то я не сплю! Если только я не часть твоего сна...

— Майлин, ты замужем?

Я вспомнила, что за время этого странного приключения, в котором мы участвовали, мы ни разу не задавали таких вопросов и не интересовались прошлым друг друга.

— Нет. Я Певица. Пока я пою, у меня нет спутника жизни. А у тебя? Я слышала, что торговцы имеют семьи. Может, у вас как у Певцов — либо-либо?

— В этом роде.

Он рассказал мне о жизни своего народа, повенчанного со многими звездами, а не с одной.

Торговцы женятся, но только тогда, когда достигают определенного ранга в своих Компаниях.

Иногда женщины с планеты принимают ради мужа жизнь Торговцев. Но чтобы Торговец покинул свой корабль ради женщины — это немыслимо.

— Ты похож на Тасса,— сказала я.— Укорениться в одном месте — для нас смерть. Мы летаем по всему Иктому и его морям по своей воле. У нас есть определенные места, где мы собираемся, когда нужно. Но в остальное время...

— Цыгане...

— Что? — спросила я.

— Это древнее слово. Оно обозначает народ, который всегда странствует. Видимо, когда-то была такая нация, только очень давно, в каком-то далеком мире.

— Вот и Тасса тоже пристрастились к свободному пространству. Я говорила тебе однажды о корабле, о маленьком народе и о посещении других миров.

— Такое в принципе возможно, но будет стоить больше весовых единиц, чем их есть в сокровищнице храма Ирджара. Такой корабль надо строить в другом мире после долгого изучения и экспериментов. Это только мечта, Майлин, потому что ни у кого нет и не может быть такого богатства, чтобы воплотить эту мечту в жизнь.

— Что является сокровищем, Крип Ворланд? Что есть богатство? В разных мирах оно принимает разные формы?

— Сокровище — это редкая и ценная вещь на каждой отдельной планете. В некоторых случаях редкость — самое прекрасное и ценное, в других же — самое бесполезное. На Законе сокровище — это знание, потому что законы считают его своим богатством. Привези им неизвестный артефакт, легенду, намек на что-то новое в Галактической истории — и ты дал им сокровище. На Сарголе это мелкая травка, когда-то бывшая самой обычной на забытой Земле. Она неотразима для сарголцев, которые охотно дают в обмен на нее драгоценные камни.

А на другой планете на один такой камешек величиной с ноготь на твоем мизинце человек может жить, как лорд на Икторе, лет пять, а то и больше.

На Хоско — перья спрокдиана. Я могу насчитать тебе целую кучу сокровищ для четверти Галактики, так как они проходят через наши склады. Так вот, у каждого мира есть свое сокровище, то, что кажется ценным и яв-

ляется целым состоянием на одной планете, на другой окажется либо ничем, либо еще большим.

Он мысленно засмеялся, даже пасть барска раздвинулась в слабом подобии улыбки.

— Но обычно меньше, чем больше. Лучше всего камни, потому что камни и произведения искусства у многих рас и народов считаются ценностью и берегутся.

— А какого рода сокровища потребуются в тех мирах, где могут построить такой корабль для моего маленького народа?

— Все, что является высокой ценностью. Люди на внутренних планетах пресыщены самым лучшим из сотен миров. У них есть торговля, есть корабли, привозящие все сокровища, какие только можно достать. Нужно только что-то очень редкое, никогда не виданное или такая сумма торговых кредитов, на которую можно купить половину наших складов.

Я запрягла казов и мы снова двинулись в путь. По дороге я думала о природе сокровищ и о том, как по-разному они ценятся в разных мирах.

Я знала, что берут инопланетники на Икторе, и представляя себе, какой груз считается обычным.

У нас есть камни, но не такие редкие, чтобы инопланетные торговцы стремились их покупать.

Я решила, что в глазах таких экспертов Иктор может считаться бедной планетой.

Тасса не собирали материальных богатств, как равнинные жители. Если у нас оказывалось больше вещей, чем было необходимо, мы оставляли лишнее в тех местах, где собирались, чтобы их взяли те, кому понадобится. Наши шоу животных собирали много денег, но мы не копили их.

Мы рассматривали шоу, как тренинг и для животного, и для жезла, а кроме того, как хороший предлог для скитальческой жизни.

Лежать на каком-то сокровище и беречь его — это чуждо нам. Если мы поступали так в прошлом, пока жили в городах, то теперь забыли об этом.

Пока мы медленно ехали по Долине, я спросила Крипа Ворланда:

— А что у вас считается самым драгоценным? Какие-нибудь редкие вещи?

— Ты имеешь в виду лично меня или мой народ?

— И то и другое.

— Я отвечу одним словом, потому что как для меня, так и для моего народа самое дорогое — корабль!

— И вы ничего не собираете?

— Мы собираем сколько можно, те сокровища, которые нужны другим, и все это, за исключением, конечно, того, что мы тратим, мы складываем в корабль на наш счет.

— И много ли ты когда-нибудь соберешь?

— Может быть, столько же, сколько в поместьях лордов на Икторе. Им тоже нелегко их завоевывать, хотя способы у них и у нас разные.

— А ты уверен, что у тебя когда-нибудь будет это богатство?

— Никто добровольно не расстается с мечтой, даже когда возможность ее реализовать ушла в прошлое. Я думаю, человек всегда надеется на счастье, пока жив.

Мы сделали привал, но не на всю ночь, а всего лишь на несколько часов. Я смотрела, как восходит луна, но не сделала ни одного движения, чтобы призвать ее власть — сейчас не время. Так что я не поднимала жезл и не пела — ни внешне, ни внутренне. Я только помогала казам мысленной силой, когда и где могла.

Луна низко висела, когда мы подъехали к спуску в Долину. Как всегда в ночное время, там клубился туман, скрывая то, что было внизу.

Как будто там ничего не изменилось, не было признаков, что какая-то опасность прошла этим путем. Но мое зрение было очень ограниченным.

Барск завозился и попытался встать. Я остановила его.

— Мы над Долиной. Лежи, отдохай, пока можно.

— Ты спускаешься?

— Я приму все предосторожности.

Я выставила жезл. Луна была невысоко, но все-таки была. Я запела внутреннюю песню, и казы стали спускаться.

Глава 17. Крип Ворланд

Когда я проснулся с сознанием, что все еще жив, перевязан руками Майлин и нахожусь опять в фургоне Тасса, мне показалось, что сон, завладевший мной, сделал полный круг.

Когда мы спускались в укутанный туманом Долину, Майлин вела фургон точно по середине дороги. Я читал

в ее мозгу, что те предосторожности или защита, о которых она говорила, вполне могут стать нашей гибелью, несмотря на то, что мы шли с миром. Могло случиться, что мы разделим участь тех, за кем следуем.

Еще одна печаль изводила меня. Хотя мой мозг был насторожен, тело было еще слабым и не повиновалось мне. Если на нас нападут, я ничего не смогу сделать, даже защитить себя. Я мог только поднять голову и вытянуть лапы, лежа на мате.

Если я делал глубокий вдох — начиналась боль, волнами накатывала слабость.

У Майлин была власть излечения, это я знал, но может ли она сделать что-нибудь с такой раной?

Были все основания полагать, что лезвие Озокана прошло глубоко, и что возвращение к жизни в моем теперешнем теле еще не означает выздоровление.

Когда я выслеживал Озокана и его приверженцев, я искал смерти. Пораженный известиями, которые Майлин привезла из Ирджара, я впал во временное безумие. Но в каждом человеке, по крайней мере, в моей породе, сидит упорное сопротивление концу существования. Такой крохотный клочок надежды послужил оплотом моему духу. Альтернатива, внущенная мне Майлин, имела некоторые возможности.

Обрядившись в тело Тасса, я действительно мог вернуться в Ирджар. У Торговцев есть на планете консул. Я видел его, когда «Лидис» приземлился здесь.

Я мог пойти к Прайдо Алсеб, рассказать ему все и попросить его известить капитана Фосса.

Проще простого составить такое сообщение, какое мог послать только Крип Ворланд и тем самым удостоверить свою личность. Затем, когда вернется мое собственное тело, последует новое переключение, и я по-настоящему стану самим собой.

Конечно, было множество препятствий и ловушек между теперешним трудным моментом и тем, столь желанным. Многие из этих ловушек, может быть, лежат прямо перед нами. Я старался двигаться, поднять отяжелевшую голову и ослабевшее тело, чтобы взглянуть на переднее сиденье, но ничего не вышло, и я лежал, страдающий, слабый, встревоженный своим состоянием.

Теперь я начал осознавать, что Майлин не просто направляет казов вниз по дороге: вокруг нее была аура, выходящая из мозга — посып энергии. Я лежал так, что мне

был виден ее профиль, суровый и неподвижный. Волосы не были уложены затейливыми локонами, как при нашей первой встрече, а подняты вверх и слабо связаны, как серебряный шлем. Не было и арабески из рубина и серебра на лбу. Глаза ее были полузакрыты, веки опущены. Она как будто смотрела внутрь себя. Но в лице ее был такой свет, что я даже опешил.

То ли свет луны падал на ее прекрасную кожу, то ли это был внутренний свет, отражение хранившейся там силы. Сначала я видел в Тасса человека, теперь она казалась более чужой, чем животные, с которыми я делил жизнь и сражения в эти последние дни.

«Принять предосторожности», — так она это назвала. Я бы сказал: «Вооружиться». Я опустил тяжелую голову и больше не видел Майлин, но осознание ее, как она сидит, что делает, было во мне, как будто я по-прежнему наблюдал за ней.

Пока фургон громыхал, к нам пришло новое ощущение — нечто вроде предупреждения, как если бы некий разведчик с отдаленного холма отгонял нас.

Так как мы не послушались этого предупреждения, беспокойство возрастало, и в мозгу появилась тень предчувствия, становившаяся все чернее. Может, это был кто-то из защитников Долины — я не знал. Но, по-видимому, на Майлин это не произвело эффекта и не отклонило ее с пути.

Моя усталость все увеличивалась. Временами я сознавал, где я и что со мной, а потом начинал кружить в пустоте небытия, результатом чего являлось страшное головокружение, и я не мог сказать, был ли реальный туман, заволакивавший мои глаза, когда я пытался рассматривать какую-нибудь часть фургона, или туман этот был порождением новой невероятной слабости.

Путь казался бесконечным. Время исчезло, вернее, его нельзя было измерить. Я был потерянным, будто лежал на челноке, снующем туда и сюда и ткавшем будущее, которое ускользало от меня.

Воздух дрожал и бился вокруг — может, от качания челнока, который нес меня?

Нет, это была пульсация, прерывавшаяся ритмом, которыйдерживал меня в фургоне. Затем я услышал звук, бывший частью этого биения — наверное, песня. Звук исходил не от Майлин, и он становился громче с каждым шагом казов.

Это странное биение звука, власти делало меня сильнее, как будто в мое вялое тело вливалась жизненная энергия, ушедшая с тех пор, как нож Озокана искал мою жизнь. Я лежал и чувствовал, как она входит в меня. Правда, что-то снова отходило, откатывалось, но то, что от нее оставалось, бодрило меня. Теперь я уже не просто угрюмо цеплялся за жизнь, а был уже способен думать о чем-то помимо собственного тела.

Я еще раз приподнялся и взглянул на Майлин.

Она откинула голову и протянула руки перед собой, держа жезл между ладонями.

Он кружился, разбрасывая серебряные искры, которые падали ей на голову и на грудь, исчезал. Она пела песню — не ту песню, которая все еще витала в воздухе, а высокую и нежную, и звуки этой песни притягивали меня.

Я кое-как оперся передними лапами о пол, и мне удалось встать. Теперь мои глаза были на уровне сидения Майлин. Я бросил взгляд вниз, наружу. Была еще ночь или раннее утро.

Луна уже не сияла. Впереди внизу уже виднелся другой свет, но не оранжевый свет пожаров, а голубая тень лампы, которую я видел в Ирджаре: лунные шары Майлин, только они не были закреплены, а качались, как мощные фонари. Как раз из этого освещенного места поднималось пение, становилось сильнее и глубже. Я потянулся дальше, пока не смог, несмотря на боль, вытянуть одну переднюю лапу на сиденье и положить на нее голову. Майлин не обратила на меня внимания, она все еще была поглощена своим пением.

Двое мужчин с лунными шарами пришли встретить нас. Я увидел черные с белым и желтым узором мантии жрецов. Однако они не приветствовали Майлин и не остановили нас, а лишь стояли, один справа, другой слева. Лица их оставались бесстрастными, и они продолжали свою песню, слов которой я не понимал.

Мы проехали мимо многих жрецов Умфры, занятых работой на дороге. Я чувствовал вонь горелого, а нос барска улавливал в ней также запах крови.

Нет, Долина не избежала участия Иим-Сина. Однако я считал, что несчастье здесь не столь полное, как в городке.

Казы повернули без всякого видимого знака со стороны Майлин, и мы проехали через ворота.

Ворота были разбиты, портал весь в трещинах и зарубках и ощетинился стрелами от боевых луков.

Дым разрушений стоял, как туман. Мы въехали в первый двор храма.

Только тут Майлин двинулась, подняла все еще сверкающий жезл и приложила его к своему лбу. Свет, выходивший из него, погас, и когда она снова опустила руки, в них была просто палочка. Майлин открыла глаза.

К нам подошел жрец. Его голова была забинтована, правая рука на привязи.

— Где Оркамур? — спросила Майлин.

— Он осматривает свой народ, Госпожа.

Она серьезно кивнула.

— Зло крепко поработало здесь. Как велико это зло, брат?

— Большая часть стен разрушена, — мрачно сказал он.

Поднятое к нам лицо с глубоко сидевшими глазами было лицом человека, вынужденного быть свидетелем того, что было частью его самого, причем большей частью.

— Но фундамент уцелел.

— С Иим-Сином поступили хуже. А кто эти люди?

— Насчет Иим-Сина мы знаем. Кто они? Это люди, впавшие во тьму, выросшую откуда-то принесенными семенами. Однако, они не преуспели в своем зле.

— Они убиты?

— Они сами себя убили, потому что не обратили внимания на стражников, но после себя оставили руины.

— А те, кто находился под покровом Умфры... — начала она почти робко. — Что с ними, Старший брат?

— Тот, кого ты держишь в сердце, жив. Некоторые другие отпущены Умфрай по Белой Дороге.

Она вздохнула, положила жезл на колени, потерла лоб.

Итак, Мэквэ был еще жив. Я ухватился за это.

Приступ боли в груди заставил меня отползти назад и свалиться на мат. Последние остатки сил покинули меня.

Яркий свет ударили мне в морду, проник в неплотно зажмуренные глаза. Я попытался отвернуться от света, но меня удержали. Я вдохнул резкий ароматизированный пар, и в моей голове прояснилось.

Я открыл глаза и увидел, что лежу в комнате, а Майлин наклонилась надо мной с чашей золотистой жидкости, от которой исходил пар, приведший меня в чувство.

С ней был человек, чье старое, добroе лицо было мне знакомо. Когда-то очень давно мы с ним сидели в тихом

саду и разговаривали о жизни за той звездой, которая служит Иектору солнцем, о людях, выполняющих свое назначение на многих чужих мирах. Это был Оркамур, слуга Умфры.

Его слова формировались в моем мозгу.

— Младший брат, ты желаешь в самом деле оставить твое теперешнее тело и получить другое?

Слова... слова... Ну да, конечно, я этого желаю! Я был человеком! Я требую человеческое тело. Это поднялось во мне не как яростное желание, а как просьба, сконцентрированная со всей силой, на какую я был способен.

— Будь по вашему желанию, сестра и брат!

Оркамур ушел из поля моего зрения, как бы отплыл назад. Майлин снова наклонилась надо мной с чашей, чтобы оживляющие пары очистили мой мозг.

— Повтори, Крип Ворланд, слово в слово: я желаю всей силой избавиться от меха и клыков и снова встать и ходить, как человек!

Я медленно, торжественно проговорил мысленно эту просьбу. Мне хотелось бы произнести их вслух, громко, с вершины какой-нибудь горы, чтобы меня слышал весь мир.

— Пей!

Она ближе поднесла чашу с ароматной жидкостью.

Я жадно стал лакать. Мне показалось, что это холодная вода из горного источника. Я не сознавал своей жажды, пока не сделал первый глоток.

Это было очень вкусно, и я пил, пока чаша не опустела, пока мой язык не слизнул последнюю каплю.

Майлин убрала чашу и выдвинула вперед одну из лунных ламп. В комнате и так было светло, а теперь стало еще светлее.

— Теперь смотри на меня! Отпустай, смотри на меня и отпустай!

Отпускать? Что отпускать? Я уставился на лампу. Это был серебряный шар, какой можно увидеть на видеоэкране «Лидиса», когда корабль снижается над планетой в новой системе, серебряный шар вытягивался, притягивая разум к себе.

Кто бродит на серебряных шарах, и что они там видят? Из каких-то глубин пришла ко мне эта мысль. Это был не сон, а явь, однако мне не хотелось открывать глаза и смотреть, потому что тут было что-то иное, и какая-то

осторожная часть меня желала изучить это иное, не торопясь.

Я глубоко вздохнул, ожидая, что мой нос барска расскажет мне обо всем. Но обоняние как будто ссохлось, умирало.

Конечно, запахи тут были — аромат какого-то растения, другие запахи, но все они были очень слабыми. Я не решался двинуться, но когда я еще раз глубоко вздохнул, то оказалось, что боль, которая почти не покидала меня и стала частью меня, исчезла. Я открыл глаза. Искажение! Цвета стали, с одной стороны, менее отчетливыми, а с другой — пронзительно яркими. Я щурялся и мигал, чтобы заставить глаза снова послушно служить. «А ведь это уже один раз было», — мелькнуло в моей памяти.

Я уставился вдаль. Широкое пространство, стена, в ней окно. За окном колыхаются на ветру ветки. Мой мозг легко давал названия всему, узнавая то, о чем сообщали глаза, хотя они видели все совсем по-другому. Я открыл рот и хотел облизать свои острые клыки, но язык стал короче и касался зубов, а не рвущего инструмента барска.

А лапы? Я приказал передней лапе вытянуться в пределы моей видимости, так как не решался еще поднять голову, и увидел руку, кисть, пальцы, сгибающиеся по моему приказу.

Рука? Значит, я не барск, а человек!

Я резко сел, и комната, все еще какая-то искаженная, стремительно завертелась. Я был один. Я поднял человеческие руки, осмотрел их, потом взглянул на человеческое тело. Оно было таким бледным, что почти неприятно было смотреть. Это неправильно — я должен быть смуглым. Я сел на край постели и внимательно оглядел свое новое тело, его бледность, худобу, близкую к истощению, затем ощупал лицо. Оно было явно человеческим, хотя я не мог определить на ощупь, похоже ли оно на лицо похищенного на ярмарке в Ирджаре Крипа Ворланда. Нужно зеркало. Я должен увидеть!

Слегка покачиваясь от усилий держаться прямо, как человек, и это после того, как я долго бегал на четырех лапах, я встал и неуверенно сделал шаг вперед.

Руки мои балансировали, пока я перекачивался с одной ноги на другую. Но когда я повернулся, чтобы подойти к окну, мое доверие к такому методу передвижения

вернулось, как будто прежнее умение, забытое на время, снова ожило. Я оглянулся, ища мохнатое тело, которое звалось Джортом, но его не было видно. Я так и не увидел его больше.

Комната была маленькая, большую ее часть занимала кровать. В противоположной стене была дверь, в углу сундук, служивший также и столом, судя по тому, что на нем стояла на подносе чашка и графин. Из окна несло холодом, так что я вернулся к кровати, снял с нее одеяло и завернулся в него. Мне страшно хотелось увидеть свое лицо. Судя по телу, я был Тасса — Мэквэ.

К удивлению, я обнаружил в себе некоторое сожаление о чувствах, которыми так хорошо пользовался Джортбарск. Похоже, у Тасса те же ограничения, что были у бывшего меня.

Я подошел к сундуку и посмотрел на чашку.

Она была пуста, но графин полный. Я осторожно налил в чашку золотистую жидкость. Она была холодной, прекрасно утоляла жажду, и по моему телу распространилось ощущение радости бытия, единства с моим новым телом. Я услышал покашливание и увидел жреца с забинтованной головой. Он поклонился и, подойдя к кровати, положил на нее одежду с красными крапинками, какую носят Тасса.

— Старший брат хочет поговорить с тобой, брат, когда ты будешь готов, — сказал он.

Я поблагодарил и начал одеваться, еще не вполне уверенный в своих движениях.

Когда я оделся, то подумал, что, наверное, похож на Малика.

«Малик! — болезненно мелькнуло в памяти. — Малик вывел меня из ада, уготованного барску в Ирджаре, и каков был его конец! Я так мало его знал и так много был ему должен!»

На моем новом поясе висел длинный нож, но меня не было, и, конечно, не было жезла, какой носила Майлин. А мне захотелось схватиться за оружие при мысли об убийцах Малика.

Без зеркала я не мог видеть весь облик, который теперь имел. Выйдя из комнаты, я увидел ожидавшего меня мальчика-жреца. Он хромал, и на его лице были тот же отпечаток шока и усталости, как и у старших жрецов. Здесь все еще пахло горелым, хотя и не так сильно, как пахло для Джорта.

Мы пришли в тот же садик, где Оркамур однажды принимал меня. Он сидел в том же кресле из дерева с побегами, только листья на них увяли и засохли. Там была еще скамейка, а на ней сидела, опустив плечи, Майлин. Глаза ее были пустыми, как у человека, затратившего большие усилия и ничего от этого не выигравшего.

Во мне вспыхнуло желание подойти к ней, согнать это ее равнодушие, взять ее вяло лежавшие руки в свои, поднять ее. Когда я тайно подглядывал за ней в Ирджаре, она казалась мне чужой, и чужой она была за все время наших путешествий, теперь же этого больше не было. Теперь казалось только, что она имеет права на меня, что она устала и измучена.

Она не взглянула на меня и не поздоровалась.

Глаза Оркамура встретились с моими и так всматривались в них, как будто он хотел видеть каждую мою мысль, как бы глубоко в мозгу она ни пряталась. Обыск этот был таким резким, как если бы он искал брешь и знал, что она там есть.

Затем он улыбнулся и поднял руку. Я увидел на ней большой, страшного вида кровоподтек, а один из пальцев был разбит и туго перевязан. Жест его был не только приветственным, но и изумленно-радостным.

— Сделано, и сделано хорошо!

Он не сказал этого вслух, и его мысль, видимо, вошла также и в мозг Майлин, потому что она встрепенулась, слегка подняла голову, медленно повернулась, а ее глаза, наконец, остановились на мне. Я увидел в них изумление и в свою очередь изумился: ведь она сама проделала этот обмен для меня, почему же результат ее удивляет?

— Это хорошо сделано, Старший брат,— сказала она Оркамуру.

— Если ты имеешь в виду, сестра, что выполнила то, что желала — да, это сделано хорошо, если ты думаешь о том, что поведет к еще большим осложнениям — тогда я не могу ответить ни да, ни нет.

— Мой ответ,— прошептала она, если можно мысленно шептать.— Ладно, что сделано, то сделано, и это надо было сделать. С твоего разрешения, Старший брат, мы пойдем и увидим конец всего этого.

Она все еще не говорила со мной и не хотела смотреть на меня, потому что после первого взгляда она вновь отвернулась. Я похолодел, как если бы протянул в привет-

ствии руку, а ее не только не взяли, но и самого меня игнорировали.

Теперь я не стал бы делать никакого движения, чтобы привлечь снова ее внимание.

Мы вышли поискать еду. Майлин ела явно только по необходимости, как заправляют машину перед поездкой. Я тоже поел и обнаружил, что мое тело с удовольствием принимает все, что я ему даю. Майлин была как за стеной, и я не мог ни пробить эту стену, ни перелезть через нее.

Мы вышли во двор храма. Там не было и признака фургона, но нас ждали два оседланных каза, через седла были перекинуты дорожные сумки и плащи. Я хотел помочь Майлин сесть в седло, но она отказалась, и я пошел навстречу своему казу. Неужели она относится с отвращением к любому контакту со мной?

Мы ехали по опустошенной Долине. Там были почерневшие от огня руины и другие признаки ударов ярости, которые калечили, но не полностью разрушили. Майлин поехала по дороге в Иим-Син.

Видно было, что она отчаянно спешит осуществить до конца свой план — вернуться со мной в Ирджар и разрешить, насколько возможно роковое сплетение, опутавшее нас.

Она по-прежнему не смотрела на меня, даже не обменивалась мыслями. Неужели ей так неприятно, что я нахожусь в теле ее близкого родственника, который теперь кажется ей умершим дважды? Меня это стало раздражать, и я ни о чем не просил.

«Нет,— ответила мне память,— ты дважды в какой-то степени просил ритуала Тасса для этих обменов. И они дважды спасли тебя от смерти».

Я впервые задумался о том, кто будет жить в этом теле, когда — и если — я обрету свое собственное? Или Мэквэ действительно умрет тогда полностью и окончательно?

Поскольку мы ехали быстрее, чем в фургоне, мы выехали из Долины еще до заката. На рассвете мы могли бы уже увидеть руины Иим-Сина, но мы поехали через развалины к Ирджару. Но все-таки, что тут произошло? Мне нужно было хоть чуть-чуть заглянуть в будущее, поэтому я заставил себя обратиться к своей спутнице:

— Говорили ли слуги Умфры, что тут случилось?

— Те, кто пришел с запада,— ответила она,— были иноземцами. Похоже, что Ииктору угрожает новый враг,

более безжалостный, чем любой равнинный народ, и эта сила идет от инопланетников.

— Но ведь Торговцы...

Я был так поражен, что у меня перехватило дыхание.

— Не все Торговцы такие, как на «Лидисе». Эти пришельцы режут друг друга, чтобы укрепиться на нашей земле, завоевать власть и основать свое королевство. Часть лордов уже разбита, потому что среди их людей тайно велась подрывная работа, других привлекали обещаниями большого богатства, натравливают одних на других и помешивают в котле войны такой ложкой, которая заставляет его яростно кипеть. Не знаю, что мы найдем в Ирджаре, не уверена даже, попадем ли мы в город. Но попытаемся.

Все это было не слишком приятным и не слишком обещающим. Похоже, случилось большее, чем мы подозревали. Страшно было углубляться в страну, где каждый поднимал руку на соседа, но порт находился на границе Ирджара, и там была моя единственная надежда наозвращение на «Лидис».

До Ирджара было еще далеко. Обдумывая сказанное Майлин, я представил себе, каким долгим покажется нам это путешествие. Да и разумно ли ехать вообще?

Я проворачивал в мозгу эту мысль, когда пришел зов, резкий и сильный, как сигнал горна, но я услышал его не ушами.

Минута тишины — и снова звон, приказ, которому нельзя не повиноваться.

Послыпался легкий, протестующий крик Майлин.

Помимо своей воли мы повернули казов направо, к диким горам, на зов, которому должны были подчиниться и мозг, и тело.

Это был внутренний горн Тасса.

Он звучал только в исключительно важных случаях.

Глава 18

Иектор, который я знал, был похож на все планеты этого типа: равнины, перемежающиеся холмами, растительность в разных стадиях. Ирджар, форт Озокана, Иим-Син, храмы Умфры имели свои аналоги

на многих планетах, но там, где мы сейчас ехали, все было по-другому.

Призыв накладывал на нас такие обязательства, что нам и в голову не приходило ослушаться его.

Мы ехали все дальше и дальше на север и поднимались все выше и выше. Здесь не было ни деревьев, ни кустарников, только небольшие участки, покрытые травой, уже убитой первым дыханием зимы, нарушили общее уныние камней.

Поистине, печальная местность. Я бывал на планетах, сожженных атомной войной в незапамятные времена, задолго до того, как мой народ вышел в космос. У каждого, кто видел те руины, сжималось сердце. Здесь же все выглядело еще более чуждым: бескочечное, безбрежное одиночество, отвергающее ту жизнь, которую мы знаем, обглоданные кости самого Иктора.

Тем не менее, жизнь здесь была. Пока мы все больше углублялись в дикую страну голого камня и песка, мы видели следы тех, кто прошел тут до нас — следы фургонов и верховых казов.

Мы были как оклодованные. Мы не разговаривали друг с другом, и у меня не было желания оглянуться на равнины, на то, что раньше казалось мне самым неотложным делом.

Наступала ночь. Время от времени мы спешивались, давали отдых казам и сами ели из запасов в седельных сумках, ходили из стороны в сторону, разминая ноги, а затем снова пускались в путь.

На рассвете мы проехали между двумя высокими утесами. Я подумал, что когда-то, на заре Икторианской истории, здесь было русло великой реки. Здесь были песок и гравий с валунами, но ничего живого. Даже обычного кустика высохшей травы.

Это речное русло выводило нас в громадную круглую чащу. Видимо, когда-то здесь было озеро.

Раньше здесь жили люди или какие-то другие разумные существа, так как в утесах, окружавших озеро, был целый ряд широких отверстий, обрамленных резьбой, теперь уже почти незаметной.

Сейчас в этом каменном жилище были обитатели, поскольку перед нами стояли фургоны, а в утреннем воздухе поднимался дым от костров. Тут же ходили казы, но людей не было видно.

Майлин подъехала к частоколу, сошла с каза и тут же расседлала его. Каз потряс головой, лег и с фырканьем стал кататься по песку. Мой каз сделал то же самое, как только я распрыг его.

— Пойдем,— обратилась ко мне Майлин впервые за эти часы.

Я положил седло и пошел через долину к южной части стены. Там был вход, раза в два больше остальных. Я подивился затейливой резьбе, но не мог понять, что было изображено, настолько она стерлась от времени.

Где же Тасса? Повсюду я видел только фургоны и казов. Я получил ответ на свой вопрос, лишь когда подошел к двери: оттуда доносился звук, который был чем-то большим, чем просто песня, он каким-то образом смешивался с движением воздуха — в нашем словаре нет еще слов, чтобы описать это. Я бессознательно уловил ритмы и тогда понял, что мне хорошо. Рядом со мной поднялся в песне голос Майлин.

Через тяжелый портал мы прошли в зал.

Там было светло от лунных ламп, висевших высоко над головой, и мы шли в лунном свете, хотя всего в нескольких шагах за дверью ярко светило солнце.

Тасса здесь было так много, что я не мог сосчитать. Перед нами и в самом центре зала находилось возвышение, и Майлин подошла к нему. Я неуверенно шел шага на два позади. Песня звучала в ушах, билась в крови, стала как бы частью нас.

Мы подошли к стальной платформе, на которую вели несколько ступенек. На платформе стояло четверо: двое мужчин и две женщины. Они были крепки телом, с живыми, блестящими глазами, но над ними была такая аура возраста, авторитета и мудрости, которая поднимала их над другими, как их теперешнее положение на платформе ставило их физически выше остальных.

Каждый из них держал жезл, но не такую относительно короткую палочку, как у Майлин: верхушка их жезла доходила до головы, а конец упирался в пол. Свет, сиявший на древках, соперничал со светом ламп и заставлял его бледнеть.

Майлин не стала подниматься по ступенькам, а остановилась возле них внизу.

Когда я нерешительно подошел и встал рядом, то увидел ее замкнутое, холодное лицо. Она продолжала петь.

Они все пели, и мне уже стало казаться, что мы не на твердом полу, а плывем в волнах звуков.

Мне казалось, что я вижу не Тасса, а каких-то духов. Я не видел их полностью, они были призраками того, чем могли бы быть.

Долго ли мы стояли так? Я по сей день не знаю и могу только догадываться о смысле того, что происходило. Я думаю, что своей объединенной волей они составляли некую силу, из которой черпали, сколько требовалось для их целей. Это очень неумелое объяснение того, к чему я невольно присоединился в этот день.

Песня умирала, слабела в серии рыдающих нот.

Теперь она несла с собой тяжкий груз печали, как будто вся личная скорбь старого-старого народа просочилась сквозь века, и каждая мельчайшая капля отчаяния хранилась для будущей пробы.

Эта последняя песня Тасса была не для посторонних ушей. Я мог носить тело Мэквэ и каким-то образом соответствовать путям Тасса, но все-таки я не был Мэквэ, и потому зажал уши — я не мог больше выносить эту песню. Слезы текли по моим щекам, из груди рвались рыдания, хотя люди вокруг меня не выражали никаких внешних признаков нестерпимого горя, которое они разделяли.

Один из четырех на возвышении качнул жезл и указал им на меня, и я больше ничего не слышал!

Я был освобожден от облака, которое не мог вынести. Так продолжалось, пока не кончилась песня.

Затем пошевелился второй старейшина в этом собрании и указал жезлом на Майлин.

Ее собственный символ власти сам собой вырвался из ее пальцев и полетел к большому жезлу, как железо к магниту.

Майлин вздохнула и протянула руку, как бы желая удержать его, но тут же опустила руки и застыла в неподвижности.

— Что ты скажешь в этом месте и времени, Певица?

Вопрос, прозвучавший также и в моей голове, не был высказан вслух, но был от этого не менее понятным.

— Дело было так... — начала Майлин.

Она рассказала все просто и ясно. Никто не перебивал ее, не комментировал наши невероятные испытания. Когда она кончила, женщина на помосте, чей жезл отнял палочку Майлин, сказала:

— И еще кое-что было в твоем уме, Певица: в твоем клане есть одна, испытавшая сердечный голод, и если подо-

бие того, о ком страдает ее сердце, вернется, возможно, это принесет ей облегчение.

— Это правильно? — спросил мужчина, стоявший справа от говорившей.

— Сначала я не думала об этом. Позже...

Рука Майлин поднялась и упала в слабом жесте покорности.

— Пусть та, кого это касается, выйдет вперед! — приказала женщина.

Движение в толпе — и вышла женщина.

Хотя я не силен в определении возраста Тасса, я сказал бы, что она была еще моложе Майлин. Она протянула Майлин руку, и их пальцы сцепились во взаимном приветствии и глубокой привязанности.

— Мейли, посмотри на этого мужчину. Тот ли это, кого ты оплакивала?

Она быстро повернулась и взглянула на меня.

На секунду в ее лице что-то появилось вроде пробуждения, глаза вспыхнули, как у человека, увидевшего чудо, затем глаза погасли, лицо затуманилось.

— Это не он,— прошептала она.

— И не может быть им! — резко сказала другая женщина на помосте.— Ты и сама это знаешь, Певица!

Ее резкость усилилась, когда она обратилась к Майлин:

— Уставные слова не могут измениться, Певица, ради личных причин, каковы бы они ни были. Ты давала клятву, и сама же ее нарушаешь.

Мужчина на возвышении поднял свой жезл и провел его светящейся верхушкой по воздуху между Майлин и остальными тремя старейшинами.

— Уставные слова,— повторил он.— Да, мы полагаемся на Уставные слова как на поддержку. А теперь мне кажется, что эта печальная спираль началась как раз из-за Уставных слов, Майлин.— Он один назвал ее по имени.— Первый раз она спасла этого человека, уплачивая долг.

В его голосе слышалось сострадание.

— За большую часть того, что случилось с тех пор, они тоже не ответственны. Поэтому мы обязаны сделать то, что она предполагала — вернуться с ним в Ирджар и исправить то, что было сделано ее властью.

— Она не может этого сделать,— сказала женщина с резким голосом.

Я слышал в ее голосе удовлетворение.

— Разве мы не слышали, что случилось с Майлин Певицей, если ее там увидят?

Майлин подняла голову и с явным удивлением посмотрела на нее.

— Что ты имеешь в виду, Древняя? Какая опасность грозит мне в Ирджаре?

— Инопланетники, которые зажгли пожары, убивали людей и выпустили барских войны, уверяли, что Майлин околдовала Озокана, сделала его сумасшедшим, и ее нужно убить. Многие этому верят.

— Инопланетники? Какие? И зачем?

Я вмешался вроде бы не в свое дело, оно касалось только Майлин и правительства ее народа. Но инопланетники? Причем тут они?

— Не твоего племени, сын мой,— сказал один из мужчин.— Это тот, который приходил к Майлин до всей этой истории и хотел сделать ее своим орудием, а также те, для кого он действовал. Похоже, что у тебя и твоего народа тот же сильный враг, который привел теперь войска на Иктор.

— Но если ты имеешь в виду людей Синдиката...

Я ничего не понимал.

— У меня нет личных врагов среди них. В давние времена наш род и их враждовали, это правда. Но в последние годы наши разногласия были отрегулированы. Это какое-то безумие!

Одна из женщин на платформе печально улыбнулась.

— Всякое убийство и война — безумие, будь то между человеком и человеком или между человеком и животными. Однако по каким-то причинам люди сражаются на равнинах и назначили цену за Майлин. Возможно, они боятся, что она слишком много о них знает. И ехать в Ирджар...

— Как, Майлин,— сказала девушка, стоявшая рука об руку с моей спутницей,— наверное, нельзя.

Старейшина задумался, а затем кивнул почти с сожалением.

— Сейчас самое время. Третье Кольцо уже начинает бледнеть, а только под ним можно по-настоящему обменяться Тасса с Тасса. У нас это сохраняется не более четырех дней.

— Наверное, надо,— сказал Мейли,— произвести обмен не здесь, а на холмах, на границе с равнинами.

Тогда четырех дней будет достаточно, чтобы съездить в Ирджар.

Майлин покачала головой.

— Лучше уж я пойду в своем теле, чем рискну твоим, сестра. Я сама плачу свои долги.

— Кто говорит, что ты не платишь? — возразила Мейли.— Я прошу только, чтобы ты следовала мудрости, а не глупости.

Мейли обратилась к вождю:

— Ты говорил, что Майлин имеет право довести эту авантюру до надлежащего конца. В Ирджаре знали, что Мэквэ и я были спутниками в жизни. Если мы пойдем вместе, кто нас в чем-нибудь заподозрит? Это самый лучший способ.

Наконец было решено, что ее план хороший. Меня не спрашивали. По правде сказать, я был занят мыслями об инопланетниках. По словам Майлин, Слэфид с самого начала был замешан в интригах Озокана и угрозах Майлин и Малику. Но ведь я знал, что он — всего-навсего младший офицер на корабле Синдиката. Зачем Синдикату война на Иикторе? В прошлом они устраивали такое на примитивных планетах — мы знали об этих кровавых историях — и ловили рыбку в мутной воде, когда обе воюющие стороны истощались. Но на Иикторе, насколько я знал, нет таких богатств, чтобы стоило идти на риск привлечь внимание Патруля.

Я ломал себе голову над этим, пока мы ехали обратно по своему следу. Ехали мы верхом — я, Майлин, Мейли и двое мужчин Тасса. И ехали с такой скоростью, на какую были способны животные. Через три дня тяжелой скачки мы добрались до укромного уголка у спуска на равнины и разбили там желаемый лагерь.

В эту ночь мы спали и на следующий день оставались там же, так как обмен между Майлин и Мейли требовал напряженных усилий и отдохнувших тел. Тем временем я пытался узнать, что мог, относительно инопланетников. Понимая всю заинтересованность, все обсуждали со мной этот вопрос, но никто не мог представить себе, по каким причинам Ииктор оказался мишенью для подобного вмешательства.

— Ты говорил о сокровищах, которых много и самых разных,— сказала Майлин.— Ты говорил, что вещь, стоящая в одном мире дороже человеческой жизни и свободы, в другом мире — ничто, детская игрушка. Я не знаю, что

у нас есть такого, что принесло нам бедствие со звезд.

— Я тоже не знаю,— сказал я.— Ничего нового и потрясающего на ярмарке не появилось. Все товары, которые были там, уже известны Свободным Торговцам. Мы, наверное, взяли на Икторе выгодный груз — иначе «Лидис» не ушел бы — но груз недорогой, не тот, который мог заставить Синдикат броситься в древний набег.

— Патен,— сказал один из Тасса своему товарищу,— когда мы снова поедем, нам, пожалуй, не придется говорить «это не наше дело, пусть равнинные жители сами разбираются», потому что весь наш мир может оказаться запутанным в это дело, и тогда это коснется и нас.

— В Ирджаре есть инопланетник-консул.

Я ухватился за последнюю надежду узнать, как и почему случилось все это.

— Он должен знать, хотя бы частично!

На вторую ночь заработала магия Тасса. На этот раз я в ней не участвовал, и меня послали ждать ту, которая выйдет из маленькой палатки, которую они поставили для своих действий.

Когда она вышла, одетая в плащ и готовая ехать, мы с ней отправились к равнинам. Остальные остались.

Признаки войны были заметны и здесь, и мы старались как можно меньше быть на виду. Я уже начал сомневаться, попадем ли мы вообще в Ирджар. Вполне возможно, что город в осаде.

Майлин, бывшая в теле Мейли, не разделяла моего пессимизма. Ирджар всегда был нейтральным городом, местом для встреч, даже когда ярмарка не работала.

Если восстание действительно спровоцировано инопланетниками, они первым делом постараются сохранить свободный доступ к космопорту. Войны на Икторе в основном проходили в набегах, быстрых атаках, а не в долгих осадах хорошо укрепленных фортов. От такой осады мало пользы, и особенно организованные объединения воинов быстро теряют терпение.

К счастью, нам не надо было ехать в окруженнную стеной часть города, так как дом консула стоял на краю площади порта, так что мы свернули на юг, оставив дорогу в Ирджар в стороне, и въехали в порт.

Там был всего один корабль — официальный курьер, и я заметил, что он стоит необычно близко к консульскому зданию. В остальном порт был абсолютно пуст. Они ехали

медленно, уставшие от двухдневной скачки. Наши казы чуть не падали от усталости, и нам нужны были новые, если нам — вернее, Майлин в образ Мейли — придется ехать снова. Если все пойдет хорошо, меня выгонят из Ирджара только на корабль.

Мы доехали до края поля без какого-либо оклика, и мне не нравилась тишина, ощущение, что жизнь существует только по ту сторону, в оставленном мире. Мы осторожно подъехали к воротам консульства, и там были остановлены, но не стражниками, а силовым полем. Видимо, оно окружало все здание.

Я приложил ладонь к переговорному устройству внешнего поста, хотя ладонь Тасса ничего не значила для замка, и сказал в микрофон, что у меня важное дело к Прайдо Алсею. Долгую, очень долгую минуту я думал, что либо войду в пустой офис, либо окажусь столь подозрительной фигурой, что скorchусь от удара луча.

Но затем экран осветился, я увидел лицо консула и знал, что он тоже меня видит.

Когда я заявил о своем деле, я говорил на языке Торговцев, и теперь консул смотрел на меня с удивлением. Он повернул голову и что-то сказал через плечо, а потом снова взглянул на меня.

— Что у вас за дело? — спросил он по-ирджарски.

— Важное, и именно к вам, Благородный Хомо, — ответил я на базике.

Видимо, он не поверил мне, потому что он не ответил. Но через несколько секунд отворилась дверь во внутренний двор, и консул появился там с двумя охранниками, да и силовой щит был надежной защитой против любого оружия, известного на Икторе.

— Кто вы?

Я решил сказать правду в надежде, что кажущаяся ложь разбудит его любопытство, и он позволит мне рассказать все.

— Я Крип Ворланд, помощник суперкарго, Свободный Торговец с «Лидиса»!

Он уставился на меня и сделал какой-то жест.

Один из стражников подошел к стене и на мгновение свет силового поля исчез.

Оба охранника направили на нас излучатели, как бы захватывая нас лучом. Мы въехали на наших шатавшихся казах во двор, и я услышал свист, как будто за нами задвинулся силовой экран.

— А теперь,— неторопливо сказал Алсей,— для разнообразия начните с правды.

Все, кто ходит по звездным переулкам, должны развить в себе способность принимать самые невероятные вещи, переходящие всякие границы достоверного.

Однако я думаю, что консул Ирджара нашел мой рассказ наиболее странным из всего, что он когда-либо слышал. Но хотя я выглядел Тасса, я выложил столько подробных деталей о Торговцах, что консул согласился, что такое мог знать только тот, кто служил на корабле Свободных Торговцев. Когда я закончил, он долго смотрел на меня и на Майлин.

— Я видел Крипа Ворланда,— сказал он.— Вернее то, что от него осталось, когда его принесли. А теперь появляетесь вы и рассказываете мне обо всем этом. Что вы хотите?

— Сообщить на «Лидис». Позвольте мне самому составить сообщение. Я могу указать детали, которые докажут, что я говорю правду.

Он сухо улыбнулся.

— Я дам вам разрешение, Ворланд, передать все, что вы захотите — если вы сможете.

— Как это — если сможете?

— Я, как вы могли угадать по моему приему, больше не являюсь свободным агентом на Икторе. Тут работает спутник-перехватчик на короткой орбите.

Он указал на потолок.

— Спутник-перехватчик! Но...

— Вот вам и «но»! Сто лет назад это было бы обычной, вполне приемлемой ситуацией, но в наше время это просто ошеломляет, правда? Корбург, Глава Синдиката, или какие-то агенты, представители этого Синдиката, высадились тут и уверены, что все в их руках. Прошлой ночью я хотел было добраться до курьера и предупредить, что здесь установлена блокировка, но не рискнул, так как видел и другие доказательства их безжалостных действий.

— Но чего они добиваются? — спросил я его.

Как он справедливо заметил, сто лет назад такое пиратство никого не удивляло, но сейчас! Патруль давно уже поубавил аппетиты крупных компаний и синдикатов, и за подобные действия строго взыскивалось.

— Что-то есть,— ответил Алсей,— но что именно — не вполне ясно. Итак, ваша проблема становится относительно малой — разумеется, не для вас. Дело в том...

Он замялся.

— Наверное, я не должен был бы рассказывать вам об этом, но вы должны быть готовы. Я видел ваше тело, когда оно вернулось сюда. Ваш врач не был уверен, что вы сможете лететь, и протестовал. «Лидис» получил частное предупреждение от местных купцов и согласился отвезти мое письмо на ближайший пост патруля. Потом, из разных намеков и слухов я понял, что «Лидис» стартовал как раз вовремя. Но вы — или ваше тело — возможно, не пережили взлета.

Я взглянул на свои руки, лежавшие на столе.

Длинные тонкие пальцы, кожа цвета слоновой кости — чужие руки, но они служили мне хорошо и слушаются моих команд. А что, если консул прав, если Крип Ворланд, взятый обратно на «Лидис», теперь мертв, положен в гроб по обычаям моего народа и будет вечно крутиться между звездами?

Рядом зашевелилась Майлин.

— Я должна ехать, — сказала она. Ее голос был слабым и очень усталым.

Я вспомнил, то обмен между Майлин и ее сестрой не может длиться долго. С каждой минутой опасность для них росла.

— Вы так и не узнали, чего хочет здесь Корбург?

— Тут многое. Недавние перемены в Совете, особенно потому, что они касались правительства некоторых внутренних планет. Этот мир может служить убежищем или базой — временно, конечно, но, возможно, необходимой для какого-нибудь вице-президента, которому не повезло в его бедном мире, здесь он может тренировать свою армию, а потом вернуться с ней домой.

Это звучало неправдоподобно, но консул был лучше меня подготовлен к угадыванию правды.

Ясно, что сейчас нечего и думать добраться до «Лидиса». Если капитан Фосс сумел попасть на ближайший пост Патруля, то пройдет некоторое время, прежде чем они объявятся на Иикторе. А с другой стороны, у Майлин остается очень мало времени. Нам лучше вернуться к ее народу и переждать войну.

Я попросил аппарат для звукозаписи и продиктовал письмо, по которому, как я надеялся, меня узнают на «Лидисе». Затем я сообщил Алсею, что собираюсь делать. и он одобрил мои планы.

Он снабдил нас свежими казами, правда, не такими выносливыми и привычными к горам, как те, которые везли нас в Ирджар. В сумерках мы выехали из порта. На этот раз нам не удалось остаться незамеченными: нас выследили, и только благодаря влиянию Майлин на казов, мы ушли от преследования.

Пение еще больше истощило Майлин, и она потребовала увеличить скорость, так как боялась упасть раньше, чем мы достигнем лагеря.

Под конец этой кошмарной скачки я пересадил Майлин на своего каза перед собой и поддерживал ее, потому что она больше не могла сидеть на своем казе. Выбившись из сил, мы въехали в овраг между двумя холмами, где остальные должны были ждать нас.

На земле валялась скомканная, разодранная палатка. Запутавшись в ее складках, лежал один из Тасса.

— Муистена!

Майлин вырвалась из моих рук и бросилась к нему. Она взяла его за голову обеими руками, глядываясь в неподвижное бледное лицо и прислушиваясь к его дыханию.

Весь перед его туники был в алых пятнах, однако он каким-то образом удержал последние капли жизненных сил до нашего приезда.

— Мейли,— раздался его мысленный шепот, хотя ни одного слова не вышло из помертвевших губ.— Ее увезли. Они думали, что это ты.

— Куда? — одновременно спросили мы.

— На восток...

Он многое сделал для нас, но это был конец.

Легкий вздох — и жизнь ушла из него.

Майлин взглянула на меня.

— Они искали меня. Они хотят моей смерти. Если они поверили, что теперь я в их руках...

— Мы поедем следом! — обещал я.— И будь что будет, но я сдержу свое слово.

Глава 19

Я увидел, как воля человека может заставить его перейти границы физических возможностей: Майлин, которую я вез почти на руках, проявила такую волю, выехав из разоренного лагеря.

Я закатал тело Тасса в лоскут палатки и огляделся в поисках следов другого нашего спутника.

— А где Патен?

Майлин уже сидела в седле, закрыв лицо руками.

— Он ушел вперед,— ответила она.

— Тоже пленником?

— Моя сила так быстро падает. Я не могу сказать.

Она уронила руки и взглянула на меня такими пустыми глазами, будто жизнь отлила от них.

— Привяжи меня. Я не знаю, смогу ли я ехать.

Я сделал то, что она просила, и мы выехали из оврага по следу налетчиков, которые не трудились скрывать его. Там было множество следов казов. Я подумал, что тут было не менее десятка всадников.

Мы ехали не по дороге, как раньше, а через холмы. Майлин не правила своим казом, но тот, тем не менее, вплотную следовал за моим. Она опять закрыла лицо руками, и я подумал, что она теперь скрылась и от физического, и от умственного мира, чтобы поддерживать связь, ведущую к цели.

Ночь сменилась днем, и мы обнаружили место привала, где зора была еще горячей. Голова Майлин опустилась, руки бессильно повисли, она тяжело дышала и поднялась только по моему настоянию. Я влил ей в рот воды и увидел, как ей трудно и больно глотать. Она выпила совсем немного.

Странно было видеть ее такой покорной, когда я привык ее считать одаренной сверхчеловеческой властью. Ее полузакрытые глаза остановились на мне после того, как я напоил ее, и в них было знание.

— Мейли все еще жива. Они везут ее к какому-то верховному лорду,— еле слышно прошептала она.

— А Патен?

Я надеялся, что другому Тассу удалось избежать смерти или плена, и что он сможет присоединиться к ним в слабой попытке освободить тело Майлин от захватчиков.

— Он... ушел.

— Умер?

— Нет. Он ушел здесь... звать...

Ее голова снова упала на грудь, стройное тело качалось в ремнях, которые держали ее в седле.

Я не стал поднимать ее. Я стоял в пустом лагере врага и думал, что теперь делать. Майлин явно не может

продолжать путь, а ехать одному — глупо. Но и бросить след — я тоже не мог.

— Ах...

Не то вздох, не то тихое пение послышалось со стороны Майлайн. Я подскочил к ней. Этот звук выходил из ее губ, но она еще не вышла из оцепенения.

В кустах зашуршало. Я быстро обернулся и неуклюже выхватил нож Тасса — я не привык к этому оружию. Из кустарника, еще сохранившего листья, появилось животное.

Первый зверь, высунувший клыкастую морду из кустов, вовсе не был похож на других. Тут были Борба и Ворс, похожая на них Тантала, были похожие на Симлу — в общем великое множество различных зверей!

Животное, которое вело это молчаливое, целеустремленное воинство, было новым для меня: длинное, гибкое тело, грациозные кошачьи движения, остроухая голова и глаза, светившиеся человеческим разумом!

— Что это? Кто это? — встретил я появление его вопросом.

— Патен!

— А другие тоже Тасса, или кто-то из тех, кого отпустила Майлайн? Или, может, компании других хозяев и хозяек?

— И те, и другие, — ответил Патен.

Он мягко прыгнул к казу Майлайн, встал на задние лапы и посмотрел на нее.

— Ах-х-х, — снова протянула она.

Она не открывала глаз и не глядела на Патена и компанию. Это была именно компания, а не воинство!

Снова шелест веток, новые головы. На меня смотрели суженные глаза животных.

— Она не может ехать дальше, — сказал я Патену.

Мохнатая голова повернулась, круглые глаза встретились с моими.

— Она должна!

Он схватил зубами один из ремней, которыми она была привязана, и резко дернул.

— Это удержит. Она обязана ехать!

Если он и дал своей армии какую-нибудь команду, я ее не слышал, но они хлынули потоком мимо Майлайн к западу и исчезли. Не знаю, сколько их было, но во всяком случае много больше, чем я когда-либо видел. Кошка-Патен пошел перед нами, и мы поехали.

Я старался держаться рядом с Майлин, чтобы поддержать ее, если понадобится. Она наклонилась вперед и почти легла на шею каза, полностью забыв о нем и о дороге.

Животные появлялись и исчезали, временами они побегали и смотрели на Майлин и на Патена. Я был уверен, что они приносили сообщения, но никакой информации не мог уловить.

Мы быстро ехали к холмам, и дорога привела нас не к ущелью, а к крутыму подъему. Я спешился и пошел рядом с Майлин. Здесь не было признака какой-либо тропы, и мы некоторое время потихоньку двигались по острому гребню. Я не поднимал глаз от своих ног, чтобы не закружилась голова.

Наконец мы вышли на ровное пространство.

Здесь шел снег, и тонкие его хлопья жалили мне ноздри, яркими точками сверкали в воздухе. На равнинах еще стояла осень, а здесь зима уже пригладила землю. Я плотнее запахнул плащ на Майлин, она зашевелилась под моей рукой.

Я почувствовал, как пробегает дрожь по ее тонкому телу, слышал ее тяжелое дыхание, затем крик. Она оттолкнула мою руку, села. Затем посмотрела на меня, на скалы, на снег сначала диким невидящим взглядом, а потом узнавая все.

— Майлин! — пронзительно крикнула она.

Ей ответило эхо и низкий рык животного с глазами Патена. Она сразу же прижала руки к губам, как бы желая задушить свой крик.

Только что усталая и беспомощная, она теперь сидела прямо, как будто в нее вливались новые силы. На ее щеках даже появился нежный румянец, более яркий, чем я когда-либо видел у нее.

Майлин? Теперь мне было ясно, что это не Майлин. Мейли вернулась в свое тело.

Прежде чем я успел высказать это или спросить, она кивнула.

Мейли.

Это я и сам угадал. Время Майлин кончилось, обмен совершился без всякой церемонии и без внешних признаков.

— А Майлин? — спросили мы с Патеном — я вслух, а он мысленно.

— С нами.

Она вздрогнула, и я знал, что не от холода, хотя дул морозный ветер.

Она обвела глазами пики гор, как будто искала ориентиры, а затем показала на один из пиков направо.

— Их лагерь там, на дальнем склоне.

— Надолго? — спросил Патен.

— Не знаю. Они ждут кого-то или какое-то распоряжение. Они держат Майлин по приказу начальника. Я не знаю, кто он. Не думаю, что у нее много времени в запасе.

Патен снова зарычал и исчез, блеснув красновато-серым мехом, и я знал, что все те, кого он призвал в свой необычный отряд, помчались за ним. Мейли взглянула на меня.

— Я не Певица. У меня нет власти, которая могла бы помочь нам сейчас. Я могу быть только проводником.

Она погнала каза вслед за Патеном, и я поехал за ней. В эти минуты я хотел бы снова оказаться в теле барска и бежать за воином Тасса. Бег уверенно ступавшего животного в этом лабиринте скал и обрывов, был бы куда быстрее, чем наши осторожные шаги. Меня подгоняло нетерпение, я еле сдерживался, чтобы не обогнать Мейли.

Она несколько раз бросала на меня быстрый взгляд и тут же отводила его, как будто искала что-то, и каждый раз убеждалась, что этого нет.

Я угадал, что именно привлекало, а затем отталкивало ее.

— Я не Мэквэ.

— Нет. Глаза могут обмануть, они — ворота для иллюзии. Ты не Мэквэ. Однако, сейчас я рада, что ты носишь то, что принадлежало ему. Майлин попала в спираль, не соответствующую ее вращению, сердце не один раз предавало мозг.

Я не понял ее слов, да это и не имело значения, потому что я знал только одно: пусть я Тасса только по внешности, но никуда не сверну с дороги, лежащей сейчас перед ними.

Я спрашивал себя, был ли я все еще Крипом Ворландом, не скрывая сомнений.

Когда я жил в теле Джорта-барска, случалось, что человек терялся перед животным. Теперь я тоже мог соединиться с тем, что оставалось от Мэквэ в его оболочке. А если я снова вернусь в тело Крипа Ворланда — на что

теперь мало надежды — стану ли я только Крипом Ворландом?

— Зачем им нужна Майлин, и как они нашли вас?

— Они не случайно нашли нас, а выследили, но как именно, не знаю. Зачем им Майлин — тоже трудно сказать. Я слышал, что они хотят возложить на нее вину за то, что с ними случилось. Я думаю, что они собираются как-то воспользоваться ею, чтобы склонить Осколда на свою сторону и открыть какую-то дверь в западные земли, где он может стать верховным лордом. Тем, кто ее держит, дан приказ только держать, и больше ничего. Решать будет тот, кого ждут.

Мы поднимались, спускались и опять поднимались по бездорожью, но где казы все-таки могли поставить ноги. Мы были под тенью пика, на который указывала Мейли. Вокруг было тихо, не было ни одного животного из той армии, которая маршировала с нами, если не считать четких подписей — отпечатков лап то тут, то там.

Мейли спрыгнула с седла.

— Казы дальше не пройдут. Отсюда мы пойдем сами.

Путь был крутым и опасным. Временами мы почти висели, удерживаясь только кончиками пальцев и ног, но все-таки дюйм за дюймом продвигались вперед. Мы обогнули скалу и вышли на другую сторону.

Снегопад прекратился, но сменился морозом, щипавшим легкие при каждом воздухе. Мы вошли в нишу и взглянули вниз, в красноватую бездну у подножия восточных холмов страны Осколда.

Наступила ночь. Я жалел, что у меня нет глаз Джорта, чтобы видеть в темноте.

Земля была такой же жесткой и шероховатой, как и пещера, где мы укрылись.

Спускаться в темноте было рискованно, но медлить мы не могли. Мейли показала:

— Там!

Ни палаток, ни фургонов, только костер. Видимо, там не боялись привлечь внимание. Я пытался определить место на склоне, где мог находиться их пикет разведчиков. Мелькнула тень...

Прикосновение к мозгу — это прибежал Борба.

— Иди...

Он качнул головой, показывая тропинку, и мы побрали за ним следом, стараясь как можно меньше шуметь. Из кустов высовывалась рука ладонью вверх, с совершенно

неподвижными пальцами. Борба оскалил зубы, зарычал и прошел мимо высывающейся руки и того, что лежало за ней.

Наконец мы спустились со скалы на землю. Отсюда нам не был виден маяк лагерного костра, пришлось положиться на мохнатого проводника. У меня больше не было обоняния Джорта, но, возможно, нос Тасса устроен лучше, чем нос моей расы: я улавливал запах животных и мог сказать, что армия Патена залегла здесь в ожидании. Затем, как из-под земли, выросло животное покрупнее. И я уловил мысли Тасса:

— В лагерь идет отряд. Торопись!

Мы пошли в тень скалы. Огонь костра поднимался выше, давая больше света: двое мужчин энергично подбрасывали в костер топливо. Я насчитал восемь человек в поле зрения. Все они, по-моему, были копией присягнувшего-на-мече, которого я видел в Ирджаре. Эмблемы на их плащах я не смог разглядеть.

— Чьи? — послал я мысль Патену.

— Люди Осколда — тот, тот и тот.

Он указал на троих.

— Остальные... Я никогда не видел этой эмблемы.

Резкий отчетливый звук горна оборвал разговоры в лагере. Секунда молчания — затем приветственные крики.

— Где Майлин?

— Там, — ответила Мейли.

В свете костра неподвижно лежало то, что я принял за сверток одеяла.

— Они боятся ее, боятся взглянуть ей в глаза. Они укутали ее плащами, чтобы она не обратила их в животных. Они говорят, что не только она, а все мы можем это сделать.

Я не слышал рычания Патена, но чувствовал вибрацию мохнатого плеча, прижавшегося ко мне.

— Не можем ли мы подобраться к ней... — начал я. Но тут на свет костра вышел второй отряд.

На плащах и шлемах сверкал иискрился орнамент. Предводитель был заметно старше остальных.

— Осколд, — опознал его Патен.

До нас донеслись голоса, но слов чужого неизвестного языка я не понимал и попытался опознать эмоции. Торжественность, удовлетворение, злоба. Да, эмоции легче понять, чем слова.

Один из тех, кто занимался костром, схватил узел с Майлин и потянул вправо, другой выступил вперед, взялся за ту часть плаща, которая покрывала ее голову и плечи, и сдернул. Ее серебряные волосы оказались на свободе. Гордо подняв голову, она стояла перед Осколдом.

— Берегись, лорд, она превратит тебя в зверя! — крикнул один из спутников Осколда.

Он схватил его за локоть и оттаскивал назад. Его мысль была так интенсивна, что я мог прочесть ее.

Осколд засмеялся. Его рука в перчатке, усиленной кастетом с металлическими шипами, размахнулась и ударила Майлин в лицо. Майлин упала.

Так Осколд дал нам сигнал. Как только Майлин упала, из темноты выпрыгнули тени. Они рычали, визжали, выли и рвали. Я услышал крики людей, вопли животных и бросился к Майлин.

Я не мастер меча, и мой нож был для меня плохим оружием, но я снова почувствовал в себе ярость Джорта, в мозгу вспыхнул красный занавес, закрывающий мысли и оставивший мне только одну цель.

Так было, когда я гнался за Озоканом и его людьми...

Она не шевельнулась под моей рукой, в ней не было жизни, лицо было обращено к небу — розовое месиво из костей и мяса.

Я наклонился над ней и зарычал, как те мохнатые существа, которые сражались рядом.

Как было с отщепенцами, убившими Малика и разорившими наш лагерь, так случилось теперь и с этими. Их охватил дикий ужас от такого способа ведения войны, человеческий ум не мог постичь его.

Волны животных обрушились на них.

Некоторые от страха лишились присутствия духа, хотя они были бойцами, другие сопротивлялись, убивали, третья отступали, но животные преследовали их, сбивали с ног и убивали.

В этой вражеской группе для меня существовал только один, и я пошел на него, сжимая в руке нож. Несмотря на внезапность нашего нападения, один из охранников Осколда держался рядом с ним, ограждая его одним щитом от напора двух вензесс, которые прыгали и снова отскакивали, выжидая удобного момента.

Споткнувшись о чье-то тело, я упал вперед, чуть не угодив в костер. Мои руки упали на лучемет — вещь,

которую я никак не предполагал найти здесь, но который улегся в моей ладони так же привычно, как разношенная перчатка. Я даже не стал вставать, а лежа нажал кнопку оружия, которое не имело права быть здесь.

Его луч пронесся опалявшим глаза огнем.

Никакой щит не мог устоять против него, не только человек! Я хотел, чтобы Осколд почувствовал на себе мои руки, но я держал то, что послала мне судьба, и воспользовался инопланетным оружием.

Раз... два... Осколд, наверное, уже упал, но там были другие его товарищи.

Шипение — луч умер. Кончился заряд.

Я швырнул лучемет в костер и бросился назад, к Майлин.

Ее глаза над ужасающей раной были теперь открытыми. Она увидела меня и узнала — в этом я был уверен. Я поднял ее и отнес к скале, где была Мейли. Я слегка пошатывался и вынужден был прислониться к холодному камню.

Мейли была все еще там. Она не дотронулась до того бедного свертка, который я держал, а только положила руку мне на плечо. Потом силы перелились от нее ко мне.

Это была битва, здесь сражались и умирали люди и животные. Для меня она была таким кошмаром, что я даже не помню деталей. Наконец все успокоилось, и мы снова пошли к костру. Все выглядело, как наша победа, но вполне могло оказаться и поражением.

Я положил Майлин на платье Мейли, которое она расстелила. Майлин все еще смотрела на меня, на Мейли, на животных, подошедших к ней, на оставшегося пока кошкой Патена, у которого была рана в боку. Но мысли Майлин не доходили до меня. Только ее глаза говорили, что она жива.

Внезапно я почувствовал, что не могу ни на кого смотреть, встал и пошел куда глаза глядят, спотыкаясь о мертвцев.

Кто-то пошел за мной и, подпрыгнув, схватил зубами мою болтавшуюся руку. Я взглянул — это был Борба.

Из его разорванного уха капала кровь, но неустрашимые глаза пристально смотрели на меня.

— Иди...

Ничто уже теперь не имело значения, и я пошел за ним. Мы пробрались через кусты и подошли к линии казов. Кто-то двинулся впереди, раненый. Борба зашипел и

потянул меня за руку, понуждая идти туда. Фигура, нащупывая поводья, повернулась ко мне. В темноте я не мог разглядеть лица, но понял, что это беглец из лагеря. Я бросился на него. Он упал под моим весом, но попытался сопротивляться.

Я нанес ему такой удар, что моя тонкая рука Тасса онемела. Но и человек подо мной больше не шевелился. Я схватил его за воротник и потащил на освещенное место.

— Крип Ворланд! — донесся до меня призыв.

Я бросил своего бесчувственного пленника и побежал к тем троим, которые ждали меня. Патен лежал, положив голову на колени Мейли, а Майлин... Я не мог собраться с духом и взглянуть на нее. Но ведь она призывала меня! Я опустился на колени и взял ее руки в свои. Ее руки не ответили мне пожатием. Жили только ее глаза.

Рядом с ней кто-то шевелился и скулил — Варс или еще кто-нибудь из той же породы.

Мейли пошевелилась. Патен поднял голову.

Было светло от костра, но над нами висела луна. Ее три кольца, которые были такими яркими, такими отчетливыми в начале нашего безумного приключения, теперь затуманились. Видимо, скоро они исчезнут.

— Луна! Патен, луна!

Ее руки были совсем холодными, и не было ничего, что могло бы согреть их теперь.

Голова Патена поднялась. Из его горла вырвался громкий звук, но это не было звериным рычанием, это было пение, которое входило в мою голову, в кровь, проходило через меня.

Мейли подхватила песню, она не могла быть запевалой, но вторить могла. Глаза Майлин были прикованы к моим, она старалась найти что-то, прикоснуться к той части моего теперешнего мозга, о котором Крип Ворланд ничего не знал. Я, кажется, тоже запел, хотя не особенно в этом уверен. Мы сидели в легком тумане угасавших лучей Лунных Колец и песней помогали Майлин выйти из смерти в новую жизнь...

Когда я снова обрел полное сознание окружающего, в моих руках были руки оболочки, которую покинул дух. На сгибе моего локтя лежала теплая, маленькая мохнатая голова. Я выпустил руки смерти, чтобы прижать к себе тепло и жизнь.

Пленник, захваченный мною у линии казов, смотрел на меня, когда мы привели его в чувство, но, конечно, не узнавал.

Зато я его узнал.

Он мало изменился с того дня, когда он внушил мне мысль встретиться с Майлин. Гек Слэфид.

Он пытался торговаться с нами — это с Тасса-то! Такой глупости я от него не ожидал — разве что мой способ брать в плен временно лишил его разума. Затем он стал угрожать, рассказывая, что случится со всеми Тасса, если его немедленно не отпустят, и намекал на тех, кто стоял за ним. Тут, видимо, его тоже подгонял страх. Но мы услышали достаточно для того, чтобы я смог угадать остальное...

Алсей попал в точку относительно начала всего этого. К Ииктору уже не первый раз приглядывались те, кто нуждался в примитивной планете как в базе и складе боеприпасов. Корбург так глубоко увяз в политической игре, что мог утонуть, если эти исследователи не помогут ему.

Они считали, что Тасса представляют угрозу, и поэтому планировали организовать против них великий крестовый поход.

Предполагалось объединить лордов и армию под одним вождем, чтобы можно было отправлять эту армию туда, куда потребуется.

Однако старинная вражда и соперничество между лордами затрудняли работу, и поэтому было решено воспользоваться столкновением Майлин с Озоканом и подхлестнуть этот крестовый поход.

Кто знает, к чему это могло привести?

Но сейчас Гек Слэфид выбыл из игры, и я был уверен, что сознание этого разъедало его, и он без устали бормотал, отказываясь признавать крушение своих честолюбивых планов.

Мы взяли его с собой в ту странную долину на дне бывшего озера. Там мы все стояли перед Древними. На Слэфида они почти не потратили времени, а отдали его мне, чтобы я отвез его в порт и поставил перед судом его собственного народа. Они знали, что он моей крови и поэтому должен быть под моей ответственностью.

Затем они судили Майлин по своим законам.

Мне не позволили ни спрашивать, ни говорить и дали понять, что только из любезности разрешают мне присутствовать.

Когда я уезжал оттуда, со мной поехал отряд Тасса. Я вез с собой мохнатое существо. Нет, не Ворс, а другое.

Таков был их приговор — она остается в теле, добровольно отданном ей той, которая любила ее, и будет жить в нем до тех пор, пока Луна и звезда не встанут в благоприятное для нее положение, согласно каким-то неясным подсчетам Древних. И это время она должна быть со мной, поскольку, как они сказали, я был ее жертвой — с чем я не был согласен.

Мы привезли Слэфида, впавшего теперь в мрачное молчание, в Ирджар. Здесь ему пришлось заговорить — с офицерами Патруля, которые приехали по письму, доставленному «Лидисом».

Так кончилась эта инопланетная авантюра — по крайней мере в том, что касалось Иниктора. Планета осталась зализывать раны и наводить хоть какой-то порядок в хаосе.

И вот я сидел с капитаном Фоссом и остальными с «Лидиса» и поглядывал в зеркало, висевшее на стене жилой комнаты консула. Там я видел Тасса. Но в теле Тасса был, может, изменившийся, но все-таки Крип Ворланд. Пути Тасса — не мои пути, я не был настоящим Тасса и не мог жить их жизнью. Они открыли бы для меня свои фургоны и палатки. Патен, снова приняв человеческий облик, приглашал меня в свой клан, но среди них я был бы кем-то вроде хромого, однорукого и одноглазого калеки.

Все это я рассказал Фоссу, но, по нашему обычаю, решение принадлежало не только ему, но и всей команде. Ведь пустая скорлупа от Кипа Ворланда, увезенная с Иниктора, «умерла» и была выброшена в космос. Теперь я ждал, сочтут ли Крипа Ворланда действительно умершим или позволят ему вернуться к жизни.

— Свободный Торговец, — задумчиво сказал Фосс, — я видел за свою жизнь много вещей и много обменов в разных мирах, но впервые вижу обмен телами. Ты сказал, что эти самые Тасса смотрят на свою внешность, на мясо и кости, как мы смотрим на одежду, и могут сменить ее в случае необходимости. Это остается в силе и для тебя?

Я покачал головой.

— С моим собственным телом — да, но не с другими. Я Тасса только по виду, но не по власти. Я останусь таким, каким вы меня видите.

— Вот и хорошо!

Лидж удариł ладонью по столу.

— Раньше ты знал свое дело, делай его и в другом теле.
Ну как, ребята, согласны?

Он взглянул на Фосса и остальных.

Я почти прочел их вердикт еще до того, как услышал его. По правде сказать, внутренне я сомневался, имею ли я право просить о возвращении на «Лидис», ведь во мне была какая-то часть Джорта и Мэквэ. Возможно, я получил не только тело. Возможно, у меня есть и еще кое-что. Но если они меня считают Крипом Ворландом, я постараюсь им стать.

Джорт и Мэквэ ничто по сравнению с тем, чего ждали от меня. Я — Крип Ворланд, Торговец, вот и все.

Но я увез с Ииктора не только другое тело. Мою кабину и мои мысли делит маленькая мохнатая особа. Я часто вижу ее не такой, какая она сейчас, а какой она была. Она пришла по своей воле и по воле Тасса.

Время между звездами растягивается, и судьба поворачивается то хорошей, то дурной стороной.

Есть сокровище и сокровища. Может, одно из них попадет в наши руки и лапки, и у нас будет свой корабль, и мы с компанией маленького народа пойдем по звездным трассам. Как знать?

Я — Крип Ворланд с «Лидиса», и все уже забыли, что я раньше выглядел по-другому. Но я не забыл, кто живет в шкуре Ворса и в один прекрасный день пойдет на двух ногах. Мы снова увидим Ииктор, и если он будет тогда под Луной Трех Колец — кто знает, что может случиться?

СОДЕРЖАНИЕ

**Роберт Хайнлайн
ПОВЕЛИТЕЛИ МАРИОНЕТОК
Стр. 3**

**Эндрю Нортон
ЛУНА ТРЕХ КОЛЕЦ
Стр. 231**

Сдано в набор 7.04.92. Подписано в печать 7.08.92. Формат 84×108/32.
Бум. кн.-журн. Гарнитура Тип-таймс. Печать офсетная. Печ. лист. 13,5
Тираж 100.000 экз. Заказ 2119.
443086, г. Самара, проспект Карла Маркса, 201.
Издательство «Самарский Дом печати».

Издательства «АГРА» и «ИНРЕЗЕРВ» выпускают серию книг, написанных в жанре остросюжетной фантастики. В сериал включены неиздававшиеся ранее фантастические произведения лучших зарубежных фантастов. В серии, озаглавленной «Фантастический боевик», выходящей в едином оформлении, готовятся к печати книги следующих фантастов:

П. АНДЕРСОНА,
Э. БЕРРОУЗА,
Э. НОРТОНА,
У. ЛЕ ГУИН,
М. МУРКОКА,
Д. ЛУКАСА,
Р. ХАЙНЛАЙНА,
Г. ДИКСОНА,
Г. КАТТЕРА,
Л. БРЕКЕТА,
Э. ГАМИЛЬТОНА,
К. ЛАУМЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «А Г Р А»

приглашает к сотрудничеству и деловому партнерству все заинтересованные предприятия.

Мы заинтересованы в приобретении бумаги, картона и других полиграфических материалов.

Готовы рассмотреть предложения от типографий по размещению в них своих заказов.

Интересуемся сотрудничеством с предприятиями, занимающимися сбытом книжной продукции.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «А Г Р А»

принимает заказы на изготовление оригинал-макетов и макетов красочных обложек для ваших книг.

Предлагает готовые макеты популярных произведений.

Рассмотрит ваши предложения по выпуску совместных изданий.

Контактный телефон издательства:
(095) 205-79-15

ИЗДАТЕЛЬСТВО «А Г Р А»

готово разместить вашу рекламу в своих изда-
ниях.

Реклама в наших книгах — это:

- минимальные цены,
- максимальная эффективность,
- быстрота выхода в свет.

Разместив рекламу в наших книгах вы выйдете на огромную аудиторию деловых партнеров.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «А Г Р А»

готово осуществить выпуск рекламной продукции: проспекты, буклеты, календари, плакаты...

К вашим услугам:

- высокопрофессиональные художники и дизайнеры,
- отличная полиграфия.

Контактный телефон издательства
(095) 205-79-15

БРОКЕРСКАЯ КОНТОРА «А Г Р А»

готова представлять ваши интересы на бирже «Российская бумага».

Опытные брокеры окажут вам квалифицированную помощь в купле и продаже товаров на книжной секции биржи, а также предоставят информацию о конъюнктуре и ценах на интересующую вас продукцию.

Контактный телефон: (095) 205-79-15

НПО «П О Л Е Т»

лидер в области создания СВЧ-установок народно-хозяйственного применения и представления инженерных услуг в различных областях науки и техники.

ПРЕДЛАГАЕТ СВЧ-УСТАНОВКИ ДЛЯ

- сушки древесины и сельскохозяйственной продукции,
- стерилизации пищевых продуктов и консервов,

Контактный телефон объединения (095) 268-84-19

НПО «П О Л Е Т» ПРИГЛАШАЕТ

инициативных людей и творческие коллективы для сотрудничества в любых областях науки, техники и коммерции. Специалистам предприятий ВПК могут быть предоставлены условия для работы с документами.

Контактный телефон объединения: (095) 268-84-19

Если при создании новой техники у вас возникли проблемы с оценкой электромагнитной совместимости, надежности и электромагнитной безопасности

ОБРАЩАЙТЕСЬ В НПО «ПОЛЕТ»

и наши специалисты придут к вам на помощь.

Контактный телефон объединения: (095) 268-84-19

КОСМИЧЕСКИЕ ОВОРОТНИ

